АНТИОРГАЗМ

Феминистская перспектива на революцию сексуальности

Шейла Джеффрис

1990

Перевод: Female city (t.me/Female_city)

Вычитка и верстка: Маргарита Р. (t.me/m_ascending)

Оглавление

Благодарности 2
Введение 3
1. Пятидесятые годы 6
2. Отмена цензуры 49
3. Революция сексуальности 77
4. Провал движения за освобождение геев 122
5. Феминизм и сексуальность 191
6. Создание будущего сексуальности 242
Рекомендуемая литература 269
Цитируемые работы 270

Благодарности

Я хотела бы поблагодарить моих подруг за заботу и привязанность, с которыми они помогали мне на протяжении четырех лет написания «Антиоргазма». Многое из того, что мне пришлось читать и с чем работать, было удручающим, требования моей преподавательской работы и политические кризисы часто вмешивались, и мне требовалась большая поддержка. В частности, я хотела бы поблагодарить Аликс Адамс и Черри Поттс, Розмари Ошмути, Элейн Миллер, Маргарет Джексон, Лиз Уайтлоу, Дженис Рэймонд. Новые подруги, такие как Тришар Батчер и Трейси Кеннеди, помогали мне сосредоточиться на том, почему все это должно быть сделано. В прошлом я полагалась на них, когда мне приходилось защищаться от пращей и стрел возмущенных половых либертарианцев, и я знаю, что смогу сделать это в будущем. Работы таких ученых феминисток и лесбиянок, как Сюзанна Каппелер, Сара Люсия Хоугланд, Селия Китцингер, Дженис Рэймонд, а также многих других лесбийских и сепаратистских мыслительниц, вдохновляли меня на протяжении всей моей деятельности.

Я благодарна Синтии Энло и Лоис Брайнс, которые пригласили меня стать стипендиаткой Fullbright в области женских исследований в Университете Кларка в 1985-86 годах. Это дало мне время подумать о моем проекте, и обучение замечательных студенток, в частности Стефани Улухогиан и Моники Шнайдер, придало мне поддержки и значительной ясности.

Я хотела бы поблагодарить Джилл Хэнскомб за ее вдохновляющую редакторскую работу и веру в проект, Джен Грин из Women's Press за то, что она сделала весь процесс публикации безболезненным, и Мэгги Кристи за индексацию.

Введение

Историкессы сексуальности рассматривают «Революцию сексуальности» 1960-х годов как очень позитивное событие для женщин. Они принимают сексологическую точку зрения, что «половое освобождение», предложенное этой предполагаемой революцией, было необходимым компонентом освобождения женщин. Это «половое освобождение» было свободой для женщин получать удовольствие от собственного эротизированного подчинения. Сексологичность, как призвана показать эта книга, заключается в идее, что половой акт является и должен быть способом выражения и поддержания мужского господства и женского подчинения. Сексологи двадцатого века были первосвященниками, организовавшими поклонение мужской силе.

«Антиоргазм» использует совершенно другой подход к Революции сексуальности. В своей первой книге «Старая дева и ее враги» я показала, как сексологини до Второй мировой войны верили, что они обеспечат подчинение женщин, вызывая половую реакцию у мужчин (Sheila Jeffreys, The Spinster and Her Enemies: Feminism and Sexuality 1880-1930, 1985). Считалось, что принудительный призыв к гетеросексуальности и достижение оргазма с мужчиной обеспечивали подчинение женщины мужу и смерть феминизма, лесбийства, ненависти к мужчинам и образ жизни старой девы. Фрейдистский психоаналитик 1920-х годов ясно дал это понять, когда написал: «Быть возбужденным мужчиной — значит признать себя покоренным» (Wilhelm Stekel, Frigidity in Woman in Relation to her Love Life, 1926). На протяжении всей истории сексологии в центре внимания была сопротивляющаяся женщина. Подстрекательство женщин к половому влечению к мужчинам продолжалось и после Второй мировой войны. Это становится ясно при рассмотрении политики пола в 1940-х и 50-х годах, когда будущее брака с доминированием мужчины зависело от излечения женской фригидности. В то время сексологини не проявляли никакого смущения, утверждая связь между половой реакцией женщины и ее подчинением.

В 1960-х годах женщинам было предписано возбуждаться в более разнообразных позициях и ситуациях, а одинокие женщины были призваны к активному гетеросексуальному половому акту. Речи об освобождении были настолько громкими в связи с новыми половыми предписаниями для женщин, что комментаторки предположили некоторую очевидную связь между Революцией сексуальности и прогрессом в положении женщин. Нет никаких веских оснований полагать, что сексологи изменили тактику и начали верить, вопреки всем своим предыдущим идеям, что половая реакция женщин на мужчин действительно освободит женщин. Как мы увидим, правила сексологии остались неизменными. За чепухой про освобождение разыгрывалась неприкрытая политика власти мужского превосходства. Первосвященники сексологии, которым помогали порнографы, прогрессивные романисты и секс-радикалы, продолжали организовывать радостное

принятие женщиной своего угнетения посредством создания ее половой реакции. Сексологи на протяжении ста лет посвящали свою жизнь вызыванию оргазмов у женщин с целью предотвратить наше освобождение. 1960-е годы были периодом, когда женщинам были открыты большие возможности, а Революция сексуальности, вместо того чтобы освобождать, помогла обезвредить потенциальную угрозу мужской власти.

«Антиоргазм» — это исследование работ сексологов и терапевтов, порнографов, романистов и секс-радикалов, принимавших участие в формировании гетеросексуального влечения в период после Второй мировой войны. Их взгляды на секс и женщин будут тщательно изучены, чтобы можно было ясно понять политическую функцию полового акта в поддержании угнетения женщин.

Гетеросексуальное желание определяется здесь как половое желание, которое эротизирует разницу во власти. Оно берет начало в отношениях власти между полами и обычно принимает форму эротизации подчинения женщин. В гетеросексуальном желании наше подчинение становится сексуальным для нас и для мужчин. Гетеросексуальное желание может существовать также в однополых отношениях, потому что женщины и мужчины не избегают гетеросексуальной конструкции своего желания просто любя свой собственный пол. Мы все вырастаем в политической системе гетеросексуальности. Большой раздел «Антиоргазма» посвящен демонстрации того, в какой степени эротизация разницы во власти доминирует в гей-культуре и половом поведении.

Также рассматриваются способы, которыми феминистские идеи о сексуальности развивались в последней волне феминизма. Очевидно, что феминистки находились под влиянием сексологии в конце 1960-х и начале 1970-х годов. Феминистский анализ мужского насилия и порнографии привел к гораздо более критическому и менее праздничному подходу к «половому освобождению». В ответ развилась либертарианская реакция, женщины, вдохновленные сексологией и идеями геев теоретиков, критиковали феминисток как ханжей и пуританок за их неспособность принять половое освобождение, сконструированное мужчинами. В книге «Старая дева и ее враги» я показала, как аналогичное лобби половых прогрессистов атаковало феминисток, выступающих против унизительной мужской половой практики, в очень похожих выражениях до и после Первой мировой войны. В обеих волнах феминизма половой акт рассматривался как играющий центральную роль в угнетении женщин. В обеих волнах феминизма мужчины-апостолы полового освобождения – психоаналитики, гинекологи, секс-радикалы, теоретики геи – реагировали с яростью и презрением на феминистский анализ секса. Они пытались запугать женщин, чтобы они приняли мужской взгляд на наше «освобождение», и каждый раз находились женщины, которые принимали мужскую половую программу и сеяли семена путаницы в феминистском движении. В 1980-х годах освобождение женщин было захвачено половыми либертарианками, которые посвятили себя

убеждению женщин в том, что восторженное празднование нашего угнетения в садомазохизме — это то же самое, что и освобождение. Язык садомазохизма основан на инверсии ценностей, например, «только когда я связана, я действительно свободна» и «рабство — это свобода». Теперь практика этого самого связывания и рабства интерпретируется как сама свобода и женская сила.

Сексологи традиционно считали гетеросексуальность «естественной», а лесбийство — патологическим. Половые либералы рассматривают выбор между лесбийством и гетеросексуальностью как вопрос простого предпочтения, как выбор между чаем и кофе. В «Антиоргазме» гетеросексуальность рассматривается как политический институт, посредством которого организуется и поддерживается мужское господство. Секс, каким мы его знаем при мужском господстве, — это эротизированное различие во власти гетеросексуальности. Как политическая система, гетеросексуальность функционирует более совершенно, чем репрессивные системы, такие как апартеид или капитализм. В гетеросексуальности то, что мы привыкли видеть в качестве источников нашего удовольствия и счастья — любовь и секс — тонко настроены на зависимость от поддержания нашего угнетения. В результате мир свободы за пределами гетеросексуальности не может рассматриваться, потому что он, по-видимому, требует отказа от «любви» и «секса».

В последней главе рассматривается, как мы можем выйти за рамки гетеросексуальности как политического института и формы желания, гетеросексуального желания, которое из него вытекает. Никакое освобождение невозможно для женщин в мире, в котором неравенство, и в частности неравенство женщин, является сексуальным. Нам нужно представить и начать строить мир, в котором связь разницы в силе и агрессии с половыми чувствами будет невообразимой. Ключевой вопрос, на котором заканчивается «Антиоргазм», заключается в том, как сконструировать гомосексуальное желание. Это желание, которое эротизирует равенство и взаимность, форма желания, которую многие теоретикессы сексуальности в настоящее время даже не признают сексом. Либертарианцы нападают на него как на «ванильный» или «бэмби» секс, а тех, кто его практикует, высмеивают как антисексуальных ханжей. Когда равенство становится захватывающим, не только на уровне теории, но и в любви и сексе, тогда освобождение женщин становится реальной возможностью.

1. Пятидесятые годы

Руководство по браку и супружеский половой акт иллюстрируют центральную предпосылку «Антиоргазма»: гетеросексуальная пара воплощает отношения власти и контроля, а не представляет собой следствие природы, биологии или предпочтений в половом акте. Создание Совета по вопросам брака, работа сексологинь и развитие сексотерапии — все это примеры того, как власть мужчин над женщинами должна была поддерживаться и управляться посредством регулирования супружеского полового акта.

Половой акт в этой схеме вещей был не естественным и спонтанным поиском удовольствия мужчинами и женщинами, а регуляторным механизмом, разработанным и созданным для обеспечения мужского доминирования и женского подчинения. В 1950-е годы половой акт был тяжелой работой, а иногда и обременительной обязанностью. Работа по удержанию женщин на своем месте не обязательно считалась развлечением. Исследование 1950-х годов показывает цель, с которой идеология мужского превосходства стремилась к половому акту, без всей той шумихи, которой половой акт был окружен с 1960-х годов. Революция полового акта должна была ввести новый язык освобождения и удовольствия, который может затуманить наблюдательницу и сделать политическую функцию полового акта менее заметной. Радость чтения сексологических работ 1950-х годов заключается в том, что они действительно раскрывают неприкрытую политику власти, связанную с браком и половым актом. Совет по вопросам брака был организацией, созданной сразу после Второй мировой войны с задачей регулирования политических отношений в браке и поддержки власти мужчин внутри него. Труды его основателей особенно полезны для понимания политической функции брака.

СПРАВКА ПО БРАКУ

Совет по вопросам брака был создан в 1938 году, по словам его первого секретаря Дэвида Мейса, когда «врачи, психологи, пасторы, социальные работницы, учительницы и другие» собрались вместе, потому что считали, что «с браком что-то не так» (Масе, 1948). В 1942 году Мейс стал секретарем, и в 1943 году были приобретены три комнаты в лондонском Вест-Энде. Лишь после войны советы по вопросам брака начали распространяться по всей стране, и руководство по вопросам брака как явление действительно начало развиваться. Какая бы озабоченность по поводу состояния брака ни существовала до войны, впоследствии она значительно усилилась. Одним из источников беспокойства стал резкий рост числа разводов.

В 1913 году в Англии было вынесено 577 решений о разводе, в 1936 году — 4000, а в 1945 году — 20 000. Норман, бывший секретарь Национальной ассоциации сотрудников службы пробации, пишет в книге 1949 года «Секс в социальной жизни»,

составленной Сибил Невилл-Рольф из Совета социальной гигиены, что отчасти этот рост объясняется изменениями в законе, которые облегчили развод и раздельное проживание (Norman, 1949). Если мы внимательно посмотрим на законодательство, становится ясно, что это были изменения, которые позволили женщинам легче получить развод и раздельное жительство.

Закон о супружеских отношениях 1857 года позволил мужчинам легче получить развод, то есть просто на основании измены жены. Закон не оказал большой помощи женщинам, которым для развода приходилось доказывать скотоложество, инцест или какую-либо другую «противоестественную практику, а также измену». Логика этого несоответствия заключалась в том, что измена у женщины была более серьезной, чем у мужчины. Утверждалось, что изменяющий мужчина все равно будет знать, что он отец детинь своей жены, но если жена была изменщицей, узнать об этом было невозможно. В 1923 году развод стал возможен для жен просто на основании доказательства супружеской измены, и в результате количество заявлений о разводе резко возросло.

Между 1895 и 1925 годами так называемые Законы о замужних женщинах давали мировым судьям право издавать постановления о раздельном жительстве и постановления об алиментах. В 1937 году два закона о внесении поправок расширили основания и улучшили условия развода, а также учредили специальные мировые суды с упрощенной процедурой рассмотрения заявлений об алиментах и постановлениях о раздельном проживании. Каждая реформа сопровождалась увеличением количества заявок. Очевидно, что эти реформы дали женщинам возможность выйти из насильственных браков, и что женщины быстро этим воспользовались. Таким образом, любые жалобы властей-мужчин по поводу распада брака в этом отношении следует рассматривать как тревогу по поводу того, что женщины сбегают из тюрьмы брака, и, как следствие, это угроза мужским привилегиям.

Но, говорит нам Норман, не только эти правовые реформы стали причиной количества «разрушенных семей». Также наблюдался рост населения, а неустроенность, вызванная войной, привела к проблемам для женщин и мужчин, которым приходилось приспосабливаться к партнеркам, которых они не видели годами, и, возможно, даже жениться в романтическом порыве, вдохновленном почтовой перепиской, так никогда по-настоящему и не узнав друг друга. Норман заключает:

> *...очень многие браки не достигают своей истинной цели, и... семейная жизнь для очень большого процента подрастающего поколения должна быть настолько неполноценной, что настало время для серьезных действий, чтобы предотвратить дальнейший рост разводов, ущерб социальному здоровью и безопасность нации (там же).*

В предисловии к книге «Секс в общественной жизни» объясняется, что условия Второй мировой войны привели к серьезному упадку нравственности, что привело к необходимости эффективного полового воспитания: во время войны «произошла демонстрация полового невоздержания и бесстыдного поведения в обществе, на наших улицах и переулках, которое, должно быть, потрясло многих, не только старомодных христиан» (там же). Дэвид Мейс объяснил в своей книге «Кризис брака», что война «разрушила семейную жизнь».

> *Это было довольно болезненное событие — эвакуация детинь, жизнь в приютах, отключение электроэнергии, разлука жен и мужей, отчаянные попытки расторгнуть браки, атмосфера «хорошо проведите время сегодня вечером, потому что завтра вас могут уволить».*

Книга Мейса «Кризис брака» написана в стиле, который задумывался как популистский, и имеет тон дружелюбного викария, беседующего у камина с разочарованными прихожанами о необходимости поддерживать дух военного времени. В ней царит доброжелательность и используется то, что он, вероятно, считает идиомой рабочего класса. Другие его работы о браке и христианстве гораздо более формальны. Добродушное подшучивание иногда заходит слишком далеко и приобретает совершенно неуместную нотку легкомыслия, как в этом комментарии о Гитлере, который представлен как некий непослушный плюшевый мальчик.

> *Взять, к примеру, Гитлера. Какую кучу бед и страданий причинил он и его толпа! Мы все знали, что он наполовину сумасшедший. Но почему он был таким?.. некоторые говорят, что именно плохое воспитание сделало его таким фанатиком и что он мог бы стать лучшим мужчиной, если бы воспитывался в нормальной счастливой семье. То же самое можно сказать и обо всех остальных маленьких Гитлерах, которые делают жизнь многих из нас такой неловкой (там же).*

Это был призыв, которому трудно сопротивляться. Важность стабильных браков была очевидна, если они могли помочь предотвратить геноцидные диктатуры.

В 1948 году после обращения Ассоциации благосостояния семьи в Тавистокский институт было создано Бюро семейных дискуссий для проведения социальной работы по семейным проблемам. Причины, приведенные для его создания, еще раз подчеркивают разрушение, вызванное войной в сферах брака и нравственности. Но еще до войны «нацию все больше беспокоило количество семей, разрушенных в результате разлуки и развода». Эта ситуация усугублялась «стрессами военного времени», и ответом стало расширение «национальных социальных служб», которые занимались «материнским и эмоциональным благополучием». (Bannister, 1955)

Также в 1948 году правительственный орган, Комитет Харриса, рекомендовал предоставить грант на консультационные услуги по вопросам брака Ассоциации

благосостояния семьи, Совету по вопросам брака и Католическому консультативному совету по вопросам брака. Правительство и растущие социальные службы теперь должны были взять на себя непосредственную роль в поддержании стабильности браков — задача, которая при внимательном рассмотрении означает, что жена остается послушной как служанка и горничная для своего мужа и детинь, и не думает о том, чтобы добиться независимости. В данном случае государство напрямую участвует в поддержании мужского доминирования и мужских привилегий на бытовом уровне.

Несмотря на все шумы и ярость по поводу ослабления морали и распада браков во время и после войны, отчетливо прослеживается страх перед женской независимостью. В конце концов, именно женщины, освобожденные от отдельных мужей, временно отсутствовавших, и зачастую наделенные финансовой независимостью от работы на войне, независимо от того, одинокие или замужние, были в состоянии осуществлять свою новую свободу в «безнравственности». Тема враждебности к эмансипации женщин ясна и сильна в ранней литературе по вопросам руководства браком.

Джозеф Брэйшоу из Совета по вопросам брака приводит обширный список причин распада браков, таких как снижение религиозных обрядов, расставание в годы войны, нехватка домов, ложные ценности фильмов, но приходит к выводу, что за всем этим стоит одна основная причина вышеперечисленного. Причина – «равенство» женщин.

> *Я, вероятно, вызову недоразумение, если изложу свой тезис прямо; но на самом деле именно новое равенство женщин с мужчинами неизбежно привело на данный момент к разрушению стабильного брака и семейной жизни. Чтобы это не звучало так, как если бы я был каким-то старым шарманщиком с бакенбардами и брюками-трубами, сетующим на то, что все не так, как во времена королевы Виктории, позвольте мне сказать, что я твердо верю в неотъемлемое равенство полов. Однако это имеет гораздо более широкое социальное значение, чем считалось до сих пор (Brayshaw 1952).*

Что поддерживало стабильность брака во времена, когда еще не было равенства женщин? По мнению Брейшоу, это была неоспоримая диктатура мужа и отца в доме. Брейшоу предлагает нам посмотреть «День дедушки», когда отец был явным диктатором в семье, а у жены было мало выбора, потому что она не могла просто пойти и устроиться на работу. Проблема брака в 1940-е годы заключалась в том, что женщины открыто не соглашались со своими мужьями. «Муж и жена, как равные, должны каким-то образом договориться по множеству вопросов, которые не обсуждались их бабушками и дедушками ... очевидно, что вероятность разногласий значительно выше, когда существует гораздо больше вопросов, которые необходимо

решить совместно» (там же). Он утверждает, что достижение «демократического разделения ответственности» вместо «диктатуры» в семье «может быть достигнуто только путем достижения определенного уровня образования и ответственности» (там же). Он предлагает общую теорию, которая гласит: «Всякий раз, когда вы получаете равенство женщин, возникающее в законе или обычаях, вы получаете увеличение распада брака» (там же).

Так какое же было решение? Если бы проблема заключалась в неспособности мужчин справиться с женщинами, бросающими вызов их власти, тогда ответом могло бы быть обучение мужчин их роли как равных – примирить их с потерей власти. Это не то решение, которое выбрал Совет по вопросам брака. Для Брейшоу новое равенство женщин было явной катастрофой, как он ясно дает понять в своем комментарии о Римской империи.

> *Единственный раз во всей истории, когда женщины пользовались равенством с мужчинами, был в последние дни Рима; и там это вполне могло способствовать их бедствиям. Богатые перестали иметь детей, а стандарты лояльности и морали пришли в упадок. Равенство полов может быть средством достижения добра или зла; это не самоцель (там же).*

Похоже, у него не было никаких серьезных сомнений относительно того, к добру или злу это может привести. Этот увлекательный миф, согласно которому равенство женщин или половая распущенность якобы привели к падению Рима, часто повторяется мужчинами, которые трепещут перед возможностью женской эмансипации. Они не могли придумать ничего иного, что можно было бы сравнить с последствиями конца мужского превосходства, кроме падения того, что они считали цивилизацией, и столетий «темных веков».

Дэвид Мейс также считает, что проблема распада браков вызвана равенством женщин. Как и Брейшоу, он считает, что «патриархальный брак» находится под угрозой.

> *Все это сводится к тому, что мужчины и женщины теперь должны считаться равными. Идею о том, что мужчина выше, а женщина ниже, пришлось утилизировать. Женщины имеют те же права и привилегии, что и мужчины... Это все очень хорошо; но это плохо сказалось на семейной жизни.*

Он использует здесь слово «семья» как эвфемизм для обозначения мужской власти и привилегий. Тот факт, что женщин больше не считали «неполноценными», несомненно, не был чем-то плохим для женщин, поэтому под семьей явно подразумевались мужчины и, возможно, детини. Это обычное использование слова «семья» сексологами, социологами и правовой системой. Как мог помочь Совет по вопросам брака? Он должен был создать новую работоспособную модель брака, потому что: «Эта конкретная модель брака и семьи разрушается. И причина, по

которой мы находимся в таком беспорядке, заключается в том, что мы еще не разработали другую модель, которая могла бы заменить старую» (там же). Как это работает на практике, становится ясно, если рассмотреть примеры консультирования по вопросам брака. Тогда мы сможем увидеть, как консультирование может изменить отношения жены и мужа, чтобы укрепить власть мужчины и подчинить женщину.

Приведенные ниже тематические исследования взяты из Бюро семейных дискуссий. Одну женщину отправили из больницы с жалобой на то, что эмоциональное насилие со стороны ее мужа нанесло ущерб ее здоровью. Ее муж «иногда не разговаривал с ней неделями и воздвиг между ними невыносимые барьеры». Реакция консультанта заключалась в том, чтобы подорвать чувство реальности женщины путем манипуляции, чтобы женщина признала, что на самом деле она виновата в своем поведении по отношению к мужу.

> *Работник предположил, что клиентка чувствовала себя очень неуверенно в себе и действительно была очень обеспокоена и недовольна своим поведением по отношению к мужу. Она тут же ответила: «Я знаю, что заставляю его чувствовать себя неполноценным, и что я нападаю на него, когда он что-нибудь говорит». И при этом она впервые полностью посмотрела на рабочего и стала дружелюбной и готовой сотрудничать (Bannister, p.48).*

Обоснованные жалобы женщин на поведение мужчин консультанты просто не услышали. Женщинам было приказано винить и изменять себя в каждом случае. Одна молодая женщина жаловалась на оскорбительное половое поведение своего мужа, включая его «извращенные и непомерные половые требования, когда он был пьян, его недержание мочи, его «грязные мысли»...» Консультантка описала, что женщина «придумала душещипательную историю», и явно ей не поверила. Вместо этого она стремилась «показать ей [клиентке]... как сильно она хочет, чтобы работница признала положительную сторону ее привязанности к мужу» (там же).

В другом случае работник адаптировал жену и мужа к стереотипной версии гетеросексуальности, то есть фетишизировал мужественность и женственность. Жена стала более покорной, и авторитет мужа был восстановлен. Здесь кажется, что муж на самом деле женился на своей жене из-за ее духа или «мальчиковости», но, женившись, захотел получить привилегию неоспоримой власти.

> *...довольно неуравновешенный человек с гомосексуальными наклонностями. Он женился на очень мальчишеской девушке... Миссис С. казалась очень незрелой, а также мальчишеской, униженной своим женским положением и неспособной принять его, угрюмой и обиженной на своего мужа... Миссис С. делала удивительные шаги в сторону женственности. Она стала шить одежду себе и ребенке, делать химическую завивку и вообще похорошела... (там же)*

Восстановление статуса-кво мужского превосходства, похоже, было достигнуто в каждом случае с помощью терапевтических методов, с которыми жены были недостаточно знакомы, чтобы сопротивляться им. Половой акт был секретным оружием этих новых консультантов по вопросам брака. Они поняли, что удовольствие женщины от полового акта облегчает ее подчинение, а советы по половому акту и сексотерапия стали важными инструментами в их борьбе за сохранение мужской власти.

НОВОЕ РАВЕНСТВО ЖЕНЩИН

Консультанты по вопросам брака, сексологи и все, кто писал литературу с советами по вопросам секса в послевоенном мире, использовали риторику равенства женщин. Они говорили так, как будто эмансипация женщин достигнута, и их тяжким долгом было устранить те немногие мелкие неудобства, которые это вызвало, и помочь приспособить общество к новой ситуации. Какое новое равенство имели в виду эти авторы? Новое равенство было идеологией отдельного, но «равного» развития, своего рода половым апартеидом. Считалось, что женщины и мужчины играют совершенно разные роли в обществе, потому что они разные физически и умственно. Дэвид Мейс выразил это так:

> *...хотя мужчины и женщины равны как личности, это не меняет того факта, что между ними много различий. Женщина может выполнять столько же работы, сколько и мужчина. Но только потому, что она женщина, она не будет относиться к этому так же, как мужчина... (Мейс, стр. 41)*

Популярный сексолог Юстас Чессер объясняет позицию равных, но разных с точки зрения репродуктивной опции женщины:

> *Немногим рациональным комментаторам будет трудно согласиться с тем, что в целом полы следует считать равными, но разными. Невозможно прийти к какому-либо иному выводу, чем что женщина занимает гораздо более важное положение, чем мужчина, имеет более высокие функции для выполнения и действительно является избранным полом природой для осуществления ее целей в мире (Chesser, 1949).*

Сторонников идеологии «отдельные, но равные» привели в ярость действия тех, кого они называли «экстремальными феминистками», которые провозглашали право женщин выполнять точно такую же работу, иметь такое же образование и возможности, как и мужчины.

> *Ибо полы не похожи между собой. Они никогда не были и — будем надеяться — никогда не будут одинаковыми. Признать, что мужчины и женщины равны, вовсе не то же самое, что сказать, что к ним нужно относиться совершенно одинаково во всем...*

В экстремальном феминизме определенно есть элемент ребячливости. У мужчины есть некоторые игрушки: они должны быть и у женщины (Chesser, 1946).

По мнению этих идеологов, все различия между полами проистекают из важной роли женщины как матери. Материнству уделялось большое внимание в послевоенном мире. Была тревога по поводу уровня рождаемости, который достиг рекордно низкого уровня в 1933 году и начал расти только в первые годы войны. Тревога на другом фронте, проблемных семьях и подростковой преступности, была направлена на то, чтобы сделать мать козой отпущения. Плохое материнство было легче обвинить в тревожащем поведении, особенно у мальчиков-подростков, чем социальные и экономические беды, которые могли бы указывать на необходимость политических перемен.

Паника по поводу «проблемных семей» была значительной. Блэкер, пишущий на эту тему в журнале Eugenics Review (Review, 1947), предполагает, что матери в проблемных семьях «психически ненормальны». Он благосклонно цитирует профессора Крю, который спросил: «Требуют ли принципы свободы и прав человека, чтобы ненормальным взрослым было разрешено загрязнять окрестности своими грязными домами и приводить в мир детинь, к которым они не имеют ни заботы, ни привязанности? (там же). Ричард Титмусс, имеющий репутацию великодушного архитектора государства всеобщего благосостояния, был обеспокоен тем, что недостойные бедняки воспроизводят себя непропорционально быстро, создавая угрозу социального краха.

Нельзя считать это мудрым и здоровым, если значительная часть будущего населения будет рекрутироваться из ряда очень больших и очень бедных семей. Такова ли сегодня ситуация в Англии? Сталкиваемся ли мы или нет с ситуацией, в которой экономически обездоленные рожают непропорционально большое количество детинь, в то время как те, кто более обеспечен хорошей окружающей средой, неоправданно ограничивают размер своих семей? (там же)

Элизабет Уилсон в своей книге «Женщины и государство всеобщего благосостояния» предполагает, что тревога по поводу проблемных семей возникла из-за реакции ничего не подозревающей и самодовольной британской общественности на опыт эвакуации. (Wilson, 1977) Впервые представители среднего класса смогли наблюдать образ жизни очень бедных, и стали искать объяснение бедности в семейной патологии. Ожидалось, что широкое распространение социальных услуг и ускорение развития государства всеобщего благосостояния позволят справиться с «проблемными семьями», сосредоточив внимание на матери.

В основе того, что мать стала козой отпущения, лежит нечто большее, чем просто тревога по поводу подобных социальных проблем. Самым глубоким

источником беспокойства был вызов мужской власти, брошенный феминизмом, и развитие того, что Чессер называл «экономическими женщинами». Противоядием должно было стать укрепление материнства как основной роли женщины. Комментаторки-феминистки отмечают центральную роль Джона Боулби в создании идеологии материнства с разработкой теории материнской депривации. Согласно этой теории, у детинь, которые не получают достаточно качественного внимания со стороны матери, для которой не существует замены, развиваются эмоциональные проблемы, и они вырастут социально деструктивными.

> *Надлежащая забота о детинях, лишенных нормальной семейной жизни, теперь может рассматриваться как не просто акт обычной гуманности, но и необходимая вещь для психического и социального благополучия общества. Ибо, когда ими пренебрегают, как это происходит сегодня в каждой стране западного мира, они вырастают, чтобы размножаться. Обделенные детини, будь то в собственных домах или вне их, являются источником социальной инфекции, столь же реальным и серьезным, как и переносчики дифтерии и тифа (Bowlby, 1974).*

Сколько внимания было необходимо ребенке? Настолько много внимания, по факту, что диву даешься, когда матери находили время сходить в туалет, не говоря уже о том, чтобы остаться наедине со своими мыслями.

> *Точно так же, как младенице необходимо чувствовать, что она принадлежит своей матери, матери необходимо чувствовать, что она принадлежит своей ребенке, и только тогда, когда она испытает удовлетворение этого чувства, ей легко посвятить себя ей. Обеспечение постоянного внимания днем и ночью, семь дней в неделю и 365 дней в году возможно только для женщины, которая получает глубокое удовлетворение от того, что видит, как ее ребенка растет с младенчества, проходит через многие этапы детства и становится независимой женщиной или мужчиной, и знает, что именно забота матери сделала это возможным. (там же)*

Но сексологи сыграли весьма значительную роль и в пропаганде материнства. В процессе они создали несколько комических шедевров. Самым замечательным следует назвать книгу Юстаса Чессера «Половое поведение: нормальное и ненормальное». Чессер решил, что отсутствие у женщин энтузиазма по поводу материнства является до сих пор малопризнанным «половым извращением», которое на самом деле было «величайшим извращением из всех». По словам Чессера, именно феминистки предположили, что материнство не должно быть всепоглощающим.

> *Наконец, эта книга была написана для того, чтобы дать ответ на требования наиболее экстремальных феминисток, которые защищают установку, которая неизбежно должна привести женщин в войну с их собственной природой, и которая, действительно, не может быть доведен*

до логического завершения, если только женщины не сознательно отвернулись от своего материнского инстинкта. Если это произойдет, «освобождение от рабства мужчине» оставит женщин лицом к лицу с гораздо более опасным врагом, чем есть или когда-либо мог быть мужчина, – с самой Природой. (Chesser, 1949)

Чессер, который явно надеялся, что наткнулся на новый психологический недуг, который будет принят медицинским истеблишментом, придумал название для своего открытия. Отказ от материнства был «аутоматрицидизмом», то есть убийством матери в себе. Этот красочный и паникерский язык предполагает, что феминистки и все, кто не совсем искренне относилась к материнству, были своего рода террористками с оружием, направленным на их утробу. Как можно было распознать аутоматрицидизм? По словам Чессера, это было непросто, потому что «ненормальность» проявлялась в «различных формах и степенях» и могла принимать форму «неприязни к сексуальности, страха перед материнством, отвращения к домашним обязанностям и т. д.» (там же). По-видимому, наиболее потенциально опасными были женщины, частично «отрицающие женскую сексуальность», поскольку они имели тенденцию выходить замуж, а затем наносить ущерб своим детиням. Примером такого частичного отказа стало желание женщины совмещать работу вне дома с ролью матери. «В семье может быть два кормильца, мать и отец, в результате чего, что касается эмоциональных отношений, у детинь нет матери, а есть два «отца». Они никогда по-настоящему не знают материнской любви» (там же).

В атмосфере того времени Чессер вполне мог ожидать значительного одобрения за то, что он так четко и полезно объяснил все поведение женщин, которое больше всего угрожало авторитету мужчин. Феминисток и других женщин, которые не смогли принять свое угнетение, можно было бы назвать страдающими от половых отклонений, как садомазохисток и гомосексуалов, также включенных в книгу Чессера. Лесбийство фактически было идентифицировано как одна из разновидностей аутоматрицидизма. Но пропагандистский подвиг Чессера не увенчался успехом. Идея аутоматрицидизма, похоже, не прижилась, и мы ничего о ней не слышим в последующей сексологической литературе. Почему теория Чессера потерпела неудачу? Возможно, это похоже на выведение новых сортов роз: некоторые приживаются, а некоторые нет. Аутоматрицидизму не хватало тонкости. Существовало множество психоаналитических теорий, аналогичным образом осуждающих право женщины на существование как независимой и уважающей себя человеки, чьим преимуществом было то, что они были менее откровенными и соответствовали фрейдистской ортодоксальности. Чессер не разочаровался и продолжил успешную карьеру сексолога.

Чессер предложил план, как справиться с ущербом, наносимым нации аутоматрицидизмом. Это было в его главе под названием «Перевоспитание для

полноценной жизни». Он хотел донести до всех взрослых и детинь жизненно важное значение брака и семьи. Государство не должно поощрять женщин к труду. Удивительно, но он почувствовал необходимость «установить — не как интересную теорию или предположение, а как факт — существенное равенство полов». Это было необходимо для того, чтобы «помочь женщинам естественным образом принять то положение, которое уготовано им Природой», то есть отдельную сферу, созданную мужчинами (там же).

Сексологи сыграли ключевую роль в корректировке отношений между мужчинами и женщинами, чтобы исправить ущерб мужской власти, нанесенный сильным феминистским движением конца девятнадцатого и начала двадцатого веков, а также социальными и экономическими изменениями, которые предоставили женщинам больше возможностей для самоопределения. Чессер, в 1950 -х годах, взял на себя мантию папы всех сексологов, Хэвелока Эллиса, который до Первой мировой войны изобрел «новый» феминизм, который был просто прославлением материнства и развитием другой, но равной идеологии. Он выступил против идей «экстремальных» феминисток того периода, которые хотели полного равенства с мужчинами (Jeffreys, 1997). Эта тенденция сексологов продвигать или цепляться за форму феминизма, которая служит их интересам, и представлять эффективный феминизм как «экстремальный», все еще распространена сегодня в работе либертарианцев и должна рассматриваться с крайним подозрением. Нет никаких сомнений, что вид феминизма, высмеянный мужчиной-сексологом, является тем, что угрожает поддержанию его привилегий.

Чессер и сексологи 1940-х и 1950-х годов отвечали на новые вызовы со стороны женщин к мужской власти. Все сексологические работы с 1900-х до 1950-х годов можно рассматривать в некоторой степени как перестановку баррикад в ответ на первую волну феминизма, адаптирование для поддержания мужских преимуществ. Но война и ее последствия обеспечили свежий стимул мизогинам того периода.

По словам феминистки Гертруды Уильямс, авторки книги «Женщины и работа», опубликованную в 1945 году, происходила «революция военного времени». В течение последних нескольких лет публика привыкла «видеть женщин, берущих плату за проезд в автобусах, тягающих мешки на железнодорожных станциях, собирающих билеты, фиксирующих газовое оборудование или ремонтирующих трубы» (Williams, 1945). Уильямс утверждала, что такая работа не была «вне компетенции женщин». Она очень прямо объяснила, как социальное давление, чтобы соответствовать половым ролям, влияет на то, какую работу женщины считают себя способными выполнять::

> *Девочки и мальчики растут в обществе, которое предполагает, что мужчины выполняют один тип работы, а женщины — другую, и большинство людинь принимают то, к чему они привыкли. Если ваши самые*

ранние воспоминания о путешествии в автобусе связаны с кондукторами мужчинами, вы считаете само собой разумеющимся, что кондукторство — это мужская работа… (там же)

Мужские эксперты по половому акту не могут жаловаться на отсутствие доступа к феминистским идеям в этот период. Феминистки, такие как Уильямс, красноречиво писали о беззаконии угнетения женщин и о том, как это было увековечено практикой удержания женщин в отдельной сфере.

Маленьких девочек нет необходимости учить, что их место низменно; это в воздухе, которым они дышат. Куда бы они ни смотрели, они видят подавляющее преобладание мужчин на должностях, связанных с доверием, ответственностью и престижем (там же)

Число замужних женщин, занятых в 1945 году, составило 2,5 миллиона, что в пять раз больше, чем было занято до войны. Уильямс называет их женщинами двойной работы и приписывает половое неравенство в заработной плате двойной роли женщины, а также враждебности мужчин в профсоюзах. Уильямс хорошо знала, что случилось с работой женщин после первой мировой войны, когда три четверти миллиона женщин добровольно вышли на пенсию, и она говорит, что то же самое может случиться снова. На самом деле были предприняты усилия для того, чтобы это произошло.

ЭРОТИЗАЦИЯ ДОМОХОЗЯЕК

ЧТО ТАКОЕ СЕКС?

Послевоенные сексологи, как и их предшественники в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков, имели четкое представление о том, что такое «секс». Секс — это половой акт, при котором мужчина проникает во влагалище женщины своим пенисом. Задача сексологов заключалась в том, чтобы привить эти знания сопротивляющемуся или неадекватному множеству женщин. Половой акт начинается с того, что мужчина посмотрел на женщину и почувствовал, что хочет проникнуть в нее, а заканчивается эякуляцией во влагалище. Кеннет Уокер определил «физический акт любви» следующим образом:

Под этим подразумевается серия событий, которая начинается с первоначальных проявлений полового желания у мужчины и женщины и заканчивается эякуляцией половых выделений (спермы) в половых путях женщины (Walker, p.399)

Это не женское возбуждение положило начало этой последовательности событий. Женщину считали сексуально пассивной, способной разве что на ответ, а иногда неспособной и на это. Максин Дэвис в книге «Половая ответственность женщины» объяснила, что женщина «не испытывает сильного полового желания

спонтанно», потому что «это приобретенный вкус, как у икры». Половое желание не было естественным для женщины, поскольку «Она не родилась с ним, как ее муж...» (Davis, 1965). Если она не родилась с этим, ей пришлось этому научиться, и это поставило перед сексологами трудную задачу.

Популярные авторы советов по половым актам, такие как Дэвис, позаимствовали свои идеи у фрейдистских психоаналитиков, которые считали половое желание «мужским» по самой своей природе. По словам ученицы Фрейда Мари Бонапарт в ее исчерпывающей книге «Женская сексуальность» 1953 года, именно мужская часть женщины позволяет ей проявлять интерес к половому акту. Бонапарт видела в женщине незрелого мужчину, страдающего задержкой развития (Bonaparte, 1953). Приняв, как это было принято у фрейдистов, что в женских половых органах есть что-то странное, она решила, что человеческие женщины на самом деле обладают клоаками. У рыб есть клоаки, через которые проходят как отходы, так и икра. Женщины воспринимаются как своего рода рыбы. Но они были не только разновидностью рыб, но и обладали худшей имитацией пениса.

> *У женщины внешние половые органы, или, точнее, эрогенные органы, по-видимому, отражают ее двойственную природу. Женщина действительно имеет клоаку, разделенную ректовагинальной перегородкой на анальное отверстие и специфически женское влагалище, ворота в дополнительную структуру материнского аппарата, и атрофированный по сравнению с мужским половым членом фаллос – маленький клитор. (там же).*

Фрейд признался, что считал женщин загадкой. Бонапарт явно находилась в глубоком замешательстве. Маскулинность женщины, которая придавала ей единственную активную сексуальность, которой она могла обладать, заключалась в ее клиторе. Чтобы избежать комплекса маскулинности или гомосексуальности, женщина должна была перенести свой эротизм с клитора на влагалище. Неудивительно, что введение Бонапарт к ее работе озаглавлено «Частая дезадаптация женщины к эротической функции». Она объясняет:

> *Природе не всегда удается приспособить организмы к идеальному функционированию в окружающей среде, о чем мы можем ясно судить по гораздо большей частоте дефектной адаптации к чисто эротической функции у женщин, чем у мужчин (там же).*

Мы можем понять, почему сексологи в этом столетии прекратили свою работу, пытаясь приспособить женщин к мужской половой функции, несмотря на присущую им неадекватность. Половой акт для женщины пришлось конструировать с нуля.

Многие женщины, казалось, не могли оценить эстетическую привлекательность пениса. Дэвис говорит нам, что женщину «не всегда сильно возбуждает даже вид мужа, когда он явно собирается заняться любовью» (Davis p.85).

Некоторые сексологи советовали мужу прятать от жены свой эрегированный пенис, чтобы она с отвращением не убежала из комнаты!

Было признано, что даже если предположить, что женщина хочет половой активности с мужчиной, она, скорее всего, предпочтет все, кроме полового акта. Дэвис объясняет:

> *Вероятно, ей очень нравятся ласки, занятия любовью перед половым актом, и кажется, что этого никогда не бывает достаточно. Но она не должна упускать из виду тот факт, что, хотя эта часть половой активности будет приносить все большее удовольствие… тем не менее, это всего лишь физическое и психическое предисловие и подготовка к полному половому акту. Она должна научиться как можно скорее достигать полного наслаждения (там же).*

Женщин нужно было убедить в том, что «полное удовольствие» приносит именно та практика, которой они хотели избежать, а не та, которой они действительно хотели. Это сделало сексологическую задачу особенно сложной. Поскольку сексологи 1920-х годов не дрогнули, когда столкнулись с осознанием того, что, возможно, до 100 процентов женщин испытывают безразличие или отвращение к половому акту, сексологи сороковых и пятидесятых годов усердно поставили перед собой задачу сконструировать половую практику сношения как «секс» для женщин и мужчин перед лицом решительного сопротивления женщин.

Отсутствие у женщин энтузиазма к половому акту было доминирующей проблемой сексологии на протяжении всего двадцатого века. В 1890-х годах феминистские теоретикессы утверждали, что половой акт должен иметь место только в целях размножения. Они считали, что раз в несколько лет будет достаточно. А также, что половой акт противопоказан женщинам, потому что он приводит к нежелательному деторождению или к необходимости «искусственной» контрацепции, заставляющей их чувствовать себя машинами. Это приводило к различным недугам и венерическим заболеваниям. Несмотря на службу сексологов на протяжении последних ста лет, которые пытались убедить женщин в том, что половой акт — это удовольствие или, по крайней мере, обязанность, в 1980-х годах многие женщины по-прежнему не проявляли энтузиазма. Опрос, проведенный в 1985 году американской тетей Энн Ландерс, показал, что 60 000 женщин были готовы подробно написать о том, что они предпочитают объятия половому акту (Raymond, 1986).

Феминистские теоретикессы 1890-х годов использовали данные из других культур, полученные современными антропологинями, чтобы поддержать идею о том, что половой акт должен иметь место только для продолжения рода. Сегодня в некоторых обществах половой акт вовсе не является обязательной и основной половой практикой, как при западном гетеропатриархате. Примером эффективности

сексологической пропаганды двадцатого века, определяющей половой акт как секс, является комментарий Лени Рифеншталь в ее фотодокументальном фильме о суданских нубийках. Рифеншталь объясняет, что нубийки считали, что половой акт не должен совершаться во время лактации.

> *Древний нубийский обычай предписывает кормить детинь грудью в течение этого периода времени (три года), поскольку считается, что длительное грудное вскармливание делает их сильнее и здоровее. Для женщин это представляет собой значительную жертву. Нуба считают, что половой акт во время беременности и лактации может нанести вред ребенке (Riefenstahl, 1976).*

Рифеншталь явно не приходило в голову, что нубийские женщины могут рассматривать сношения как нежелательные, как это было принято многими на Западе, и что запрет может служить интересам женщин.

Книга Сьюзен Кэвин «Происхождение лесбиянок» представляет собой антропологический обзор человеческих обществ на основе данных, доступных за последние 100 лет, в котором ставится задача оценить способы утверждения мужского превосходства в различных обществах. Кэвин предполагает, что мужское доминирование постоянно находится в процессе развития и что в некоторых обществах оно может быть не таким выраженным, как в других (Cavin, 1985). Она использует существование табу на сношения как признак того, что патриархальный захват не является полным в обществах, где они существуют. После отмены табу на сношения возможности женщин контролировать зачатие и, следовательно, собственный процесс деторождения резко сокращаются. Половой акт является единственной чисто репродуктивной половой практикой, и если женщины занимаются им только тогда, когда хотят произвести потомство, то воспроизводство находится под контролем женщин. Как только сношения станут обязательными, женщины смогут прибегать только к искусственной контрацепции, абортам и детоубийству, чтобы контролировать воспроизводство и деторождение.

ФРИГИДНОСТЬ И ИМПОТЕНЦИЯ

Послевоенные сексологи признались, что у них были проблемы с продажей практики полового акта мужчинам и женщинам. Эдмунд Берглер в своей книге «Невротический, поддельный секс» определил фригидность как «неспособность женщины испытывать вагинальный оргазм во время полового акта. Неважно, возбуждена ли женщина во время полового акта или остается холодной, сильное или слабое возбуждение» (Bergler, 1951). Фрэнк Каприо в своей книге «Сексуально адекватная женщина» определил фригидность точно таким же образом: «Женщина может быть страстной и при этом страдать от отсутствия оргазма во время коитуса,

также называемого неспособностью к оргазму» (Caprio, 1963). По данным Берглера, 90 процентов женщин страдают этим видом фригидности.

Чтобы женщина получила вагинальный оргазм во время полового акта, акт должен был длиться более секунды или двух, и это было настоящей проблемой. Половой акт действительно мог быть предпочтительной половой практикой мужчин, но длительный половой акт, казалось, был выше сил и желаний большинства. Чтобы объяснить этот феномен и обеспечить себе способ заставить мужчин попытаться добиться длительного полового акта, была изобретена болезнь преждевременной эякуляции. Берглер цитирует Кинси, указывающего на то, что преждевременная эякуляция настолько распространена у мужчин, что считается нормой. Преждевременная эякуляция — прекрасный пример выдуманной болезни. Если бы половой акт практиковался только с целью продолжения рода, то все, что было необходимо, — это отложение спермы во влагалище. Для большинства половых актов, даже в рамках гетеросексуальности, проблема преждевременной эякуляции не существовала бы, потому что не было бы ничего, что могло бы быть преждевременным. Поскольку мужчина мог доставить женщине полное половое удовольствие без проникновения полового члена, не имело бы большого значения, если бы мужчина эякулировал до того, как вообще вошел в комнату.

ОПАСНОСТЬ ФРИГИДНОСТИ

Отсутствие вагинального оргазма рассматривалось как настолько серьезное, что женщинам, страдающим от подобных жалоб, рекомендовалось немедленно обратиться за психиатрической помощью. В сексологических трактатах приводились пугающие списки недугов, возникающих в результате отсутствия вагинального оргазма, чтобы побудить женщин серьезно отнестись к своей неудаче. В список Максин Дэвис входят «усталость, бессонница, боли в спине, головная боль, включая мигрень, респираторные инфекции, расстройство желудка, запор, головокружение, боль в задней части шеи, симптомы желчного пузыря, многие виды кожных заболеваний, ревматические заболевания, включая артрит и всевозможные болезни желудка, включая язву желудка, и многие другие жалобы» (Davis, p.33).

Результатом создания болезни фригидности стало то, что у женщин не было другого выбора, кроме как стремиться к вагинальному оргазму. Отвращение к сношению было незаконным, как и желание любой иной практики вместо непосредственно полового акта. В главе Каприо «Причины фригидности» ясно показано, что многие женщины испытывают отвращение к половому акту, но считают, что он является обязательным. Отвращение к коллекционированию марок или футболу можно было терпеть без тщательного поиска причин, но половой акт был мужским хобби, имеющим важную политическую функцию. Интерпретация Каприо причин фригидности дает представление как о сексологической идеологии, так и о женском опыте.

Отвращение к половому акту рассматривалось как «неприятие пениса» (Caprio, p.102). Самой серьезной формой фригидности считался вагинизм, при котором мышцы влагалища спазмировались, что делало половой акт невозможным или очень болезненным. Вместо того, чтобы было признано, что столь убедительные доказательства отвращения к половому акту являются показателем того, что эту практику следует прекратить, женщины, оказывающие эту форму сопротивления, подвергались жестоким операциям. Вот пугающее обращение, которому подверглась одна из пациенток Каприо:

> *Через неделю после медового месяца она обратилась к гинекологу, который хирургическим путем разрезал девственную плеву и расширил влагалище. Однако, когда ее муж пытался совершить половой акт, влагалище каждый раз сокращалось, и она жаловалась на сильную боль. Она вернулась к гинекологу, который провел ей операцию по увеличению вагинального прохода. Но у нее все еще были трудности... потребовался обширный анализ, чтобы преодолеть страх перед половым актом (там же).*

Другие причины, возникающие в тематических исследованиях, когда женщины не проявляют энтузиазма к половому акту или не достигают вагинального оргазма, вполне разумны с точки зрения женщины, а именно: опыт полового насилия со стороны мужчин, предпочтение любви к женщинам, нежелание забеременеть. Но эти разумные причины предпочитать избегать сношений для Каприо должны быть преодолены в терапии.

Женщины, которые не любили или были безразличны к половому акту, иногда прибегали к творческим формам сопротивления.

> *Другие женщины совершают серьезную ошибку, занимаясь отвлекающими действиями во время полового акта. Один муж жаловался, что его жена настолько не реагировала, что продолжала читать книгу, пока он с ней совокуплялся. Другой рассказал мне, что его жена продолжала наносить лак на ногти во время полового акта, вместо того, чтобы отвлечься от того, что она делала. Эти спальные ошибки звучат фантастически, но психиатры не удивляются, узнав о том, как некоторые жены проявляют свою фригидность или безразличие к занятиям любовью (там же).*

Каприо и в голову бы не пришло, что эти женщины заслужили медали за свою смелость и изобретательность. Как и все цитируемые сексологи, он демонстрирует монументальную серьезность по отношению к своему предмету. Половой акт рассматривается как религиозное общение. Каприо мог бы удивиться, увидев, как женщина красит ногти во время полового акта, не больше, чем священник — тому, что причащающийся делает это в церкви.

Подход был чрезвычайно важен. Поскольку вера является индивидуальной ответственностью в религиозном опыте, правильное отношение, принятое женой, может привести к экстазу вагинального оргазма. Каприо объясняет это так:

> *...способность женщины достичь оргазма зависит от ее отношения к половому акту, ее способности концентрироваться, ее готовности сотрудничать, степени ее желания наслаждаться половыми отношениями и ее способности полностью отдаться приятным ощущениям полового акта (там же).*

Юстас Чессер также подчеркнул важность отношения жены. Он сказал женщинам, что «радостное ожидание — это правильный психологический настрой» и что женщины могут приобрести его, «мысленно подготавливая себя к акту союза» (Chesser, p.67). Если техника, терапия и все другие методы не дали результата, женщина должна была вернуться к вере или радостному предвкушению.

ЖЕНСКАЯ РОЛЬ

Полагая, что проблемы безразличия преодолены, сексологи давали женщинам серьезные советы о том, как играть свою роль в половом акте. Советы были сложными и часто противоречивыми. Роль женщины в половом акте в послевоенном мире должна была быть несколько более активной, чем в 1920-е годы. Она не должна была инициировать «любовную игру». Это было для мужчины. Как только он начнет, она должна будет ответить взаимностью своими ласками. Каприо выражает это так: «Что касается партнерки для полового акта, то мужчины предпочитают женщину, агрессивную в половом плане после того, как он однажды инициировал ухаживания» (Caprio, p.44). Но ей приходилось быть очень осторожной, и, как до него Хэвлок Эллис, Кеннет Уокер считал, что врожденная скромность или кокетство женщины является частью ее роли в сексе:

> *В женщине иногда может проявляться определенная неуверенность или скромность. Она отступает так же, как и наступает; элемент кокетства может сыграть важную роль на стадии любовной игры. Муж должен действовать как придворный, защищая благосклонность своей жены, и она не обязательно немедленно уступает его ухаживаниям. Желание стимулируется временным отказом, поскольку для многих влюбленных погоня добавляет удовольствия финальной поимке (Walker, p.342).*

Это было довольно сложно. Женщина должна была быть осторожной, чтобы не увлечься, чтобы добиться точного сочетания ухода и продвижения. Это была запутанная роль, полная трудностей и с большим пространством для ошибок.

Серьезной ошибкой, по мнению Каприо, стала попытка получить половую стимуляцию во время полового акта.

...не может быть механического усиления возбуждения клитора посредством трения во время сношения, а передача возбуждения от клитора во влагалище является чисто психологической... Женщины знают это, как доказывают их замещающие техники. Они пытаются поддерживать иллюзию наслаждения вагинальным половым актом, сжимая бедра вместе, создавая тем самым искусственный контакт между пенисом и клитором, или притворяются сильно возбужденными, производя акробатические движения только для достижения той же цели, что и контакт пениса и клитора. Если женщина, будучи взрослой личностью, сохраняет эрогенность только клитора, она невротически больна (Caprio, p.79)

Это ужасно жестокий рецепт. За женщиной должен был следить, предположительно, муж, чтобы убедиться, что она не ласкает свой клитор и не получает слишком много удовольствия.

Другая ошибка, которую могла совершить жена, заключалась в том, что она слишком восторженно отвечала взаимностью, что приводило к выпадению пениса. Уокер напомнил женщине, что ее движения должны быть «легче», чем у мужчины. Ей следует участвовать, «выдвигая весь таз вперед и отводя его назад, чтобы увеличить трение», но «существует опасность, если эти движения будут слишком энергичными, и это может привести к разрыву связи» (Walker, p.345). Без намеренной иронии или сочувствия к душевным мучениям, которые могут вызвать все эти сложные и противоречивые инструкции, Уокер утверждает в качестве своего золотого правила, что «занятия любовью должны быть спонтанными» (Там же).

Важной составляющей женской роли был энтузиазм, и если она его не чувствовала, ей советовали его имитировать. Дэвис считал, что «девственная невеста», которая «проходит свое ученичество», то есть учится работе, во время медового месяца, вряд ли получит удовольствие от полового акта. Но она не должна «заставлять его думать, что она не получает от этого удовольствия так, как он хочет» (Davis p.77). Важная часть ее работы заключалась в том, чтобы как можно раньше научиться имитировать удовольствие.

ПОЛОВОЙ АКТ КАК ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА

Дух Второй мировой войны проникал в литературу о половых отношениях вплоть до 1950-х годов. Жене и, в гораздо меньшей степени, мужу приходилось усердно работать не только над браком, но и над половым актом. Уокер рассматривал для женщины половой акт как часть ее работы по дому. Вот он пишет о половом акте после родов.

Многие женщины возвращаются к своим домашним обязанностям через три недели после родов, и в этом случае нет причин, по которым половой акт не

должен быть возобновлен вместе с этим крайне мягко и осторожно, чтобы через несколько недель он стал регулярным. (Walker, p.345).

Кажется, здесь есть опасение, что, если половой акт не возобновится достаточно быстро, жена вообще не захочет его возобновлять. Сексологи писали о женщине как о машине, предназначенной для мужа, и быстрое возобновление полового акта можно было рассматривать как смазку механизма. Чессер рекомендует мужьям рассматривать своих жен как автомобили:

Первое, что необходимо — уделять жене столько же внимания, сколько и устройству своей машины. Как она работает? Что можно узнать о ее механизме? (Chesser, p.79)

Дэвис использует эту тему несколько сложнее: жена одновременно и ученица, обучающаяся ремеслу, и машина, которая может сломаться и потребовать ремонта:

Если после разумного обучения она не получает полного удовольствия от своих супружеских отношений, ей следует проанализировать ситуацию. Нет ничего хорошего в том, чтобы смириться с этим и думать, что время все уладит… Тогда она должна и перед собой, и перед мужем выяснить, какая именно часть ее эмоционального часового механизма вышла из строя, починить её и как можно скорее привести в бесперебойную работу (Davis, p.130).

Сексологи рекомендовали смазывать аппарат смазкой, если у женщины не было достаточно энтузиазма производить собственные вагинальные выделения. Дэвис рекомендует жене «иметь искусственную смазку, которую она сможет наносить на свои половые органы, когда ей это понадобится». Это может быть связано с тем, что ее железы неэффективны или «желание жены недостаточно возбуждено» (там же).

Половой акт не рассматривался как развлечение или средство, приводящее к восторгу женщины или даже мужчины. Этот дух сильно отличался от гедонизма, который пронизан сексологическими рекомендациями в 1960-х и 1970-х годах. Трудно понять, зачем приходилось выполнять это безрадостное и трудное занятие и почему требовалось, чтобы женская машина проявляла энтузиазм.

ПОЧЕМУ ПОЛОВОЙ АКТ И ВАГИНАЛЬНЫЙ ОРГАЗМ?

В 1920-х годах сексологи недвусмысленно говорили о том, почему необходим женский энтузиазм по поводу полового акта. Предполагалось, что для того, чтобы женщина могла получить половое удовольствие от мужчины, она должна отдаться ему, и что такая отдача не будет ограничиваться половым актом, а будет распространяться на другие аспекты ее отношений с мужчиной. Ее отдача повлияет на все ее отношения с миром. Вильгельм Штекель и другие эксперты по женской

фригидности утверждали, что феминизм, ненависть к мужчинам и угрозы мужскому доминированию и «цивилизации», которые создают старые девы, лесбиянки и сопротивляющиеся женщины, будут устранены, если большинство или все женщины смогут подвергаться «удовольствию» полового акта с мужчинами.

В 1940-х и 1950-х годах политический аспект не был выражен столь явно, но идея о том, что женщина должна сдаться, чтобы получить удовольствие от полового акта, все еще была жива. Юстас Чессер объяснил, что жена действительно должна сдаться, подчинения недостаточно. Она должна отказаться от своей воли, своей целостности, самой своей души. Он пишет, что женщина может:

> *...считать невозможным полностью отдаться во время полового акта. И полная отдача – единственный способ, которым она может доставить высшее удовольствие и себе, и мужу. Подчинение — это не то же самое, что отдача. Многие жены подчиняются, но сохраняют глубоко внутри себя область, которая не завоевана и которая действительно находится в яростном противостоянии подчинению (Chesser, p.66).*

Существовало четкое убеждение, что удовольствие от полового акта сделает женщину покладистой в других сферах ее брака. Она не стала бы ворчать, жаловаться или утверждать свою волю, если бы отдалась в половом акте. Дэвис объяснил, что половое удовольствие заставит женщину воспринимать «неизбежные огорчения и даже серьезные неприятности как нормальную часть жизни». Когда ее муж был «сексуально неприятен», у нее накапливалось «тлеющее негодование» по поводу «всего» (Davis, p.129).

Есть еще одна причина, почему половая реакция женщины считалась столь важной. Удовольствие женщины от полового акта позволяло мужчине чувствовать себя доминантным. Дэвис объяснил потребность мужа чувствовать себя доминирующим так:

> *Потому что он мужчина. Пульсация в его венах — это пульсация стихийного мужского репродуктивного инстинкта. Он полон желанием полового акта, и его органы должны реагировать и выражать его во время полового акта, иначе он не сможет чувствовать себя мужчиной. Потребность самца доминировать в половых отношениях является источником самого человеческого вида (Там же).*

Если бы мужчина рассматривал удовольствие женщины как отдачу и выполнял практику, которую символически и фактически можно рассматривать как практику, в которой он находится «сверху» и отвечает, то можно было бы ожидать, что вагинальный оргазм усилит чувство власти отдельного мужчины. Ее удовольствие убедило бы его в правоте мужского доминирования вообще и его власти в частности. Кроме того, в сексологической литературе много внимания уделяется тому факту, что к 1940-м годам женщина стала эмансипированной и равной мужчине. В таком

контексте было бы невозможно сохранить идею о том, что мужчины — единственные, кто должен действительно получать удовольствие от секса и что они должны использовать женщину просто как плевательницу (сосуд для сплевывания — прим.ред). Это выглядело бы слишком явно несправедливо. Важно было спланировать правильный ответ.

Историкессы склонны рассматривать эротизацию домохозяйки как форму эмансипации, которая идет на пользу женщине и отвечает ее интересам. Сексологическая литература не поддерживает это утверждение ни в 1940-х, ни в 1920-х годах. Половое удовлетворение мужчин и предпочитаемый ими способ практики полового акта остаются первичными и не подвергаются сомнению. Женщин нужно было научить испытывать оргазмы в ответ на эту практику не только потому, что это было бы немного менее несправедливо по отношению к женщинам, но и потому, что это усилило бы мужское доминирование и подчиненное положение женщин.

СЕКС-ТЕРАПИЯ

Анализ секс-терапии в конце 1950-х годов иллюстрирует функцию полового акта в усилении мужской власти и ясно показывает философию мужского превосходства, которая лежала в основе целей практиков сексотерапии в то время.

Секс-терапия – это лечение того, что считается болезнью или состоянием здоровья, требующим лечения. Заболевание, которое лечит сексотерапия, называется половой дисфункцией. Идея половой дисфункции основана на концепции наличия правильной половой функции. Если мы признаем, что половое поведение сконструировано обществом, тогда станет ясно, что секс-терапия, в отличие от лечения болезни, опасной для жизни, или даже вызывающей серьезное ухудшение здоровья, является силой социального контроля. Секс-терапия конструирует правильное половое поведение для тех, кто, как считается, ему не соответствует. Определенные формы поведения практикующие секс-терапию называют «болезненными» или «нездоровыми», чтобы им было что лечить.

Неудивительно, что секс-терапевты рассматривают здоровое половое поведение как половой акт «пениса во влагалище». С растущей концентрацией внимания на женском оргазме в пятидесятые годы от мужчин ожидали гораздо большего. Раньше ожидалось, что они войдут во влагалище только на короткий период времени, теперь после введения они должны были оставаться во влагалище в вертикальном положении немного дольше. Правильное половое поведение женщины заключалось в том, чтобы иметь смазанное влагалище, приветствующее пенис, и достигать оргазма, желательно, пока пенис оставался во влагалище.

На основе таких технических требований были созданы болезни, требующие лечения секс-терапией. Для мужчины основными заболеваниями были определены импотенция или неспособность достичь или сохранить эрекцию, а также

преждевременное семяизвержение. Эякуляция считалась преждевременной, если она происходила до полового акта «пенис во влагалище» или сразу после проникновения. Такой болезни не было бы, если бы длительные сношения не были предписаны для здоровья. Это не имело бы смысла в обществе, в котором другие формы взаимодействия ценились бы выше, чем половой акт.

У женщин основными заболеваниями считались фригидность или отсутствие возбуждения, нежелание полового акта, диспареуния или боль во время полового акта, вагинизм или мышечные спазмы, препятствующие половому акту, а также неспособность достичь оргазма во время полового акта. Без предписания полового акта большинство этих заболеваний были бы просто немыслимы.

ЖЕНЫ-ДЕВСТВЕННИЦЫ

В 1958 году Ассоциация планирования семьи запустила программу «обучения и исследований» для врачинь, работавших в их специальных клиниках по семейным проблемам. Врачини, все из которых были женщинами, работали над различными проблемами под руководством мужчины Михаеля Балинта. Одной из проблем, над которой они работали, была проблема неконсумации, то есть браков, в которых не было полового акта. Хотя они согласились с тем, что в некоторых случаях ответственность за несовершение могут нести мужчины, они предпочли рассмотреть ответственность женщин. В 1962 году их работа была описана другим мужчиной, Лоуренсом Фридманом, в книге с восхитительным названием «Жены-девственницы: исследование несостоявшихся браков». Десять женщин-врачинь под руководством мужчины работали над проблемой женщин, не желающих вступать в половую связь, а их результаты затем были записаны другим мужчиной из Тавистокской клиники.

«Девственные жены» — удивительная книга. В довольно наивной и прямолинейной манере, свойственной сексологам периода до того, как гендер стал проблемой в 1960-х годах, автор и сотрудницы раскрывают обнаженную политику силы сексотерапии. Книга очень ясно показывает нам, почему половой акт считался необходимым. Считалось, что он имеет решающее значение для сохранения мужского доминирования в браке. Женщины, описанные в книге как выздоровевшие, не полюбили половой акт, они просто согласились принять его. Позже женский оргазм стал рассматриваться как важный элемент поддержания мужского доминирования; здесь было видно, что достаточно совершить акт проникновения.

Майкл Балинт излагает политический контекст и цель секс-терапии в своем предисловии к книге. Балинт заявляет, что он хочет «подчеркнуть один удивительный результат нашего исследования». Дело в том, что жены-девственницы обладали властью и даже доминировали в браке. Он описывает это открытие так:

> *Это касается огромной власти, которую некоторые из этих женщин, очевидно, оказывают на своих мужчин. Правда, довольно часто эта сила*

скрывается за впечатляющим фасадом мягкости и страха, слабости и отчаяния; тем не менее, оно есть. Это не значит, что мы думаем, что все женщины могущественны и доминируют. Мы бы сказали, что в сфере несостоявшихся браков власть и доминирование играют очень важную роль (Friedman, 1962).

Власть и доминирование мужчин в браке были бы нормальными и не заслуживающими каких-либо комментариев, но все, что отличалось от подчинения со стороны жен, нарушало патриархальный уклад, что требовало не только комментариев, но и терапии. Более того, каждая из врачинь ежегодно принимала в своей практике в среднем от 25 до 30 жен-девственниц. Эти «власть и доминирование» женщин не были редкой проблемой.

Обзор литературы дает представление о том, как другие сексологи видели проблему не занимающихся половым актом жен. В двух исследованиях жены с вагинизмом описывались как имеющие «враждебность по отношению к мужчинам», в одном случае сочетающуюся с «страхом перед пенисом» (там же). Их считали садистками, мстящими своим мужьям (там же). Женщин описывали как «враждебных, нервных пациенток» (там же). Другой заявил, что вагинизм был вызван фобией, которая заключалась в «отвращении к мужу» (там же). Один исследователь обнаружил, что жены-девственницы часто были «психопатками» (там же). Другой описал жену с вагинизмом как независимую женщину, неспособную подчиняться мужу и, следовательно, по сексологической логике, «маскулинную».

Мужской тип характера, очень распространенный в наши дни, побуждает молодую женщину к выражению своей независимости и как бы мешает ей пассивно отдавать себя партнеру… Вагинизм выражает их агрессивность и служит местью за их повседневное порабощение. Это иллюстрирует то, что аналитики называют склонностью к «кастрации» (там же).

Исследование Ассоциации планирования семьи начинается с основной идеи о том, что жена, сопротивляющаяся половому акту, необоснованно избегает подчинения мужу. Тематические исследования построены по типологии жен-девственниц. Один вариант описан в главе «Пробуждение Спящей красавицы», другой называется «Пчелиная королева», а третий — «Добрая Брунгильда». Тип жены-девственницы «Брунгильда» назван в честь героини немецкой народной сказки «Песнь о Нибелунгах». Она является архетипом «маскулинной» женщины, то есть женщины, не желающей подчиняться мужчинам.

Легенда очень ясно описывает агрессивную маскулинную женщину, чьи соперические чувства к мужчинам заставляют ее сражаться с ними, чья сексуальность полностью смешана с деструктивностью. На другом уровне она желает быть побежденной мужчиной-героем, который должен быть суперсильным, чтобы добиться успеха, поскольку она делает обычных

мужчин импотентами. Только тогда она сможет стать покорной; а подчиниться мужчине, захотеть отдаться ему из любви, для такой женщины невозможно, потому что для нее подчинение означает признание неполноценности. Отношения между полами становятся для нее борьбой за власть (там же).

Описав проблему сопротивляющейся женщины, секс-терапевты удобно придумали у такой женщины желание действительно быть побежденной и подчиненной сильным мужчиной. Это была необходимая фикция. Поскольку терапевтки собирались организовать ее подчинение, в их интересах было верить, что они делают то, что она действительно хотела, несмотря на все доказательства обратного.

Но не только женщины из категории «Брунгильды» считаются имеющими огромную власть над мужчинами и которых приходится принуждать к подчинению. У одной жены типа «Спящая красавица» была такая проблема. В целом в тематических исследованиях выход жены на работу рассматривается как доминирующее поведение, которому терапевтки стремятся положить конец. Это иронично, учитывая, что все врачини были работающими женщинами. Одна «Спящая красавица» добровольно уволилась с работы одновременно с «согласием» на первый половой акт (там же). В другом случае «Спящей красавицы» врачиня сообщает: «Я спросила, действительно ли ей нужно работать». У женщины, бросившей работу ради полового акта, муж был слишком вежливым, добрым и «неспособным силой отобрать жену» (там же). Изнасилование в браке явно было предпочтительным методом терапии сопротивления жен. Муж отстранился от своей естественной агрессии, видимо, потому, что у его жены была еще одна проблема со здоровьем: «Она не может позволить, чтобы людини злились или агрессивно относились к ней» (там же). Балинт комментирует:

Женщины имеют очень большую власть над потенцией мужчины. Нет сомнений в том, что если женщина позволяет мужу быть агрессивным и даже получает от этого удовольствие, это может дать ему больше, чем любое психологическое лечение… (там же).

Основной подход в лечении этой женщины заключался в том, чтобы побудить ее «наслаждаться агрессией мужа» и «поощрять мужа быть агрессивным» (там же). Таким образом, она должна была способствовать собственному подчинению мужу в половом акте. В результате муж «обнаружил, что в его жену теперь довольно легко проникнуть, и он полностью наслаждался половым актом». Жене, похоже, это не понравилось.

Жены-девственницы редко приходили к врачам, потому что сами хотели достигнуть совершения половых актов в браке. Как правило, эти браки были длительными: в некоторых случаях их срок достигал 10, а в одном — 17 лет. Врачи

определили, что у женщины возникла проблема, во время осмотра ее на предмет гинекологических жалоб, бесплодия и так далее. Иногда при вагинальном осмотре у женщины наблюдался мышечный спазм, и врач спрашивал о вагинизме. Жены часто не имели желания лечиться. Они были вполне счастливы, не вступая в половую связь, и в некоторых случаях находили вполне удовлетворяющие альтернативы. Об одной паре, которая в течение 17 лет не достигала полового акта, сообщили как о «хороших друзьях, очень влюбленных». Они занимались «сильными ласками и взаимной мастурбацией», а жена испытала оргазм, когда ее погладили по груди. Эту пару описывают как находящуюся в «невротическом сговоре», потому что они не считали отсутствие сношения травматичным (там же).

Одна жена-девственница сказала, что вступала в половой акт только потому, что ей так сказала врачиня. Врачиня спросила ее, как она относится к телу мужа и смотрела ли она когда-нибудь на него. Жена совершенно ясно дала понять отсутствие эротических чувств по отношению к мужу.

> *Миссис Лоу ответила: «О, я не могла!» Она видела пенис маленького мальчика; «Это было мягко и сладко. Но не просите меня говорить о моем муже: если я это сделаю, меня стошнит». В этот момент пациентку довольно сильно вырвало, и врачиня не стала развивать эту тему дальше (там же).*

Позже она сообщила врачине, что у нее был половой акт:

> *...ради ребенки и моего мужа. Мне это не нравится, но я вижу, что должна принять это в браке, и мой муж говорит, что я становлюсь более похожа на жену. Я начинаю не испытывать нужды более в ваших распоряжениях (там же).*

В одном из тематических исследований «Пчелиной королевы» докторке пришлось нелегко: как победить стратегию уклонения жены и проникнуть в нее. «Пчелиными королевами» назывались женщины, которые стремились к искусственному оплодотворению, чтобы иметь возможность рожать детинь без полового акта. Одна замечательная женщина уже родила одну ребенку и последовала за другой, когда по ошибке решила посетить одну из врачинь-исследовательниц Ассоциации в поисках помощи в оплодотворении. Докторка вникла в проблему. Она поняла, что если откажет ей от оплодотворения и попытается вместо этого убедить пациентку вступить в половой акт, то она просто пойдет к другой врачине. С другой стороны, если бы она помогла ей с оплодотворением, пациентка могла бы больше не вернуться и никогда не «вылечиться». Докторка неохотно решила пойти навстречу желаниям пациентки в надежде, что она сможет повлиять на нее на этом пути. Пациентка сообщила, что начала половую связь с мужем «но только со мной сверху, а не иначе» (там же). Это очень обеспокоило врачиню, и она почувствовала себя вынужденной серьезно допросить пациентку о степени ее «властности» в браке.

Докторка Джонс сказала: «Вы можете сделать это только тогда, когда находитесь сверху, на командной позиции». Пациентка согласилась. Когда ее спросили, взяла ли она на себя инициативу во всем в своем браке, она это отрицала; затем она сказала: «Возможно, я принимаю решения» (там же).

Из логики допроса врачини ясно, что подчинение в половом акте было не единственным видом подчинения, которое должно было возникнуть в результате полового акта. Подчинение женщины в этом акте должно было распространиться на все остальные аспекты отношений. Таким образом, женщина, которая нарушала нормы и вступала в половой акт в положении, которое не так явно подчиняло ее, угрожала власти своего мужа в других областях.

Врачини Ассоциации предпочитали психотерапию в качестве лечения отсутствия сношения. Кажется, это было столь же эффективно и гораздо менее жестоко, чем доступные физические и хирургические формы лечения. Некоторые сексологи прибегали к хирургическому вмешательству в вагины, которые они считали слишком узкими или неоправданно болезненными. Они работали над теорией, согласно которой женщина просто неправильно устроена природой, и ее нужно настроить так, чтобы ее тело работало правильно. Право женщины избегать полового акта было невообразимо для таких врачинь. Одной из форм хирургического вмешательства, выполняемого при диспареунии, была «перинеостомия» или разрезание промежности (там же). Некоторые врачини отдавали предпочтение операциям на мышцах вагины (там же). Менее радикальным было расширение вагины под наркозом с целью его растяжения. Самым распространенным физическим подходом было и остается использование дилататоров. Женщине дают набор стеклянных расширителей разных размеров и просят потренироваться вводить их в вагину по градуированной шкале размеров до тех пор, пока она не расслабится достаточно, чтобы принять пенис мужа.

Более свежий пример хирургического подхода содержится в статье Американского читателя «Социология полового акта», опубликованной в 1971 году. Глава озаглавлена «Драматургическая десексуализация: социология вагинального исследования». В этом произведении анализируется вагинальное исследование, и показано, как пациентку превращают в пассивный и податливый объект, чтобы она была как пластилин в руках врача. Судя по всему, для этого нет оценочного суждения. Авторы статьи, Хенслин и Биггс, похоже, на самом деле предположили, что нет ничего заслуживающего комментариев в том факте, что женщин нужно превращать в объекты для вагинальных исследований. В качестве примера «ролевого провала» они приводят случай с молодой женщиной, которой была сделана вагинальная операция. Женщина отказалась принять «обезличенную роль объекта» и жаловалась и плакала в смотровой комнате. Включив это интервью, Хенслин и Биггс невольно дают нам пример жестокости вагинальной хирургии. Женщине была сделана гименотомия, или удаление девственной плевы до брака, чтобы облегчить первый половой акт. Врач

в присутствии медсестры и ее матери осмотрел пациентку с помощью спекулятора, чтобы убедиться, что она уже достаточно большая, чтобы принять пенис мужа. Врач обращался с ней как с сельскохозяйственным животным, и пациентка возражала.

> *Пациентка: «Боже мой! Вы разрываете меня на части! Дайте мне что-нибудь прикусить! Мама! Дай мне жвачку!» (Пациентка очень быстро трясет головой из стороны в сторону). Мать лезет в сумочку, достает немного жевательной резинки, разворачивает кусочек и кладет ее в рот пациентке. Она быстро жует жвачку. Медбрат приближается к брюшной полости пациентки... «Он меня губит!» Я не могу этого вынести!» Она продолжает трясти головой из стороны в сторону.*
>
> *Доктор: «Джерри, я просто пытаюсь тебе помочь. Это тебе очень поможет после того, как ты выйдешь замуж».*
>
> *Пациентка: «Я не понимаю, как. Это слишком больно».*
>
> *Мать: «Мне очень жаль, доктор».*
>
> *Доктор, обращаясь к матери: «Сейчас она в хорошем состоянии. Она без труда возьмет зеркало нормального размера. (James, 1978)*

Подготовка этой молодой женщины к роли эффективной дыры для своего мужа, похоже, происходила в прямом противоречии с ее волей.

ОДИНОКАЯ ЖЕНЩИНА

В 1950-х годах ожидалось, что одинокие женщины будут сексуально неактивны. В книгах с советами по половому акту предполагалось, что только замужние женщины могут быть сексуально активными, и только со своими мужьями; лесбийство осуждалось в тех редких случаях, когда о нем упоминалось. Одинокие женщины находились в подвешенном состоянии, им разрешалось только быть вечными незамужними тетушками. Их жалели, потому что считали их одинокими и отчаянно несчастными, но им не предлагалось ни крохи утешения, ни какой-либо альтернативы одинокой безбрачной жизни. 1950-е годы были последним десятилетием, когда «старая дева» считалась проблемой.

Однако тяжелое положение одиноких женщин в 1950-х годах резко бросается в глаза по сравнению с их положением в довоенной Британии. В результате мощного феминистского движения и изменения социальных и экономических сил в 1920-х и 30-х годах число одиноких женщин и их независимость значительно возросли. Они были силой, с которой нужно было считаться. Несмотря на то, что их осуждали сексологи того периода, которые враждебно относились к любым женщинам, не вступившим в половые отношения с мужчинами, они сохранили часть самоуважения и статуса, завоеванных для «старых дев» поколением феминистской борьбы. Это самоуважение и статус исчезли в послевоенном мире, который давал статус только

замужней женщине и патологизировал незамужних. Чтобы понять перемену отношения, в результате которого старая дева превратилась в жалкую и презираемую одинокую женщину, необходимо сначала взглянуть на некоторые из наиболее положительных публикаций, появившихся в 1930-х годах.

Две работы 1930-х годов особенно интересны своим замечательным подходом к одиноким женщинам, который исчез к 1950-м годам. Одной из них является книга Эстер Хардинг «Путь всех женщин», впервые опубликованная в 1933 году и с уважением упоминавшаяся в литературе 1950-х годов. Хардинг была юнгианской психоаналитикессой. Она родилась в Англии в 1888 году, училась у Юнга в Цюрихе и практиковала в Нью-Йорке. Другая работа — «Одинокая женщина и ее эмоциональные проблемы» Лоры Хаттон, впервые опубликованная в 1935 году, но переиздававшаяся с исправлениями вплоть до 1960-х годов. Хаттон была врачиней в Тавистокской клинике в Лондоне в 1930-х годах. Она внесла раздел «Незамужние» в антологию Невилла-Рольфа, подготовленную до войны и наконец опубликованную в 1949 году, которая цитировалась в разделе об эротизации домохозяек.

И Хардинг, и Хаттон подчеркивали уникальное положение одинокой женщины в 1930-е годы, когда определенные социальные и экономические силы объединились, чтобы создать большой класс сильных, независимых женщин. Хардинг пишет:

> *Но времена изменились. Женщины были вынуждены выйти в свет. Брак больше не был для них единственной карьерой. Многие женщины, причем отнюдь не только неудачницы и «аутсайдерки», оставались незамужними часть своей взрослой жизни, а во многих случаях и всю. Эти женщины далеко не слабачки, глупые или непривлекательные представительницы своего поколения, а могут быть самыми энергичными и предприимчивыми, обладательницами величайшего ума и инициативы (Harding, 1939).*

Хаттон объясняет, что перепись 1931 года показала, что в возрастной группе 40–44 лет женщин было на 244 500 больше, чем мужчин. Общее «превышение» женщин брачного возраста над мужчинами составило полмиллиона. Она считала, что такую ситуацию создали два фактора: развитие образования, включая университетское образование и профессиональную подготовку женщин, а также европейская война 1914 года. Это, а также развитие оплачиваемых работ для женщин в связи с открытием новых профессий для женщин и расширения сектора «белых воротничков», «привели к существованию нового класса женщин, что едва можно было представить два или три поколения назад — женщин, которые покинули дом, чтобы заняться карьерой и управлять своей жизнью» (Hutton, 1937). Война привела к гибели потенциальных мужчин-партнеров и отправке «многих женщин в ряды профессионального и наемного класса, которые в иной ситуации могли бы остаться дома...» (там же). Историческое явление, к которому обратились Хардинг и Хаттон, было новым и драматичным. В девятнадцатом веке женщины из рабочего класса

ушли из дома ради независимой трудовой жизни, но, вероятно, не с мыслью остаться одинокими. В начале двадцатого века женщины среднего класса делали то же самое и оставались одинокими и независимыми. Хардинг и Хаттон очень положительно относятся к одиноким женщинам. Таким образом, они вписываются в давнюю феминистскую традицию, примерами которой являются Кристабель Панкхерст и Сисели Гамильтон до Первой мировой войны; традиция, решительно противостоящая традиционному мужскому унижению любой женщины, чья жизненная энергия не была вложена в мужчину.

Самым поразительным аспектом творчества этих писательниц является их энтузиазм по поводу дружбы между женщинами, даже дружбы страстного характера. Хотя ожидалось, что одинокие женщины после Второй мировой войны останутся без серьезной эмоциональной привязанности, Хардинг и Хаттон аплодировали и поощряли формирование прочных связей между женщинами.

На нынешней волне феминизма важность женской дружбы снова стала сильной темой феминистской теории, особенно в недавней работе Дженис Дж. Рэймонд «Страсть к подругам: Навстречу философии женской привязанности». Рэймонд определяет гетерореальность как «мировоззрение, согласно которому женщина всегда существует по отношению к мужчине» (Raymond, p.3). Она объясняет, что «гетерореальность придала социальный и политический статус только гетероотношениям (отношениям между женщиной и мужчиной)» и рассматривала женскую дружбу только как «индивидуальное объединение», тогда как гетероотношениям, таким как брак и гетеро-половой акт, «придается общественный статус, они поддерживаются законами, церемониями, ритуалами, договорами и неформальной системностью гетерореальности» (там же). Она выступает за то, чтобы:

> *..в наших дружеских отношениях подруга с подругой женщины начинали осознавать значение этой связи, выходящее за рамки личного характера, и так мы сами не недооценивали бы ее социальную и политическую силу, силу, которая на самом глубоком уровне является огромной силой, разрушающей структуры гетерореальности. Расширение прав и возможностей женской дружбы может создать условия для новой феминистской политики, в которой личное становится наиболее страстно политическим (там же).*

Хардинг и Хаттон придавали женской дружбе большое значение, которое, похоже, не имело аналогов между 1930-ми годами и нынешней волной феминизма. Хардинг признала, что любовь между двумя женщинами, скорее всего, включает в себя эротический элемент, но существует множество причин, по которым подруги могут не распознавать это или не вести себя соответственно. Но Хардинг нисколько не осуждала идею о том, что они могут эротизировать свои отношения.

Само слово «гомосексуальность» является настолько жутким, что о нем вряд ли можно упоминать в приличном обществе...

Эмоциональная вовлеченность в подружбу может быть интенсивной по своему характеру и при этом не иметь физического выражения. Любовь между женщинами не обязательно предполагает физическую сексуальную активность. С одной стороны такую дружбу нельзя назвать гомосексуальной. Тем не менее, у женщин, которые не проявляют сексуальности в своей жизни, подавленный инстинкт неизбежно окрашивает их основные отношения и придает им ту эмоциональность, которая является признаком эротической вовлеченности, даже если в этих отношениях нет ни явных сексуальных действий, ни даже сознательных сексуальных импульсов… В других случаях любовь между подругами может найти свое выражение в более специфических сексуальных формах, которые, однако, не могут считаться извращенными, если их действия мотивированы любовью (Harding, p.115).

Она заключает, что при оценке любых отношений «критерием ценности является качество задействованной эмоции, а не природа сопровождающего ее физического выражения» (там же).

Хаттон считала себя более позитивно настроенной в отношении сексуального самовыражения в женской дружбе, чем Хардинг. Она называет утверждение Хардинг о том, что такое выражение нельзя считать извращенным, если оно «мотивировано любовью», «здравым общим принципом», но «несколько негативным» (Hutton, p. 104). Важно понимать, что эти женщины писали в то время, когда лесбийство подвергалось жесткому порицанию, например, в ходе судебного преследования «Колодца одиночества» (прим.ред: роман британской писательницы Рэдклифф Холл 1928 года, который считается одним из первых произведений лесбийской литературы), которое произошло всего несколько лет назад. Хотя в их работах по поводу лесбийской сексуальности встречаются уклончивые и двойственные взгляды, позитивный тон является совершенно исключительным среди любых других изданий с советами по половому акту до влияния современного лесбийского феминизма. Это особенно верно в отношении Хаттон. Она согласна с Хардинг в том, что сексуальный элемент подружбы следует обсуждать, поскольку неспособность признать его чревата проблемами.

Результаты такой неосознанной сексуальной стимуляции неизбежно будут печальными. За напряжением и раздражительностью последуют недоумение, обида и смутное чувство вины, особенно если сексуальная природа эмоционально-физического возбуждения осознается смутно. Первой предпосылкой для управления сексуальным элементом в любой подружбе является его откровенное признание и принятие (там же).

Но Хаттон не рекомендует подавлять сексуальность. Она объясняет, как физическая привязанность между подругами может привести к сексуальным

проявлениям, и считает это вполне разумным. Хаттон описывает лесбийский секс как «мастурбацию, но с помощью другой» (там же). Это вполне безвредно, если не допускать «излишеств» и продлевать стимуляцию без кульминации. Это может звучать не очень захватывающе, но это значительный прогресс по сравнению с возмущением мужчин-сексологов. Общий подход Хаттон к сексу для одинокой женщины напоминает руководство для девочек. Она не была враждебна к мастурбации, пока к ней относились как к чистке зубов и не слишком увлекались. Она отличалась от других секс-просветителей тем, что заявляла, что столь волнительные физические недуги, якобы возникающие в результате мастурбации, на самом деле проистекают из совершенно неправильного чувства вины, а не из самого занятия.

> *«Отпусти и забудь» — вот, как мне показалось, совет, который можно дать тем женщинам, которые периодически чувствуют потребность доставить себе сексуальное удовольствие. «Позвольте оргазму прийти, и с легкостью на душе и с приумноженной энергией займитесь делом, которое у вас в руках». Все это не имеет значения, и нет необходимости и неразумно требовать идеала полного воздержания (там же).*

Хаттон также хотела, чтобы было устранено любое чувство вины за лесбийский секс, потому что, как и в случае с мастурбацией, именно чувство вины вызывало проблему, а не само занятие.

Столь же деловито решался и вопрос о «морали полового акта» в отношении лесбийского секса. Хаттон считала, что моральное возражение против лесбийского секса основано на идее о том, что секс должен существовать с целью размножения, и ее ответ был четким и простым: «Абсурдно говорить, что все гетеросексуальные ласки предназначены для того, чтобы привести к размножению» (там же). Касательно социальной морали, утверждает Хаттон, аморальность отсутствует, потому что нет браков, и потому лесбиянки не нарушают никаких контрактов. Единственная оговорка заключается в том, что пожилая женщина не должна «инициировать с девочкой или женщиной без предварительного опыта половой контакт — то есть во взаимную сексуальную стимуляцию — поскольку этот опыт может остановить психосексуальное развитие такой девушки и затруднить ее восприимчивость к гетеросексуальному влечению» (там же). Так что позитивным чувствам Хаттон по поводу лесбийства был предел. Брак и семья по-прежнему считались желанной судьбой для женщины, которая не была «настоящей» инверткой (прим. ред: инвертками назывались лесбиянки или геи, так как считалось, что в их случае «микробы» противоположного пола проникли в их тело). Но в случае с двумя зрелыми женщинами, вступившими в половые отношения, Хаттон выражает полную поддержку.

> *Эти условия — любовь и нежность, а также свобода от конфликтов и вины по данному вопросу, основанные на самопознании и взаимном уважении —*

являются строгими, но там, где они выполняются, половые отношения как часть настоящей подружбы могут способствовать тому, что вполне полезно и конструктивно для решения проблемы фрустрированной биологической реализации незамужней женщины (там же).

Такие отношения даже, по ее мнению, «сыграют весьма полезную роль в обществе в настоящее время» (там же).

Разделы «эмоциональная дружба» и «половая инверсия» составляют центральную часть книги Хаттон. Она объясняет, что подружба между женщинами часто подвергалась критике за то, что «они постоянно переполнены эмоциями, полны преувеличений и огорчений, и очень часто нестабильны и непостоянны» (там же). Она согласна с тем, что женская дружба часто «омрачается» такими вещами, но далее предполагает, почему это может быть так. Одна из причин заключалась в том, что конфликт мог возникнуть из-за невыраженной сексуальности. То, что она называет «характерной преходящестью женской дружбы», она объясняет давлением, оказываемым на подружбу, которая не получает ни малейшей толики признания и поддержки общества, какие получают гетеросексуальные отношения. Это политическое объяснение того, что враждебно настроенные сексологи считают частью патологии лесбийства.

Когда две женщины решают поселиться вместе, им не хватает никакой социальной поддержки, и это предложение [совместной жизни] имеет значение только для самих подруг. Конечно, никакого договора взаимных обязательств не существует; не ожидается ни сочувствия, ни одобрения, ни даже интереса. Социального признания вообще нет… Таким образом, такое партнерство в жизни не дает ничего, что могло бы сравниться с обнадеживающим началом каждого нормального брака, хотя они могут, и часто представляют собой то, что называют «основными отношениями» жизней двух женщин (там же).

Что наиболее удивительно для времени еще до зарождения лесбийского феминизма, так это понимание того влияния, которое попытка выжить в гетерореальном мире, враждебном для женской любви, оказывает на женскую подружбу.

Сочинения Хардинг и Хаттон кажутся необычными в контексте того, что предполагалось написать об одинокой женщине в послевоенные годы и позже. Марджери Фрай и Бланш Мари Смит, писавшие об одинокой женщине 1950-х годов, рисуют мрачную картину, полную проблем и никаких радостей жизни для одинокой женщины. Подружба между женщинами и лесбийство почти не упоминаются, не говоря уже о том, чтобы этой уделялось серьезное место и внимание, которые мы видели ранее. Предполагается, что жизнь незамужней женщины будет одинокой и лишенной любви.

Марджери Фрай была бывшей директрисой Сомервилльского колледжа в Оксфорде. Ее «Одинокая женщина» 1953 года представляет собой опубликованный текст радиовыступления. В беседе подчеркивается печальная судьба одинокой женщины, страдающей от одиночества и отсутствия великого удовлетворения материнства. Она демонстрирует важность своей темы, указывая, что насчитывается 4,5 миллиона одиноких женщин и 25 миллионов овдовевших и разведенных женщин. Она продемонстрировала свое отношение к статусу незамужней, включив очень сентиментальное стихотворение о ребенке, которая является нерожденным плодом неиспользованной утробы старой девы, которая жаждет плодоносить.

По мнению Фрай, «старая дева» скучает по семье и бытию домохозяйкой. Она, как правило, жила «на более низком материальном и эмоциональном уровне...», чем замужние женщины (Fry, 1953). В книге не было положительного отношения к женщинам, находящим любовь подруга у подруги, хотя она упоминает, что они могут найти дом у родственницы или подруги. Фрай говорит о себе, что она старая дева, прожившая насыщенную и интересную жизнь, но на протяжении всей книги она показывает, что считает семейное состояние более счастливым и превосходящим. Она не упоминает никаких преимуществ, связанных с бытием старой девой, но предостерегает от «капризности», которая, по ее мнению, может развиться у одиноких женщин, таких как беспокойство по поводу «пятна чернил на ковре или позднего звонка молочницы». Незамужних женщин предупреждают, чтобы они остерегались этого и «следили за появлением зачатков» (там же). Судя по всему, семейная жизнь «отметала» эти «мелкие странности». Это довольно унизительное самоуничижение, которое действительно поддерживает самые враждебные стереотипы, направленные против старых дев.

Молодость, по-видимому, наиболее недоброжелательный период для одинокой женщины, потому что именно тогда она больше всего скучает по замужеству. Средний возраст более благоприятен, потому что «эмоциональная жизнь становится менее настойчивой», и у женщины скорее всего была удовлетворительная карьера. В старости вдовам часто приходилось хуже, чем старым девам, потому что у них не было круга подруг. Возможно, самая мрачная часть речи — это заключение, в котором Фрай рассказывает нам об одном маленьком счастье, которое она открыла в своем возрасте:

> *Возможно, с возрастом мы все становимся немного ребячливыми. В этом есть один хороший момент; мне кажется, что удовольствие от мелочей действительно возвращается; красота внешнего мира и людинь, удовольствие от тепла солнечного света, огня или даже грелки, подружеский жест ребенки или спелая сочность сливы — хорошо смаковать эти вещи такими, какие они есть. Должна ли я признаться вам, что иногда, ожидая автобус дождливой лондонской зимней ночью — а в последнее время у нас их было много — когда нет никаких очевидных удовольствий, я говорю*

себе: «Ну, во всяком случае, я жива и я вижу других людинь и игру света, отраженного от тротуаров и даже плакатов».

Но, увы, я знаю, что бесполезно делать вид, что темные моменты не наступят (Там же).

Если это было утешением, то остальная часть ее жизни, должно быть, действительно была удручающей.

Хаттон и Хардинг на словах поддерживали идею о том, что семейная жизнь приносит больше удовлетворения, чем жизнь старой девы, но их вера в радости статуса незамужней была совершенно очевидна. Эти радости были основаны на любви и общении женщин. Фрай заперта в полностью гетерореальной модели, в которой женщина автоматически становится «брошенной» и «капризной», если она не принадлежит мужчине.

Бланш Мари Смит, чья книга «Одинокая женщина сегодня» была опубликована в 1951 году, в равной степени стала жертвой ограничений гетерореальности, то есть неспособности представить женщину, кроме как по отношению к мужчине. В своем «Посвящении» Смит сетовала на то, как часто достойная женщина «попадает в число оставленных за бортом, в то время как менее достойная выбирается для замужества»; книга была посвящена этим «достойным женщинам». В своих произведениях она, кажется, ищет понимания злой судьбы, которая отправила ее к старым девам. Она заявляет, что книга не является «антимужским трактатом», но в ней осуждается «вырождение» мужчины в выборе партнерки. Мужчины, очевидно, выбирали для женитьбы недостойных женщин. Серьезные недостатки одинокой жизни включали риск смерти от болезней, сопровождающих старую деву. Она перечисляет болезни, вызванные неиспользованием женских органов размножения. Смертность от рака яичников и маточных труб была вдвое выше, чем у замужних женщин (Smith, 1974). Одинокая женщина также страдала от серьезных психических расстройств, включая «истерию, эпилепсию, невроз навязчивых состояний, депрессию, маниакальную шизофрению и нервный срыв…» (там же). Более того, неспособность привлечь мужчину сама по себе, скорее всего, обозначала психическое заболевание. Если старая дева, читающая эту книгу, стала протестовать и отрицала бы наличие каких-либо физических или психических заболеваний, всегда можно было доказать, что она больна уже по самому факту своего одиночества.

Травмы детства, вытесненные из сознания, хотя и еще активные в психике, вполне могут привести к тому, что женщина подсознательно откажется от долга и обязательств зрелого состояния супружеской жизни. Аналитическая психотерапия может проследить во все более глубоком прогрессе причины неспособности некоторых женщин, в остальном вполне

подходящих для этого, привлечь мужчину в качестве партнера по браку (там же).

В то время как безбрачие в индивидуальном масштабе может привести только к перечисленным выше психическим заболеваниям, в социальном масштабе оно может привести к «войне и разрушениям» (там же). Это действительно была тревожная мысль.

Можно было бы подумать, что давление внутри гетерореальности на женщин, заставляющее их привязываться к мужчине, такое как изоляция и стигма, уже было достаточно сильным, учитывая уныние и отчаяние, которые женщины, такие как Фрай и Смит, испытывали из-за своей неудачи, без угроз смерти и разрушения. Смит хотела, чтобы это давление значительно усилилось. Она хотела перевоспитания, чтобы «подходящая женщина сочла мужчину необходимостью и не считала поиск партнера унизительным для своего эго» (там же). Жестокость таких посягательств на целостность и самоуважение одинокой женщины здесь столь же серьезна, как и в мужской анти-стародевической литературе 1850-х и 60-х годов, которая была ответом на внезапное обнаружение количества старых дев в переписи 1851 года. В этих произведениях 1950-х годов нет никаких предположений о том, что женщина может решить не выходить замуж. Такое было немыслимо. То, что женщины могли вступать в страстную подружбу подруга с подругой, было еще хуже, потому что это могло снизить их шансы на брак:

Хелен Дойч в мастерском анализе сотен случаев женщин, страдающих неврозами, показывает, как женщины могут, будучи отделены от мужчин, откладывать гетеросексуальные отношения до тех пор, пока не станет слишком поздно. Они становятся бессознательными лесбиянками. Отдаваемая и возвращаемая любовь более чувствительна, нежна и страстна, чем любовь, данная мужчине, уже потому, что она лишена полового удовлетворения. Такие отношения, в которых две одинокие женщины сильно и страстно связаны подруга с подругой, часто отодвигают нормальные брачные отношения (там же).

Такая подружба рассматривается не как утешение или даже преимущество старой девы, а просто как препятствие на пути к гетеросексуальности. Смит отвергает свидетельство одной сексологини о том, что влюбленные подруги здоровее и счастливее замужних женщин, заявляя, что фрейдистские психиатры с этим не согласны (там же).

*

Как мы можем объяснить столь драматические перемены, происходящие в литературе об одинокой женщине? В 1930-х годах две писательницы смогли увидеть сильных одиноких женщин и их превосходные любовные отношения подруга с

подругой, способные изменить мир в интересах женщин. Писательницы 1950-х годов погрузились в уныние и отчаяние по поводу несчастья бытия одинокой женщиной. Дружба между женщинами рассматривается как опасная, несмотря на ужасное одиночество, оплакиваемое писательницами. Одинокая женщина считается страдающей антисоциальным заболеванием, которое мешает ей привлекать мужчин. С практической точки зрения неспособность предположить, что женщины могут любить подруга подругу, или осуждение такой возможности, когда конкретной проблемой, которую решают, является одиночество «лишних» женщин, то есть не удовлетворяющих требованиям мужчин, предполагает крайний страх перед лесбийством. То, что женщины настолько запутались в гетерореальности, что они не способны представить себе любовь или счастье, не имея возможности служить мужчинам и детиням, не является удивительным, если принять во внимание тот факт, что многие гетеросексуальные женщины, считающие себя сегодня феминистками, подвержены аналогичной проблеме.

Что такого особенного в 1950-х годах, что сделало это десятилетие таким мрачным для одиноких женщин? В 1930-х годах Хардинг и Хаттон писали о завершающем этапе масштабной социальной трансформации, вызванной первой волной феминизма и социальными и экономическими силами, которые позволили женщинам уйти из дома, работать и быть независимыми от мужчин. Они видели возможности изменения мира в группе сильных независимых женщин, которые любили подруга подругу и полагались на подруга на подругу. Они не предвидели, что со стороны патриархальной идеологии произойдет ответная реакция, которая пресечет этот вызов в зародыше, или что соотношение полов станет менее благоприятным для женщин, начиная с 1940-х годов.

Решительное навязывание принудительной гетеросексуальности сексологами началось в 1920-х годах с сопутствующим конструированием полового удовольствия женщин с мужчинами, но в 1940-х и 50-х годах этот процесс значительно ускорился. Работа социальных работниц и сексологов по пропаганде самоотверженного служения женщин мужской власти в браке в сочетании со стигматизацией лесбийства не оставляла ни места, ни надежды одиноким женщинам. Они были изгоицами на краю мира счастливых патриархальных семей, что было сексологической фантазией. Хаттон объясняет, что в 1930-х годах одним из результатов сексологической категоризации лесбиянок было то, что людини одного пола не могли иметь «невинных» подружеских отношений, не вызывая подозрений в половой инверсии (прим. ред: т.е. гомосексуализме), что подразумевает значительную стигму.

> *С одной стороны, у жертв этой аномалии появилось самосознание, так что стало больше сознательных и меньше «невинных» гомосексуальных людинь, чем было; и в то же время дружеские пары одного пола теперь гораздо легче подозреваются в гомосексуальных наклонностях, чем это было бы, скажем, двадцать лет назад (Hutton, p.123).*

По словам Смит, к 1950-м годам эта гомофобия оказала еще более ограничивающее влияние на возможность женской дружбы:

> *Однако к домохозяйствам, в которых две незамужние женщины живут вместе, по-прежнему относятся с терпимостью, которая включает в себя некоторую жалость прошлого века и снятие вины с женщины, которая не вышла замуж, но эта терпимость заметно снижается. Сегодня молодым женщинам, которые работают и ведут домашнее хозяйство, приходится в значительной степени ссылаться на жилищную ситуацию или экономические соображения, чтобы оправдать такое положение... Многим мужчинам, живущим вместе, приходится противостоять очень серьезным социальным подозрениям относительно их гомосексуальности. То же самое можно сказать и о некоторых одиноких женщинах (Smith, pp.13-14).*

В 1960-х одинокая женщина больше не была в положении изгоя. Ей была найдена ниша в мире гетеросексуальных отношений, поскольку она была эротизирована для мужчин в таких книгах, как «Половой акт и одинокая девушка». Но в 1950-х годах этого еще не было. Женщинам разрешалось вступать в половые отношения только с мужчинами и только в браке. Одинокая женщина была досадной аномалией.

АНТИ-ЛЕСБИЙСТВО

Послевоенное десятилетие было особенно мрачным периодом для лесбиянок и геев. Ненависть к лесбиянкам в сексологической литературе достигла своего пика в это время, а сексологические предписания для домохозяек стали более жесткими и ограничивающими. Этого следовало ожидать, поскольку стигматизация лесбиянок идет рука об руку с беспокойством по поводу насаждения гетеросексуальности. Чем больше паранойя сексологических первосвященников по поводу угроз мужскому доминированию, тем сильнее они осуждают лесбиянок. Сибил Невилл-Рольф объяснила эту угрозу в евгенических терминах в своей главе «гомосексуальная». Она видела благополучие «расы» как «основанное на семье» и на «обществе, создающем обычаи, при которых выбирать будут наиболее приспособленных по характеру, телосложению и интеллекту в качестве родительниц будущего». С этой целью «каждое поколение» должно «защищать общество от ущерба, причиняемого ему плодами аномалий» (Neville-Rolfe p.465).

Опасность для семьи рассматривалась как опасность для государства, поскольку государство, основанное на превосходстве мужчин, было основано на подчинении женщины в семье. Один сексолог описывает опасность, которую представляют гомосексуальные людини, в терминах, напоминающих фильмы ужасов 1950-х годов о вторжении инопланетян, которые угрожали уютным нуклеарным гендерно-стереотипным семьям:

Гомосексуальность в значительной степени является приобретенным отклонением и распространяется как морально заразная болезнь. Это приводит к созданию общества, в котором есть даже что-то вроде собственного языка и, конечно же, с практиками, чуждыми нормам нормального общества. Это вызывает все больше и больше бесплодных союзов, которые отвлекают мужчин и женщин от нормальной семейной жизни, развития дома и деторождения. Рост гомосексуального общества в любой стране представляет собой более или менее серьезную угрозу благосостоянию государства (Moore, 1945).

Американская литература более параноидальнее и жестче, чем британская. Сэмюэл Стюард в предисловии к современному изданию романа Джеймса Барра «Четырехлистник» 1950 года объясняет своеобразную порочность 1950-х годов реакцией на доклад Кинси. Отчет Кинси 1948 года о половом поведении мужчин показал, что гомосексуальный опыт был относительно нормальным для американских мужчин. Сексологи бросились отрицать это, и на протяжении 1950-х годов бушевала битва между теми, кто, как Эдмунд Берглер, был в ужасе от результатов, и теми, кто был готов их принять. Стюард отмечает, что до Кинси американское общество ничего не знало о гомосексуальности. Это невежество он описывает как «защитный зонтик», под которым геи жили без особых преследований, потому что никто на самом деле не верил в их существование. После Кинси это уже никогда не будет правдой. Внезапно возникла моральная паника по поводу гомосексуальности.

[Публикация отчета] ... хотя и принесла много пользы нашему делу, но также сорвала последние клочья шелка, оставив над нами только металлические ребра. Тогда сенатору Маккарти с его слухами и обвинениями оставалось только разрушить все и заставить нас еще глубже спрятаться в наших шкафах, чтобы избежать полного уничтожения (Steward, 1982).

Фрэнк Каприо, автор замечательной книги «Сексуально адекватная женщина», написал единственное в тот период полное исследование лесбийства. Литература о лесбиянках до зарождения лесбийского феминизма была очень скудной. Слово «гомосексуал» интерпретировалось почти исключительно как означающее мужчину. В стандартной литературе по вопросам полового акта лесбийство обычно освещается только в контексте предупреждений женщинам ни на мгновение не отходить от идеала женственности. Каприо был в панике, вызванной, видимо, изменениями в отношениях между полами, произошедшими в результате войны. Он был напуган тем, что женщины становятся «дефеминизированными» из-за своего стремления к эмансипации, и что это приводит к лесбийству. Мы можем понимать слово «дефеминизация» как означающее нежелание принять полностью подчиненную роль.

Поэтому женская половая инверсия становится все более важной проблемой. Некоторые считают, что женщины быстро дефеминизируются в результате своего чрезмерного стремления к эмансипации, и что эта «психическая маскулинизация» современных женщин заставляет их становиться фригидными... (Caprio, p.188)

Интересно поразмышлять, в чем могло заключаться «чрезмерное стремление к эмансипации». Он представил то, что считал убедительным доказательством маскулинизации женщин. Это заключалось в ношении «мужской одежды» и «привычке к курению», которые были признаками «психической мужественности». Он отметил, что, возможно, это всего лишь совпадение, «но весьма существенное», что лесбиянки, с которыми он беседовал, были «по большей части заядлыми курильщицами» (там же). Общая дефеминизация может привести к «восприимчивости многих женщин к гомосексуальному образу мышления». Все это противоречило интересам женщин, потому что, осознавали это сами женщины или нет, Каприо знал, что «женщины бессознательно предпочитают выполнять свою материнскую роль и быть любимой для мужчины» (Там же). Такие сексологи гораздо лучше самих женщин знали, чего те на самом деле хотят.

Эта уверенная ненависть к лесбиянкам основывалась на тотальном доминировании фрейдизма в сексологическом мышлении. Именно в послевоенное десятилетие фрейдизм взял верх в сексологии и стал доминировать в мышлении представителей «заботливых» профессий. Лесбийство объясняли с точки зрения отношений с родительницами. Эдмунд Берглер в 1951 году услужливо сообщает нам: «На самом деле лесбиянки бессознательно действуют пассивно-активно, играя в Великаншу» (Bergler, p.188). На протяжении всей книги матери упоминаются как Великанши. Именно такой, по мнению Берглера, ребенок видит мать. Скорее всего, это свидетельство неприязни Берглера к женщинам, несмотря на его модное утверждение о важности женской миссии материнства. Вполне возможно, что маленький мальчик, хорошо осознающий свою унаследованную силу мужчины, может чувствовать себя враждебно по отношению к женщине, которая имела власть над ним из-за своего огромного размера. Такой подход к женщинам и лесбиянкам не кажется полезным, за исключением тех, кто заперт в иррациональности фрейдистской религии 1950-х годов. По словам Берглера:

Психоаналитический опыт учит нас, что бессознательную причину женской гомосексуальности следует искать в неразрешенном орально-мазохистском конфликте доэдипального ребенка с матерью (там же).

Ученицы Фрейда, такие как Мария Бонапарт, предлагают нам аналогичные объяснения. Она пишет, что лесбиянки «до бесконечности воспроизводят первичную сцену активно-пассивного чередования служения матери ребенке» (Bonaparte, p.47). Мать считалась источником лесбийства, точно так же, как психоаналитическая

индустрия считала ее источником почти всех тех форм поведения, которые они находили тревожными, от вандализма со стороны мальчиков-подростков до изнасилований и непристойного обнажения.

Каким бы загадочным это ни казалось, психоаналитики смогли обвинить матерей как в мужской, так и в женской гомосексуальности. Это кажется едва ли справедливым и даже непоследовательным. Кеннет Уокер говорит нам, что «преобладание женского влияния в семье» — это влияние, «наиболее способствующее развитию гомосексуализма [мужского]» (Walker, 1969). Гомосексуальные мужчины, по-видимому, часто являются младшими сыновьями, чьи матери злоупотребляют ими таким образом: «Они часто испытывают искушение прильнуть к младшему, одеть его в детскую одежду и сохранить его длинные волосы, такие же очаровательные, как у девочки». Решением проблемы стало «мужественное воспитание мальчиков и близость почитаемого отца» (Там же). Тесные отношения между детинями обоего пола и их матерями могли привести к неприятностям. Лесбиянками считались девочки, которые из-за неразрешенной зависти к пенису оставались эмоционально слишком привязанными к своим матерям. Крепкая связь между матерью и ребенкой, которую сексологи повсеместно требовали ради будущего их детинь, может легко превратить детинь либо в лесбиянок, либо в гомосексуальных мужчин. Это, должно быть, создавало непреодолимые трудности для женщин, которые добросовестно стремились следовать сексологическим предписаниям в воспитании детинь. Это была безвыходная ситуация. С другой стороны, от слабых отцов могли родиться как лесбиянки, так и гомосексуальные мужчины. Чессер так описывает отца одной лесбиянки:

> *Ее отец был сельским адвокатом, полностью подчинявшимся своей жене, которая была на двенадцать лет моложе. Казалось, он был вполне доволен тем, что оставался в тени и поручил воспитание ребенке жене. «Все ради спокойствия» было его максимумом (Chesser, 1959).*

Иногда выдвигались и другие объяснения. Каприо предположил такие дополнительные причины, как «различные травматические воздействия окружающей среды в детстве и подростковом возрасте (разрушенные дома, неадаптированные в половом плане родители, садистское чувственное отношение к противоположному полу, смерть родителя, предрасположенность к мужественности и преждевременная половая жизнь)» (Caprio, 1957). Понятно, что Каприо не считал лесбийство положительным выбором для женщин. Он описал это как «в лучшем случае форму совместной или взаимной мастурбации» и заявил, что лесбиянки, скорее всего, совершат серьёзные преступления или даже станут психопатками. Он пояснил, что при расследовании преступлений, совершенных женщинами, часто выяснялось, что «женщины были либо закоренелыми лесбиянками, убивавшими из-за ревности, либо латентными лесбиянками с сильными агрессивными мужскими наклонностями». Некоторые лесбиянки, подчеркнул он, «проявляют ярко

выраженные садистские и психопатические наклонности». Вероятно, они также были клептоманками. Подавляющее большинство из них были «эмоционально нестабильными и невротицами», тем не менее, как с изумлением заявил Каприо, «многих из них очень беспокоит мысль, что психиатрки считают их "больными людинями", нуждающимися в лечении» (там же). Таким образом, одной из форм «невроза» лесбиянок, похоже, является праведный гнев на то, что их называют «больными». Но Каприо заверяет нас, что «лесбиянки не были бы здоровыми людинями, даже если бы они жили в обществе, где сексуальность по отношению к представителям своего пола была социально приемлемой» (там же). Для этого утверждения он не приводит никаких «научных» доказательств. Это просто его собственное нетронутое предубеждение.

Послевоенные сексологи были достаточно любезны, чтобы определить характеристики лесбиянки, чтобы ее можно было узнать. Сексологи считали, что лесбиянки делятся на две разновидности: мужественную и женственную. Те, кто верили в биологические объяснения лесбийства, считали «мужественных» прирожденными лесбиянками. Лесбийство «женственных» считалось психологически детерминированным. Британский сексолог Кеннет Уокер так описывает мужественный тип:

> *В первую группу входят те, у кого ярко выражены мужские черты. Вторичные половые признаки у них развиты слабо, грудь небольшая, голос низкий по тембру, оволосение приближается к мужскому, отложения жира на бедрах и ягодицах, характерные для женщин, отсутствуют. Многие из этих мужественных женщин подчеркивают свою и без того мужественную внешность, подстригая волосы коротко, ходят и двигаются, как мужчины, а также одеваются в мужскую одежду. Они часто высокоинтеллектуальны, а также чрезвычайно способны, как и в случае с инвертированным мужчиной (Walker, p.162)*

Вторая группа была больше и «женственной как по внешности, так и по поведению». Эта группа научилась быть лесбиянками. Они были сбиты с пути мужественными лесбиянками, и их было легче вылечить.

В 1950-х годах признание того, что гомосексуальность является болезнью, под влиянием фрейдизма, привело сексологов в некоторое замешательство. Их явная враждебность к гомосексуалам боролась с осознанием того, что необходима определенная терпимость, поскольку у врачинь не было привычки рекомендовать тюрьму и жестокие наказания тем, кто была больна и не могла себе помочь. 1940-е и начало 1950-х годов в США были настолько жестоким временем для лесбиянок и геев, что психоаналитикам было труднее, чем их британским современникам, проявлять сочувствие. Джеффри Уикс объясняет, что «поскольку Корейская война осталась в памяти, а маккартизм горел, как лесной пожар в Соединенных Штатах,

гомосексуальные людини вышли на передний план как козлицы отпущения и жертвы холодной войны» (Weeks, 1977). В 1950 году Государственный департамент запретил гомосексуалкам работать на государственной службе, и эта паранойя достигла Британии. Действительно, Уикс цитирует лондонского корреспондента Sydney Morning Telegraph в 1953 году, который раскопал план, к которому правительство США призывало британское правительство, «отсеять гомосексуальных людинь как угрозу безопасности с видных должностей».

В конце 1940-х и начале 1950-х годов в Британии усилились преследования гомосексуальных мужчин, вдохновленные назначением в 1944 году нового и ярого римско-католического директора государственной прокуратуры и двух министров внутренних дел, враждебно настроенных по отношению к гомосексуальности, Герберта Моррисона и сэра Дэвида Максвелла-Файфа. Пик судебных преследований пришелся на 1953 год. Например, в 1938 году их было 82, а в 1953 году — 3305. Но эта охота на ведьм вызвала отвращение у общественности и в сексологических кругах. Кеннет Уокер выступил против сохранения каких-либо законов против гомосексуальности и против такого использования террора.

> *Ранее утверждалось, что гомосексуалов привлекали к ответственности только тогда, когда их поведение становилось настолько скандальным, что полиция не могла удержаться от принятия мер. Это уже не так, поскольку очевидно вышла директива о том, что улицы должны быть «очищены», и в результате суды полны таких неудачных дел (Walker p.153).*

Он объяснил, что это неправда, что гомосексуальность растет. Просто «в один период это признавалось и рассматривалось как допустимое, а в другой не одобрялось и загонялось в подполье».

Можно было ожидать, что «Революция полового акта» шестидесятых принесет свободу лесбиянкам и геям. В каком-то смысле это могло быть так, но Революция была гетеросексуальной революцией, и любой импульс к освобождению лесбиянок был чисто случайным ответвлением. Многие из предположительно самых прогрессивных пророчиц новой свободы полового акта по-прежнему боялись гомосексуальности или враждебно относились к ней.

2. Отмена цензуры

Норман Мейлер — американский писатель, печально известный своей мизогинией, чьи произведения были критически проанализированы в книге Кейт Миллетт «Политика пола» в 1971 году. Он описывает борьбу издателей и их законных представителей против законов о непристойности в конце 1950-х — начале 1960-х годов как подобную Американской гражданской войне. Издателями были бесстрашные генералы, которых сравнивали с Шерманом и Грантом, которые были «полны решимости взять холм, даже если это займет все лето и съест половину их ресурсов» (Rembar, 1969). Чарльз Рембар, адвокат, защищавший издателей, был «одним из помощников Ли». Он также был двоюродным братом Мейлера. Мейлер, описывая их детские отношения, говорит: «Я боготворил его… потому что он был героем». Это начало рассказа Рембара о его кампании против законов о непристойности имеет всю помпезность и торжественность вступления к жизни Александра Великого. Но основания, на которых Рембару был присвоен статус героя, совсем иные. Он не сражался с генералами Конфедерации или персами, но, судя по всему, выиграл войну.

> *Война выиграна. Такие писатели, как я, теперь в Америке могут писать на любую тему; неважно, если это о половом акте, и мы откровенны — у американского писателя есть свобода (там же).*

Такая же война велась в это время в Англии. Джон Сазерленд, автор исследования отмены цензуры в Великобритании в 1960-82 годах, также использует терминологию войны для описания этого эпического конфликта. Он пишет, что «путь к свободе от цензуры в период 1960-1977 годов лучше всего рассматривать как серию стремительных наступлений, встречаемых упорным арьергардом и ответными действиями» (Sutherland, 1982). Кто был врагом? В Великобритании, по словам Сазерленда, это были Мэри Уайтхаус, Лорд Лонгфорд, Рэймонд Блэкберн, Дэвид Холбрук, Фестиваль Света. По обе стороны Атлантики их воспринимали как консервативных и регрессивных, как силы тьмы, заслуженно побежденные носителями свободы полового акта. Эберхард и Филлис Кронхаузен, чья книга «Порнография и закон» была частью пропагандистской литературы в поддержку антицензуры, так описывают мотивацию цензоров:

> *Те, кто выступает за цензуру эротических материалов… либо открыто — как в случае христианской ортодоксальности — либо молчаливо следуют доктрине Павла о плотском грехе, независимо от того, осознают они эту связь или нет. Они не могут рассматривать естественные проявления полового влечения как нечто совершенно «по ту сторону добра и зла». Вместо этого они приучены чувствовать — силой своих внутренних убеждений, привитых религиозными и другими образовательными*

процессами того или иного рода — что половой акт по своей сути является злом, грязным и опасным, или, по крайней мере, потенциально таковым, если его тщательно не контролировать и ограничивать рядом социальных запретов (Eberhard and Phyllis Kronhausen, 1967).

Таким образом, антагонистами были героические прогрессисты и реакционные ханжи. Это стандартная интерпретация авторов Революции сексуальности, которые считают отмену цензуры жизненно важным компонентом Революции. Основным строительным блоком предполагаемого освобождения, охватившего Запад в 1960-е годы, было право писать о половом акте, не нарушая при этом законов о цензуре. На первый взгляд это не выглядит спорным, но когда мы рассматриваем битву более подробно, она все меньше и меньше напоминает рыцарский поединок между рыцарями тьмы и защитниками свободы.

Прославленные великие произведения литературы и открытости полового акта, на которых концентрировался конкурс, по мнению их поклонников, просто говорили правду о сексе. Они утверждали, что те, кто выступала против такой работы, просто возражали против секса и боялись его. Это было еще до появления феминистской критики порнографии. В число книг, написанных мужчинами, входили «Любовник леди Чаттерлей» Д. Г. Лоуренса, «Последний выход в Бруклин» Хьюберта Селби, «Лолита» Владимира Набокова и «Голый обед» Уильяма Берроуза. Когда мы смотрим на ценности полового акта, изображенные в книгах, мы обнаруживаем женское подчинение и мужскую агрессию, половое насилие мужчин над маленькими девочками, садомазохизм. «Правда» о сексе, раскрываемая в этих книгах, похоже, не имеет ничего общего с отношениями равенства и взаимности между взрослыми людинями обеих полов или половой ориентацией. Я полагаю, что сценарий, изложенный в них, был сценарием, которому в значительной степени следовали во время последовавшей за этим Революции сексуальности. Внимание, уделяемое расшифровке этого сценария полового акта, помогает прояснить, почему «освобождение полового акта» не стало освобождением женщин.

Рембар, это львиное сердце адвокатов, считал, что нарушение закона о непристойности позволит «правде» восторжествовать. Как американец, он аргументировал свою позицию на основе прав первой поправки, то есть права на свободу слова, закрепленного в конституции США. Антицензура всегда утверждала, что их борьба за литературу о половом акте была также борьбой за свободу говорить о социализме. Они утверждали, что до тех пор, пока существует истинное смешение языков, являющееся результатом свободы слова, истина будет открываться. Послание, которое выберет публика, будет тем, чего она искренне хочет и что для нее хорошо. Чтобы объяснить этот момент, Рембар цитирует судью по вопросу истины.

В свободном обмене идеями истина откроется. «Лучший критерий истины, — сказал судья Холмс, — это способность мысли добиться признания в конкурентной борьбе на рынке» (Rembar, p.12).

Если мы примем эту идею, то нам придется признать и то, что ценности полового акта, пропагандируемые в настоящее время массовой порноиндустрией, являются «правдой» о сексе. Они несомненно победили. Благодаря защите некоторых сомнительных книг был открыт рынок для победы истины. Аргумент свободного рынка, конечно, имеет некоторые серьезные недостатки. Это исключает любое понимание политики угнетения. Не все группы в обществе имеют равный доступ к ресурсам, влиянию и власти, чтобы насытить окружающую среду своей «истиной», чтобы у людинь был шанс обратиться в эту истину.

Более того, в системах угнетения продолжение угнетения отвечает интересам тех, кто получает выгоду, поэтому даже если угнетенные каким-то чудом получат реальный доступ к средствам массовой информации, существуют веские практические причины, по которым выгодоприобретатели их угнетения могут не обратиться в эту истину.

Кронхаузены были убеждены, что такие книги, как «Любовник леди Чаттерлей», «Лолита» и т. д., представляют «правду» о сексе. Они описывают такие произведения как «эротический реализм» и отличают их от порнографии, которая, по их мнению, представляет собой фантазию. Можно было бы предположить, что это довольно спорное различие. Означает ли это, что ситуации, описанные в «Последнем выходе», такие как групповое изнасилование Тра-ля-ля, являются документальными и просто повторяют события, подробно известные автору? Никто не претендовал на такое правдоподобие. Спорные произведения рассматривались как художественные произведения, и в их защиту фактически выдвигалось то, что они были великими произведениями литературы, а не журналистики. Поскольку Кронхаузены считали, что эти романы просто говорят правду, то мы должны предположить, что содержание книг близко соответствует предрассудкам, которых придерживается эта команда из мужа и жены относительно того, что «есть» секс. Они считают, что истина о сексе хороша и полезна для здоровья, и рекомендуют использовать все книги, о которых далее идет речь, для обучения детинь тому, что это и «есть» секс.

...идеальным дополнением к тому, что среднестатистический просвещенный дом или школа предлагает в форме полового воспитания, были бы книги эротического реализма, такие как «Любовник леди Чаттерлей» Лоуренса, «Мемуары округа Геката» Уилсона или автобиографические произведения, такие как «Жизнь и любовь Фрэнка Харрис». Эти книги соединят то, что молодые людини изучили в области половой анатомии и физиологии, с механизмом вожделения и

соответствующими эмоциональными состояниями, которые сопровождают сексуальность в различных условиях.

Мы не сомневаемся, что это будет тот тип полного полового воспитания, который хорошие дома и школы предложат в не столь отдаленном будущем (Kronhausen, p.240).

Отмена цензуры была необходимым предварительным шагом на пути к Революции сексуальности. Битва была выиграна на территории книг, которые содержали ценности полового акта, враждебные интересам женщин, и эта система ценностей стала понятой «истиной» о сексе на последующее десятилетие. Мифология битвы за отмену цензуры, то есть то, что она велась в интересах истины, свободы и справедливости на благо всего человечества, очень распространена и обеспечивает прочный барьер против феминистских вызовов порнографии. Любая критика благотворного мира порнографии, принесенная нам отменой цензуры, рассматривается не только как неблагодарность, но и как потенциально угрожающая правам и свободам всех народов. Отмена цензуры открыла шлюзы для порноиндустрии. Без мощного пропагандистского инструмента, который предоставляет порнография, возможно, что безжалостная мизогиния «освобождения полового акта» не смогла бы укорениться. Такие произведения, как «Голый обед», не имеют такого широкого распространения по сравнению с массовой порнографией. Было неизбежно, что людини, не увлекающиеся чтением, потребуют менее эзотерической порнографии, а предприниматели увидят открывающиеся перед ними возможности получения прибыли. Некоторые издатели и адвокаты довольно цинично осознавали, что использование защиты литературных достоинств для оправдания романов создаст клин, который позволит впустить широкий спектр других порнографических материалов. Некоторые из тех же самых адвокатов теперь зарабатывают хорошие деньги, защищая материалы, для которых литературные достоинства были бы неуместной защитой, то есть истории и записи об инцесте, зоофилии, садомазохизме, нацистских лагерях смерти и всем богатом разнообразии ненависти к женщинам.

Британский Закон о непристойных публикациях 1857 года уполномочил судей отдать приказ об уничтожении книг и гравюр, если, по их мнению, публикация будет приравниваться к «проступку, подлежащему судебному преследованию как таковому». Разработчики закона заверили своих критиков, что он не предназначен для защиты произведений признанной литературной или художественной ценности. В то время не было предложено никакого определения непристойности. В 1868 году стандартный критерий непристойности был сформулирован в решении главного судьи Кокберна по делу Хиклина. Он постановил:

Я думаю, что критерием непристойности является то, имеет ли материал, квалифицируемый как непристойный, тенденцию развращать тех, чьи умы

открыты для такого аморального влияния, и в чьи руки может попасть публикация такого рода. (Montgomery, 1966).

Тест Кокберна оставался основой английского закона о непристойности до принятия Закона о непристойных публикациях 1959 года. Он был принят в США через 11 лет после того, как был сформулирован в Великобритании.

Именно в 1950-х годах законы о непристойности подверглись нападкам. Группы издателей и авторов объединились, чтобы потребовать изменения закона. В начале 1950-х годов в отношении многих книг были возбуждены судебные преследования, что выглядело как крестовый поход, и это стимулировало требование перемен. Произвольный характер законов, которые позволяли действовать по инициативе полиции и зависели от политических взглядов и половой ориентации главных констеблей, казался неуместным в послевоенном мире.

В 1950-х годах книги, которые не могли быть опубликованы в Великобритании из-за политического климата, выпускались англоязычными изданиями в Париже издательством Olympia Press Мориса Жиродиа. Пресса была основана в 1953 году, чтобы «посмотреть, как далеко я могу зайти в одиночку, в сознательной попытке уничтожить цензуру как моральный институт, как традицию, как метод правления» (там же). Жиродиа публиковал книги, которые, по его мнению, имели как литературную ценность, так и откровенно порнографическую. Книги, имеющие литературную ценность, были за авторством мужчин, написавших оды практике агрессивной мужской сексуальности, некоторые из которых стали предметом судебных процессов по делу о непристойности в Великобритании и США в 1960-х годах. В их число вошли произведения Генри Миллера и Жана Жене, «Лолита» и «Голый обед». Порнографические названия «Олимпии», литературные достоинства которых не были защищены, включали «Кто толкнул Паулу?», «Белые бедра», «Колесница из плоти», «История О», «Порка кнутом» и «Половая жизнь Робинзона Крузо». Результатом личного крестового похода Жиродиа по «реабилитации секса и эротики» стало то, что книги, которые должны были составить основной материал антицензурной платформы, были прекрасно знакомы их защитникам-мужчинам, несмотря на британские законы о цензуре.

Закон 1959 года сохранил определение непристойности как «вероятность развратить», но в нескольких отношениях либерализовал предыдущий закон. Во-первых, книгу следует рассматривать в целом, а не просто выступать против нее на основании отрывков, вырванных из контекста. Во-вторых, книгу следует рассматривать как способную развратить и развратить не только любую школьницу, но и обычного человека. Издателям была предоставлена защита «невинного распространения», а издателям и авторам – защита литературных или иных достоинств. Именно это последнее изменение было сочтено наиболее полезным и немедленно проверено с публикацией «Любовника леди Чаттерлей».

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАСЛУГИ

Среди произведений «эротического реализма» 1950-х и 60-х годов, которые защищали от обвинений в непристойности с помощью защиты литературных достоинств, были две книги, которые мы здесь рассмотрим подробно. Это «Голый обед» Уильяма Берроуза и «Лолита» Владимира Набокова. Анализ книг показывает нам, что невозможно провести реальное различие между «порнографией» и литературными произведениями, если ценности, демонстрируемые в такой литературе и в порнографии о женщинах и сексе, идентичны. Защита литературных достоинств позволила публиковать книги, содержащие такие ценности, и, что неудивительно, положила начало массовой индустрии порнографии.

Совершенно случайно первому судебному преследованию по новому закону подверглось издательство Penguin Books, выпустившее «Любовника леди Чаттерлей», а не издательство Weidenfeld and Nicholson, которое опубликовало «Лолиту» в твердом переплете в 1959 году. В 1928 году Д. Х. Лоуренс безуспешно пытался опубликовать «Леди Чаттерлей» в Великобритании, но был вынужден публиковаться самостоятельно во Флоренции. Издание от Penguin в мягкой обложке 1960 года было первым британским изданием. Сазерленд предполагает, что роман Лоуренса был выбран потому, что язык был более грубо непристойным, а цена — дешевой. Правящий класс Англии считал, что бывшие учащиеся государственных школ могут без вреда для себя просматривать эротическую литературу, но она не должна попадать в руки рабочего класса.

Компания «Penguin» выпустила первый тираж в 200 000 экземпляров и отправила дюжину экземпляров Генеральной прокуратуре, предложив ей вынести решение по делу о непристойности «Леди Чаттерлей» и приготовившись бороться с судебным преследованием. Генеральная прокуратура приняла решение возбудить уголовное дело, а адвокат защиты собрал 35 свидетелей, которые дали показания в пользу «общественного блага» романа. Среди этих свидетелей были восемь ученых-литературоведов и уважаемые писатели, такие как Э. М. Форстер. Т. С. Элиот, как и многие другие, ждал возле суда, но их не позвали. Защита сосредоточилась на доказательстве того, что роман Лоуренса был чистым и хорошим, своего рода литературная английская соль, а не на литературных достоинствах книги. Возможно, это связано с тем, что литературные критики сочли книгу «Леди Чаттерлей» довольно смущающей, не соответствующей стандартам обычных работ Лоуренса. Ф. Р. Ливис был литературным критиком, в наибольшей степени ответственным за создание репутации Лоуренса как выдающегося британского романиста двадцатого века. Он отказался давать показания на суде, поскольку не считал роман великой литературой. Но появление в качестве свидетелей ученых и писателей «великой» литературы гарантировало, что литературные заслуги были добавлены к другим общественным причинам, по которым «Леди Чаттерлей» не считалась непристойной. Защита «Леди

Чаттерлей» в США Чарльзом Рембаром основывалась исключительно на идее литературных достоинств.

Кейт Миллетт написала превосходный анализ «Леди Чаттерлей» в книге «Половая политика», и нет необходимости вдаваться в подробности его содержания здесь. Миллетт объясняет, что книга представляет собой «квазирелигиозный трактат, повествующий о спасении одной современной женщины… посредством личного культа автора, "тайны фаллоса"» (Millett, 1977). Миллетт дает четкий феминистский анализ ценностей, заложенных в половой активности, происходящей в романе.

> *Сцены полового акта в романе написаны по принципу «женщина пассивна, мужчина активен», заложенному Зигмундом Фрейдом. Фаллос — это все; Конни (леди Чаттерлей) — «пизда», существо, на которое воздействуют, с благодарностью принимающая каждое проявление воли своего хозяина (там же).*

Раздел книги, в котором Конни становится «женщиной», особенно хорошо демонстрирует эти ценности. Во время полового акта Конни чувствовала себя неспособной любить Меллорса и не могла испытывать никакого уважения к его пенису. Это произошло потому, что она чувствовала «внутреннее сопротивление». Но внезапно она эмоционально сдалась и смогла с соответствующим трепетом пережить акт проникновения. Сдавшись, она почувствовала себя «маленькой» (это прилагательное часто повторяется), она растаяла, она «сдалась с дрожью, подобной смерти, она открылась ему вся… открытая и беспомощная» (Kronhausen, p. 205). Пенис ощущался как «укол меча в ее мягко раскрытое тело», и она обнаружила себя в «покое», потому что она «ничего не держала» и «осмелилась отпустить все, всю себя и войти в поток». Высшая точка ее оргазма в ответ на этот удар меча описывается как прикосновение к ее самым сокровенным существам, по довольно причудливой формулировке Лоуренса, как «быстрое израсходование всей ее плазмы». Лоуренс говорит нам, что «она достигла завершения, и она ушла. Она ушла, ее не было, и она родилась женщиной». Что произошло? В этом религиозном опыте Конни отказалась от своего отдельного человеческого существования, своего «Я», индивидуальности и независимости, чтобы стать поклонницей фаллоса и отдельного мужчины. Каким бы отвратительным ни был такой мазохизм, когда он проявляется в религии, по крайней мере, он требуется и от мужчин. В этой фаллической религии только женщины умирали как человеческие существа, чтобы переродиться как «женщина», определяемая как покорная поклонница.

Подобные настроения свойственны не только порнографическим произведениям. Сексологические сочинения ко времени первой публикации «Леди Чаттерлей» были еще более вопиющими, чем более поздняя сексология, утверждающими, что половой акт должен вести к разрушению отдельного существования женщины как целостного человеческого существа и превращать ее в

покорную служанку. В 1976 году были опубликованы два тома аналитика Вильгельма Штекеля о фригидности у женщин. Он определил диспареунию или неспособность достичь оргазма при половом акте следующим образом: «Упрямство отменяет волю к подчинению и вновь открывает борьбу за поддержание чувства личности» (Stekel, 1936). В эпизоде с «Леди Чаттерлей», описанном выше, борьба Конни за то, чтобы оставаться личностью, закончилась.

Эта тема характерна для порнографии и лежит в основе знаменитой классической книги Olympia Press «История О», которая была впервые опубликована в Великобритании в 1970 году. В этой книге описывается выбранное женщиной и добровольно принятое ею решение об уничтожении ее «Я» и индивидуальности посредством полового насилия и унижения, вплоть до того, что она готова принять смерть. Недавно борцы за свободу полового акта приветствовали ее как литературное произведение и книгу, раскрывающую женскую сексуальность. Это была реакция борцов за свободу полового акта на публикацию «Леди Чаттерлей» в США. Кронхаузены были в восторге от точности Лоуренса в описании того, чем является и чем должен быть половой акт для женщин. По поводу процитированного ранее отрывка они комментируют:

> *Приведенный выше отрывок из «Любовника леди Чаттерлей» непревзойден в прекрасной и совершенно правильной интерпретации того, что происходит — психологически — когда женщина в ее общении с настоящим мужчиной действительно становится женщиной (Kronhausen, pp. 206-7).*

Мы должны помнить, что именно эти писатели называют все произведения, вызывавшие споры в 1960-е годы, «эротическим реализмом».

В чем же тогда разница между «искусством» и порнографией? Кронхаузены не используют эту лексику, хотя и тратят на решение этой проблемы некоторую энергию. Они различают «эротический реализм» и «непристойные» книги, но, похоже, они имеют в виду извечную игру, заключающуюся в различении искусства и порнографии. Они объясняют, что «непристойные» книги имеют «общую структуру, по которой их можно отличить от других видов письма» (там же). Эта структура такова:

> *Книга, призванная действовать на читателя как эротический психологический стимулятор («афродизиак»), должна постоянно держать в уме читателя последовательность эротических сцен. Оно не должно утомлять его излишними неэротическими описаниями пейзажей, изображениями персонажей или длинными философскими изложениями (там же).*

С другой стороны, эротическая реалистическая литература содержала материал, направленный не только на возбуждение. Кроме того, по их словам, она «пытается изобразить жизнь такой, какая она есть, или такой, какой она кажется

автору, тогда как "непристойные" книги являются продуктом чистой фантазии» (там же). В эротической реалистической литературе наращивание полового возбуждения может быть прервано тем, что они называют «антиэротическим» материалом. Это такие значимые события, как «беременность, венерические заболевания, болезни в целом, смерть, экономические трудности и тому подобные проблемы». Кронхаузенов, кажется, не слишком беспокоит сама по себе концепция «искусства», и это освежает.

Те, кто беспокоится об «искусстве» и пытается определить разницу, оказываются в больших трудностях. Бернард Уильямс был председателем Комиссии Уильямса по непристойности и цензуре фильмов. Он признал, что некоторые формы литературы можно считать сексистскими, но такая литература не была «искусством», потому что это была популярная литература. Он пришел к выводу, что «есть доля правды, хотя бы некоторая доля правды, в идее о том, что массовая эротическая порнография является сексистской прежде всего потому, что все, что распространяется массово, является сексистским» (Kappeler, 1986). Сюзанна Каппелер разоблачает лицемерие такого мышления в своей книге «Порнография репрезентации». Она комментирует:

> *Есть что-то «сексистское», определенно слегка (мягко) порнографическое в идее массового распространения. Это делает гамбургеры Макдоналдса явно менее вкусными, чем гамбургеры какого-нибудь другого ресторана. Прежде всего, это означает, что частная, индивидуалистическая порнография, хранящаяся в уединении вашего дома или в ограниченном роскошном издании какого-нибудь издателя вкусовщины, может быть спасена от отнесения к «массовой порнографии» как феномену «популярной культуры»... Таким образом, качество «непристойности» или порнографии заключается не в самом изображении, а в его распространении (там же).*

На этом основании Уильямс смог прийти к выводу, что книга «Внутри Линды Лавлейс» сама по себе не является «литературным произведением». Еще одно различие, которое Каппелер выделяет между тем, что классифицируется как искусство, и тем, что классифицируется как порнография, — это статус известности режиссера или автора. Работа неизвестного автора, не содержащая ничего, кроме контента о половом акте, могла бы быть классифицирована как порнография, но такая же работа, не содержащая ничего, кроме полового акта, рассматривалась бы как искусство, если бы она была написана «кем-нибудь, о ком кто-то слышал», по словам Френчмана, борющегося с этим затруднением.

Каппелер анализирует критическое восприятие романа Д. М. Томаса «Белый отель», опубликованного в 1981 году, чтобы показать, как проводятся эти различия. Этот роман содержит материалы, которые критики считают порнографическими, — откровенные описания жестокого и объективизирующего полового акта, написанные с женской точки зрения. Томас поместил свои описания полового акта в материалы,

посвященные не только половому акту. На самом деле, как поясняет Каппелер, он сделал это совершенно сознательно. Он намеревался построить книгу на основе уже написанной им порнографической поэмы, чтобы эротический материал можно было опубликовать и принять как роман и произведение искусства. Его работа была признана произведением искусства и получила признание критиков. Его принятию как «искусства» способствовал тот факт, что о нем слышали критики.

Процесс пропаганды порнографических произведений как искусства можно ясно увидеть в дискуссиях и спорах, вызванных «Голым обедом» Берроуза.

ГОЛЫЙ ОБЕД

Книга Уильяма Берроуза «Голый обед» не была предметом судебного преследования в Великобритании, но подверглась тому, что Сазерленд называет «судом Таймс». Это было особенно трудно переваривать, потому что оно касалось не «только секса», как, возможно, делала «Леди Чаттерлей», но и педерастии, каннибализма и некрофилии. Литературное приложение «Таймс» опубликовало рецензию на книгу, хотя не было и намека на ее публикацию в Великобритании, очевидно, в качестве превентивного удара, выражающего возмущение и предостерегающего от публикации. В Бостоне, США, она была запрещена до 1966 года, когда запрет был отменен на том основании, что книга была произведением искусства. Майкл Гудман в своей «предыстории» «Голого завтрака» описывает эти события. Он рассматривает эту книгу как «последнее литературное произведение, которое будет запрещено в борьбе этой страны между ее верой в свободу слова и пуританским наследием» (Goodman, 1981). «Голый завтрак» — вторая книга Берроуза. Его первая книга «Джанки» была опубликована в Нью-Йорке в 1953 году. «Голый завтрак» был предложен Морису Жиродиасу из Olympia Press в 1957 году и опубликован им в 1959 году. В 1962 году она была опубликована издательством Grove Press в Америке и впервые опубликована в Великобритании в 1964 году.

С тех пор Берроуз приобрел значительную репутацию писателя, хотя, как сетует его редактор Джон Колдер, его наиболее высоко уважали в странах континентальной Европы, где существует традиция экспериментального искусства, и к нему относились с некоторым подозрением в изолированной Британии и пуританской Америке. Его главными врагинями в Европе, как объясняет Колдер, были марксистки, которые возмущались его атаками на цели «левых в той же степени, что и правых». Норман Мейлер описал Берроуза как единственного ныне живущего гениального американского писателя (Колдер, 1982). Колдер описывает свое достижение так:

> *Мастер диалога, создатель характеров, не имеющий себе равных в современном мире, юморист, который становится смешнее по мере того, как его тема становится все мрачнее, и первоклассный рассказчик, он принадлежит к тому небольшому кругу писателей, которые улучшают*

свои знания при длительном знакомстве и имеют способность расширять наше понимание мира, в котором мы живем, и всех его возможностей, хороших и плохих (там же).

Некоторые детали жизни Берроуза важны, если мы хотим понять, как он стал своего рода культовой фигурой. Он родился в Сент-Луисе, штат Миссури, в 1914 году в семье, которая разбогатела на промышленных машинах. В 1930-х годах он поступил в Гарвард. Во время Второй мировой войны его исключили из армии как «шизофреника-параноика». Он был арестован в качестве важного свидетеля по делу об убийстве в Нью-Йорке в 1940-х годах, арестован за наркотики в Новом Орлеане и сбежал в Мехико, где убил свою жену. Убийство его жены все комментаторы называют несчастным случаем, и всего через несколько дней он был освобожден из-под стражи в полиции за то, что Колдер называет «преступлением неосторожности», без каких-либо обвинений. «Несчастный случай» произошел во время инцидента, который Колдер описывает так: «Они имели обыкновение играть в Вильгельма Телля и сбрасывать яблоки на голову друг друга» (там же). Он был наркоманом и другом таких битников, как Керуак и Гинзберг. В 1954 году он переехал жить в мужской бордель в Танжере. Позже он прилетел в Лондон в поисках лекарства от наркозависимости. Результатом его лечения стало написание «Голого завтрака».

Таким образом, у Берроуза была идеальная родословная, чтобы стать американским культурным героем особого типа. Он был и до сих пор одержим оружием и насилием и хранит большую коллекцию оружия в своей спальне. Он убил женщину. Он вел упадочный образ жизни, употребляя наркотики и используя проституированных женщин. Он гомосексуал, и его главный интерес — мальчики. Это не очень хорошо вписывается в представление о герое, и Берроуз не выказывает гордости за свою гомосексуальность. Поэтому Берроуз, по мнению Колдера, «не является апологетом воинствующих гомосексуальных идей, сохраняет свою личную жизнь строго конфиденциальной и пишет, чтобы утвердить мировоззрение, не имеющее никаких партийных предубеждений, кроме как озвучивать предупреждения и раскрывать мир, который он видит вокруг себя» (там же). Хотя гомосексуальность в значительной степени присутствовала в жизни таких битников, как Гинзберг и Керуак, это было во времена, предшествовавшие освобождению геев, когда гомосексуальность не приветствовалась. Действительно, феномен битников был агрессивно-мачистским и организованным вокруг исключительно мужского и явно гетеросексуального идеала.

«Голый завтрак» не соответствует здравому смыслу в понимании того, какими должны быть романы. Нет никакой истории. Нет даже последовательной темы для обсуждения. Рукопись была составлена «По воле случая… страницы из более ранних работ иногда случайно попадали в нее» (там же). Легко понять, почему его называют экспериментальным. Он состоит из сцен, каждая из которых совершенно не связана

ни с какой другой, и не имеет ни начала, ни конца. Все начинается с «рассказа наркомана от первого лица». Затем, как описывает Колдер:

> *Многие из следующих разделов демонстрируют весьма нетрадиционную, творческую и садистскую половую активность, некоторые из них более эротичны для гомосексуалов, чем для гетеросексуалов, но все они призваны подчеркнуть связь, хорошо известную теперь психиатрии и антропологии, между половым актом и смертью и половым актом и жестокостью (там же).*

Сцены полового акта тоже не имеют сюжета. Садистский половой акт, который имеет место, просто описан по правилам порнографии, т.е. никакой характеристики или сюжета. «Голый завтрак» был последней книгой Берроуза, в которой содержались как гетеросексуальные, так и мужские гомосексуальные действия. Впоследствии Берроуз писал только осексе между мужчинами. Следующий пример должен дать четкое представление о тоне этой статьи.

> *Она сцепляет руки за ягодицами Джонни, прижимается к нему лбом, улыбаясь ему в глаза, она отодвигается назад, утаскивая его с платформы в пространство… Его лицо набухает от крови… Марк одним гибким движением протягивает руку и щелкает шеей Джонни… со звуком, будто палку сломали в мокрых полотенцах. Дрожь пробегает по телу Джонни… Одна нога трепещет, как пойманная птица… Марк улегся на качелях и имитирует подергивания Джонни, закрывает глаза и высовывает язык… Член Джонни подпрыгивает, и Мэри направляет его в свою пизду, извиваясь рядом с ним в плавном танце живота… Марк протягивает руку с карабином и перерезает веревку, подхватывая Джонни, когда он падает, и опуская его на спину, с Мэри, все еще пронзенной и корчущейся… Она откусывает Джонни губы и нос и с хлопком высасывает ему глаза… Она отрывает огромные куски щеки… Теперь она обедает его членом (там же).*

Повешение — доминирующая тема в творчестве Берроуза. Обычно вешают молодых мужчин, чтобы порадовать публику взрослых мужчин, которые эякулируют, когда мальчики умирают. В последней книге Берроуза «Города красной ночи» (1981) повешение по-прежнему остается доминирующей темой (Burroughs, 1981). В этой книге почти все ходят с петлей на шее, оставшейся после предыдущих сеансов повешения. Повешение — деятельность, нередко встречающаяся среди садомазохистов. По обычаю, удушение следует прекращать сразу после того, как в результате этого действия у мужчин, практикующих его, предположительно возникают чрезвычайно усиленные оргазмы. Стивен Адамс в книге «гомосексуал как герой в литературе» предполагает, что увлечение Берроуза повешением проистекает из вины за свою гомосексуальность, которая заставляет его умерщвлять плоть, чтобы

достичь полового удовольствия, и даже стремиться к уничтожению тела виновного (Adams, 1980).

Сочинения Берроуза указывают на ужас перед сексуальностью. Половой акт ассоциируется не только со смертью, но и с дефекацией, инвалидностью и болезнями, женскими половыми органами — всем, что, по-видимому, Берроуз находил самым ужасающим. В другой последовательности — повешение, физическая инвалидность, фекалии и болезни.

> *Ацтекские жрецы срывают с обнаженного юноши голубое одеяние из перьев… Водопад льется по черепу, ломая шею мальчика. Он извергает радугу на фоне восходящего солнца. Резкий белковый запах спермы наполняет воздух. Гости водят руками по дергающимся мальчикам, сосут их члены, висят на спинах, как вампиры. Обнаженные спасатели несут парализованных молодых мужчин. на ощупь вылезают из огромных пирогов, изуродованные шизофреники выскакивают из-под резиновой пизды, мальчики с ужасными кожными заболеваниями поднимаются из черного пруда (медлительные рыбы грызут желтые какашки на поверхности) (Burroughs, p.105).*

Чтобы этот материал не вызвал у читателей тошноту, Колдер рассказывает нам, как нам следует на него реагировать. Он объясняет: «…необходимо подчеркнуть, что чтение Берроуза — это не только увлекательное, хотя и тревожное интеллектуальное приключение, но и очень приятное» (Calder, p.24). Не все читатели были очарованы, несмотря на инструкции Колдера. Рецензент Times Literary Supplement озаглавил рецензию «Ух» и охарактеризовал работу Берроуза как «…буль-буль. На вкус она отвратительная… чистая словесная мастурбация… рвота… невыразимые гомосексуальные фантазии» (Quoted in Sutherland, p.52). Эдит Ситуэлл написала, что она не желает «провести остаток жизни, прижавшись носом к чужим унитазам» (там же). Виктор Голланц, издатель «Клуба левых книг тридцатых годов», охарактеризовал работы Берроуза как «фальшиво-интеллектуальную грязь», как «отрицающую жизнь»; духовно и физически отвратительно и безвкусно до почти невероятной степени, оно оскорбляет ценности любого рода (включая интеллектуальные ценности) в такой же степени, как и общественную порядочность» (там же). В отличие от современных феминисток, Ситуэлл и Голланц не имели политического языка, на котором можно было бы выразить свои возражения против «Голого завтрака», поэтому язык личного отвращения можно было легко отбросить как буржуазный морализм.

Но, по крайней мере, они были готовы сказать, что король был голым, когда пропагандировалась литературная репутация Берроуза. Тех, кто возражал против работы Берроуза, его апологеты называли пуританской Америкой. Обычно битва между пуританами и освободителями полового акта изображается как поляризация между теми, кто выступает против секса, и теми, кого считают сторонниками секса.

Когда мы смотрим на то, что Берроуз говорил о сексе, это различие кажется совершенно неточным. Кажется, между двумя командами есть точка соприкосновения. Что бы Берроуз ни освобождал, это был не секс, и, похоже, он был настолько антисексуальным, насколько это возможно. Как и многие из предполагаемых освободителей полового акта 1960-х и 70-х годов, он, похоже, не мог ассоциировать секс ни с чем, кроме унитазов, дерьма, смерти или болезней.

Те, кто, подобно Колдеру, утверждает, что «Голый завтрак» действительно является произведением искусства, а не просто изложением садомазохистских фантазий Берроуза, придумали сложную социальную цель для одержимости Берроуза повешением. Это было сделано для того, чтобы «познакомить читателей с связью между желанием убивать или пытать и половым желанием, чтобы остановить жестокость посредством самосознания, точно так же, как Свифт выступал за поедание младенцев, чтобы вылечить ирландский голод...» (Calder, p.24). Может быть, коллекция оружия Берроуза и убийство его жены преследовали одну и ту же цель – остановить жестокость? Это кажется странным способом сделать это. Точно так же писать о жестокости так, чтобы это возбуждало читателей, кажется довольно странным способом остановить ее. Гинзберг в своих показаниях на суде объяснил, что Берроуз писал о своих фантазиях о половом акте для того, чтобы «осознав свои собственные фетишистские стимулы, он освободился от своих навязчивых образов» (Goodman, p.221). Это не объясняет, зачем ему нужно было навязывать свои фантазии читающей публике. Предположительно, он мог вести секретный дневник этой терапевтической деятельности. Более того, это не объясняет, почему он продолжал записывать одни и те же фантазии на протяжении 30 лет. Это не кажется эффективной формой терапии.

По словам его издателя Жиродиаса, Берроуз был для него идеальным писателем, потому что он был «провидцем, чьи книги могли возбуждать сексуально, а также менять наш взгляд на мир, гением в традициях Сада» (Calder, p.134). Если этот гений хотел изменить мир, каков был его проект? Видимо, он хотел разорвать связь между сексом и любовью. Любовь, утверждал он, — это «мошенничество, совершаемое женским полом», а половые отношения между мужчинами связаны не с любовью, а с «тем, что мы могли бы назвать признанием» (Mottram, 1977). Берроуз проницательно осознал, что женщинам требуется от жизни и отношений нечто большее,чем просто постоянные круизы с объектом садомазохистских половых контактов с незнакомцами. Возможно, он смутно понимал, что женщины осознавали, что такая форма сексуальности у мужчин наносит ущерб их интересам и дальнейшему существованию, как в случае с несчастной женой Берроуза, Джоан Волер.

Берроуз придумал решение проблемы сопротивления женщин его грандиозному плану. Женщин пришлось уничтожить. Берроуз объясняет проблему существования женщин так:

Как сказал один из величайших мизогинов, простой мистер Джонс, в «Победе» Конрада: «Женщины — это настоящее проклятие». Я думаю, что это была основная ошибка, и вся дуалистическая вселенная развилась из этой ошибки (там же).

Женщины были невозрожденно антисексуальны по самой своей природе и отравляли общество своим пагубным влиянием, особенно в тех обществах, которые он считал матриархальными, таких как Америка. Он решил, что они несут ответственность за контроль над сознанием посредством подавления эротизма и верховенства семьи. Женщины не только ответственны за то, что сделали мир антисексуальным, придумав любовь и тем самым сделав жизнь мужчин несчастной, они даже ответственны за расизм!

Все южное поклонение женщинам и превосходству белой расы по-прежнему остается политикой Америки. Это матриархальная страна, пропагандирующая превосходство белой расы. Кажется, существует очень определенная связь между матриархатом и превосходством белой расы (там же).

У Берроуза были планы обеспечить, чтобы мальчики никогда не вступали в контакт с женщинами, потому что «мальчики, которые бы никогда не вступали в контакт с женщинами, были бы совершенно другими животными» и, следовательно, никогда не были бы заражены мыслью, что половой акт может быть чем-то иным, чем то, чего хотел он. Это должно было быть достигнуто путем клонирования мальчиков из клеток мужского кишечника для получения «идентичных близнецов» [т.е. мужчин], одаренных исключительными способностями или красотой» (там же).

Все эти темы часто появляются в книгах Берроуза. «Голый завтрак» полон обличительных высказываний против матриархата, который считается ответственным за создание враждебности к гомосексуальности. «Дикие мальчики» (1972) представляют собой фантазию Берроуза, которую в интервью в мае 1972 года он готов назвать одновременно желательным сценарием и предсказанием. В этой фантазии мальчики создаются партеногенетически посредством анального секса и растут незагрязненными женщинами, чтобы жить в жестоких бандах, призванных убивать друг друга разными способами. «Мягкая машина» (1968) предлагала разделение полов в воспитании детинь и образовании до тех пор, пока женщины не станут ненужными.

Интервью, в котором Берроуз с таким энтузиазмом выразил свою мизогинию, появилось в журнале Rolling Stone, одной из новых газет альтернативной культуры, зародившейся в период расцвета Революции сексуальности. Берроуза почитали в таких журналах, как Oz и International Times, как отца Революции сексуальности. В то время, когда движение за освобождение женщин уже началось по обе стороны Атлантики, альтернативные журналы сочли несложным продвигать в качестве

освободителя мужчину, стремившегося уничтожить женщин. Важность работы Берроуза заключается не только в том факте, что она была одной из наиболее известных в тот период нарушений законодательства о непристойности, но и в ее центральной роли в Революции сексуальности. Берроуз был любимцем контркультуры. Родоначальниками в целом признавались битники, но Берроуз был выбран с особым почтением. Берроуз был выбран для этой награды не случайно. Ценности страха и ненависти к женщинам и сексуальности, представленные в его работах, были центральными в Революции сексуальности, которую контркультуралисты считали осуществляемой от его имени.

ЛОЛИТА

«Лолита» Владимира Набокова — это книга, которая попала под действие Закона 1959 года и смогла быть опубликована в Великобритании без судебного преследования. Впервые она была опубликована издательством Olympia Press Жиродиа в 1955 году. Копии были конфискованы британской таможней. Книга была осуждена в прессе. Джон Гордон из Sunday Express написал: «Без сомнения, это самая грязная книга, которую я когда-либо читал. Сплошная безудержная порнография» (Hyde p.210). В 1959 году «Лолита» была опубликована в Великобритании весьма респектабельными издательствами Weidenfeld and Nicolson. Аналогичным образом, в США экземпляры издания Olympia Press были конфискованы, но затем публикация была возобновлена, и никаких дальнейших затруднений не возникло. Хотя книгу не пришлось защищать в суде, она была достаточно противоречивой, чтобы вызвать восторженные отзывы критиков и романистов.

Кронхаузены, как и следовало ожидать, были уверены, что «Лолита» — хороший образец эротического реализма. Они описывают роман как «реалистическую трагедию» (Kronhausen, p.210). В книге описывается половое насилие со стороны взрослого мужчины к двенадцатилетней девочки. Чья же тогда была трагедия? Трагедия заключалась в трагедии насильника, который «имел навязчивое влечение к девочкам препубертатного возраста психологическими силами, находящимися вне его сознательного контроля изнутри, и подвергался преследованиям со стороны эксплуататорских и нетолерантных сил из внешней социальной среды» (там же). Таким образом, обидчик пережил трагедию, потому что он страдал неконтролируемыми побуждениями и не мог выражать их совершенно безнаказанно. Кронхаузены выразили надежду, что книга вызовет у читателей больше сочувствия к этому «не столь уж редкому половому отклонению».

Девочка не вызывает такого сочувствия со стороны Кронхаузенов, потому что они видят во всем происходящем ее вину. Насильник на самом деле стал несчастной жертвой ее козней.

В романе Набокова правильно передана и мысль о том, что, несмотря на зацикленность мужчины на молодых девочках, на самом деле сама Лолита дразнила и соблазняла его на эту связь, и это не вина ее взрослого любовника, который совращал несовершеннолетнюю. Это важный аспект истории Набокова, поскольку сексологические исследования подтверждают тот факт — вопреки общественному мнению — что случай Лолиты чаще является правилом, чем исключением (там же).

Кронхаузены правы, предполагая, что сексологические статьи о половом насилии над девочками всегда обвиняли детинь, переживших насилие, как соблазняющих, провоцирующих, желающих и так далее. Для профессии, роль которой заключалась в оправдании и защите половых привилегий мужчин, это было совершенно логично. Идея о том, что мужчины, жестоко обращающиеся с детинями, на самом деле являются жертвами этих детинь, на первый взгляд может показаться странной, и Кронхаузены изо всех сил стараются использовать «научные» исследования для ее обоснования, потому что они знают, поскольку знают, что «общественное мнение», скорее всего, будет придерживаться здравой точки зрения. Лоббисты порнографии долгое время утверждали, что порнография не влияет на формирование мнения людей, и поэтому не имеет значения, что некоторые книги содержат довольно неточные или неудачные идеи о сексуальном насилии. Кронхаузены, которые являются защитниками порнографии, говорят нам, что «Лолита» обязательно изменит и сформирует взгляды. Она заставит общество сочувствовать насильникам и осознать, что детини, подвергшиеся насилию, сами становятся причиной абьюза в их сторону, и делают жертвами взрослых мужчин.

Кажется вероятным, что Кронхаузены были правы относительно эффекта книги. Её главным наследием, похоже, было распространение среди широкой публики сексологической ортодоксальности о «соблазняющих» детинях. Книга и фильм сделали имя Лолита нарицательным для обозначения соблазнительной ребенки. Кажется, что идея, которую Кронхаузены надеялись извлечь из книги, была усвоена очень хорошо. Книга Рассела Трейнера 1966 года под названием «Комплекс Лолиты» демонстрирует эффективность этого познания. Это работа по популярной сексологии, которая дает автору возможность описать половое насилие над детинями во всем мире и в истории, предположительно для возбуждения мужской аудитории. Рассел Трейнер утверждал, что в американском обществе распространяется «лолитизм». Половое насилие над девочками здесь трансформируется в «лолитизм». Агентство отстраняется от мужчины агрессора, о котором на самом деле почти не упоминается, и становится проблемой, создаваемой сексуально активными девочками и состоящей из них. Этот прием напоминает то, как мужчины писатели описывали проституцию традиционно так, как будто женщины занимались проституцией в одиночку. В такой работе исчезает и мужчина агрессор, а проституция становится проблемой, созданной женщинами.

Тренер не стал полагаться на свидетельства Лолиты. Он цитирует психиатров, подтверждающих идею о том, что девочки соблазнительны. Доктор Линус Фостер объясняет:

> *Молодые девочки, вступающие в половую связь с мужчинами, отличаются от других девочек. Они практически сигнализируют о своих желаниях. Они кокетливы. Они вообще иногда дразнят. Подобные признаки нелегко игнорировать, особенно мужчине, у которого низкий порог отношения к девочкам. Врач сразу распознает признаки соблазнительности у молодой девочки (Trainor, 1966).*

Достаточно легко понять, как практикующий врач может прийти к таким выводам. Предположительно он испытывает половое влечение к девочке. Не в силах взять на себя ответственность за собственный половой интерес к детиням, поскольку это заставляет его чувствовать себя некомфортно и не так объективно, как следовало бы, он решает, что девочка сама его соблазняет. Даже психиатры, одни из самых влиятельных мужчин в обществе, поддерживающем мужское превосходство, считают удобным возложить на маленьких девочек, возможно, наименее влиятельную группу в любом обществе, полную ответственность за то, что чувствует и как действует взрослый мужчина.

Трейнер продолжил излагать многие другие мифы, которые позволяют мужчинам скрывать или оправдывать половое насилие. Детини лгут, утверждал он, и на них «почти всегда» нельзя положиться в суде. «Детини, — говорит он, — склонны фантазировать и воображать, это авторитетно сказано» (там же). Он считал, что детини, убитые своими абьюзерами, несут ответственность за свою смерть. Одна убитая ребенка, которая была физически неполноценной, описывается как обладающая внутренней привлекательностью. В главе под названием «Кто такие Лолиты?» Тренер рассказывает, как их распознать: «Лолиты надуваются и прихорашиваются. Они хихикают. Они плачут. Они застенчивы и интроспективны или смелы и шумны…» (там же). Он охватывает здесь все основы. Таким образом, практически любая ребенка может считаться Лолитой. Все, что требуется, — это чтобы она подверглась насилию со стороны мужчины, и тогда ее личностные характеристики можно будет использовать для того, чтобы классифицировать ее как Лолиту. В «Лолите» рассказчик описывает её как «нимфетку» обладающую «определенными таинственными характеристиками… волшебной грацией, неуловимым, изворотливым, душераздирающим, коварным обаянием, которое отделяет нимфетку от ее сверстниц» (Набоков, 1961).

Герой «Лолиты» Гумберт приезжает поселиться в доме женщины, у которой есть двенадцатилетняя дочь. У Гумберта возникает половая страсть к девочке. Мать предлагает герою жениться. Он не испытывает к ней настоящего интереса, потому что терпеть не может взрослых женщин, но женится на ней, потому что это обеспечит ему

доступ к девочке. Жена, на которой он женился в Европе перед эмиграцией в США, сразу после женитьбы превратилась в «крупную, одутловатую, коротконогую, большегрудую и практически безмозглую бабу». (там же). Половой акт с матерью Лолиты описывается так: «...Я лаял сквозь заросли темного гниющего леса» (там же). Пока мать Лолиты была жива, Гумберт не имел прямого доступа к ребенке. Он был вынужден получать удовлетворение косвенно, например, укладывая ее к себе на колени таким образом, чтобы вызвать эрекцию и эякуляцию. Он описывает это как умение «настроить мою замаскированную похоть на ее бесхитростные конечности».

*

Сцена фроттеризма написана в классическом порнографическом стиле девятнадцатого века. Лолиту называют «маленькой девочкой». Его эрекция описывается как «скрытая опухоль невыразимой страсти» и «взрывающийся зверь с кляпом во рту», и контрастирует с «красотой ее тела с ямочками в невинном хлопковом платье». Вся эта сцена описывается как «самодельный сераль», в котором «крепкий турок» наслаждался «самым молодым и слабым из своих рабов» (там же). Набоков использует слова «конечности» вместо «ноги» и «поперек», а не «сквозь». Стиль застенчивый, а язык архаичный, возможно, чтобы сбить читателя с толку, заставив его думать, что он читает что-то гораздо более художественное и тонкое, чем простое порно. Такая известная викторианская порнография, как «Моя тайная жизнь» Уолтера, использует аналогичные контрасты между красотой и похотью и приводит бесконечные рассказы об успешной мужской «назойливости», побеждающей женское сопротивление, в духе, очень похожем на набоковский. Кажется вероятным, что такие тексты повлияли на Набокова. Мужчины интеллектуалы, кажется, предпочитают викторианскую порнографию современным версиям, потому что материал, обогащенный патиной времени, может показаться более ученым и менее вульгарным.

*

Мать погибает в автокатастрофе, когда Лолита находится в летнем лагере. Гумберт идет за ней и берет ее в путешествие, сообщая, что ее мать больна в больнице. Они останавливаются в отеле, и Гумберт накачивает ее снотворным, намереваясь «продолжать мою политику сохранения ее чистоты, действуя только скрытно ночью, только с полностью обезболенной обнаженной маленькой фигурой» (там же). Его усилия терпят неудачу в первую ночь, потому что снотворное неэффективно. Затем утром, по словам Гумберта, его соблазняет Лолита. Набоков пишет: «Я скажу вам нечто очень странное: это она меня соблазнила» (там же). Описывается, что Лолита организовала все мероприятие и вовлекла пассивного Гумберта в половой акт, основываясь на своем предыдущем опыте и знаниях. Как мы выяснили, у Лолиты был половой опыт с подругой и мальчиком 13 лет. Но акт со взрослым мужчиной, как нам

говорят, оказался неожиданно трудным из-за размера пениса Гумберта. Гумберт утверждает, что Лолита «стремилась произвести на него впечатление» «миром крутых детинь», но столкнулась с трудностями, когда обнаружила «определенные несоответствия между жизнью ребенка и моей». Она продолжала, потому что «гордость» не позволяла ей сдаваться (там же). Набоков описывает Лолиту как жалующуюся на следующий день на боль из-за повреждения. Несомненно, мысль о том, что ребенке должно быть больно, является особенно возбуждающей деталью для порнофила. Это добавляет садистскую дрожь к эротизированному сценарию доминирования и подчинения. Гумберт чувствует себя освобожденным от ответственности за это событие, поскольку Лолита не девственница. Он комментирует: «Я лишил ее цветка?» и сообщает «джентльменам присяжным заседателям», что он не был «даже ее первым любовником» (там же).

С этого момента в романе становится ясно, что Лолита порабощена Гумбертом и принуждена к половому акту. После первой ночи она сопротивляется и хочет позвонить матери в больницу. Гумберт сообщает ей, что ее мать умерла. После этого она полностью зависит от Гумберта и не может отказаться от полового акта. Гумберт объясняет, что в отеле у них были отдельные комнаты, и Лолита вошла в его номер посреди ночи, рыдая. Помирились очень мягко, потому что «идти ей было совершенно некуда» (там же).

*

Следующие два года Гумберт возит Лолиту по Америке в качестве своей пленницы. В конце концов ей удается сбежать. Удивительно, что Лолита стала общим термином для сексуально желающей и соблазнительной девочки, когда девочку в романе так явно заставили подчиниться нежелательному половому акту с героем. Гумберт часто описывает ее как рабыню, и это именно то, кем она является. Различные виды угроз, силы или убеждения используются, чтобы заставить Лолиту позволить Гумберту использовать себя. Однажды Гумберт жалуется, что «потребуются часы уговоров, угроз и обещаний», чтобы заставить ее «одолжить мне на несколько секунд свои загорелые конечности» в гостиничном номере, прежде чем ей позволят сделать что-нибудь еще, что она, возможно, захочет сделать (там же). Гумберт угрожает Лолите, что ее отправят в исправительную колонию, если она кому-нибудь расскажет, что происходит. Это описывается как «терроризирование Ло» (там же). Он готовит для нее кофе и не даст его, пока она не согласиться на половой акт (там же). Он дает обещания и отказывается от них, как только использовал Лолиту, и в этот момент она плачет (там же). Он платит ей, а затем беспокоится, что она накопит достаточно денег, чтобы сбежать от него, поэтому он использует физическую силу, чтобы заставить Ло показать ему, где она прячет деньги. Он принуждает ее к половому акту, когда она больна бронхитом, «хотя в моих объятиях стонала, кашляла и дрожала очень вялая Лолита» (там же). Гумберта раздражает то, что Лолита столь решительно

сопротивляется половому насилию. «Никогда, — жалуется он, — она не дрожала от моего прикосновения» (там же). Он называл ее «Моя фригидная принцесса».

Этот бессердечный и жестокий рабовладелец — трагический герой, к которому, как говорят нам апологеты Кронхаузена, Лолита вызовет у нас симпатию. Эта оскорбленная и сопротивляющаяся девочка является архетипом соблазнительной нимфетки. Пришло время взглянуть на критический комментарий, которым приветствовали «Лолиту» в 1959 году, чтобы увидеть, как великие арбитры искусства классифицировали роман. Лайонел Триллинг говорит нам, что эта книга о «любви».

> *Лолита о любви. Возможно, меня поймут лучше, если я изложу это утверждение в такой форме: «Лолита» — это не о сексе, а о любви. Почти на каждой странице изображены какие-то явные эротические эмоции или какое-то откровенное эротическое действие, и все же речь идет не о сексе. Речь идет о любви. Это делает его уникальным в моем опыте современных романов...*
>
> *В современной художественной литературе ни один влюбленный не думал о своей возлюбленной с такой нежностью... ни одна женщина не была изображена так очаровательно, с такой грацией и деликатностью, как Лолита; это один из немногих примеров восторга в современной литературе (там же).*

Не похоже, что он пишет об этой же книге, но, кажется, так и есть. Эта способность мужчины-критика превратить половое порабощение молодой девочки в великую фантастику о любви является для нас предупреждением. Страшная правда заключается в том, что мужской литературный истеблишмент не в состоянии понять феминистские аргументы о порнографии и сексуальности, потому что для обитателей этого истеблишмента порабощение детинь для полового насилия действительно может рассматриваться как любовь. Автор и мужчина-читатель рассказывают друг другу о том, что они считают любовью. Это частный разговор. От женщин не ожидается, что они будут подвергать сомнению эти условия. Порабощение является распространенным мотивом в порнографии, поэтому мы должны предположить, что идея о том, что женщины или молодые девочки становятся совершенно беспомощными и подвергаются половому насилию, должна приносить особое удовлетворение. Сопротивление жертвы усиливает возбуждение.

Другие комментаторы-мужчины были впечатлены юмором книги. Бернард Левин говорит нам, что Лолита «чрезвычайно забавна», а Теренс Рэттиган говорит, что это «очень смешно» (там же). Филип Тойнби говорит, что это «всепроникающе и непрерывно смешно, с юмором одновременно диким и фарсовым» (там же). Чарльз Роло в журнале Harper's объясняет:

> *Прежде всего «Лолита» кажется мне утверждением силы комического духа, способного вырвать радость и истину из самых диковинных материалов.*

Это один из самых смешных и серьезных романов, которые я когда-либо читал (там же).

Однако были некоторые разногласия по поводу того, насколько забавной была книга. Кронхаузены, хотя и любили книгу, не были ею позабавлены. Они говорят, что это «определенно не та «комедия», за которую ее считают» (Kronhausen, стр. 210). Мы должны предположить, что те, кто находит книгу слишком ужасной, чтобы над ней смеяться, имеют плохое чувство юмора.

Критики были совершенно уверены, что «Лолита» — великое произведение литературы, а не порнографии. Томас Карл писал: «Набоков пишет литературу высокого качества. Под влиянием По и Бодлера он пишет как художник и поэт космополитической иронии» (Набоков, с.345). «Лолита», по его словам, «конечно... не порнография». Теренс Раттиган описывает эту книгу как «высокое литературное достижение» (там же). Мейер Левин называет «Лолиту» «самым захватывающим опытом чтения в современном романе со времен «Улисса» Джойса. Чтобы получить сравнимое ощущение новизны и значимости, вам придется вернуться к «Улиссу» (там же). Франсуа-Режи Бастид был явно сбит с толку. Он пишет: «Мы живем такой мелкой жизнью, что нам нужно некоторое время, чтобы привыкнуть к ней, когда появляется книга такой силы» (там же).

Критики также были уверены, что книга имеет серьезный моральный смысл и эффект. Кеннет Оллсоп назвал книгу «чудовищно нравственной», потому что герой Гумберт не преуспел, а оказался в тюрьме за ужасное убийство человека, который отнял у него Лолиту, о чем с любовью рассказывается в романе (там же). Теренс Раттиган сказал, что «Лолита» — это книга «высшей моральной цели». Учитывая наследие книги в смягчении отношения к половому насилию над детинями и обвинении детинь жертв, слово «мораль» является для нее странным прилагательным, но это еще один пример своеобразного разворота, который правящий мужской истеблишмент способен совершить, чтобы оправдать свои прерогативы и порабощение женщин.

В послесловии Набоков объясняет нам, почему «Лолита» — действительно произведение искусства, а не порнография. Порнография, по его словам, следует «старым жестким правилам». Эти правила предписывают, что «действие должно быть ограничено совокуплением клише». Половую реакцию читателя не следует ослаблять, концентрируясь на «стиле, структуре, образах». Порнографический роман должен содержать «чередование сцен полового акта», и эти сцены должны доходить до крещендо» (там же).

Согласно его собственному определению порнографии, Лолита не была порнографией, хотя, как он объяснил, она была очень близка к этому. Он признал, что некоторые читатели были введены в заблуждение в первых главах некоторыми приемами порнографии, «ожидая возрастающей последовательности эротических

сцен», но были разочарованы и прекратили читать, когда эротические сцены прекратились. «Лолита» не является порнографической, потому что целый раздел книги не содержит эротических сцен. Эта защита напоминает экспертные заключения о том, почему "Белый отель" не является порнографией, которые с таким удовольствием разобрала Сюзанна Каппелер. В этой книге есть некое неэротическое дополнение, которое, как предполагается, превратит то, что начиналось как интимная возбуждающая фантазия, в произведение искусства.

*

Но есть и другая причина, почему «Лолита», по мнению ее автора, является произведением искусства, — это то ощущение, которое он от нее получает. Это чувство — «эстетическое блаженство», которое он описывает как «ощущение того, что ты каким-то образом, где-то связан с другими состояниями бытия, где искусство (любопытство, нежность, доброта, экстаз) является нормой». Набоков сетует на то, что «таких книг не так много». Большинство книг были просто «тематическим хламом» или «Литературой Идей» (там же). Набоков не скромен. Его достижение — это, по его мнению, настоящее искусство. Это продукт чистого вдохновения, за который ему не нужно нести никакой ответственности. Для создания этой работы его посетила муза. Форма, которую приняла его муза, описывается как пульсирующая: «Первая маленькая пульсация Лолиты прошла через меня в конце 1939 или начале 1940 года...» (там же) и «Примерно в 1949 году в Итаке, на севере штата Нью-Йорк, пульсация, которая так и не прекратилась, снова начала меня беспокоить». (там же). Вероятно, это чистое совпадение, что муза Набокова так сильно напоминает желание мастурбировать. Поскольку книга не является порнографической, его язык здесь вызывает недоумение. «Пульсация» — свидетельство того, что книга — произведение искусства. Мы должны верить, что сила, более могущественная, чем Набоков, вызвала рождение этой работы. Теперь стало интересной задачей выяснить, что заставляет литературный истеблишмент называть эту книгу произведением искусства.

*

В книге «Порнография репрезентации» Сюзанна Каппелер показывает, что феминистки допустили ошибку, полагая, что создатели порнографии невиновны в том, как их продукция унижает женщин. Такие феминистки полагают, что если бы они могли только указать «совершенно неопровержимыми способами на механику и структуру порнографического сюжета», тогда продюсеры порно признали бы свою ошибку. На самом деле, объясняет она, продюсеры очень хорошо знают, что они производят, и совершенно оптимистичны по этому поводу. Спор, пишет она, идет не о том, унижают ли женщин те или иные литературные произведения, а о том, есть ли что-то неправильное в систематической деградации женщин, во всеобщей

культурной объективации женщин (Kappeler, стр. 101). Другими словами, имеет ли значение унижение женщин?

Действительно, когда мы смотрим на некоторые книги, которые в конце 1950-х годов были провозглашены произведениями искусства, трудно избежать вывода, что они классифицируются как «искусство» и принимаются в «литературу» именно из-за их порнографического содержания. Великие произведения того времени, вошедшие в канон, приобрели известность и статус благодаря изображению сексуальности. Лесть, обрушившаяся на Набокова, не была связана с тем, что он написал замечательный роман, в котором случайно оказалось порнографическое содержание. Роман был о похищении и проникновении в молодую девочку; другого сюжета не было. Трудно поверить, что мужчины-критики того времени были искренне невиновны в том, что «Лолита» рассказывает об изнасиловании. Они определили изнасилование ребенки как великую любовь, а книга, описывающая это, стала великим искусством благодаря своему содержанию, а не вопреки ему.

Каппелер пытается объяснить процесс включения произведений искусства в канон. Литературные критики, объясняет она, «обсуждают литературные произведения с точки зрения текстов, которые даны нам так же, как камни даны природой» (там же). Они не задаются вопросом, почему существует книга или как ее существование влияет на мир. Книга рассматривается как произведение искусства в результате какого-то таинственного, но совершенно естественного и неизбежного процесса, и как только она принимается, к ней относятся с религиозным почтением, как к Священному Писанию.

> *Автор литературного писания существует лишь в таком утонченном смысле, как существует Бог за его писанием… Кажется, в мире появляются новые литературные произведения, как идет с неба обновляющийся дождь, неумолимый как закон Природы, естественный закон Культуры и Истории (там же).*

Каппелер демистифицирует процесс канонизации. Она представляет взору «экономическую инфраструктуру, лежащую в основе литературного истеблишмента». Издательства, указывает она, издают книги не по «доброте сердца» или «искреннему энтузиазму по отношению к литературной культуре», а из желания получить прибыль (там же). Это проливает некоторый свет на решение таких уважаемых издателей конца 1950-х и начала 1960-х годов, как Penguin, Heinemann и John Calder, опубликовать запрещенные книги. Именно после этого этапа в дело вступают критики.

> *Понятно, что людини (мужчины) активно включились в этот процесс, рецензируя книги и выбирая их, приписывая им ценности или не рецензируя и тем самым оставляя их неоцененными (там же).*

Как критики признают «литературу»? Каппелер объясняет, как издатели Picador создают литературную репутацию книг, которые они стремятся продвигать. Picador, как и другие издатели, использует два основных метода. Либо книга должна быть «выбрана или оценена авторитетом», который уже принят литературной элитой, либо она должна быть оценена как «похожая или подобная... другому литературному произведению», которое уже было принято. Комментарии, подтверждающие эти полномочия, размещаются на задних обложках книг или в рекламных объявлениях. Ни на каком этапе этого процесса никто не пытается определить, что такое литературное качество, за исключением самых расплывчатых терминов. Что касается Лолиты, мы видим, что этот процесс идет. Лолиту рекомендовали известные авторы и критики и сравнивали они с «Улиссом» Джеймса Джойса, «Мадам Бовари» Флобера, произведениями Аристофана, Ивлина Во и Олдоса Хаксли. Издатель Берроуза Колдер сравнивает его также с Джеймсом Джойсом, а также с Иеронимом Босхом, маркизом де Садом, Марселем Дюшаном, Тристаном Царой и Георгом Гроссом.

Мы можем видеть, как книга превращается в литературу, но не совсем понятно, почему. Респектабельные издатели хотели иметь литературные родословные для своей продукции, чтобы их не сочли просто публикаторами порнографии и не привлекли к ответственности. Закон 1959 года предоставил им загадочную и полностью субъективную защиту литературных достоинств, которая побудила их доказывать, что их произведения являются произведениями искусства. Но огромный ажиотаж, возникший среди мужского литературного истеблишмента вокруг этих «запрещенных» книг, требует отдельного объяснения. Литературные произведения канонизировались и раньше, но не с таким большим удовольствием.

Я предполагаю, что причина волнения заключалась во внезапном осознании того, что они, наконец, могут получить в публичной сфере то, что им раньше приходилось покупать тайно или о чем фантазировать в частном порядке. Это было унижение женщин или тех, кто была низведена до статуса женщины.

Но что касается многих из этих запрещенных книг, унижение женщин представляло собой довольно высокую ценность по сравнению с некоторыми другими аспектами, которые заставили критиков дать волю языку. Было много энтузиазма по поводу простых грязных разговоров, языка и тем, которые обсуждались в мужской раздевалке. Грязные разговоры, особенно о выделительных функциях, вызывали особое почтение. Берроуз был одержим этой темой и не мог удержаться от разговоров о ней. В интервью Radio Three Берроуз заметил своему поклоннику Эрику Моттраму: «Я когда-нибудь рассказывал вам о человеке, который научил свою задницу говорить? Весь его живот двигался вверх-вниз, и, вы понимаете? он пукал, произнося слова. Это было совершенно не похоже ни на что, что я когда-либо слышал» (Sutherland, p.50). Важным аспектом судебного процесса над «Любовником леди Чаттерлей» было использование Лоуренсом четырехбуквенных слов. Прокурор

перечислил 30 «траханий» или «ебания», 14 «пезд», 13 «яиц», по 6 «дерьма» и «задниц», 4 «хуя» и 3 «мочи» (там же). Свидетели защищали книгу как чистую и благородную, а Ричард Хоггарт защищал ее как роман о «рабочем классе».

Мужской литературный истеблишмент с похотливым наслаждением хвалился возможностью говорить и писать грязные слова, читать и писать грязные мысли под видом великого искусства и тотальной респектабельности. Такие слова, как «ебать» и «пизда», для женщин имеют иной вес. В культуре, в которой секс определяется как доминирование мужчин и унижение женщин, эти явно грязные слова несут совершенно разную нагрузку. Менее восторженная реакция женщин на возможность сказать «ебля» или «пизда» отражает это.

Если бы ценности мужского превосходства не были так прочно закреплены в литературном истеблишменте, можно было бы ожидать, что канонизация запрещенных книг на основании их порнографического и «грязного» содержания навсегда дискредитировала бы процесс создания литературы. Фактически, эффектом децензуры стал рост массовой порнографии. Джон Сазерленд описывает, как индустрия порнографии развивалась в Великобритании после принятия Закона 1959 года и великих судебных процессов.

> *Между тем, в тени этих цензурных зрелищ, «порнография» неуклонно росла из узкоспециализированной службы снабжения в многомиллионную, эффективно организованную индустрию (там же).*

В Британии не было оборудования для массового производства порнографии для нового рынка, открытого Законом 1959 года. Сначала Британия в основном поставлялась из США, затем из Европы и Скандинавии. В качестве доказательства этого нового потока материалов Сазерленд сообщает нам, что таможенные изъятия порнографических материалов выросли в период с конца 1950-х по середину 1960-х годов с 2000 единиц в год до миллиона и более. К концу 1960-х годов в рамках перехода к розничной торговле типа бутиков были созданы секс-шопы, которые обеспечивали «здоровую и гедонистическую» среду для продажи порно, в отличие от захудалых, но традиционных магазинов и газетных киосков, от которых мужчины могли чувствовать себя некомфортно, когда кто-то видела, как они входили туда. Появилось поколение молодых предпринимателей-издателей, таких как Боб Гуччионе, которые воспользовались быстро развивающимся рынком и использовали новые методы изображения, чтобы продавать женщин своей аудитории.

Сазерленд напрямую связывает рост порноиндустрии с Законом 1959 года. Но некоторые из тех, кто участвовал в защите запрещенных книг как искусства в 1960-х годах и в пропаганде либерализма полового акта, утверждают, что они шокированы тем, как все обернулось. По их словам, они не могли знать, что отмена цензуры приведет к свободному доступу к садомазохистской порнографии. Подразумевается, что нечто сексуально-позитивное и высококачественное необъяснимым образом

уступило место отвратительной лавине порнографии. Любой серьезный анализ запрещенных книг должен опровергнуть это мнение. Каппелер утверждает, что отделение высокого искусства от порнографии ошибочно и вводит в заблуждение. Она утверждает, что порнография черпает свои ценности из искусства, а не из великих литературных произведений, в которых секс рассматривается в безупречной форме, и совершенно отдельной и достойной порицания индустрии разврата: «Ответственность за доминирующие способы репрезентации... нужно искать в "ответственном" искусстве и "высокой" культуре, а не в ее отходах». (Kappeler, p.105). Это имеет смысл. Те, кто защищает социальную ценность великого искусства, говорят о его роли в формировании благородных взглядов. Столь же вероятно, что великое порнографическое искусство породит порноиндустрию. «Искусство», которое мы здесь рассматриваем, по изображению секса неотличимо от менее респектабельного вида порнографии, продаваемой в секс-шопах.

Каппелер так определяет порнографический сценарий, общий как для «высокого» искусства, так и для журнала Hustler:

> *Порнографический сценарий — это всего лишь яркое представление культурной позиции мужского пола по отношению к женскому полу. Его масштабы чрезвычайно ограничены, он вращается вокруг садистского действия полового акта/насилия... есть сюжет: культурный архетип власти. Есть власть на стороне действующего (героя), а есть бессилие, воплощенное в жертве-объекте, и глагол является переходным, всегда (там же).*

В запрещенной литературе объектом-жертвой не всегда была женщина. В романах Жене, Берроуза и Селби это, скорее всего, мужчина, но структура порнографического сценария остается прежней. Порнографическая революция начала 1960-х годов была демократической в том, что касается половой ориентации, демократической в старом афинском смысле, когда речь шла о равных гражданах мужского пола. Жене, Берроуз и Селби создали порнографические сценарии, не уступающие сценариям гетеросексуальных порнографов, таких как Генри Миллер, Норман Мейлер и Набоков. Иногда их произведения, как в случае с «Последним выходом в Бруклин» Берроуза и Селби, несравненно жестоки и включают в себя большое количество некрофилии и рассказы об ужасных смертях во время изнасилования или в погоне за половым удовлетворением.

Либералы полового акта, такие как Кронхаузены, превозносят воспитательную ценность «эротического реализма». Свидетели и защитники запрещенных книг, в частности «Лолиты», подчеркивают, что читающая публика узнает много положительного из такого материала. В этом смысле отмена цензуры была жизненно важным компонентом Революции сексуальности. Порнография, будь то «высокое» искусство или «мусор», должна была научить целое поколение тому, что такое секс.

Секс Революции был построен по описанному выше порнографическому сценарию. Запрещенные книги и их наследницы обеспечили пропаганду Революции сексуальности и ее сюжет.

3. Революция сексуальности

Самой известной книгой с советами по половому акту времен Революции стала книга Алекса Комфорта «Радость секса». На первый взгляд, эта книга сильно отличается от классики сексологии 1950-х годов, такой как «Любовь и брак» Юстаса Чессера. Чессер осудил попытки женщин добиться равноправия за то, что они подрывают семью, и рекомендовал проявлять чувство покорности в миссионерской позе. «Радость секса» утверждала, что женщины равны во всем и что это дает им право на полноценное участие в бондаже, анальном и оральном половом акте. Разница в подходе к половому акту здесь очевидна. Рабочая этика исчезла, и половой акт должен был быть веселым. Было меньше отсылок на семью или даже на брак, и групповой половой акт рассматривался как приемлемая деятельность. Это выглядит как революция в мышлении о половом акте, и в целом это было принято историкессами. Эта Революция сексуальности рассматривалась как освобождение женщин и позволила им иметь равные права на выражение своей сексуальности.

Однако необходимо посмотреть на эту революцию критическим взглядом. При анализе с феминистской точки зрения хваленые революционные изменения могут выглядеть просто косметическими. На первый взгляд может показаться, что произошла настоящая революция во взглядах между книгами, которые рассматривали лишь традиционный половой акт как приемлемую половую активность, и книгами, которые пропагандировали оральный и анальный половой акт и с сердечной терпимостью относились к некрофилии. Разница выглядит значительной из-за того, как сексологи и эксперты полового акта двадцатого века научили нас смотреть на секс. Нас поощряли рассматривать секс как ряд практик, так что, согласно этому анализу, чем шире диапазон практик, тем более раскрепощен секс. Сексология, по-видимому, избегает политики. Когда мы проводим феминистский анализ, становится ясно, что на самом деле мало что изменилось. Феминистский анализ заставляет нас смотреть не только на методы, но и на властные отношения, в которых эти методы применяются.

Можно выделить множество изменений в законодательстве и половой практике, которые представляют собой Революцию сексуальности 1960-х годов. Эти изменения включают в себя группу законодательных реформ, проведенных лейбористским правительством Великобритании в конце 1960-х годов, изменения в законе об абортах и в законе о гомосексуальности. Они включают в себя изменение числа браков и отношения к добрачным связям, а то и их практики, более либеральный подход к половому воспитанию и большую свободу в разговорах о половом акте. Однако вместо того, чтобы сосредотачиваться на таких изменениях в законодательстве и практике, необходимо взглянуть на идеи Революции сексуальности.

Историкессы предложили объяснения, почему описываемые ими изменения произошли в 1960-е годы. Наиболее распространенная форма объяснения — экономическая. Джеффри Уикс утверждает, что Революция сексуальности произошла в результате послевоенного бума и связанного с ним большего благосостояния (Rembar, Deutsch, 1969). Бум привел к большей ориентации экономики на внутреннее потребление. Создание массового рынка привело к демократизации, большей гибкости в отношениях и эротизации социальной жизни. Уикс считает важным фактором развитие новой независимой и обеспеченной молодежи. В 1960 году людинь в возрасте от 15 до 24 лет, не состоящих в браке, было на один миллион больше, чем 10 лет назад. Это составило 20-процентное увеличение. Эти молодые людини обладали беспрецедентной экономической мощью, поскольку в период с 1938 по 1958 год средняя реальная заработная плата выросла на 25 процентов, а у подросток — вдвое больше. Был создан огромный новый потребительский рынок. Возраст, в котором людини достигают половой зрелости, снизился, а возраст окончания школы увеличился. Молодые людини пережили долгий период, когда они были сексуально зрелыми, но не должны были вести активную половую жизнь.

Еще одним важным фактором, по словам Уикса, стало то, что женщины стали более влиятельной группой населения, и не только потому, что, будучи обладательницами семейного кошелька, они теперь контролировали гораздо больше денег, чем раньше, но и потому, что они начали работать после гораздо меньшего количества лет, проведенных в периоде беременности. Женщины приняли участие в новом подъеме высшего образования и использовали свои возможности для получения хорошо оплачиваемой работы. Таким образом, женщины, как утверждают некоторые историкессы, имели более сильную позицию, позволяющую ощущать свои потребности и добиваться своих удовольствий в области сексуальности. Большее влияние, которым смогли обладать женщины, вероятно, повлияло на сексологию. Женщин нельзя было так легко низвести до роли пассивного и безропотного объекта, когда они обладали большей финансовой независимостью.

Но растущая независимость женщин представляла прямую угрозу сохранению мужской власти и привилегий. Здесь будет утверждаться, что такая угроза не материализовалась во многом благодаря успеху Революции сексуальности. В книге «Старая дева и ее враги» я утверждала, что именно возросшая независимость и возможности женщин в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков ускорили рождение сексологии как науки. Половой акт был задуман как новый обязательный элемент в браке, который должен был компенсировать снижение эффективности правовых и экономических ограничений. 1960-е годы стали новым периодом кризиса мужского превосходства, и потребовалось внести новые коррективы.

Наука сексологии была основана на предположении, что половой акт играет решающую роль в поддержании подчиненного положения женщин. Сексологи считали, что половое удовольствие женщин подчиняет их не только в отношениях, но

и в жизни. Призывать женщин, не только замужних, но теперь и одиноких, вступать в половой акт мужского доминирования/женского подчинения в 1960-х годах является частью этой традиции. Хотя эта Революция рекламировалась как «освобождающая» женщин, для любой, кто читала между строк сексологической литературы, было ясно, что участие женщин в этой Революции не имело целью освободить их от чего-либо, кроме здравого смысла и инстинкта самозащиты. Но в то время никто не читала между строк.

Вместо того, чтобы представлять угрозу традиционному патриархальному браку, Революция сексуальности укрепила этот институт. Ни гетеросексуальность, ни брак в этот период не подвергались сомнению. На самом деле вероятность вступления в брак для женщин стала значительно выше. Уикс отмечает, что, если в 1911 году из каждой тысячи женщин в возрасте 21–39 лет были замужем 552 женщины, а в 1931 году — только 572, то в 1961 году эта цифра составила 808. К середине 1960-х годов 95 процентов мужчин и 96 процентов женщин вступали в брак до 45 лет. Феминистки перед Первой мировой войной объясняли силу своего движения силой класса старых дев. Они считали старых дев независимыми и сильными, способными изменить мир так, как никогда не могли сделать замужние женщины, которым приходилось служить мужьям и подчиняться им. Если бы это было правдой, то мы могли бы ожидать, что феминизм 1970-х годов будет более хрупким, чем предыдущая волна. Несомненно, показатели брачности свидетельствуют о том, что революция 1960-х годов не была направлена на освобождение женщин.

ИДЕОЛОГИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА СЕКСУАЛЬНОСТИ

Революционеры сексуальности 1960-х годов поставили перед собой задачу реконструировать западную мораль. Движение за реформу сексуальности в начале двадцатого века и особенно в 1920-х годах считало себя сметающим туман викторианской морали, которая постановила, что половой акт постыден и его следует скрывать. Реформаторы сексуальности заявляли, что половой акт — это позитивно и доставляет удовольствие. Революционеры сексуальности 1960-х годов считали, что перед ними стоит примерно такая же миссия. Предыдущее наступление на викторианство явно не увенчалось успехом. Кто стояли на пути прогресса полового просвещения? Женщины. Поскольку во время первой волны реформы сексуальности женщины считались неспособными оценить радость полового акта с мужчинами, а то и вовсе фригидными, то в 1960-х годах женщины рассматривались как ложка дегтя в бочке прогресса.

Источник полового просвещения в начале 1960-х находился в Швеции, Дании и Голландии. Жительницы этих стран считались людинями, опережающими Революцию сексуальности на годы, и их книги были опубликованы в Британии с большим воодушевлением. Одной из таких работ, опубликованной в Великобритании

в 1963 году, был «Словарь любви» Инге и Стэна Хегелеров. Они определили традиционную мораль как источник проблем с половым актом.

> *Причиной нашей тревоги по поводу сексуальности является наш еще достаточно строгий моральный кодекс, который делает воспитание антисексуальным и ставит препятствия на пути вполне разумного просвещения в вопросах полового акта. Любое изменение морали сексуальности требует нескольких поколений, потому что воспитание имеет огромное значение для личности и поэтому сохраняет такую прочную власть в сознании людинь (там же).*

Они ясно дали понять, что эта проблема особенно остро стоит среди женщин.

ПОДАВЛЕНИЕ

Концепция «подавления» была мощным оружием в арсенале революционеров сексуальности 1960-х годов. Хегелеры определяют это как «мешающее, подавляющее деятельность ума» (Sutherland, 1982). Без всякого удивления мы обнаруживаем, что женщины чаще всего подвержены «подавлению».

> *Запреты часто могут иметь моральную природу, другими словами, быть приобретенными… Многие женщины (и многие мужчины) способны сами все испортить, полагая, что эти запреты присущи им от рождения и, следовательно, обладают божественной непогрешимостью. Нет ничего необычного в том, что неопытная и неосведомленная женщина считает, что некоторые подходы мужчины аморальны и неправильны, потому что она усвоила, что это так — это всегда каким-то образом витало в воздухе во время ее детства и юности, следовательно, мужчина, о котором идет речь, — свинья. (Kronhausen, 1967).*

Хегелеры приводят примеры подходов, в отношении которых у женщин могут возникать запреты. Это фелляция и куннилингус. Благодаря концепции «запрета» мы можем видеть, что возможность выбора для женщины была устранена. Если женщине не нравилась половая активность, каковы бы ни были причины ее возражений, будь то личные, политические или эстетические, считалось, что в детстве у нее были какие-то проблемы, которые создавали для нее запрет.

Запреты были неправильными, т. к. они «мешали человеке разумно развиваться», и поскольку они были социально сконструированы, то, следовательно, их можно было устранить. В 1960-е годы личной обязанностью женщин стало работать над устранением своих запретов. Быть обвиненной мужчиной в наличии комплексов было серьезным делом, поскольку подразумевалось, что такая женщина старомодна, не мыслит шире и в какой-то степени психологически ущербна. Неудивительно, что женщины с энтузиазмом участвовали в программах самосовершенствования, обычно благодаря мужчинам, указавшим на их проблему.

Возможно, они не научились по-настоящему получать удовольствие от необходимых практик, но им удалось терпеть их и избегать чувства вины и обвинений.

Хегелеры, как и другие революционеры сексуальности 1960-х годов, имели традиционное понимание полового акта, основанное на превосходстве мужчин. Под заголовком «Ухаживание» они отмечают, что «ухаживать за женщиной, добиваться ее расположения, осаждать, восхищаться и т.д. — все это захватывающие вещи для большинства мужчин, если они являются частью запланированного завоевания» (Rembar, стр. 12).

При таком контексте мужского доминантного/женского подчиняющегося положения в половом акте не было ничего удивительного, если у женщин были сомнения, основанные на простом понимании политики того, что с ними происходит. Женщины знают, когда их подчиняют или унижают. Концепция подавления побуждала их интерпретировать свое беспокойство как дефект характера.

Хегелеры стремились убедить женщин в том, что эротические фантазии, в которых они подвергаются половому насилию, вполне нормальны и здоровы, чтобы у некоторых женщин не могли развиться запреты и по этому поводу.

> *Совершенно нормальные и здоровые женщины могут рассказать, как они воображали себе сцены инцеста, проституции, изнасилования, гомосексуальности, эксгибиционизма, мазохизма, садизма и многих других измов... Ни один из этих мысленных образов или фантазий не должен вызывать у кого-либо беспокойства (Montgomery, 1966).*

Помимо гомосексуальности, все фантазии, которые здесь считаются безобидными, показывают женщин в роли объекта или жертвы по отношению к мужской сексуальности.

МОРАЛЬНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ

Либерализм сексуальности был основан на моральном релятивизме. Революционеры сексуальности стремились узаконить половые практики, против которых до 1960-х годов существовали культурные табу или против которых у женщин были «запреты». Эти действия были объявлены действительно вполне «нормальными» или, по крайней мере, нормальными для некоторых людинь или в некоторых обществах. Они были готовы зайти довольно далеко в попытках доказательства своей правоты. Некоторые из революционеров сексуальности, похоже, не проводили черту ни в какой форме половой практики. Хегелеры применяли моральный релятивизм к половому насилию над детинями. Для Хегелеров это вообще не было проблемой, и по их мнениюю часто детини получали удовольствие и желали этого. Это было проблемой только в том случае, если имело место повреждение ребенки.

В очень редких случаях речь идет о реальных попытках полового акта с ребенкой. В таких случаях очевидно, что может идти речь о физическом вреде, т.е. о повреждении тела ребенки.

Психический вред, причиняемый детиням такими половыми актами, в определенной степени зависит от полового воспитания ребенки и полученного ею просвещения (там же).

Таким образом, половое просвещение, смысл существования революционеров сексуальности, может привести к исчезновению полового насилия над детинями. Просвещенная ребенка не будет подвержена абьюзу. Взрослые мужчины продолжали бы использовать детинь как объект для своего полового удовлетворения, но детини не возражали бы. Отношение к детиням здесь аналогично отношению к женщинам в книге. Ожидалось, что Просвещение устранит запреты, сомнения и чувство беспокойства со стороны женщин и детинь по поводу их опыта с половым поведением мужчин.

Толерантное отношение Хегелеров к половому насилию над детинями оправдывается использованием аргументов морального релятивизма. Нам говорят: «Есть вещи, которые строго наказываются как половые преступления в одной стране, но не наказываются вообще в другой» (Millett, 1977). В качестве примеров они приводят запрет сношений между черными и белыми в Южной Африке и «соблазнение к мастурбации» в некоторых американских штатах. Они выбрали здесь примеры половых практик, в которых отсутствует злоупотребление властью, для сравнения с практикой полового насилия над детинями, в которой злоупотребление властью является аксиомой. Эта нечувствительность к злоупотреблениям властью в сфере сексуальности является фундаментальной для либерализма сексуальности. Все половые практики считаются одинаково нейтральными с моральной точки зрения. Различия во власти между мужчинами и женщинами, мужчинами и детинями не признаются. Половой акт без исключения рассматривается как развлечение и игра. Жестокое обращение переименовывается в ханжество жертвы. «Непросвещенные» женщины и детини были единственными, кто вообще видели насилие в ситуации полового акта, и их можно было отучить от таких плохих манер. Под заголовком «Непристойность» Хегелеры снова сравнили практику секса по обоюдному согласию со злоупотреблением властью таким образом, что это злоупотребление исчезло.

Непристойность: означает любое действие, оскорбляющее предрассудки по поводу полового акта. Это может быть взрослый человек, довольно интимно ласкающий ребенку (см. «Преступления сексуальности»), или двое влюбленных, обнимающихся на стоге сена. Другими словами, это означает то, что мы хотим, чтобы это значило (там же).

Другими словами, полового насилия на самом деле не существует, кроме как в умах людинь с иррациональными предубеждениями.

Сила приверженности Хегелеров моральному релятивизму приводит их к удивительно терпимому взгляду на некрофилию. Некрофилия обычно предполагает половое насилие над женщинами со стороны мужчин. Поскольку трупов за пределами моргов не хватает, мужчины будут убивать, чтобы обеспечить себя ими, а некрофилия является стимулом массовых убийств женщин. Некрофилия — это мужская половая практика, которая не отвечает интересам женщин ни в жизни, ни в смерти. Хегелеры не видят в этом проблемы.

> *Некрофилия, некромания, некросадизм: это все сексуальные вещи, которые людини могут придумать с телами мертвых людинь. Это не такое уж неизвестное явление для людинь, чьи половые побуждения не нашли выхода более нормальным способом, — позволить себе соблазниться трупами.*
>
> *Подобные вещи, естественно, происходят в том числе среди людинь, чья профессия заставляет их ежедневно иметь дело с трупами. Для таких людинь смерть не так страшна, и уважение к умершим поэтому уменьшается в ходе повседневной жизни (Kronhausen, p.205).*

По-видимому, согласно логике Хегелеров, чувство брезгливости при мысли о том, что вы будете использованы после смерти в качестве машины для мастурбации для служащего морга, — это всего лишь еще одно чувство, которое половое просвещение должно искоренить.

Книга Ларса Уллерстама «Эротические меньшинства», впервые опубликованная в 1964 году, является еще одним скандинавским примером Революции сексуальности. Уллерстам написал для этих меньшинств то, что он назвал «Биллем об эротических правах». Он хотел, чтобы эротические меньшинства имели легкий доступ к половому удовлетворению, и хотел, чтобы предубеждения против них прекратились. Среди его меньшинств снова были некрофилы, наряду с гомосексуальными людинями. Он хотел, чтобы инцест был легализован. Он хотел, чтобы к эксгибиционистам относились терпимо. Большинство его меньшинств составляли мужчины, достигающие полового удовлетворения посредством жестокого обращения с женщинами. В конце концов, эксгибиционисты считают необходимым пугать женщин и угрожать им половым актом, чтобы добиться удовлетворения. Уллерстам был невосприимчив к любому пониманию динамики власти, которая могла повлиять на практику полового акта. Призвав к терпимости и пониманию своих меньшинств, он представил программу действий. Самым важным шагом было создание публичных домов. Он утверждал, что предполагает, что все представительницы населения будут пользоваться борделями. У него не было гендерного анализа, и проблема проституции как института мужского превосходства, который не мог существовать в эгалитарном обществе, ему не приходила в голову.

> *Рациональными методами можно было бы значительно снизить уровень цен на товары для полового акта; мальчикам-подросткам и мужчинам без*

дохода должны быть разрешены сниженные ставки. Для неженатого мужчины бордель станет фактором экономии времени, по крайней мере, в случаях сильных половых побуждений, и у него будет больше времени для продолжения образования и обучения. Сексуально утомленные жены нашли бы облегчение, отправив своих мужей в эти дома радости, и им не пришлось бы беспокоиться о каких-либо осложнениях (Ullerstam, 1964).

Эти государственные бордели явно предназначались для мужчин. Он также предложил, чтобы были созданы мобильные публичные дома для посещения «больниц, психиатрических больниц и других учреждений, парализованных, прикованных к дому пациентов и стариков, а также тех, кто слишком заторможены, чтобы самостоятельно посещать такие учреждения». Сотрудницы обеспечивали бы их мастурбацией и стриптизом.

РАДИКАЛЫ ПОЛОВОГО АКТА

Для многих, кто жила в 1960-х и начале 1970-х годов, произошедшие изменения в половом поведении были бы незаметны. Но многие левые, те, кто считали себя прогрессивными и авангардными, считали, что принимают участие в Революции сексуальности. Пророками этой Революции были Вильгельм Райх и Герберт Маркузе. Идеи этих мужчин стали общепринятой мудростью поколения молодых людинь, которые в тот момент переживали Революцию через свою половую практику. Их идеи не умерли. Возможно, они были немного переработаны, но они по-прежнему служат источником информации для новых радикалов полового акта в стиле 1980-х. Пол Робинсон в своем исследовании Райха, Маркузе и Гезы Рохайма дает нам определение радикала полового акта. Он объясняет:

Райх, Рохайм и Маркузе убеждены в беспрецедентной значимости полового акта как в индивидуальной психологии, так и в эволюции цивилизации… Радикалами полового акта *их делает их безоговорочный энтузиазм в отношении полового акта, их вера в то, что половое удовольствие является высшей мерой человеческого счастья, и их выраженная враждебность к репрессиям половых актов в современной цивилизации (Robinson, 1972).*

Эти идеи не были новыми для 1960-х годов, поскольку все эти мужчины были продуктом более раннего времени; но именно в 1960-е годы их идеи были подхвачены. Половому акту отводилась апокалиптическая роль, и эти пророки были привлечены для ее обоснования. В то время как ведущие сексологи могли верить в важность полового удовольствия, потому что оно служило укреплению власти мужчин и подчинению женщин, или просто потому, что они принимали фрейдистские идеи, радикалы придавали половому акту революционную роль. Однако если многие студенты 1960-х и понимали, что «заниматься этим на дороге» в некотором роде революционно, они, возможно, не были уверены, как это поможет в

создании социалистической революции. Те, кто хотели теории, читали Райха, чьи работы были переизданы в 1960-х годах и прочитаны восхищенным новым поколением. Его падение в бесчестье в 1940-50-е годы было забыто. Новое поколение интересовалось хорошим коммунистическим Райхом 1920-30-х годов.

Райх считал оргазм мерилом здоровья. Он считал, что невротики заболевают потому, что не могут достичь удовлетворительного оргазма. Он взял у Фрейда гидравлическую модель и довел ее до крайности. В этой модели биологически заданное количество половой энергии поднимается и требует высвобождения. Если вся энергия не была эффективно высвобождена, это приведет к болезни. Райх определял оргазм как «способность к полной разрядке всего сдерживаемого полового возбуждения посредством непроизвольных приятных сокращений тела» (Reich, 1972). Оргазм должен был быть правильного типа, то есть гетеросексуальным. Большинство людинь, по словам Райха, не испытывали оргазм правильного типа с полной разрядкой и в результате страдали.

Очень простым языком он объяснил эту модель молодым членкам Коммунистической партии в 1931 году в брошюре под названием «Половая борьба молодежи». Он заявил, что «половые отношения происходят под давлением полового напряжения и влечения…» и что «Природа… устроила все так, что здоровый мужчина желает вступать в половые отношения в среднем от одного до трех раз в неделю» (там же). Райх определял секс как сношение. Понятно, что модель Райха — мужская. Теория разрядки не очень подходит женщинам. Именно женщинам пришлось бы обслуживать стремление молодых мужчин к революционному оргазму, и они были бы подчинены этим весомым аргументам. Райх задавался вопросом: «Что происходит с любым органом, если его естественная деятельность на длительное время затруднена, произойдет и с половыми органами; их состояние будет ухудшаться» (там же). Какая женщина захочет навлечь на своего парня такие ужасные последствия?

Призыв Райха к молодежи 1960-х заключался не только в заповеди вступать в половую связь. Он изложил четкий маршрут того, как подавление сношений привело к таким политическим бедам, как фашизм. Робинсон так описал послание Райха:

> *Связь между подавлением полового желания и авторитарным социальным порядком была простой и прямой: у ребенки, испытавшей подавление своей естественной сексуальности, навсегда искажалось развитие характера; она неизбежно становилась покорной, опасающаяся всякой власти и совершенно неспособной к бунту… существовали репрессии… для того, чтобы создать структуру характера, необходимую для сохранения авторитарного социального режима (Robinson, p.29).*

Райх обвинил семью как институт, внутри которого репрессии половых актов создают жесткую броню характера и авторитарную личность, которая ищет лидера. В 1960-е годы нападения на семью, будь то со стороны Р. Д. Лэйнга или со стороны

Райха, были чрезвычайно популярны. Свободная любовь, немоногамия, общественная жизнь — все это нуждалось в теоретическом обосновании, и Райх его предоставил. Райх назвал семью «фабрикой авторитарных идеологий и консервативных структур (характеров)». Это обвинение в адрес семьи привело к довольно некритическому прославлению Райха со стороны феминисток в начале 1970-х годов.

Осознание того, что частые сношения являются политическим долгом, стало весомым оправданием требований половых актов молодых революционеров. Предписание Райха о политически необходимых сношениях было ясным и прямолинейным.

> *Требование капиталистического общества вести аскетический образ жизни, чтобы защитить себя от натиска собственной сексуальности, неосознанно принимается путем внутреннего возведения барьеров против ваших собственных половых желаний... Церковь имеет самую сильную идеологическую поддержку в подавлении половых желаний молодежи: они сами отказываются от своей сексуальности и поддерживают антисексуальную капиталистическую мораль, которая причиняет им жестокие страдания (Reich, p.48).*

Рейх заявил: «Определение свободы — это то же самое, что и определять половое здоровье» (Robinson, p.48). Это послание воспроизводится сегодня в аргументах либертарианцев 1980-х годов о том, что освобождение женщин — это освобождение через половой акт.

Основные убеждения Рейха о сексуальности были в соответствии с другими крупными сексологами двадцатого века. Он полагал, что существует «естественная» сексуальность, которая была извращена культурными влияниями в нежелательные формы или вообще подавлена. Здоровье требовало выражения этой «естественной» сексуальности, которая означала частые половые акты. Кинси высказывал очень похожие идеи, утверждая, что мальчик подросток нуждается в «отдушинах» полового акта из-за биологического влечения. Женщины и девочки должны были быть сосудами и обслуживать их влечение. У Пола Робинсона сложилось впечатление, что Райх была феминистом. Вот его определение того, что значит быть феминистом для радикала полового акта:

> *В частности, он был ярым защитником прав женщин на половой акт. Его феминизм был столь же ярко выражен, как и мизогиния Фрейда. Он также был суровым критиком традиционного идеала супружеской верности. Навязывание брака в существующем обществе должно был быть искоренено, поскольку каждый индивид имеет право искать новую партнерку, когда того требовало его счастье полового акта (Robinson, p.49).*

Независимо от того, было ли использование им мужского притяжательного прилагательного в последнем предложении намеренным или случайным, это показывает ограниченность определения феминизма, которое на практике просто означало, что женщины должны быть доступны для удовлетворения требования мужчин разнообразия в половом акте. Но это определение феминизма было одним из общего пользования во время Революции сексуальности. Исторически женщины проявляют меньший энтузиазм по поводу возможности иметь сексуальное разнообразие, тогда как радикальные мужчины всегда считали это освобождающим для женщин. Радикальные сообщества, созданные мужчинами оуэнитов до коммунаров в 1960-х и начале 1970-х годов, выразили приверженность этому равенству. Под видом освобождения женщин от нахождения в частной собственности мужчин они отменили брак и превратили женщин в общую собственность мужчин. Экспериментальная община Онейда в Америке, которая процветала с 1840-х по 1870-е годы, засвидетельствовала, как женщины все больше разочаровывались в том, что их считают общими. Власть мужчин в таких сообществах никогда серьезно не оспаривалась, и в такой неравноправной ситуации словесное утверждение о равенстве женщин в половом акте было не более чем пустой болтовней. Более широкий и разнообразный доступ к женщинам традиционно был революционной привилегией для мужчин и сомнительным преимуществом для женщин.

Другим великим вдохновляющим мыслителем, стоящим за Революцией сексуальности, был Герберт Маркузе. Маркузе, как и Райх, рассматривал репрессии сексуальности как необходимые для капитализма, а устранение этих репрессий как революционные в своих последствиях. Согласно его анализу, удовольствие и вид работы, требуемый капиталистической системой, несовместимы. Поэтому капитализм был необходим для подавления удовольствия, включая сексуальное удовольствие.

> *Несублимированное, нерационализированное высвобождение половых отношений означало бы самое решительное высвобождение удовольствия как такового и полную девальвацию работы ради работы. Напряжение между врожденной ценностью труда и свободой удовольствий не могло быть терпимым для индивида: безнадежность и несправедливость условий труда поразительно проникали в сознание индивидов и делали невозможной их мирную регламентацию в социальной системе буржуазного мира. (Robinson, p.144).*

Маркузе переосмыслил мрачный и явно сексуально-консервативный посыл Фрейда о том, что цивилизация зависит от подавления разрушительной силы сексуальности. Маркузе предположил, что определенное количество репрессий действительно необходимо для цивилизации, но большое количество репрессий сверх этого необходимого количества было навязано для того, чтобы облегчить политическую систему господства. Этот «избыток репрессий» можно и нужно

устранить, чтобы не допустить падения общества в варварство и хаос. Феминисткам трудно сочувствовать этой идее. Она явно основана на мужской модели. Феминистки считают мужскую сексуальную агрессию не «естественной», не лишенной полного самовыражения, а социально сконструированной для поддержания мужской власти. В таком контексте концепция репрессий бессмысленна.

Маркузе отличался от Райха в некоторых принципиальных аспектах. Он не концентрировался на генитальности, а призывал к «ресексуализации тела». Он считал, что капитализм концентрирует сексуальность и удовольствие в гениталиях, чтобы остальные части тела были свободны для труда. Все тело и его удовольствия должны быть освобождены. Это убеждение привело его к тому, что половые девианты и, в частности, гомосексуалисты играли революционную роль: «Извращения… …выражают бунт против подчинения сексуальности порядку деторождения и против институтов, гарантирующих этот порядок». Райх считал гомосексуальность болезнью, которая является следствием репрессий и должна исчезнуть. Маркус был гораздо более сочувственным пророком освобождения геев.

Издатель Морис Жиродиа приводит нам хороший пример того, как подобные идеи трансформировались в идеологию Революции сексуальности. Он впитал идеи радикалов полового акта в целом и использовал их для оправдания своего порнографического бизнеса.

> *Как моральная цензура на самом деле есть не что иное, как замаскированная политическая цензура, так и Революция сексуальности является единственной истинной, центральной реальностью политической революции. Представьте, что завтра свобода чтения книг о половом акте будет предоставлена… жителям России, Испании, Китая, Португалии, Греции и десятка других стран: нынешний авторитарный режим будет свергнут в одночасье. Почему? Потому что гражданская дисциплина начинается с выработанного рефлекса сексуальной сдержанности (Girodias, 1971).*

Как именно будет работать этот механизм? Жиродиа объясняет, что как только кто-то перестанет верить в то, что «читать эротические книги — это неправильно», можно будет «дважды подумать, прежде чем отправиться во Вьетнам исполнять свой долг», потому что «это тот же самый не столь абстрактный Старший брат, который говорит вам, что делать в постели и вне постели; в любви и на войне» (там же).

ЭРОТИЗАЦИЯ НЕЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЫ

Одним из значительных изменений в сексологии 1960 -х годов было отношение к половому акту вне брака. Литература по половому акту до 1960-х годов была адресована респектабельным замужним людиням. Незамужним советовали сублимировать сексуальный инстинкт с помощью творчества или добрых дел.

Ситуация кардинально изменилась в 1960-х годах, когда ценность девственности стала предметом горячих споров. Независимо от того, убедили ли они больше девочек, что они должны потерять девственность и действовать в соответствие с этим, литература по половому акту показала нечто новое. Писатели бросили говорить не состоящим в браке женщинам или мужчинам сублимировать. Книги были написаны специально для одиноких женщин, инструктирующих их, как действовать сексуально. Самая известная книга — это «Секс и незамужняя девушка» 1962 года от Хелен Герли Браун. Браун позже стала редакторкой журнала Cosmopolitan. Cosmopolitan символизировал новую одинокую женщину 1960-х годов. С новыми возможностями для образования и карьеры, молодые женщины имели больше денег и независимости, чем когда-либо прежде. Они снимали квартиры и вступали в отношения с мужчинами совершенно независимо от своих семей. Потенциально это новое поколение женщин представляло угрозу традиционным патриархальным устоям. В настоящее время в жизни женщин существует значительный разрыв между выходом из-под контроля семьи и переходом под опеку мужа. Во время этого междуцарствия у них были деньги и независимость.

Решением проблемы этой свободно распространяющейся популяции молодых женщин, вышедших из-под контроля мужчин, была эротизация одинокой женщины. Незамужняя женщина должна была получить роль в гетеросексуальном обществе. Предполагалось, что она будет участвовать в половом обслуживании мужчин, которое ранее предоставлялось ее замужней сестре. В журналах для раскрепощенных женщин ей рекомендовали направить свою энергию на то, чтобы найти подходящего мужчину и удержать его, сделав счастливым. Все еще существовало предположение, что в конце концов она захочет выйти за него замуж, но даже если бы она этого не сделала, то, по крайней мере, была занята тем, что вкладывала свою энергию в мужчину или мужчин, а не в женщин или революцию.

Книга «Секс и незамужняя девушка» была более целомудренной по сравнению с тем, что появится в конце 1960 -х годов. Книга напоминала предыдущие советы молодым женщинам о том, как получить мужа, но она была новаторской в своей концентрации на половом акте. В ней девушек инструктировали о том, как использовать специальные приманки, чтобы зацепить мужчин, и предполагалось, что половая активность может иметь место и до вступления в брак. Герли Браун представила свою книгу женщинам, которые хотели бы обзавестись мужем, обладающим статусом и деньгами. Она рассказала им, что им не обязательно быть красивыми или умными, достаточно быть хитрыми и сексуальными. Она призвала их последовать ее примеру, чтобы они могли поймать миллионера в возрасте 37 лет, как и она. Она дала инструкции о том, как быть сексуальной. Она предположила, что ее аудитория в значительной степени не осведомлена о том, что является сексуально привлекательным для мужчин, и дала очень конкретные советы.

Чистые волосы — это сексуально. Пышные волосы — это тоже сексуально. Короткие прически и волосы под мышками, на ногах и вокруг сосков — нет. Красивое белье — это сексуально… Пояса не сексуальны. Я знаю, что они являются необходимой сдерживающей стеной для упругих ягодиц, но они не притягивают… Возможность сидеть неподвижно — это сексуально. Улыбки — это сексуально… Постоянные разговоры о чем угодно — это несексуально. Сфинксы и Моны Лизы знали, что делают (Brown, 1962).

Девочки, которые следовали таким советам, превращались в идеальные половые объекты, изменяя свою внешность, тело и поведение, чтобы понравиться мужчинам, которые, как предполагалось, не интересовались ничем, кроме полового акта. Это не сильно раскрепощало одиноких женщин. В то время как старая дева в 1950-е годы могла, по крайней мере, находить утешение в своем уме и подругах, незамужняя женщина 1960-х годов выполняла в жизни только одну функцию — возбуждать половой аппетит мужчин. Это представление об одинокой женщине, которым торговали в новых и предположительно «прогрессивных» женских журналах 1960-х годов, было именно той смирительной рубашкой, против которой женщины восстали, создав женское освободительное движение в конце 1960-х годов. С таким ограничением ума и тела больше нельзя было мириться, поскольку женщины по-настоящему почувствовали вкус своей новой независимости. Но этот рецепт никуда не делся и по-прежнему доминирует в журналах для молодых женщин. Такие журналы существовали и продолжают существовать, чтобы использовать новый рынок, созданный доходами одиноких женщин. Они продают необходимые продукты красоты, косметику и корсеты, которыми могут воспользоваться рекламодатели.

Герли Браун снова и снова подчеркивала, что интеллект в женщине — это не сексуально, и любое независимое самоощущение тоже несексуально. Девушки, которые хотят иметь мужчин, должны казаться невежественными и полностью увлеченными любым мужчиной, который заговорит с ними. Она дала следующие инструкции о том, «как флиртовать»:

С вами разговаривает мужчина, ничего личного. Смотрите ему в глаза так, как будто в них — победители завтрашнего дня. Не отрывайте от него взгляда… Никогда не перебивайте мужчину, когда он рассказывает историю. Ни за какие ковры в Персии. Это ужасная привычка девочек, даже по отношению к другим девочкам (там же).

Она поручила женщинам казаться сознательно «более мягкими и менее самодостаточными», отправившись в «беспомощную кампанию» (там же). Женщины, которым было трудно принять такой совет, подвергались насмешкам. Им сказали, что они нуждаются в «профессиональной помощи», если они «втайне завидуют [мужчинам], их высшим преимуществам, их работе, их способности эксплуатировать» (там же). Таким зачаточным феминисткам, у которых, возможно,

только начинало формироваться чувство собственного достоинства, говорили, что «Мужененавистницы втайне завидуют мужским пенисам», грубо сокращая старый добрый фрейдизм.

Книга Герли Браун — это книга о карьере для женщин, написанная в стиле вдохновляющей английской классики середины девятнадцатого века Сэмюэла Смайлза «Жизни великих инженеров». Как Смайлс говорил среднестатистическим англичанам, что инженером может стать любой, так и Герли Браун говорила женщинам, что любая из них может удачно выйти замуж, даже если, как и она сама, они не были наделены какими-либо преимуществами от природы или по наследству. Принцип тот же, но разница в амбициях довольно очевидна.

В 1969 году появилась еще одна книга «как», демонстрирующая прогресс Революции сексуальности в этот период. Джоан, авторка книги «Чувственная женщина», рассказывает нам, что у нее «тяжелые, неровные бедра, выступающие зубы и т. д.», и все же она достигла карьерных возможностей, о которых мечтала. «Благодаря уму и упорному труду» она стала «чувственной женщиной» (Memphis, 1981). Джоан не предлагала награду в виде обретения высокопоставленного мужа, если женщины будут следовать ее советам. Ее карьерные амбиции заключались просто в том, чтобы быть сексуальной и «чудесной сучкой в постели». Это новое направление в половых советах для одиноких женщин.

Одним из требований британского женского освободительного движения 1970-х годов была «самостоятельно определяемая» сексуальность для женщин. Джоан не заботилась о таких тонкостях. Женщины должны были научиться испытывать оргазмы просто для того, чтобы лучше соответствовать половым интересам мужчин. Она учила женщин мастурбировать, потому что тогда они могли бы более эффективно испытывать оргазмы во время полового акта. Она объясняла:

> *Причина, по которой вам нужно научиться заканчивать самим, заключается в том, что у мужчин не хватает терпения тщательно исследовать ваше тело, пока они сами возбуждены. Они хотят продолжать действие, а не играть в лабораторию (там же).*

Женщин проинструктировали, что им нужно будет использовать фантазии при мастурбации, и что эти фантазии могут быть взяты из порнографии, например, из «Истории О». Мазохистские фантазии были хороши, например, «быть похищенной и изнасилованной» (там же). Либертарианские феминистки 1980-х, считавшие, что они изобретают новую сексуальность для женщин, просто повторяют многие из этих инструкций, поэтому стоит обратить внимание на версию 1969 года, которая не претендовала на феминистичность. Джоан настаивала на том, что женщины должны быть не более чем объектами и служанками для мужчин. Она объяснила, что в прошлом женщины были эгоистичны, требуя удовлетворения в постели, а не просто обслуживая мужчин. Женщины забыли о своей биологической роли: «Мы были

созданы для того, чтобы радовать, возбуждать и удовлетворять представителей мужского пола» (там же). Она объяснила, что у обоих полов разные роли в половом акте. «Мужчины побеждают с помощью агрессивной и умелой страсти и любви; женщины отдаются страсти и любви и растворяются в них» (там же). Цель женщины должна состоять в том, чтобы «радостно, нежно и с вожделением предлагать ему каждый квадратный дюйм своей плоти» и «сладко использовать свое эротически умелое тело в качестве чувственного инструмента для удовлетворения его аппетита» (там же).

Джоан, как и другие авторки советов по половому акту времен Революции сексуальности, советовала женщинам заниматься оральным половым актом с мужчинами. Она объяснила, что одно время испытывала отвращение к этой идее, но потом ей это понравилось. По ее словам, женщины должны это делать, нравится им это или нет, потому что «ваш мужчина будет любить вас за это» (там же). Джоан признала, что две трети женщин, если предположить, что они преодолели свое отвращение к фелляции, не хотят, чтобы мужчины эякулировали им в рот. В этот момент она превратилась в строгую школьную учительницу и напомнила женщинам об их долге:

> *Очевидно, когда дело доходит до этого, многие красивые чувственные женщины покидают корабль или хотели бы этого. О нет, ты этого не сделаешь! Тебе никуда не деться! Держу пари, ты никогда этого даже не пробовала. Не говори: «Это не для меня». Ты еще не знаешь. Приложи достаточно длительные усилия, чтобы ощутить удовольствие от этого в высшей степени чувственного приключения (там же).*

Джоан говорила женщинам, что они должны заниматься половым актом с мужчинами, даже когда им этого не хочется, потому что они не должны разочаровывать своего мужчину. Они должны попытаться почувствовать какой-то интерес, но если не могут, то должны симулировать оргазм. Она утверждала, что «ни одна женщина с хоть какой-то чувствительностью не откажется заняться любовью с мужчиной, который ей небезразличен, просто потому, что ей "на самом деле не хочется"» (там же).

Так Революция сексуальности завершила сексуализацию женщин. Теперь как замужние, так и незамужние женщины должны были стать экспертками в половом обслуживании мужчин и преодолеть собственные вкусы и интересы, чтобы стать эффективными в этой задаче. Если раньше большая группа одиноких женщин могла избежать участи обслуживать мужчин и сосредоточиться на своей личной жизни, то теперь они были призваны к обязательной гетеросексуальности. Та группа женщин, которая сохранила первичные связи с женщинами и отказалась от своей новой роли, была названа лесбиянками. Старые девы исчезли. Старая дева, независимо от того, сексуализировала она свои отношения с другими женщинами или нет, могла жить

достаточно независимой жизнью, свободной от пристального внимания и контроля со стороны органов, регулирующих половую жизнь. Теперь старых дев не было. Незамужние женщины были разделены на лесбиянок и активных гетеросексуалок. Половая активность была обязательной, а отступничество — непростительным.

ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТЬ

Революция сексуальности была гетеросексуальной. Даже самые прогрессивные авторы советов по половому акту не могли представить гомосексуальность у женщин или мужчин разумной альтернативой гетеросексуальности. Либералы, такие как Хегелеры, изо всех сил старались не осуждать гомосексуальность и посвятили этому вопросу несколько страниц в «Словаре любви». Они считали, что гомосексуалы достойны терпимого понимания и имеют право на половую жизнь. Было бы трудно придерживаться другой позиции, учитывая, что они были либеральны во всем остальном, от педофилии до некрофилии. Но Алекс Комфорт, самопровозглашенный секс-радикал, остался равнодушен к этому либеральному порыву, хотя он тоже с энтузиазмом относился к групповому, анальному и многим другим видам половых актов, на которые были наложены серьезные табу. В книге «Радость секса» он утверждает, что охватывает все разновидности полового поведения, но не включая гомосексуальность. В разделе «бисексуальность» он настоятельно рекомендует читательницам не относиться к половому акту с представительницами своего пола иначе, чем как к способу разнообразить свои гетеросексуальные отношения.

Комфорту пришлось упомянуть о «бисексуальности» из-за его проповеднического подхода к групповому половому акту. На вечеринках, посвященных групповому половому акту, однополые желания, как правило, возникали и удовлетворялись, особенно женщинами. Джоан была вынуждена упомянуть о лесбийстве по тем же причинам. Она привела список правил этикета для оргий и включила это в число шести: «Иногда на оргиях встречаются лесбиянки, которые могут заигрывать с вами. Если вы осознаете это заранее, вы сможете изящно справиться с ситуацией, когда она возникнет» (там же).

Еще одна популярная книга с советами по половому акту, которая была печально известна своей враждебностью к лесбиянкам и геям, была издана в 1969 году и называлась «Все, что вы когда-либо хотели знать о сексе, но боялись спросить». Дэвид Рубен описан на обложке как «известный психиатр», но его книга написана на разговорном языке и разошлась тиражом в 400 000 экземпляров за первые четыре месяца. Нам говорят, что он «отвечает на все вопросы с остроумием, стилем и авторитетной прямотой», «избегая при этом каких-либо моральных суждений» (Рубен, 1970). Рубену не помогли сомнения в гомосексуальности. Лесбийство обсуждается в разделе, посвященном проституции. В ответ на вопрос «Что делают лесбиянки подруга с подругой?» Рубен ответил: «Как и их коллеги-мужчины, лесбиянки ограничены тем, что у них есть только половина кусочков анатомической

головоломки. Точно так же, как один пенис плюс еще один пенис ничего не значат, одна вагина плюс еще одна вагина по-прежнему равно нулю» (там же).

Рубен говорит нам, что «какими бы изобретательными они ни были, их половые практики всегда должны быть своего рода имитацией гетеросексуального полового акта» (там же). Он объяснил, что лесбиянки либо используют фаллоимитаторы, либо «иногда у женщины может быть необычно большой клитор, который в состоянии эрекции достигает двух или более дюймов в длину». Такие женщины, если они лесбиянки, «могут проникать во влагалище» (там же). Нетрудно представить, откуда Рубен почерпнул столь поразительную информацию. Мужская порнография на протяжении веков приписывала лесбиянкам имитацию пениса, потому, что такая идея удовлетворяла особую эротическую прихоть мужчин, либо потому, что половой акт без пениса всегда был немыслим для мужчин. В лесбийской культуре не упоминается двухдюймовый клитор и почти не упоминаются фаллоимитаторы.

Революция сексуальности была гетеросексуальной, но в этой пьянящей атмосфере лесбиянки и геи смогли организоваться и использовать принципы либерализма в своих интересах. В Великобритании и США участились организации лесбиянок и геев. Но возросшая терпимость, позволившая организовывать подобные мероприятия, не означала фундаментального изменения отношения к гомосексуальности. Закон 1967 года в Великобритании, декриминализировавший половое поведение мужчин-геев в частной жизни с партнерами старше 21 года, способствовал развитию гей-прайда и уверенности в себе. В этом законе была очевидна смена идеологии, но это изменение не касалось непосредственно отношения к гомосексуальности.

В докладе Вольфендена о гомосексуальности и проституции 1957 года, который заложил основу для нового законодательства, был закреплен принцип, согласно которому половое поведение в частной жизни не является сферой, которой должен заниматься закон. Декриминализация некоторых форм гомосексуального поведения мужчин и ужесточение наказаний для уличных проститутированных женщин были реализованы на практике. Разделение публичного и частного является фундаментальной предпосылкой либерализма. В краткосрочной перспективе это способствовало освобождению гомосексуалов. Но идея о том, что все, что происходит между взрослыми по обоюдному согласию наедине, должно рассматриваться как не связанное с политикой, привела в 1980-х годах к либертарианству, которое находится в прямой оппозиции к феминизму. Закон 1988 года в Великобритании, запрещающий пропаганду гомосексуальности местными органами власти, известный как раздел 28, и уровень общественной поддержки этого закона подчеркивают, что терпимость никогда не означала принятия.

ЖУРНАЛ «ФОРУМ»: ЦВЕТОК РЕВОЛЮЦИИ

В 1968 году был основан журнал «Форум». Этот журнал демонстрирует, до какой степени гетеросексуальная повестка дня изменилась в ходе Революции сексуальности. Он должен был выглядеть авторитетным, а материалы были написаны либо врачами, либо по их совету. «Форум» был приятным и респектабельным изданием. Исследовательская группа патриархата, проанализировавшая двенадцать лет существования журнала «Форум» в 1981 году, обнаружила, что у журнала было «пятьдесят две группы "Форум" по всей стране и за рубежом, консультативная клиника в Лондоне и группа семинаров для врачей: журнал боролся со случаями цензуры и проводил частные учебные курсы для сексопатологов» (Ковени, 1968-81). «Таймс» высоко оценили то, как «непрекращающаяся полномасштабная атака «Форума» на невежество в половых вопросах способствовала душевному спокойствию и повышению качества жизни его читательниц» (там же). С 1974 года он продавался в британской сети книготорговцев W. H. Smith, которые отказывались продавать «Spare Rib» или «Gay News».

Как замужние, так и незамужние женщины должны были получить от «Форума» бескомпромиссное послание о том, что во имя сексуальной свободы следует удовлетворять все половые интересы мужчин. Форум был посвящен избавлению от «подавления», а это означало борьбу с агенткой подавления — подавленной женщиной. В статьях пропагандировались все виды деятельности, которые, как ожидалось, женщины должны воспринимать как нормальные и полезные для здоровья. Начиная с анального полового акта и переходя от инцеста к глубокому минету, что предполагает использование женского горла в качестве заменителя влагалища, «Форум» стремился убедить свою огромную аудиторию в 40 странах в том, что все возможно. Письма читательниц особенно красноречиво свидетельствуют о том, как женщины пытались перестроить себя в соответствии со строгими требованиями журнала и превратиться в безропотных служанок своих мужчин. В приведенном ниже письме описываются попытки женщины преодолеть свое отвращение к глотанию мужской спермы. Вместо того чтобы показать нам все прелести революции сексуальности, оно демонстрирует нам суровую реальность новой формы подчинения женщин:

> *...Мне нравится сосать член мужа во время любовных игр, но я всегда боялась, что он кончит мне в рот. Но после прочтения некоторых писем других женщин о том, как они преодолели этот страх, я решила попробовать. Я подкрепилась несколькими напитками, чтобы настроиться, а затем сделала мужу лучший минет, который у него когда-либо был... Я не против проглотить его сперму с тех пор, как прочитала на «Форуме» о трюке удерживать достаточно слюны во рту, чтобы вкус был едва заметен... Надеюсь, это письмо поможет другим женщинам, которые читают «Форум», преодолеть чувство вины, чтобы они могли*

наслаждаться настоящими сексуальными чувствами с парнем, которого любят (там же).

В письмах женщины давали подруга подруге советы, как сделать свое положение терпимым. Женщины всегда были находчивы, чтобы помогать подруга подруге справляться с угнетением, поэтому эти женщины, застигнутые Революцией сексуальности врасплох, боролись за выживание. Они обменивались советами, как глотать сперму, так же, как они советовали, как удалить пятна красного вина с ковра в другом женском журнале. Фелляция была новым видом домашней работы.

Практики, от которых, по мнению мужчин-читателей Форума, должны были страдать их жены, могли достигать невероятных масштабов. Один читатель описал садомазохистский ритуал, который он проводил над своей женой.

Я заставляю свою жену надевать очень тугой резиновый корсет поверх больших накладок с длинными тупыми гвоздями, так они смогут вызвать довольно сильную боль через некоторое время.. Я никогда не отпускаю ее без накладок на пятки с шипами, так она почувствует сильный дискомфорт через короткое время... Я ввожу два прибора, длинный широкий во влагалище и маленький в прямую кишку. Я использую зубную пасту, так как она вызывает сильное жжение в анусе в течение нескольких часов... Я надеваю ей на голову черную резиновую шапочку для купания, а затем надеваю толстую резиновую маску для головы. У этой штуки есть надувной мешок, который вставляется в рот и закрывается над глазницами, так что она находится в полной темноте, и мешок застегивается от макушки до затылка. Поверх этого я надеваю жесткий воротник для шеи, а кладу ей в рот резиновый шарик... Затем я обвязываю ее соски ниткой, скрещиваю ее запястья и... привязываю ее большие пальцы к соскам (там же).

Одним из проявлений Революции сексуальности стало появление респектабельных секс-шопов, таких как Ann Summers, в которых мужчины могли покупать подобные садомазохистские приспособления для использования на своих женах. Читатели, подобные этому, полагались на «Форум», чтобы просветить женщин в их обязанности принимать и притворяться, что им нравится такая практика. Некоторые из писем в «Форуме» могли быть выдумкой или намеренно придуманными редактором, чтобы утвердить какую-то новую половую практику, но они претендовали на реальность и выполняли просветительскую функцию.

Более подробные тематические исследования, которые приводятся ниже, включены для того, чтобы разоблачить идеологию либерализма полового акта. «Радость секса» представляет собой апогей Революционной пропаганды. «Свинг» — пример половой революционной практики.Секс-терапия, особенно ее знаменитые представители 1960-х годов, Мастерс и Джонсон, показывает, как новый

революционный рецепт сохранения мужской власти должен был преподаваться невольным или некомпетентным участникам.

РАДОСТЬ СЕКСА

«Радость секса» Алекса Комфорта, вероятно, является самым известным и популярным руководством по половому акту с того времени. Оно связано со второй Революцией сексуальности двадцатого века так же, как «Любовь в браке» Мари Стоупс — с первой. «Радость секса» была впервые опубликована в 1972 году, в зените Революции, и может рассматриваться как квинтэссенция ценностей этой революции. Она претендует на научность. Алекс Комфорт, который называет себя редактором книги, является врачом и исследователем полового акта. Он представляет книгу как «первую книгу по консультированию по вопросам секса, которая опирается на должные исследования» (Comfort, 1979). Это настолько уважаемая книга, что «коллеги-медики» в Америке и Канаде «оставляют ее в приемной или выдают по рецепту» (там же).

Комфорт описывает «Радость секса» как «невозмутимый отчет о полном спектре человеческой сексуальности — ресурсах, новинках, шутках, проблемах» (там же). Книга для тех, кто знает основы и интересуется «изысканным сексом». Описанные практики сгруппированы по разделам «основные блюда», «соусы и соленья» и «проблемы». Гомосексуальность в книге не рассматривается. «Бисексуальности» посвящена всего лишь половина страницы. Предположительно, Комфорт рассматривает гетеросексуальность как «полный спектр» человеческой сексуальности. Книгу посчитали шокирующей во время публикации, потому что она подробно, в веселой и непредвзятой манере описывала половые практики, ранее считавшиеся извращениями, такие как связывание, анальный половой акт и т. д., как нормальную часть секса, с рисунками для иллюстрации этих практик. Если смотреть с точки зрения 1980-х годов, это не выглядит таким уж смелым и авантюрным. Комфорт ясно дает понять, что описанные практики предназначены только для дополнения того, что всегда должно составлять сердцевину сексуального взаимодействия — полового акта в миссионерской позе. Как говорится во введении, «Гвоздем программы является старый добрый супружеский половой акт лицом к лицу… с совместным оргазмом» (там же).

Слово «невозмутимость» снова и снова встречается в предисловии и введении. Книга не только является «невозмутимым отчетом», но и «рассматривает секс так, как его ведут невозмутимые, самоактуализирующиеся людини» (там же). Слово «невозмутимость» важно, и не только потому, что оно кажется новым и довольно сомнительным изобретением. Оно помогает нам понять функцию книги. В то время как руководства по половому акту 1920-х годов стремились сделать своих читательниц невозмутимыми по поводу «старого супружеского акта лицом-к-лицу», эта книга стремится сделать читательниц невозмутимыми по поводу практик, которые, как ясно

из текста, многие из них сочли бы неприятными. Революция сексуальности 1960-х годов возродила миф, который распространяли сексологи 1920-х и 30-х годов о том, что проблемы с половым актом и несовместимость существуют из-за влияния викторианской морали. Если сексологи 1920-х годов могли утверждать, что они храбро сражаются с викторианством из-за его близости во времени, то таким писателям, как Комфорт, предстоит более сложная задача по выявлению пугала, которое заставило «людинь», но, очевидно, женщин, бояться полового акта. Раздел о том, что «нормально», объясняет, откуда берется тревожность.

> *...половой акт, по причинам, присущим нашему виду, вызывает у нас особую тревогу по сравнению с другими различиями в потребностях или вкусах, и наша культура выходит из периода моральной паники и вновь осознает, что бояться нечего. Соответственно, многие людини в своих представлениях о половом акте подобны поколению детинь викторианской эпохи, которых воспитывали в убеждении, что зеленые сладости ядовиты, а рисовый пудинг полезен, потому что невкусен: их нужно подбадривать (там же).*

Если мы подробно рассмотрим описанные практики, то станет ясно, что у женщин, в частности, есть очень веские причины для беспокойства. Женская тревожность — это не просто ненужный пережиток прошлой морали, а реалистичный ответ на большинство, если не на все практики и идеи о «сексе» в этой книге. «Радость секса»показывает, что женщины относятся к сексу скорее по-викториански, никогда не догоняя в полной мере то, что является современным. Отсталость женщин была проблемой во всей дидактической литературе периода Революции сексуальности. В такой литературе нормализовывался ряд практик, с которыми, как считалось, у женщин были особые проблемы. Женщин инструктировали, как считать вкус спермы приятным, чтобы они не испытывали нежелания позволять мужчинам эякулировать им в рот, как получать удовольствие от связывания, как получать удовольствие от шлепков и анального полового акта. Неудивительно, что именно женщины, а не мужчины, сопротивляются таким практикам и нуждаются в перепрограммировании. Эта литература учит женщин превращаться в добровольные и восторженные половые объекты и обслуживать мужскую сексуальность даже в ущерб своему здоровью, гордости и самоуважению. В «Радости секса» женщинам говорят, что они должны с радостью принимать любую форму сексуального интереса или фантазии, которые может предложить их партнер, и с радостью воплощать их в жизнь. Женщина должна радоваться, даже если фантазии состоят в её унижении.

> *Большинство жен, которым не нравится китайская еда, будут есть ее время от времени, чтобы увидеть, как муж-синофил наслаждается ею, и наоборот. Партнерки, которые не соглашаются потерпеть ради определенных сексуальных потребностей, обычно отказываются не потому, что они попробовали, и им не понравилось (многие экспериментальные блюда оказываются вкуснее, чем вы ожидаете), а просто из-за незнания спектра*

человеческих потребностей, плюс страха, если они включают в себя такие вещи, как агрессия… (там же).

Теоретически книга свободна от гендерных предубеждений. Она предполагает, что и мужчины, и женщины могут разыгрывать любые практики, но картинки и текст опровергают эту очевидную гендерную нейтральность. Поверхностное дружелюбие книги рушится, когда обсуждается женское сопротивление половым требованиям мужчин, и проступает неприкрытая угроза. В разделе для женщин о том, в чем заключается мужская сексуальность, напрямую рассматривается женская тревога по поводу необходимости наряжаться в корсеты или черный винил и читается лекция о фантазиях. Женщин предупреждают, что неспособность узнать и действовать в соответствии с мужскими фантазиями «приводит людинь в суд по разводам из-за несовместимости» (там же). Это серьезно. За бархатной перчаткой этой «забавной» библии Революции сексуальности скрывается железный кулак мужской власти и наказания.

Книга предлагает очень полезное определение мужской сексуальности. Определение точное, узкое и предписывающее. Если бы феминистки описывали мужскую сексуальность таким образом, их, вероятно, назвали бы мужененавистницами, враждебными, предвзятыми по отношению к мужчинам и слишком радикальными. Но это передовое руководство Революции сексуальности не стесняется своих предрассудков. В разделе под названием «Мужчины (от него для нее)» Комфорт замечает:

Профессор Хиггинс был прав — мужчины хотели бы, чтобы женская сексуальность была такой же, как у них, но это не так. Мужская сексуальная реакция гораздо более быстрая и автоматическая: ее легко спровоцировать, как опустить четвертак в торговый автомат. Следовательно, на определенном уровне и для всех мужчин девочки и части тел девочек на этом уровне стимулов не являются людинями. Это не противоречит тому, что они тоже людини. Ваша одежда, груди, запах и т.д. — это не то, что он любит вместо вас, а просто то, что ему нужно для того, чтобы задействовать сексуальность и выразить любовь. Женщинам, похоже, трудно это понять.

Во-вторых, большинство мужских чувств, хотя и не все, в конечном итоге сосредоточены в последнем дюйме пениса… (там же).

Все, что женщины находят наиболее неудобным или тревожным в мужской сексуальности, описывается здесь как естественное и неизбежное. Мужчин, как нам говорят, нельзя «пассивно "брать" в нейтральном ключе» (там же). Подразумевается, что женщин можно «брать». Дополнительное ударение, которое дается кавычками на слове «брать», которое ассоциируется с захватом и порабощением, предполагает тревожную агрессию. Хотя книга заявляет о гендерной нейтральности, такие

оплошности опровергают это. Сексуальность рассматривается как доминирующая и агрессивная мужская деятельность и пассивная и покорная женская деятельность.

Женщинам не только говорят принять и приспособиться к данной форме мужской сексуальности, то есть ко всем тем вещам, которые женщины считают наиболее нежелательными, но им также предписывают обслуживать интересы мужчин до того, как они будут озвучены, нравится им это или нет. Женщины должны узнать, что заводит их мужчин, и предоставить им соответствующий стимул. Это Революция сексуальности. Женщины больше не могут лежать, неохотно терпя половые практики и интересы, которые они считают неприятными. Они должны предвидеть желания мужчин и превратить себя в добровольный объект и служанку для мужчины.

> *...самое важное, что вы цените в настоящих любовных утехах, — это интуиция в отношении реакций объекта и непосредственная инициатива — начинать игры, брать в руки пенис, целовать гениталии, не дожидаясь просьбы, — быть инициаторкой, использовать свое стимулирующее оборудование... то, что требуется мужчине для возбуждения, является полной противоположностью девственнице или пассивно принимающему инструменту — это не ситуация спроса, потому что это само по себе может угрожать отключением из-за чувства неадекватности, а ситуация мастерства... (там же).*

Мы обращаем внимание на то, что женщины не должны требовать полового обслуживания от мужчин, чтобы мужчины не почувствовали угрозу, но они должны сами инициировать половое обслуживание мужчин. Мужская и женская сексуальности сильно отличаются, как нам говорят, потому что «мужчины возбуждаются конкретно, в то время как многие женщины возбуждаются ситуативно и атмосферно». Тем не менее, женщин учат стараться развивать мужские половые реакции, чтобы стать «идеальной любовницей».

> *Конечно, вы не можете контролировать свое возбуждение больше, чем он, но намного полезнее, когда у женщины есть какие-то объектные реакции мужского типа, например, она возбуждается при виде пениса, или волосатой кожи, или при раздевании мужчины, или при физической игре (как это бывает помогает, если у мужчины есть некоторое представление об атмосфере) (там же).*

Таким образом, очевидно, что половое поведение не является естественным или неизменным. Ему можно научиться там, где это служит интересам доминирующей гетеросексуальности мужчин, и оно приводит в замешательство только там, где такое обучение может служить интересам женщин.

Раздел «Женщины (от нее для него)» не имеет аналогичного формата. Он не посвящен тому, чтобы рассказывать мужчинам о том, что такое женская

сексуальность, и не требует, чтобы мужчины учились предугадывать половые интересы женщин и удовлетворять их. Раздел начинается с предупреждения мужчинам не «сразу хватать клитор», а сосредоточиться «в первую очередь на груди и коже» (там же). Затем он переходит к длинным извинениям перед мужчинами, что женщины не запрограммированы подходящим образом для них, но уверяет мужчин, что женщины сделают все возможное, чтобы угодить им. В нем утверждается, что пенис — это «общая собственность, как ребенок» для женщины. Мужчин предупреждают не использовать неуклюжую жестокость, которая может привести к большим синякам или вывихнутым пальцам. Им говорят, что женщины любят смесь «жесткого и нежного». Но мужчины должны сделать это правильно и не позволить жесткости стать жестокостью, что, конечно, легко может произойти. Есть параграф о садомазохизме, в котором нам говорят, что женщины испытывают трудности с «овеществлением», то есть объективацией, и мужчины могут помочь им научиться этому. «Обмен ролями», как утверждается, распространен, и женщины не более мазохистки, чем мужчины, а «хороший секс может быть диким, но все равно никогда не жестоким», за исключением, конечно, скрученных пальцев. Нам говорят, что «немного устрашения иногда помогает некоторым людиням». Возможно, от нас действительно ожидают, что мы представим сценарии полового акта, в которых именно женщины запугивают мужчин, но это кажется маловероятным. Внезапно появляется сообщение, противоречащее смыслу раздела о мужской сексуальности.

> *Что касается женской свободы, никто не может быть хорошим любовником — или полноценным мужчиной — если он не считает женщин (a) людинями и (b) равными себе (там же).*

Но нам ранее говорили, что «все мужчины» иногда считают женщин «не людинями», и женщинам просто нужно это принять! Очевидно, что здесь обнаруживается небольшое противоречие интересов между женщинами и мужчинами.

Раздел о женской сексуальности, таким образом, оказывается извинением за неадекватность женщин, вместе с некоторыми инструкциями для мужчин о том, чего не следует делать и что было бы абсолютно неприлично. Мужчин не обучают тому, что такое женская сексуальность, потому что, к счастью, женщины «могут быть менее жесткими и более экспериментальными». Мужчинам говорят, что женщины будут адаптироваться. Им не говорят изучать женскую сексуальную реакцию. Мужчинам говорят помогать женщинам ублажать их. Резкое различие между этими двумя разделами раскрывает истинную цель книги. Это руководство, которое научит женщин их новой роли в Революции сексуальности — обслуживанию мужской сексуальности активно, а не просто пассивно.

В книге подробно рассматриваются способы, с помощью которых женщинам рекомендуется активно удовлетворять мужские желания. Они должны обращать

внимание на манипулирование образом своего тела с помощью одежды и других предметов гардероба, включая латексный костюм, косметику и украшения, в том числе «ошейник садистского вида» и «браслеты рабыни». Им должно нравиться играть со спермой, а также ощущать ее запах, пробовать на вкус и глотать. Они должны научиться не боятся связывания, кляпа во рту или другой «агрессивной символики».

Раздел о «затыкании» демонстрирует удивительную путаницу в языке.

> *Большинство мужчин возбуждает затыкание рта и быть заткнутыми, — большинство женщин заявляют, что в перспективе ненавидят это, но выражение эротического удивления на лице женщины с хорошо заткнутым ртом, когда она обнаруживает, что может только мяукать, непреодолимо для инстинкта изнасилования большинства мужчин (там же).*

«Но» совершенно неуместно. Тот факт, что большинство мужчин наслаждаются, видя, как женщина хнычет от страха, названного здесь «эротическим удивлением», никоим образом не противоречит тому факту, что женщины заявляют, что ненавидят кляпы. Это может объяснить, почему женщины не хотят, чтобы им затыкали рот. «Потому что» было бы более подходящим союзом. Собственный восторг автора от идеи заткнуть рот и, возможно, изнасиловать женщину в этот момент подавил его артикуляцию. Есть инструкции о том, как безопасно заткнуть рот кому-то, и правила безопасности для связывания в целом с удобными подсказками, например, «Следы от веревки обычно проходят через несколько часов, если вы были нежны» (там же).

«Радость секса» плохо осведомлена о проституции во всех смыслах. В качестве «самого распространенного мотива» для того, чтобы стать уличной проституированной, предлагается «активная неприязнь к мужчинам». Это странное понятие. Проституированная женщина должна сближаться с большим количеством мужчин, чем женщин. Самым распространенным мотивом, согласно любым современным исследованиям проституции, является, как и ожидала бы женщина, потребность в деньгах. Женщины, находящиеся в проститутуции, вполне могут испытывать сильную неприязнь к мужчинам. Действительно, удивительно, если этого не происходит, но неприязнь вряд ли станет мотивом для их работы.

«Свобода сексуальности», утверждают авторы, «вероятно, полностью вытеснит монетизированный половой акт». Это произойдет, если превратить всех женщин в суррогатных проституированных:

> *Любая женщина, которая сама готова наслаждаться половым актом и понимать его, а также удовлетворять потребности своего партнера так же хорошо, как профессионалка, но с любовью, может превзойти любую нанятую женщину… Она может учиться у периодов и культур, в которых куртизанка была хранительницей искусства ублажения, но то, что мы*

называем трюками шлюх, следует называть трюками любовниц. Женщина, которая может заниматься этим с любовью и разнообразием, не должна бояться коммерческой конкуренции (там же).

Это требование, чтобы женщина, не занимающаяся проституцией, вела себя как «профессионалка», несовместимо со свободой женщин, хотя, возможно, оно действительно очень хорошо отражает то, чего мужчины, подобные авторам этой книги, хотели от Революции сексуальности. Проституированные женщины вступают в половую связь за деньги, а не для собственного удовольствия. Они полностью посвящают свою энергию удовольствию мужчины и его эго. Свободная женщина в любовных отношениях с мужчиной не могла бы сделать этого без серьезной угрозы своему самоощущению. Ей пришлось бы стать половой тряпкой и рабыней. Именно из-за того, что мужчинам так трудно представить себе половой акт, не основанный на доминировании и подчинении, они могут катастрофически путать то, что делает проституированная женщина, с тем, чего они хотят от своих партнерок. Понятно, что они должны хотеть полного спектра половых услуг служанки в сочетании с преданностью, потому что в услугах проституированных женщин иногда не хватает таких необходимых компонентов, как искреннее обожание. Но в мире, где женщины должны быть равны мужчинам с точки зрения прав и достоинства человека, это невозможно.

Есть еще одна проблема с этими амбициями революционеров сексуальности. Одна из причин, по которой мужчины идут к проституированным женщинам, — это получить услуги, которые они не могут получить дома. Если раньше это была просто фелляция, то теперь это включает в себя довольно тяжелый садомазохизм и в некоторых случаях смерть. В снафф-фильмах «профессионалок» на самом деле убивают на экране. Это не та услуга, которую многие женщины хотели бы оказать своим мужьям, хотя у некоторых нет выбора, и их убивают. В обычных садомазохистских фильмах женщины получают довольно серьезные увечья. Питер Сатклифф, Йоркширский потрошитель, обращался к «профессионалкам», чтобы убить их. Проституированные женщины должны страдать от худших крайностей ненависти к женщинам. Не в интересах женщин удовлетворять все те половые потребности, которые, по мнению мужчин, должны быть удовлетворены. Разумно предположить, что женщины не занимаются теми видами практики, которые вызывают у них как минимум тревогу, поскольку эта тревога является хорошим ориентиром для определения того, что является унижением. Но наши революционеры придерживаются совершенно иной точки зрения. Они готовы угрожать женщинам, которые не будут подражать проституированным женщинам, что их мужья посетят их, если женщины не будут им подчиняться.

В контексте обсуждения проституции стоит рассмотреть еще одну практику, описанную в книге, которая называется «булочка с маслом». Этот термин, с которым многие женщины, вероятно, незнакомы, поскольку это, безусловно, мужской жаргон,

относится к «женщине, которая недавно имела отношения с другим мужчиной» (там же). Нам говорят, что это «переход от довольно обычного поведения обезьян, где совместное пользование партнеркой является формой связи между самцами». Обратите внимание, что авторы имеют в виду здесь не «обычное поведение всех обезьян», а самцов обезьян, даже если предположить, что это точная, а не антропоморфная интерпретация поведения обезьян. Они предполагают, что привлекательность «булочки с маслом» заключается в том, что она является отдушиной гомосексуальности, и что именно это привлекает мужчин к обмену женами и к проституированным женщинам, которые являются «общей женщиной». Что показательно в этой практике и в том веселом способе, которым оно описано в «Радости секса», так это то, что использование человеки просто как сосуда, в котором мужчины могут вступать в контакт друг с другом посредством эякулята, может рассматриваться как ничем не примечательное и морально нейтральное.

Эксгибиционизм, или непристойное обнажение, является формой полового домогательства, при котором мужчины следуют за женщинами или ждут их, чтобы привлечь их внимание своими пенисами. Обычно женщины воспринимают это как нечто пугающее и оскорбительное, потому что преследователь хочет, чтобы это было пугающим и оскорбительным. Именно от шока и страха женщин он получает свое возбуждение. «Радость секса» полностью сочувствует преследователю и относится к женскому страху как к чему-то, что им просто нужно преодолеть.

> *Это было бы безобидным, но неблагодарным занятием (эти робкие персонажи по определению не насильники), если бы людини не были шокированы или напуганы этим, хотя это недостаток для парня, который не может продвинуться дальше этого. Согласно нашей экстраординарной системе, мы вознаграждаем их публичным позором, тюремным заключением и т.д. Ни одной женщине не нужно бояться, если она встретит такого (там же).*

Подход к изнасилованию столь же легкомыслен и пренебрежителен в отношении к женской боли. Нам говорят, что «верный способ, которым женщина может противостоять изнасилованию, вооруженному или нет, — это внезапно опорожнить кишечник». Серьезно ли это? Женщинам говорят: «Не позволяй себя изнасиловать, то есть не возбуждай намеренно мужчину, которого ты плохо знаешь, если только ты не собираешься довести дело до конца» (там же). Изнасилование, таким образом, — это то, что женщины совершают, соблазняя незнакомых мужчин, а затем не желая вступать в половой акт. Это не имеет никакого отношения к тому, в чем на самом деле заключается изнасилование.

«Радость секса» может быть либеральной по отношению ко многим половым практикам, но гомосексуальность не входит в их число. «Все люди, — говорят нам, — бисексуальны».

Проблема в гомосексуальности, то есть в желании общаться исключительно или главным образом с лицами того же пола, вместо того, чтобы быть гетеросексуальной и иногда вступать в однополые отношения на стороне. Гомосексуальность описывается нелестно:

> *Все людини бисексуальны – то есть они способны в той или иной степени сексуально реагировать на людинь любого пола. Быть «гомосексуальной» — это не значит испытывать такого рода реакцию, а обычно означает своего рода неприятие противоположного пола, которое делает нашу реакцию на однополые отношения более очевидной или преобладающей (там же).*

Гомосексуальность, таким образом, узка и ограничена. Бисексуальность — нет, хотя единственными случаями, когда «бисексуальность» может иметь место в нормальном гетеросексуальном образе жизни, как говорят, являются «тройнички и групповые опыты». На самом деле раздел о бисексуальности, похоже, призван успокоить любую, кто испытывает искушение к своему полу во время таких групповых сцен, что нет никаких шансов, что они могут быть гомосексуальными: «очень многие людини беспокоятся... потому что они боятся впоследствии, что станут "квирами"» (там же). Им говорят: «В этом нет большого риска». Причина в том, что людини с «сильной предвзятостью к противоположному полу обычно распознают это рано (и, возможно, лучше не развивать ее, если до сих пор их удовлетворял гетеросексуальный опыт)». Это упражнение в гетеросексуальном гейткипинге. Комфорт и другие хотят легитимировать групповой половой акт и ищут способ обойти проблему того, что это может привести к дестабилизации гетеросексуальности через однополые влечения.

После того, как мы получили интересную информацию о том, что женщины гораздо чаще, чем мужчины, вступают в однополые связи во время группового полового акта, раздел завершается заявлением, явно враждебным к гомосексуальности.

> *Гетеросексуальный половой акт между мужчиной и женщиной является реальностью для большинства людинь — другим нужно что–то другое, но их возможности обычно сужаются, а не расширяются из-за таких потребностей (там же).*

Комфорт был «радикалом полового акта» еще в 1940-х годах. В 1948 году вышла увлекательная брошюра под названием «Варварство и половая свобода». Лекции по социологии полового акта с точки зрения анархизма дают нам представление о его политической философии. Возможно, после прочтения его более поздних работ мы удивимся, узнав, что он отрекся от «власти» и счел ее нежелательной. Но в 1948 году он говорит нам: «Я пишу как анархист, то есть как тот, кто отвергает концепцию власти в обществе, как силы, которая является одновременно антисоциальной и нездоровой с точки зрения общебиологического принципа» (там же). Он объясняет, что считает это обязанностью «психологии и

медицины... инициировать процесс социальных изменений, предписывая сознательное, разумное и ответственное неповиновение и сопротивление отдельных лиц безответственным институтам власти, таким как война, военная служба и другие формы принуждения...» (там же). Он видел свой политический долг как анархиста в борьбе против ограничений, которые «каждое современное государство» налагало на сексуальность. Сексуальность должна была быть освобождена, и это было проблемой, что женщины, как он узнал из комментариев в гинекологическом отделении, не любили этого в достаточной мере.

Он выразил враждебность по отношению к феминизму и считал, что он вызывает подавление сексуальности. Он считал, как и практически все сексологи этого столетия, что обнажение — это безобидное мужское хобби, которое не должно пугать женщин, если только их страх не «обусловлен совершенно фальшивой скромностью». Строгость закона, как он объяснил, была «остатком чрезмерного и холодного феминизма предыдущего столетия» (там же). Его отношение к проституированным женщинам показывает враждебность к женщинам, которая может показаться довольно нелиберальной из уст анархиста. Он сказал, что английские проституированные женщины «в основном набирались из числа психопаток и умственно неполноценных» (там же).

Сходство между ранними и поздними работами Комфорта заключается в его презрении к женщинам и его радостном принятии того, что, хотя злоупотребление властью может быть плохим в некоторых областях, злоупотребление женщинами со стороны мужчин является просто природой. Половой акт для этого «анархиста» был зоной, в которой оскорбительные властные отношения могли быть полностью разрешены, и были даже необходимы во имя противодействия репрессиям и победы над государственной властью.

СВИНГ

Свинг (ранее широко известный как обмен женами, — это половая активность, при которой как одиночки, так и партнерки в преданных отношениях вступают в половые отношения с другими людинями в развлекательных целях) олицетворяет собой то, что считалось самым передовым и раскрепощенным в Революции сексуальности. Многие из революционеров, чьи работы рассматриваются в этой книге, с большим энтузиазмом взялись за это занятие и активно продвигали его. Алекс Комфорт, например, был его приверженцем.

Эдвард Брехер, популяризатор работ Мастерса и Джонсон и важный переводчик сексологической литературы для массовой аудитории, также был свингером. В своей книге «Исследователи полового акта» он описывает развитие «движения за половую свободу» и «сцену свинга». Он объясняет, что прямым предшественником свинга был феномен, называемый обменом женами, который

впервые был публично упомянут в 1957 году в мужском порно-журнале под названием MR. Затем тема группового полового акта была подхвачена многими другими порнографическими журналами, в которых наряду с рекламными статьями размещались рекламные объявления практикующих, а также фотографии жен, которыми предстояло обменяться. Брехер указывает, что фотографии слишком сильно напоминали обычных моделей журналов, и предполагает, что эта ранняя рекламная работа на самом деле была мошенничеством. Однако вскоре читатели-мужчины поняли и начали присылать объявления и фотографии своих жен. Порнографические журналы начали организовывать вечеринки, на которых потенциальные обменщики могли встречаться. Порнографы изобрели культ, и свинг является полезным примером влияния порнографии на культуру.

Видимо, термин «обмен женами» вызвал некоторое смущение среди его новой и раскрепощенной клиентуры. Даже термин «обмен супругами» был недостаточен, хотя у него было преимущество в том, что он был гендерно нейтральным. Хотя групповой половой акт эпохи Революции сексуальности сохранял характер обмена женами на протяжении всего периода, так что этот термин является точным и полезным для нашего понимания, было важно размыть грубость насилия над вовлеченными женщинами. «Обмен супругами» был отвергнут в пользу «свинга» в 1960-х годах, потому что он «подразумевал гораздо больше, чем просто обмен», и в нем принимали участие одинокие людини (Brecher, 1972).

Особняк Сэндстоун в Калифорнии в начале 1970-х годов был местом элитного свинга в начале 1970-х годов. Именно здесь свингили Брехер, Комфорт и Кронхаузены. Для понимания гендерной динамики свинга полезно взглянуть на развитие эксперимента особняка. Это подробно описано в журналистском, но интересном обзоре Революции сексуальности Гая Талезе «Жена твоего соседа», озаглавленном «Сенсационная одиссея сексуальности в наше время». Талезе также был активным участником в особняке (Telese, 1981).

Вдохновителем особняка был инженер по имени Джон Уильямсон, последователь Вильгельма Райха. Талезе описывает благородство идеалов Уильямсона следующим образом:

> *...он хотел пойти дальше последователей Райха в изменении социально-политической системы посредством половых экспериментов, и надеялся вскоре основать свое идеализированное сообщество для пар, желающих разрушить двойные стандарты, освободить женщин от их подчиненных ролей и создать сексуально свободную и доверительную атмосферу, в которой не будет необходимости в собственничестве, ревности, чувстве вины или лжи (там же).*

Уильямсон, таким образом, был одним из тех мужчин, которые обладали собственным видением освобождения женщин, видением, соответствующим их

собственным интересам, в котором они стремились убедить женщин. Эта разработанная и вдохновленная мужчинами версия женского освобождения заключалась в избавлении женщин от комплексов по поводу полового акта и их потребности ассоциировать секс с эмоциями. Женщины должны были стать сексуально восторженными по требованию относительно любых мужских инициатив. Они должны были преодолеть ревность. Кампания против «собственничества», которая сформировала такую важную опору идеологии Революции сексуальности, как и любая другая якобы «освободительная» стратегия в обществе, в котором мужчины и женщины были далеки от равенства, имела тенденцию приносить мужчинам огромную пользу. Женщин должны были обучать принимать то, что их партнеры будут вступать в половую связь с другими женщинами. Давайте посмотрим, как Уильямсон применил это обучение на практике.

Летом 1966 года Уильямсон женился на Барбаре Кремер. Вскоре после их свадьбы началось обучение. Уильямсон планировал отдых на выходные. Когда они собирались уходить, он сказал Барбаре, что их будет сопровождать его бывшая любовница, женщина, которая работала в его офисе. Барбара поняла, что Джон и Кэрол заранее спланировали выходные. По прибытии в свой домик Джон и Кэрол прошли в спальню и занялись любовью. На этом этапе Барбара не была полностью подготовлена и не смогла присоединиться к ним. Она провела ночь в жалком состоянии в другой спальне, без сомнения, коря себя за свою отсталость. Утром Джон и Кэрол пришли утешить ее. Позже в тот же день к вечеринке присоединился гость мужского пола, приглашенный Джоном, который явно предназначался для полового контакта с Барбарой. Барбара согласилась, и когда Джон и Кэрол тем вечером ушли в свою комнату, она уложила новоприбывшего в постель. Похоже ли это на освобождение женщин? Этот эпизод представляет собой полезную модель для нашего понимания эксперимента в Сэндстоуне, когда он был наконец организован. Инициатива, контроль и видение принадлежали мужчинам, в частности гуру предприятия Уильямсону.

Эксперимент начался в доме, где Уильямсоны жили до особняка. Они проводили обнаженные собрания и вечера группового полового акта. Талезе был участником особняка и полностью разделял его философию. Он описывает поведение Уильямсона в созданной им стихии следующим образом:

> *В центре комнаты, окруженный небольшим кругом людинь, которые, казалось, слушают его слова, сидела дородная фигура Джона Уильямсона, широкогрудого, с большим животом и маленьким пенисом, светловолосый Будда, чья правая нога массируется ослепительной оливковокожей Оралией, обнаженной Нефертити, чье идеальное тело... было предметом зависти каждой женщины в комнате (там же).*

Власть Уильямсона распространялась как на мужчин, так и на женщин. Он использовал жестокие методы, чтобы преодолеть «проблемы собственничества» обоих полов, например, разоблачал женщину в неверности ее мужа, заставлял ее наблюдать, как ее муж ложится в постель с другой женщиной, а затем брал его жену в любовницы. Похоже, с помощью таких шоковых методов он мог обрести эмоциональный контроль над своей паствой.

Сэндстоун был основан как коммуна и коммерческое предприятие. Послушницы и послушники должны были жить на территории и работать над ее благоустройством. Они платили 250 долларов в год за то, чтобы воспользоваться удобствами и поучаствовать в групповом половом акте, который проходил в «бальном зале». Участники были состоятельными представителями скучающего американского среднего класса, выполнявшими бессмысленную работу и искавшими что-то, что могло бы придать смысл их жизни. Уильямсон стремился добиться признания особняка в научном и сексологическом сообществе, чтобы утвердить его полномочия. Известные сексологи были приглашены, чтобы связать свои имена с предприятием и принять участие. Талезе указывает, что особняк был в традиции американских общинных экспериментов, таких как община Онейда, в которой женщины содержались вместе под руководством гуру, который имел половой доступ ко всем из них.

Примером того, как особняк «освобождал» женщин, является поведение Барбары Крамер, увидевшей мужчину, пытающегося изнасиловать женщину на обочине дороги.

> *Барбара съехала с дороги на своей машине, выскочила из нее и бесстрашно приблизилась к мужчине, крича: «Оставь ее в покое! Если ты хочешь кого-то трахнуть, ты можешь трахнуть меня». Мужчина, ошеломленный, быстро испугался и отступил (там же).*

Этот ответ, который жители Сэндстоуна считают достойным восхищения, символизирует отношение таких революционеров к половому насилию. Изнасилования должны были прекратиться, если бы все женщины были готовы предложить себя в половом плане мужчинам, при этом за такой логикой стояло предположение, что мужчины насилуют, потому что у них нет доступа к женщинам. На самом деле это не так. Мужчины насилуют, потому что они намерены внушить страх и проявить власть. Добровольной альтернативной жертвы было бы недостаточно. Здесь Крамер действовал полностью в соответствии с идеологией Революции сексуальности. Вместо того чтобы прийти на помощь женщине и отбиться от нападавшего, она предложила ему себя.

Среди участников Сэндстоуна, помимо Комфорта, были Кронхаузены и Эдвард Брехер (которых описывали как «близких друзей Мастерса и Джонсон»), «консультанты по семейным отношениям Уильям Хартман и Мэрилин Фитиан,

которых часто называют Мастерсами и Джонсонами с Западного побережья», Дэниел Эллсберг из Pentagon Papers, Бетти Додсон, «художница и феминистка», редактор Кент Кэрролл из «Гроув Пресс», американского аналога «Олимпия Пресс» Жиродиаса, и издатель запрещенных книг 1960-х годов, и Арт Кункин из «Лос-Анджелес Фри Пресс», издания, посвященного альтернативной культуре. Таким образом, Сэндстоун объединил все двигатели пропагандистской машины Революции сексуальности: секс-терапевтов и радикальных сексологов, альтернативную прессу, ранних феминисток, проповедовавших половое освобождение, и издателей порнографии. По словам Талезе, Комфорт в Сэндстоуне играл роль как наблюдателя, так и участника:

> *Часто обнаженный доктор-биолог Алекс Комфорт, размахивая сигарой, прохаживался по комнате между распростертыми телами с профессиональным видом лепидоптеролога, прогуливающегося по полям, размахивая сачком для ловли бабочек, или орнитолога, выслеживающего у прибоя редкий вид крачки. Седой, похожий на сову мужчина в очках с хорошо сохранившимся телом, доктор Комфорт был беззастенчиво привлечен видом сексуально занятых пар и их сопутствующим воркованием, считая это очаровательным и бесконечно поучительным; и при малейшем поощрении — после того, как он клал свою сигару в безопасное место — он присоединялся к дружной кучке тел и вносил свой вклад в веселье (там же).*

В продолжении работы Комфорта «Радость секса, еще больше радости секса», он, что неудивительно, с энтузиазмом относится к особняку. Его важность выражается следующим образом:

> *Сэндстоун стал для многих гетеросексуалов первым и единственным местом, где они столкнулись с по-настоящему открытой сексуальностью в структурированной обстановке, и тот факт, что он воссоздал интенсивный опыт детской невинности у зацикленных взрослых, вызывает у многих, кто посещал его, ностальгию или чрезмерный энтузиазм по этому поводу. Но, учитывая это, его способность способствовать тому росту, на который нацелена индивидуальная психология, была довольно примечательна (Comfort, 1984).*

Этот рост стал результатом преодоления «опасений, связанных с заключением в традиционном браке». Это происходило следующим образом: «...представительницы обеих полов обнаружили, что зрелище любовницы, вступающей в половые отношения с кем–то другой — часто при этом все еще держащую своего постоянного партнера за руку, — было волнующим, возбуждающим и, в конце концов, безмерно расслабляющим» (там же).

До свинга единственной возможностью для мужчин получить доступ к большому количеству женщин были публичные дома. «Радость секса» утверждала,

что проституция исчезнет, поскольку женщины в целом подражают проституированным и готовы бесплатно выполнять все функции проституированной. Было бы разумно экстраполировать, и начать рассматривать свинг как замену борделю. Авторы «Больше радости секса» явно обеспокоены тем, что такая ассоциация может запятнать образ свинга, и стремятся указать, что Сэндстоун никоим образом не похож на бордель, но они явно сами создали эту ассоциацию.

> *Существенным моментом является то, что, несмотря на энтузиазм в половой связи со всех сторон, это было совершенно непохоже на бордель и полностью походило на спокойный домашний уют, где ключевым моментом было не возбуждение или похоть, а невинность, как только заканчивался переполох, вызываемый у незнакомцев его открытостью (там же).*

«Больше радости секса» содержит раздел о свинге, а также раздел, посвященный Сэндстоуну. Хотя авторы искренне воодушевлены особняком, они высказывают предостережения относительно свинга как с незнакомцами, так и с близкими друзьями. Они, кажется, предлагают свинговать лучше всего в составе клуба или сообщества. Введение в раздел о свинге очень хорошо иллюстрирует гендерную динамику практики, хотя авторы, по-видимому, невиновны в каком-либо гендерном дисбалансе в радостях свинга. Они объясняют, что «В примитивных обществах... людини обмениваются женами и мужьями». Затем они продолжают говорить только о предоставлении жен взаймы. Они объясняют, что предоставление жен взаймы может быть жестом гостеприимства и может увеличить число родственников. Предположительно, связь, которая возникает, поскольку именно жены предоставляются взаймы, возникает между мужчинами. Они предполагают, что это также один из мотивов свинга. Мужчины связываются друг с другом через обмен женщинами, или, как утверждают эти авторы, «людини» приобретают больше «родственниц». Раздел «Тройнички» дает еще один наглядный пример мужской гендерной динамики. После использования гендерно-нейтрального языка «постоянная пара» и «третья сторона» авторы переходят к примеру, который явно мужской, описывая, как «любящая пара» может пригласить другую присоединиться к ним.

> *Отношения — это довольно тонкий двусторонний подарок: женщина, приглашающая другую женщину, которая нравится ее мужчине, делает ему подарок (не в последнюю очередь дает ощущение, что она в полной безопасности и ей не нужно ревновать), и оба они дарят третьей стороне возможность разделить их безопасную близость – и их половые навыки. То же самое относится и к тому, когда мужчина делает то же самое для своей женщины (там же).*

Здесь обязанности революционной женщины расширились с необходимости предвидеть половые желания мужчины, когда они остаются наедине, до предвидения

его полового влечения к кому-то другой и организации его удовлетворения. На иллюстрации изображен мужчина, которого ублажают две женщины.

Брехер в своей главе о свинге приводит результаты трех исследовательских проектов по свингу, которые были предприняты в конце 1960-х годов социологами и психологами, которые, по-видимому, сами были участниками. Некоторые из включенных им выводов дают представление о гендерной динамике свинга в других местах, помимо Сэндстоуна. Комфорт не дает никаких указаний на то, что в радостях свинга был гендерный дисбаланс. Свингеры, цитируемые в главе Брехера, опровергают это. Первым указанием на то, что может быть гендерный дисбаланс, является сложность достижения смешанного пола в свинге. Брехер объясняет, что «по всей стране свинг привлекает гораздо больше мужчин, чем женщин», а это означало, что вечеринки свинга должны были ввести правила, по которым могли посещать только пары. «Большинство мужчин», пишет он, «вникают в эту сцену» при первом знакомстве с ней; многие женщины, напротив, «отталкиваются» (Берхер, стр. 284). Одна из респонденток сказала, что она не могла «выиграть ничего» от вечеринок. Ей нравились «"отношения" полового опыта», и она не могла «выиграть ничего только от полового акта как такового». Другая говорила о том, что свингерам следует уделять особое внимание проблеме «нежелания большинства женщин — даже "свингующих" женщин — заниматься сексом с незнакомцами». Свингерство в Чикаго, похоже, было особенно жестоким по своим последствиям для женщин, которые в него ввязывались.

> *Например, на некоторых вечеринках в Чикаго двери запираются в 22:00, и от каждой девочки или женщины, оставшейся после этого времени, ожидается, что она сразу же скажет «да» или «нет», как только к ней обратятся и сделают предложение (там же).*

Нетрудно представить себе, какое давление может оказать мужчина, который знает, что не сможет попасть на вечеринку любителей свинга, не приведя с собой партнерку. Одна женщина сообщила: «До того, как мы поженились, мой муж убедил меня (достаточно) наслаждаться ими» (там же). Угрозы лишения любви в обществе, в котором статус женщины и чувство собственного достоинства зависят от привязанности к мужчине, были бы достаточными, чтобы вдохновить некоторых нерешительных женщин. Слова одной женщины-свингерки иллюстрируют, на что готова пойти жена, чтобы сделать своего мужа счастливым.

> *Я, как женщина, нахожу, что мне легче найти возможности для половых контактов, чем моему мужу, который, будучи мужчиной, должен быть инициатором встреч. Я чувствую, что моя главная ответственность лежит на нем. Я внимательно слежу за его настроением; вместо того чтобы оставлять его одного дуться и жалеть себя (и злиться на меня), я бы воздержалась от сексуальности (там же).*

Каковы были результаты свинга? Для некоторых жен свинг помог сохранить брак, стимулируя половой интерес мужа к жене. Одна женщина сообщила, что свинг:

> *...облегчил скуку, которую чувствовал мой муж; после посещения одной вечеринки наши половые отношения значительно улучшились на некоторое время... Конечно, я надеюсь, что я тоже останусь его половым объектом (там же).*

В свинге мы имеем пример предписаний Революции сексуальности, доведенных до логической крайности. По словам восторженных сексологов, это была освобождающая практика, основанная на благороднейших идеалах преодоления собственничества и стремления к «открытой» сексуальности, очевидном отказе от викторианской стыдливости и половых комплексов, приобретенных в репрессивном детстве. Свинг был полезен для всех «людинь». Однако свинг в действии показывает, что его радости не были гендерно-нейтральными. Действительно, похоже, что для того, чтобы убедить женщин заняться свингом, использовался процесс часто жестокой манипуляции и промывания мозгов. Судя по нежеланию женщин заниматься свингом, они понимают сквозь идеологическую чепуху, что для них будет значить опыт свинга. От женщин-свингерок требовали, чтобы они с энтузиазмом исполняли роль проституированных из публичных домов, превращая себя в объекты потребления, учась не уважать себя. Брехер, который был обращен в свинг, все еще был готов утверждать, что «во многих случаях... именно муж инициирует свинговые контакты, а затем либо убеждает, либо запугивает свою жену так, чтобы она "пошла вместе"» (там же). Но он быстро указывает, что можно было найти женщин, которые были увлечены свингом.

Некоторые женщины, несомненно, пытались победить в этой игре, но добиться этого можно было, только проявляя большую половую агрессию, чем мужчины, и с энтузиазмом вживаясь в роль. Добровольное подчинение может показаться более терпимым, чем вынужденное. Почему, спросят наши восторженные сексологи, именно женщины теряют достоинство, самоуважение и индивидуальность из-за свинга, когда мужчины в равной степени голые и также принимают в этом участие? Но возможность задать такой вопрос предполагала бы невежество в динамике власти гетеросексуальности, в которой все еще есть то, что называется двойными стандартами. Двойной стандарт представляет собой разницу в политическом значении, придаваемом мужскому и женскому половому поведению. Нагота мужчины и женщины имеет разное значение в условиях мужского превосходства. Аналогично, половое использование мужчинами женщин наполнено совершенно иными значениями, чем использование женщинами мужчин. Когда женщины испытывают стыд и беспокойство в таких ситуациях, как свинг, это происходит потому, что они чувствуют, что претерпевают потерю статуса, в отличие от повышения в статусе, который достается мужчине. Они не страдают от комплексов, а испытывают стремление к самозащите.

СЕКС-ТЕРАПИЯ МАСТЕРСА И ДЖОНСОН

Считается, что Уильям Мастерс и Вирджиния Джонсон совершили революцию в секс-терапии в 1960-х годах. Их работа была одобрена феминистками, потому что они сосредоточили внимание на клиторальном оргазме, по-видимому, раз и навсегда опровергнув своими исследованиями фрейдистское представление о том, что здоровая женщина должна испытывать вагинальный оргазм. Эдвард Брехер, автор книги «Исследователи полового акта», был их близким другом, а также поклонником их работы. Вместе со своей женой он написал популярное сопутствующее руководство к первой книге Мастерса и Джонсон «Половая реакция человеки», которая, как он с гордостью сообщает нам, была продана тиражом 500 000 экземпляров. Брехер говорит нам, что их исследование «позволило проследить весь цикл человеческой сексуальности от первых проявлений эротического желания до окончательного угасания так же объективно, как физиологи девятнадцатого века прослеживали пищеварительный цикл». Их исследование было «авторитетным», поскольку оно основывалось на «прямом лабораторном наблюдении более 10 000 мужских и женских оргазмов» (там же).

Мастерс и Джонсон применили результаты своих лабораторных исследований к секс-терапии и создали форму терапии, которая основана на технике, а не на психотерапии или хирургии. Они приобрели видимость прогрессивности, но основной целью секс-терапии, которую они пропагандируют, остается поддержание мужского доминирования. Брехер приводит пример успешного лечения секс-терапией, чтобы проиллюстрировать «значимость» их клинического достижения. В этом случае мужчина, у которого была преждевременная эякуляция, был вылечен и стал способен к совершению проникновения. Брехер выражает вывод Мастерса и Джонсон об этом случае следующим образом:

> *Они добавляют, что способность мужа эффективно и безопасно вести себя в половой сфере также глубоко повлияла на его способность уверенно вести себя как мужчина в других сферах своей жизни и произвела революцию в брачных отношениях (там же).*

Эффективное и частое использование пениса было неразрывно связано с доминированием у отдельных мужчин. Исходя из всего, что мы знаем о сексологии, мы можем предположить, что «вести себя как мужчина» означает проявление власти, в то время как «вести себя как женщина», достижение чего является параллельной целью терапии, означало бы подчинение.

Брехер рассказывает нам, что Мастерс начал свое исследование с интервьюирования «подробно и углубленно» 118 проституированных женщин и 27 мужчин. Использование проституированных женщин в качестве экспериментальной исследовательской группы помогает нам понять политику его вида секс-терапии. Брехер рассказывает нам, как «удивительно проницателен» или «чрезвычайно

удачлив» был Мастерс, что первым обратился к ним. Они, по его словам, были наиболее информированными экспертками в области человеческой половой реакции. Они были столь полезными экспертками, потому что развили навык доводить скучающего и незаинтересованного мужчину, который даже не хотел их видеть, до оргазма. Он объясняет, что клиенты проституированных женщин, как правило, регулярно ели и пили слишком много, и ложились спать намного позже положенного времени. Часто их одолевало чувство вины, и они часто были с женщинами, к которым не испытывали привязанности или половой страсти, что усугубляло их трудности с половой реакцией.

> *Несмотря на множество подобных препятствий, от проституированной ожидают, что она почти во всех случаях добьется эротического возбуждения своего клиента и доведет его до оргазма в максимально короткие сроки — часто в течение нескольких минут. Даже умеренно компетентная и интеллигентная проституированная после нескольких сотен тысяч таких встреч, несомненно, является ценной информаторкой о моделях половой реакции (там же).*

Отношения проституированной женщины и проститутора раскрывают политику неприкрытой силы, которая проявляется в гетеросексуальном обмене в условиях мужского превосходства. Женщины, работающие в индустрии проституции, обслуживают мужскую сексуальность ради денег. В этих отношениях присутствует все неравенство, присущее любой сфере обслуживания, и они ярко символизируют половое угнетение женщин. Мастерс игнорировал политическое измерение проституции и рассматривал ее как типичное половое взаимодействие, которое особенно подходит для создания основы его работы. Проституированные женщины, обслуживая мужскую эрекцию, служат мужскому доминированию. Они, как и секс-терапевтки, помогают мужчинам быть «мужчинами». Мастерс основывал свои методы секс-терапии на тех приемах, которым его научили проституированные женщины, основываясь на своем опыте. Их «методы повышения или контроля сексуального напряжения» и «вариации техники стимуляции» были «включены в программы клинических исследований» (там же).

Примером таких методов может служить лечение преждевременной эякуляции. Чтобы серьезно относиться к преждевременной эякуляции, мы должны предположить, что длительный половой акт является необходимой и желательной практикой и важен для женщин, которые хотят достичь оргазма. Мастерс и Джонсон действительно верили в это. Рекомендованная терапевтическая техника требовала активного сотрудничества жены в роли проституированной, в прямом, практическом подходе. Техника была основана на той, которую ввел Джеймс Семанс. Семанс научил мужчин этой технике, чтобы они могли практиковать ее на себе. Мастерс и Джонсон считали, что она может быть эффективной только в том случае, если ее практикует

женщина. Они предписывают правильное положение для процедуры и описывают «технику сжатия» следующим образом:

> *… большой палец партнерши помещается на уздечку, расположенную на внутренней … поверхности обрезанного полового члена, а первый и второй пальцы располагаются на верхней … поверхности полового члена в положении, непосредственно прилегающем друг к другу по обе стороны от венечного бугорка… Как только мужчина отреагирует на достаточное давление, оказываемое описанным способом, у него немедленно пропадет желание эякулировать. (Masters, Johnson 1981).*

Таким образом, жена должна использовать методы, полученные из практики проституции, чтобы вылечить своего мужа. Нам говорят, что это в ее собственных интересах. Целью было, по-видимому, дать возможность мужу проникать достаточно долго, чтобы женщина могла кончить с пенисом внутри. После того, как контроль эякуляции был установлен, жена должна была постепенно вводить пенис во влагалище, продолжая использовать технику сжатия и находясь в женском верхнем положении, чтобы можно было освоить соответствующий контроль во время полового акта. Первоначальная программа лечения должна была занять две недели, но жена должна была проводить для мужа курсы повышения квалификации по крайней мере еще год. Мастерс и Джонсон предлагают проводить такие курсы повышения квалификации во время менструации, чтобы «обеспечить по крайней мере один сеанс продолжительностью 15–20 минут, специально посвященный мужской половой стимуляции» (там же).

Такая инструкция опровергает любую идею о том, что секс-терапия Мастерса и Джонсона должна была отвечать интересам женщины. Если женщина хотела проникновения пенисом, менструация не обязательно должна была ее останавливать. Если менструация помешала желаемому проникновению, и, в частности, если женщина все-таки не желала проникновения больше всего на свете, то, конечно, можно было бы заняться другими половыми практиками. На самом деле от нее ожидают, что она просто будет практиковаться, независимо от ее собственного удовольствия, в течение всего времени до того, когда можно будет использовать проникновение пенисом. Ожидается, что женщина потратит время и энергию на процедуру, которая может показаться ей отталкивающей или раздражающей, чтобы мужчина мог более эффективно доминировать над ней. Роль жены столь же обременительна, если мужчина жалуется на недостаточность эякуляции, то есть на трудности с эякуляцией вообще. На этот раз жена должна применить противоположную технику и мастурбировать мужчину до оргазма, затем мастурбировать его почти доведя до оргазма и заставить его проникнуть внутрь. И снова это длительный процесс.

Лечение предполагаемых недостатков в половом акте у женщин значительно отличается. От мужчины не ожидается, что он будет нести бремя обслуживания женщины таким же образом. Нет мужского эквивалента проституированной женщины, который мог бы обслуживать женщин, поэтому у мужчины нет модели подчинения, которой он мог бы подражать. Вагинизм, который описывается как мышечный спазм, препятствующий проникновению полового члена во влагалище, лечится введением мужем расширителей разного размера во влагалище женщины. Эта практика совпадает с активной порнографической моделью мужской сексуальности, в которой различные необычные предметы вставляются в отверстия женщин. Таким образом, это может рассматриваться как предоставление некоторого удовлетворения практикующему мужчине. Но от женщины ожидают, что она превратит себя в объект и будет вести себя как героиня мазохистского порнографического рассказа. Мастерс и Джонсон отмечают, что:

> *После успешного введения расширителей большего размера рекомендуется поощрять интравагинальное введение расширителей большего размера в течение нескольких часов каждую ночь (там же).*

Какой ум мог придумать такое мучительное, унизительное и по сути бессмысленное лечение, кроме порнографического ума?

Это раскрывает порнографа в сердце мужчины секс-терапевта. Если бы такое лечение и готовило женщину к чему-то, то это была бы роль полезной и безропотной дыры.

В некоторых случаях, когда не было жены, которая могла бы играть роль проституированной, Мастерс и Джонсон предоставляли «партнерок-суррогаток». Между партнерками-суррогатками и проституированными не было особой разницы, за исключением того, что партнерки-суррогатки были добровольцами и не получали оплаты. Они считались бесконечно более полезными, чем настоящие проституированные, потому что они могли предоставить больше, чем просто физическое представление. Они должны были «приблизиться, насколько это возможно, к роли поддерживающей, заинтересованной, сотрудничающей жены» (там же).

Мастерс и Джонсон не предоставляли суррогатов женщинам, которые не могли сами обеспечить себе партнеров. Они были обеспокоены тем, что это может показаться упрочением двойных стандартов в сексуальности, чем это и было на самом деле. Они рационализируют это предположение следующим образом:

> *Отказ от предоставления суррогатного партнера сексуально неадекватной женщине, при этом предоставление суррогатной партнерки дисфункциональному мужчине, по-видимому, подразумевает применение двойного стандарта для клинического лечения; это не так. Как неоднократно описывалось, психосоциальные факторы, поощряемые в этом*

методе психотерапии, развиваются из существующей системы ценностей индивидуума (там же).

Другими словами, поскольку существует двойной стандарт в построении мужской и женской сексуальности, Мастерс и Джонсон считают, что они должны продолжать это, потому что это облегчает лечение. Использование суррогатки соответствует мужской системе половых ценностей и будет полезно для них. И не соответствует женской системе половых ценностей и было бы противопоказано терапевтически для женщин. Это, конечно, применение двойного стандарта. Женщин нужно было обучать быть эффективными в предписанной им подчиненной роли, а мужчин — в доминирующей.

Была одна половая практика, которая была специально запрещена. Это было введение пальцев во влагалище. Мастерс и Джонсон имеют репутацию либералов сексуальности и часто выступают с критикой разрушительного воздействия половых запретов, так почему же они выражали неодобрение этой конкретной половой практики? Они формулируют свое неодобрение следующим образом:

Дополнительное измерение полового возбуждения достигается за счет манипуляций с вагинальным отверстием, когда смазывающий материал извлекается для клиторального смазывания путем поверхностного введения пальцев. Обычно глубокое введение пальцев в вагину приносит мало пользы, особенно в начале процесса стимуляции. Хотя некоторые женщины сообщали о мысленном преобразовании возникающего ощущения во влагалище в ощущение сжатия полового члена, мало кто из них отдавали предпочтение такой возможности (там же).

На первый взгляд это может показаться очень странным. Нам говорят, что женщины должны представлять себе пальцы как пенисы, чтобы вообще смириться с тем, что они находятся у них в вагине, и все равно не получать от этого удовольствия. Женщины, говорят они, любят только пенисы в вагине. Мастерс и Джонсон делают четкое оценочное суждение, говоря, что пальцы в вагинах «не представляют большой ценности», и единственная возможная причина, по которой пальцы могут находиться где-либо вблизи вагин, — это облегчить доступ к клитору. Аналогичные предупреждения об использовании пальцев в вагинах дают и другие сексологи. Возможность пальцевого проникновения была явно источником беспокойства. Японский сексолог Ша Коккен в руководстве по половому акту 1960 года дает нам объяснение, которое может помочь объяснить такую сексологическую тревогу.

Многие мужчины, осознающие необходимость предварительной игры, склонны переусердствовать. Это не рекомендуется с медицинской точки зрения, особенно когда пальцы вводятся глубоко в вагину, так как это может вызвать инфекцию. Использование пальцев должно быть ограничено областью входа во влагалище. Следует избегать прикосновения пальцами к

шейке матки или стенке влагалища еще по одной причине: женщина может получить более глубокое удовлетворение от этих ласк, чем от самого полового акта. Мужчина не должен забывать, что влагалище должно быть зарезервировано для пениса (Kokken, 1967).

Здесь может быть подсказка. Сексологи опасаются, что женщины предпочтут пенису пальцы. У них есть веские причины для беспокойства. Пальцы гибкие и чувствительные по сравнению с тупым инструментом вроде пениса. Сексологи признают, что они хороши для клитора и других частей тела. Как они могут объяснить, почему они внезапно перестают быть эффективными для вагины? Если бы женщины открыли для себя прелести пальцев в вагине, они могли бы отказаться от полового акта и таким образом подорвать гетеросексуальность, отвергнув ее священный институт. Они также могли бы, конечно, задаться вопросом, зачем им быть с мужчинами. Пальцы женщины, вероятно, такие же чувствительные, или, из-за того, что они куда привычнее, более чувствительные, чем у мужчины.

Мастерс и Джонсон придумывают сказку, оправдывающую необходимость использования пенисов, а не пальцев в вагине. Они рассказывают нам, что женщины начинают относиться к пенису в вагине как к своей маленькой игрушке, с которой можно поиграть. Мы почти слышим женский возглас недоверия, когда им рассказывают об этом:

Часто бывает полезно убедить жену в том, что, как только они вступят в половую связь, пенис будет принадлежать ей точно так же, как вагина принадлежит мужу.

Затем женщинам рассказывают, что они будут чувствовать и делать, как в учебнике по дошкольному развитию.

Когда концептуально у нее есть пенис, с которым можно поиграть, обычно женщина делает именно это. Если она позволит пенису, находящемуся в вагине, медленно и чувственно стимулироваться так же, как она наслаждалась чувственным удовольствием от поглаживания тела или манипуляций с ее половыми органами под ее контролируемым руководством, она обнаружит, что ее переполняет сексуальное чувство (Masters, Johnson 1981).

Мастерс и Джонсон оправдывают свою веру в доминирующую мужскую сексуальность, выдвигая социобиологические аргументы. Мужчины, объясняют они, должны быть активными и доминирующими в половом акте в целях воспроизводства. Они верят в некий высший план, созданный природой, который заменяет аргументы феминизма.

Мужчина в первую очередь ценит свою способность к эффективной половой деятельности. Это справедливо и реалистично. Его половая эффективность

отвечает требованиям продолжения рода и пользуется одобрением общества, тем самым поддерживая культурную особенность отождествления половой функции с мужественностью (там же).

Половая реакция женщины описывается как зависящая от «реальной идентификации с партнером», чувства, в котором явно проступают ценности мужского превосходства.

Их обсуждение причин половой дисфункции опускает любые ссылки на неравенство власти между мужчинами и женщинами или на роль, которую играет сексуальность в поддержании угнетения женщин. Они утверждают, что основной проблемой, вызывающей половую дисфункцию у женщин, является невежество. В отдельных случаях могут действовать самые разные факторы, такие как «религиозная ортодоксальность», «необъяснимая диспареуния» или «возрастное сужение вагины», но у всех сексуально неблагополучных женщин есть «одна общая черта».

Все они демонстрируют почти полное отсутствие авторитетной информации, из которой можно было бы извлечь некоторую степень объективности при столкновении с психосоциальной проблемой, проявляющейся в симптомах их половой дисфункции (там же).

Эти женщины должны были получить объективную информацию от экспертных сексологов, а не полагаться на собственное мнение. В конце концов, они могли упорствовать в том, что им субъективно не нравится половой акт или они хотят чего-то совершенно отличного от того, что сексологи предписывают как полезное для здоровья.

В своей книге 1970 года «Связь удовольствия» Мастерс и Джонсон излагают свою философию секса довольно подробно. Сотрудничество с журналистками помогает сделать их идеи более понятными. Эта книга описывается как «знаменательное произведение о том, как любовные и заботливые половые отношения пары могут быть укреплены и усилены с течением времени» (Мастерс, Джонсон, 1974). К этому времени они узнали о существовании женского освободительного движения. Книга пытается захватить женское освободительное движение, чтобы направить ее энергию на задачу поддержки гетеросексуального удовлетворения, в первую очередь для мужчин. Они переопределяют женскую эмансипацию как эмансипацию в половом акте. Они объясняют, что до середины двадцатого века половой рассматривался как то, что мужья делали с женами, не особо заботясь о женском удовольствии. Сексологам приписывают изменение сознания, в результате которого половой акт стал чем-то, что муж делает «для» своей жены и с учетом ее удовольствия. Мастерс и Джонсон рассматривали период сексологической истории, в который они жили, как период, когда секс должен был быть чем-то, что муж и жена делали «друг с другом». Они выразили этот замечательный прогресс следующим образом: «Итак, роль женщины совершила поворот на сто восемьдесят

градусов — от роли служанки до равноправной, и все это за последние десять-двадцать лет» (там же).

Одна из глав книги посвящена теме «Что мужчины могут выиграть от освобождения женщин». Она начинается с цитаты Вирджинии Джонсон, в которой она спрашивает, может ли пара «достичь прогресса в направлении полового равенства, не подрывая сами половые отношения?» (там же). Эта тревожная идея является центральной темой главы. Авторки с беспокойством замечают, что «сегодняшний феминизм движется вперед со всем пылом увлечения» (там же). Они спрашивают, будут ли женщины стремиться к «равенству полов», если это угрожает «эмоциональному удовлетворению в их личных мирах», потому что, как они говорят нам, «удовлетворение для подавляющего большинства женщин требует прочных отношений с мужчиной» (там же). Их враждебность к освобождению женщин раскрывается в следующем комментарии: «Воинствующие защитницы женского освобождения могут осуждать этот факт, но факт остается фактом». Они успокаивают себя, приводя статистические данные, демонстрирующие популярность супружеских и внесупружеских гетеросексуальных связей, и приводят грозное предупреждение «освободительницам».

> *Если некоторые лидерки женского движения совершат стратегическую ошибку, нападая на брак как на часть мужского заговора с целью держать женщин под контролем, они почти наверняка окажутся оторванными от большинства других женщин (там же).*

Они оптимистично отождествляют освобождение женщин с освобождением сексуальности. Это освобождение сексуальности повлечет за собой по-настоящему энтузиастичное участие женщин в сексологическом предписании мужского доминирования и женского подчинения. Женская эмансипация будет означать, что последние остатки сопротивления женщины исчезнут, поскольку она будет стремиться добровольно обслуживать мужчину. Эмансипированные женщины станут сексуально отзывчивыми и возбуждающими партнерками, инициирующими половую активность и занятие новыми стимулирующими разновидностями половой практики.

4. Провал движения за освобождение геев

Гетеросексуальным людиням может показаться, что у лесбиянок и геев много общего, и что движение за освобождение геев явно пойдет на пользу лесбиянкам. В этой главе рассматривается, почему освобождение геев стало неудачей для лесбиянок и женщин в целом. Я полагаю, что освобождение гомосексуальных людинь после первоначальной безрассудной приверженности принципам феминизма стало движением за освобождение мужчин-геев, включив в себя принципы, которые полностью противоречат концепции освобождения женщин. Чтобы понять, как развивалось движение за освобождение геев, необходимо рассмотреть форму, которую исторически приняла сексуальность геев мужчин.

Гетеросексуальная идеология учит, что секс — это эротизированное доминирование для мужчин и подчинение для женщин. Эта половая модель отражает и усиливает реальный дисбаланс власти между мужчинами и женщинами в мире за пределами спальни. Не лишено оснований ожидать, что, поскольку такой дисбаланс власти не встроен в отношения геев, они могли бы представить модель взаимной, неэксплуататорской, необъективирующей половой практики. К сожалению, история мужской гомосексуальности показывает, что в целом мужская половая практика геев предоставила лишь аналог мужской гетеросексуальной практики. Отсутствие встроенного неравенства между геями, по-видимому, потребовало создания преднамеренного неравенства в форме класса, возраста или садомазохизма. Если мы понимаем сексуальность как социально сконструированную, то это неудивительно. Как мужчины, геи получают ту же социализацию, что и гетеросексуальные мужчины. Доминирование и подчинение для них тоже эротизированы.

Несколько примеров из истории геев показывают, как геи из среднего класса решали эту проблему.

Сегодняшние политические геи считают себя наследниками традиции, начавшейся с Уолта Уитмена в середине девятнадцатого века и перенесенной через вдохновленных им пионеров сексуальной свободы геев к освобождению гомосексуальных людинь. Все эти уважаемые предшественники эротизировали разницу власти вокруг класса, возраста или расы. Уитмен, уважаемый поэт американского литературного истеблишмента, который умудряется преподавать его, столь мощно влияющей на его поэзию, со страстным энтузиазмом пишет о мужчинах из рабочего класса, особенно молодых.

> *Молодой парень, мотыжащий кукурузу, кучер, пробирающийся сквозь толпу на своих шести лошадях,*
>
> *Борьба борцов, два мальчика-подмастерья, совсем взрослые, крепкие, добродушные, аборигены, на пустыре на закате после работы,*

Сброшенные пальто и шапки, объятия любви и сопротивления,

Верхний и нижний захват, волосы, взъерошенные и слепящие глаза;

Марш пожарных в форме, игра мужских мускулов сквозь облегающие брюки и поясные ремни… (Creeley, 1973).

Работа Уитмена вдохновила гея-социалиста и реформатора полового акта конца девятнадцатого и начала двадцатого века Эдварда Карпентера. Карпентер черпал не только вдохновение и идеи из гомоэротизма Уитмена, но и из его литературного стиля. Он также в прозаическом произведении «К демократии» пишет списки типов мужчин из рабочего класса. Как и Уитмен, он вставляет женские типы, возможно, чтобы сбить читателей со следа своей гомосексуальности. Примером мужчины из одного из списков Карпентера является «толстобедерный, горячий, грубоватый молодой каменщик с ремнем вокруг талии» (Carpenter, 1921). Личное предпочтение Карпентера в отношении мужественных мужчин из рабочего класса было воплощено в его долгом партнерстве с Джорджем Мерриллом (Jeffrey Weeks, Coming Out, 1977).

Такие социалистические реформаторы гейского секса смогли интегрировать страсть к мужчинам из рабочего класса в свою политику. Нет сомнений в страстном энтузиазме Карпентера в отношении устранения класса. В «К демократии» он перенимает привычку Уитмена начинать предложения с «о» и никогда их не заканчивать, чтобы выступить против несправедливости классового различия. Небольшой фрагмент послужит для демонстрации:

Об исключительности и о том, чтобы быть в центре событий; о чепухе аристократических связей; о гостиных и приемах и теории одушевленных одёжных вешалок в целом; …о том, чтобы быть священником и бояться, что тебя увидят трахающимся с Христом в общественном [баре]; о бытии адвокатом и путешествии в вагоне третьего класса; о бытие офицером и прогулке с одним из своих мужчин… (Carpenter, 1921).

Уитмен и Карпентер считали, что их эгалитарные половые интересы и политика могут быть смешаны; гомосексуальная любовь может преодолеть классовые барьеры. Карпентер объясняет:

Эрос — великий уравнитель. Возможно, истинная демократия покоится, более прочно, чем где-либо еще, на чувстве, которое легко выходит за рамки класса и касты и объединяет в теснейшей привязанности самые отчужденные слои общества. Заметно, как часто уранианцы хорошего положения и воспитания тянутся к более грубым типам… (Edward Carpenter, The Intermediate Sex, 1921).

Э. М. Форстер не был публичным борцом за права гомосексуалистов при жизни, но оставил много историй о геях и роман, который был опубликован после его смерти.

Форстер, по-видимому, был типичным геем из среднего класса своего времени, испытывающим влечение к молодым мужчинам из рабочего класса. Он был вдохновлен до глубины души любовником Карпентера Джорджом Мерриллом, поэтому неудивительно, что его эротизм должен был принять форму, похожую на эротизм Карпентера. В 1935 году Форстер писал: «Я хочу любить сильного молодого мужчину из низших классов и быть любимым им и даже раненым им. Это мой билет, и тогда я хотел бы писать респектабельные романы...» (Цитируется во введении E. M. Forster, A Life to Come and Other Stories,1975). Описание молочника, который вступает в половую связь с мужчиной из среднего класса в рассказе Форстера «Артур Снэчфолд», демонстрирует те качества рабочего класса, которые находились привлекательными. Рабочий класс означал чувственность и приземленность.

> *...он был очень правильный юноша. Плечи у него были широкие, лицо чувственное и открытое, глаза, прищуренные от света, обещали хороший нрав... Вблизи он был груб, очень открытый к людям и толстопалый; и сто лет назад такой типаж был втоптан в грязь, теперь он расцвел, и ему было на все наплевать (там же).*

Кристофер Ишервуд вдохновлялся в своих ранних произведениях романами Э. М. Форстера. Ишервуд, как в жизни, так и в искусстве, демонстрировал преданность немецким мальчикам из рабочего класса. Разница во власти между англичанином среднего класса и немецкой молодежью во времена экономических неурядиц в конце Веймарской республики усугублялась тем фактом, что Ишервуд платил за мальчиков. Они были проститутами. То, как он описывает Отто в «На острове Рюген» и «Новаках», имеет много общего с описанием молочника Форстером выше.

> *Отто — это все его тело; Питер — только его голова. Отто движется плавно, без усилий; его жесты имеют дикую, бессознательную грацию жестокого, элегантного животного (Isherwood, 1960).*
>
> *Его новый коричневый костюм был вульгарен до невозможности; как и его сиреневые гетры и его остроносые желтые туфли. На его пальце красовалось огромное кольцо с квадратным камнем шоколадного цвета (там же).*

И снова рабочий класс рассматривается как чувственный и примитивный, элементарный, но также по сути вульгарный. Нет сомнений, что отношения, в которых участвовали англичане среднего класса в Берлине, были эксплуататорскими и объективирующими. Оден познакомил Ишервуда с мальчишеским баром, где мальчики предлагали себя на продажу, и потенциальные покупатели могли пощупать их через прорези в столах (Finney, Isherwood, 1979). Ишервуд встретил там Буби, который был гетеросексуалом и практиковал гомосексуальность за деньги. Ишервуд, который пишет автобиографию от третьего лица, описал фантазию, которую он проецировал на Буби, следующим образом:

Кристофер решил отождествить себя с черноволосым британским предком и увидеть в Блондине захватчика, который пришел из другой страны, чтобы завоевать и изнасиловать его. Таким образом, Блондин становится мужественным чужеродным «янь», спаривающимся с женственным местным «инь» Кристофера… (Isherwood, 1977).

Приведенные выше примеры поведения геев из среднего класса выбраны из историй тех мужчин, которые служили образцами для подражания для движения за реформы геев среди мужчин в двадцатом веке. Почему такие мужчины не наслаждались возможностью, которую давала им гомосексуальность, особенно когда они считали себя демократами и социалистами, отказаться от доминирования и подчинения в половом акте, ради взаимных и равных отношений с мужчинами своего класса и вкусов? Похоже, что мужчины из их класса не были для них эротически привлекательны. Для мужчин, чей эротизм зависел от разницы в силе, гомосексуальность представляла собой реальную проблему. Возможно, отсутствие возбуждения можно было избежать только выстраивая половые отношения вокруг разницы в силе, созданной возрастом, классом, расой или оплатой. Было бы обнадеживающе рассматривать таких мужчин просто как продукты совершенно иного исторического периода и ожидать, что сегодняшние геи из среднего класса будут демонстрировать в целом более эгалитарный подход к половой практике. К сожалению, как мы увидим, эротизированное различие во власти остается основой гейской практики, хотя сегодня есть немало геев, которые критикуют эту модель.

ЛОЖНЫЙ РАССВЕТ

Движение за освобождение геев началось в Британии в 1970 году. Предзнаменования были хорошими для тщательного пересмотра сексуальности и особенно мужской сексуальности, чтобы ее можно было трансформировать способами, которые способствовали бы освобождению не только геев, но и людинь, страдающих от любой формы угнетения. Принципы, опубликованные в декабре 1970 года, гласят:

Поэтому GLF (Gay Liberation Front; Фронт освобождения геев — прим.ред) видит себя частью более широкого движения, направленного на отмену всех форм социального угнетения. Он будет работать над объединением с другими угнетенными группами, сохраняя при этом свою организационную независимость (Walter, 1980).

Первыми союзницами, о которых упоминалось, было женское освободительное движение, которое считалось крайне важным, потому что «Корни угнетения женщин во многом близки к нашими собственными». Другими союзницами должны были быть «темнокожие людини и другие национальные меньшинства», «рабочий класс», «молодые людини» и «народы, угнетенные империализмом».

Манифест 1971 года включал феминистский анализ гендерных ролей и мужской власти. Приверженность поддержке освобождения женщин была больше, чем пустыми словами, и, похоже, была центральной частью теории освобождения геев. Неспособность лесбиянок и геев принять традиционные гендерные роли рассматривалась как повод для прославления и основа более свободного образа жизни.

> *Мы уже вне семьи и уже, по крайней мере частично, отвергли «мужские» или «женские» роли, которые общество для нас разработало. В обществе, где доминирует сексистская культура, гетеросексуальным мужчинам и женщинам очень трудно, если не невозможно, избежать жесткой гендерно-ролевой структуры и ролей угнетателя и угнетенной. Но геям не нужно угнетать женщин, чтобы удовлетворить свои собственные психосексуальные потребности, а лесбиянкам не нужно вступать в половые отношения с мужчиной угнетателем, так что в данный момент времени самые свободные и равноправные отношения, скорее всего, будут между геями и лесбиянками (там же).*

В ранние годы этот анализ гендерных ролей был отражен в работах журнала освобождения геев «Come Together». Мужская гомосексуальность подверглась прожектору феминистского анализа. Отвергались не только ролевые игры. Критика распространялась на половое поведение, и круизинг — поиск случайных половых партнерок, подвергся пристальному вниманию. Один писатель описывает круизинг как «погоня за осуществлением своей подростковой половой фантазии (их "типажа"). Участие в "охоте". Круизинг друг друга. Игра в "игры" друг с другом. Игры на разрушение. Дразнение члена» (там же). Он рассматривает круизинг как результат «Вины за то, что он гомосексуал... стыда за то, что он не может гордиться своей сексуальностью...» Он описывает ролевых игроков мужской гомосексуальности как «ультра-буч, лагерных сучек», которые «выдают страх и отвращение», поскольку «нежность, чувствительность вытеснены. Место для круизинга в общественном туалете, называемое «хижиной», описывается как «гроб». Геев приглашают «выйти и жить» с лесбиянками и геями, которые «гордятся и любят друг друга».

В то время для мужчин-освободителей геев было обычным объяснять круизинг, практику, с которой они чувствовали себя некомфортно в политическом плане, как результат угнетения геев. Либо это угнетение могло вызвать чувство вины и стыда, которое склоняло его жертв к поиску тайных контактов, либо угнетение геев можно было рассматривать как трудность для геев установления половых контактов любым способом, кроме как тайного круизинга.

Этот аргумент не может быть поддержан, когда мы смотрим на половое поведение лесбиянок. Лесбиянки так же угнетены, как и геи, и так же склонны страдать от чувства вины и стыда. Можно утверждать, что невидимость лесбиянок

сделает круизинг еще более необходимой практикой. Но лесбиянки не круизят. Трудно получить точную информацию о половой практике лесбиянок и геев, но опрос Института Кинси 1978 года наглядно демонстрирует различия. Исследование показало, что почти все респонденты-мужчины круизили в прошлом году. Половина искала половых партнеров на улицах, в банях или на частных вечеринках, менее трети — в общественных парках и на пляжах и еще меньше — в общественных туалетах и кинотеатрах. Менее 20 процентов лесбиянок круизили в прошлом году, и ни одна — где-либо, кроме баров и частных вечеринок. Исследователи комментируют: «Поскольку такое небольшое количество лесбиянок совершило какой-либо круизинг, не было предпринято никаких попыток проанализировать эти данные далее» (Bell and Weinberg, 1978). Разница становится еще очевиднее, когда мы смотрим на количество половых партнерок, о которых сообщили лесбиянки и геи в ходе своей гомосексуальной карьеры. Почти половина белых мужчин и треть темнокожих мужчин имели по меньшей мере 500 половых партнеров. У большинства женщин было менее десяти половых партнерок во взрослой жизни, и со всеми из них, как правило, у их партнерок были значимые взаимоотношения или отношения, а не случайные контакты (там же).

Критика круизинга со стороны сторонников освобождения геев продлилась недолго. Статья в выпуске Come Together за апрель 1972 года дает нам подсказку о том, что пошло не так. Мужчины из Camden Gay Liberation отправились в Хэмпстед-Хит с тележкой для кофе, чтобы связаться с геями-круизерами и «предложить им альтернативу» «безличному анонимному сексу». Отдавая должное автору, Майку, он понял, что они «с натяжкой были миссионерами». Похоже, это стало результатом того, что он обнаружил, что ему нравится круизинг. Он присоединился и был покорён.

> *[Я был] очарован ритуалом этого места, и я отошел от нашей группы и присоединился к круизингу в другой части парка. Это было очень странно, страшно и волнующе, своего рода игра в преследование со множеством особых узоров... Только когда я покинул нашу группу и начал круизинг сам, я смог перестать мыслить категориями «мы» и «они» и начать честно соотносить себя с этим (Walter, p.185).*

Майк пришел к выводу, что его группа должна снова пойти в парк, «чтобы что-то добавить, не разрушая то, что там есть. Мы тоже можем поучиться». Майк узнал, что его возбуждает круизинг, и он решил, что то, что его возбуждает, не может быть совсем уж плохой идеей. Это проблема, которая, кажется, возникла с другими аспектами критики сексуальности со стороны освобождения геев. Когда геи обнаружили, что ранее незнакомые им практики могут быть сексуально приятными, они отбросили политический анализ. Они стали жертвой распространенного либертарианского заблуждения, что все, что вас возбуждает, должно быть хорошим и позитивным. Они погрузились в свой впечатляющий политический анализ

гендерных ролей и сексуальности, предполагая, что они каким-то образом родились заново и совершенно отделены от общей массы своих братьев геев.

Джон Ширс дает объяснение того, как эта дерадикализация работала в его случае, в статье под названием «Два шага вперед, один шаг назад», опубликованной в 1980 году в антологии «гомосексуальность: власть и политика». Первая часть статьи называется «Выходя шесть лет спустя» и описывает чувства и политические убеждения Ширса при открытии себя движению за освобождение геев. Он был убежденным профеминистом. «Понимание сексизма и угнетения женщин казалось ключом, который отпирал ворота тюрьмы» (Allison and Busby, 1980). Он разделял все визионерские желания ранних дней GLF переделать сексуальность и мир, но страдал от острых кризисов уверенности в собственной желанности. Он обнаружил, что такие личные вопросы, как например, что ваши половые интересы не обязательно соответствуют вашим идеалам, не обсуждаются. Он обнаружил, что дрейфует обратно к коммерческой гей-сцене, которую GLF так убедительно критиковали. Как и у Майка с его кофейным столиком Hampstead Heath, это путешествие в субкультуру было оправдано как попытка привнести ценности GLF на сцену, но «Это не я менял гей-сцену, а гей-сцена меняла меня» (там же).

Ширс начал заниматься коттеджингом, то есть заниматься анонимным сексом в общественных туалетах. Он не был рад такому развитию событий. Он считал серьезной проблемой то, что хотел анонимного секса и, казалось, не мог или не был склонен к половым отношениям, которые длились бы дольше нескольких недель.

Анализ Ширсом причин, по которым такой раскол между личным и политическим возник у него и других, кто был привержен идее, что личное есть политическое, очень полезен для понимания провала освобождения геев. Во-первых, не было понимания сложности трансформации эмоций и сексуальных чувств, на создание которых ушла целая прошлая жизнь. Ожидалось, что недавно освобожденный гей родится заново за одну ночь в новой и совершенной форме с чувствами, соответствующими политическим идеалам. Таким образом, не было создано никакого механизма, чтобы помочь в личностной трансформации. «(GLF) предполагали, что годы закалки в обществе могут быть волшебным образом сметены одним простым актом каминг-аута» (там же).

Ширс объяснил, что необходимо «действительно учитывать глубокие барьеры, как личные, так и социальные, с которыми нам приходится сталкиваться, и изучать способы их постепенного разрушения». Он предлагает «новые типы групп, которые действительно стремятся достичь этой глубинной психической структуры». Эта неспособность принять во внимание трудности преобразования внутренней жизни кажется наиболее полезным способом объяснить регрессивные тенденции 1980-х годов в половой практике геев, лесбиянок и гетеросексуальных женщин.

Другое объяснение, которое предлагает Ширс, заключается в неспособности продвигать альтернативную форму отношений, к которой должны стремиться те, кто участвует в освобождении геев. Не было четкого представления о «типах социальных/половых отношений, которые продвигают развитие сознания и образа жизни геев освободителей» (там же). Третье объяснение — влияние коммерческой гей-сцены: «способность капиталистических предприятий колонизировать гей-жизнь». Альтернативная культура не была столь захватывающей, как коммерческие бары и клубы, и не существовала во многих частях страны.

Вторая часть статьи, озаглавленная «Переход в 1980-е», по тону очень отличается. В то время как в первой статье Ширс политически отвергал круизинг и коттеджинг, хотя и чувствовал себя неспособным жить в соответствии со своими идеалами, в более поздней части он возводит этот вид половой практики в политически революционный акт сам по себе. Это довольно сильное изменение. Он объясняет, что круизинг является революционным, потому что:

> *…способность геев иметь случайные генитальные половые отношения друг с другом действительно представляет собой вызов гетеросексуальному моральному порядку и, таким образом, патриархальной сексуальности, где власть определяет половые отношения, создаваемые мужчинами и женщинами. Геи сталкиваются друг с другом как взаимно признанные равные… (там же).*

Ширс примирился со своими противоречивыми желаниями, переопределив эти желания как революционные. Это удобно, но это реальная проблема с политической точки зрения. Именно в этот момент лесбийский феминизм и освобождение геев расходятся наиболее драматично. Многие лесбиянки рано оставили освобождение геев из-за сексистского поведения мужчин и потому, что они обнаружили, что у них больше общего в политическом плане с гетеросексуальными женщинами, чем с геями. Но теоретический сдвиг, содержащийся в переопределении практик, которые считались требующими реконструкции, в революционные практики, прозвенел похоронный звон по любой очевидной совместимости между освобождением геев-мужчин и лесбийским феминизмом. Ширс подтверждает свою «приверженность установлению связей между освобождением геев, феминизмом и социализмом, как я делал во времена Фронта освобождения геев…», но теперь есть оговорка. Оговорка заключается в принятии феминистками и социалистками сексуальности геев, предположительно невозрожденного вида, без критики или оспаривания.

> *Однако если те из нас, кто считает, что такие связи должны быть установлены, не готовы подтвердить как геи то, за что мы больше всего угнетаемся (нашу сексуальность), то любое принятие со стороны*

феминистского или социалистического движения будет осуществляться на их условиях, а не на наших (там же).

Ширс осознает, что этот подход устанавливает для геев половую повестку, которая совершенно отличается от повестки лесбийских феминисток, и которую лесбийские феминистки не могут не критиковать политически. Но он готов помочь другим геям утвердить именно эту форму сексуальности — случайный секс, которую лесбийские феминистки критиковали. Лесбийские феминистки были введены в заблуждение и на самом деле не понимали практику случайного секса геев, утверждает он. Это отличается от мужского гетеросексуального случайного секса, потому что гей-секс «равен».

Это также сильно отличается от модели взаимоотношений, которую развивают лесбийские феминистки, и у геев, которые идентифицируют себя с феминистским движением, возникает соблазн определить нашу сексуальность негативно, в отличие от своей собственной. Некоторые феминистки также были весьма критичны в отношении того, что, по их мнению, геи копируют гетеросексуальные мужские половые модели (там же).

Он убежден, что существует некая неотъемлемая мужская гомосексуальность, и объясняет, что гомосексуалы «должны чувствовать себя достаточно уверенно, чтобы защищать свое право определять собственную сексуальность». Но он не проясняет, откуда берется эта неотъемлемая сексуальность. Если бы она пришла из биологии, ее нельзя было бы изменить, но суть аргумента Шайерса в том, что гомосексуальность в конечном итоге изменится. Просто так получилось, что для любых революционных изменений в области сексуальности необходимо, чтобы геи занимались объективирующим, анонимным сексом или, как описывает это Шайерс, «гомосексуальная распущенность — это обратная сторона медали навязанной моногамии». Он объясняет революционную природу гомосексуальности следующим образом:

«Радикальное ядро» нашего полового образа жизни может заключаться в том, что мы развенчиваем мистику, окружающую секс, и помещаем его туда, где его и следовало бы разместить, если мы хотим когда-нибудь начать двигаться к менее зацикленному на гениталиях, более чувственному обществу, к обществу, в котором мы получаем удовольствие от общения с другими, которым тоже хочется заниматься этим с нами (там же).

Согласно этому анализу случайный секс геев действительно очень важен. Он стал преобразующим элементом, который создаст революцию. Единственный способ создать изменения — это чтобы геи жили своей фиксированной на гениталиях распущенностью, чтобы взорвать гетеросексуальное самодовольство и прорваться через границы в новое будущее сексуальности. Это могло бы быть правдоподобным,

если бы не было так удобно. Именно то, за что лесбиянки критикуют геев, стало революционной силой, которая в конечном итоге принесет лесбиянкам много пользы, когда наступит революция. Между тем, распутные геи являются спасителями, которые живут не только потому, что это весело, но и потому, что это их долг ради всех нас.

Идея о том, что гей круизинг является революционным занятием, возможно, наиболее полно выражена в книге Джона Речи «Изгой сексуальности». Речи — писатель из поколения битников, но он способен продолжать пропагандировать то, что Стивен Адамс называет «преступностью битников» под новой мантией освобождения геев, не теряя ни бита. Речи называет свою книгу «документальным фильмом» и утверждает, что она «представляет истинный спектр беспорядочного опыта», его собственного (Rechy, 1981). У Речи есть небольшие фрагменты социальных и политических комментариев между описаниями половой активности. «Публичный половой акт, — говорит он, — это революция, смелая, справедливая, дерзкая революция». Вот описание Речи беспорядочного гомосексуала как героя.

> *Неразборчивые в связях гомосексуалы (изгои с двойной идентичностью — завтра они пойдут в офисы и на спортивные площадки, в классы и на стройки) — ударные войска Революции сексуальности. Улицы — поле битвы, революция — охота за сексом, радикальное заявление делается каждый раз, когда один мужчина занимается сексом с другим на улице (там же).*

Где во всем этом место лесбиянок? Кажется, их роль — просто терпеливо ждать, пока геи не создадут революцию. Поскольку нам долго говорили, что женщины должны ждать окончания социалистической революции, чтобы наши требования были восприняты всерьез, теперь мы должны дождаться окончания мужской гейской революции и постараться не жаловаться слишком много, пока ждем. Единственная другая возможность заключается в том, что лесбиянки трансформируют свою «старомодную» половую практику и примут половую повестку геев в качестве своей модели. Таким образом, мы можем стать частью решения, а не проблемы. Это подход, которого придерживались лесбийские теоретикессы-либертарианки в 1980-х годах.

ФЕМИНИЗМ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ГЕЕВ

Лиз Стэнли была активисткой движения за освобождение геев в том же городе, что и Джон Ширс, Манчестер, с 1971 по 1977 год. Она написала о том, почему она покинула смешанное гей движение, в антологии «On the Problem of Men» (1982). Чтобы подчеркнуть значимость своего разочарования, она подчеркивает, что «Однажды я воспринимала свои отношения с геями как парадигму того, какими могут быть "освобожденные отношения" между женщинами и мужчинами»

(Friedman and Sarah, 1982). Лиз Стэнли была в группе Кампании за гомосексуальное равенство, а не в группе GLF, потому что, как она объяснила, «GLF, как и большинство других революционных организаций, привлекала преимущественно молодых, белых, обеспеченных людинь среднего класса. Она не привлекала обычных людинь» (там же). Но она подчеркивает, что не считает, что CHE (Кампания за гомосексуальное равенство) была более сексистской, чем GLF. Она намеревалась стать организаторкой для женщин в местном CHE. Мизогинные ответы, которые она получила, не были главной причиной ее ухода, хотя они включали следующее:

> *Я и другие женщины в WCC постоянно получали жалобы на то, что женщины в местных группах пахнут. Это было чертой всех женщин, которые буквально воняли. Женские пезды представляли собой гноящиеся раны, полные ползающих червей. Их нельзя было допускать в одни комнаты с мужчинами. Лесбиянки не хотели заниматься сексом с мужчинами, это означало, что они ненавидели мужчин, всех мужчин, включая геев, и хотели их кастрировать. Попытка вовлечь женщин в CHE была атакой на гей-движение, которое принадлежало мужчинам. Все женщины должны быть отстранены от него (там же).*

Наряду с этими рутинными оскорблениями Стэнли приводит многочисленные примеры полового поведения и идей геев о сексе, которые в конечном итоге сформировали теоретическую базу для ее политического разрыва со смешанным гей движением. Одним из примеров является отношение ее друзей геев к непристойным телефонным звонкам, которые лесбиянки, работающие в телефонной службе консультаций, получали от, предположительно, гетеросексуальных мужчин.

> *Содержание непристойных телефонных звонков и реакции геев и гетеросексуальных мужчин на выступления и доклады, представленные о них, были удивительно похожи. Геи в гейском движении и гетеросексуальные мужчины в академических кругах и левых группах, все они находили непристойные звонки возбуждающими. То, что они находили возбуждающим, было фаллическими образами, насилием и настойчивостью в «занятии» сексом с другими людьми. Это не имело никакого отношения или было только косвенно связано с чем-либо, касающимся женщин в звонках — вместо этого они все реагировали на член, всемогущий пенис.*
>
> *Что, в частности, они обнаружили возбуждающим, так это власть, которую им давал пенис, его центральное место в жизни всех людинь, его способность использоваться для навязывания своей воли другим людиням (там же).*

Другим примером является поведение мужчин, входящих в подружескую группу FRIEND, которая должна была помогать людиням совершать каминг-аут. В организации было правило, что из-за властных отношений, вовлеченных в

отношения между дружественными участниками группы, было бы оскорбительно предлагать половой акт тем, с кем дружили. Стэнли обнаружила, что что бы ни говорили геи-друзья о своих идеалах, на самом деле они регулярно эксплуатировали для полового акта мужчин, с которыми должны были дружить.

Стэнли пришла к выводу, что геи не будут обращать и не хотят обращать никакого внимания на требования или идеи лесбийских феминисток, если такое внимание будет мешать удовлетворению того, что они считают своими половыми потребностями.

> *Я полагаю, что в отношении геев это означает, вот что: если это сокращает количество времени и возможностей, которые у них есть для траха друг друга, то геи не будут этого делать. Другими словами, я чувствую, что единственно возможное толкование «мужественности», «потребностей мужчин» — это чисто и просто секс. И половые «потребности» очень специфического рода… это потребности вести себя сексистски, объективирующе, бесчувственно и полностью фаллоцентрично (там же).*

Стэнли осознала, что притеснение лесбиянок «совершенно отличается от притеснения геев» (там же). Лесбиянки представляли угрозу как для гетеросексуальных, так и для геев, поскольку их жизнь не была организована вокруг пениса, а пенис никоим образом не является необходимым условием существования лесбиянок. Феминизм был проблемой для геев, поскольку успех феминистского проекта неизбежно вмешался бы в половой образ жизни геев. В феминистском обществе «основы фаллоцентризма подвергаются сомнению и разрушаются», а образ жизни «обычного» гея пришел бы к концу (там же).

Некоторые геи прекрасно знают, что у лесбиянок и геев разные и противоречивые планы. Эндрю Ходжес, живущий в Лондоне, опубликовал статью под названием «Divided we stand» в торонтской гей-газете Body Politic в 1977 году о трудностях совместной работы лесбиянок и геев. Ходжес убежден, что сотрудничество невозможно, и причина в разнице в сексуальности, но он настроен оптимистично по этому поводу. Он определяет феминистскую программу как «исключение секса из общественной жизни» (Jackson and Persky, 1982).

Это искажение целей феминизма. Феминистки хотят освободить всех женщин от угрозы домогательств на улице посредством реконструкции мужской сексуальности. Чтобы устранить домогательства, утверждают феминистки, мужчинам придется отказаться от объективирующего эксплуататорского полового акта и полностью переопределить то, что они считали сексуальностью. Ходжес не видит никаких проблем в форме сексуальности геев и совершенно неспособен симпатизировать требованиям феминизма. Он объясняет, что «геи не могут честно делать то, что от них часто ожидают, а именно, оказывать безоговорочную поддержку

женскому движению» (там же). Геи, объясняет он, наслаждаются и ищут именно тот тип полового контакта, который феминистки считают проблемой.

> *На улицах Сиракуз, штат Нью-Йорк, где я живу, висят большие плакаты, на которых изображена женщина, бьющая мужчину по яйцам, со словами: Мужчины! В следующий раз, когда вы будете свистеть, приставать, пялиться, насиловать, приближаться… может быть ваш последний! Как геи могут честно принять идею о том, что строить глазки так же плохо, как изнасилование, и заслуживает кастрации или смерти? Они проводят большую часть своего бодрствования, глядя и подвергаясь взглядам; им самим приходится много отбиваться от нежелательного внимания, и им трудно представить, что женщины настолько нежные создания, что они не могут делать то же самое. Конечно, более оптимистичное отношение геев связано с тем, что те, кто смотрит на них, не считают их объектом и низшим существом. Факт остается фактом: геям трудно считать ненасильственные половые практики изначально злыми и опасными (там же).*

Ходжес считает, что эта форма мужской сексуальности должна быть моделью для всей сексуальности. Женщин призывают догонять, принимая эту модель. Феминистки, похоже, довольно отсталые. Ходжес не считает половой акт в туалете объективацией. Свое отношение к сексуальности он определяет как «секс-позитивное». Он объясняет:

> *Гейский секс может быть взаимным и неэксплуататорским; если бы не сексизм, то и гетеросексуальность могла бы быть таковой. Гетеросексуальность, в которой женщинам дозволены только роли жертвы или проституированной, не должна быть причиной дурной славы для любого секса (там же).*

Ходжес не считает, что социальная конструкция сексуальности мужского превосходства может быть деформирована «сексизмом». Секс в его неизлечимой мужской супрематистской форме рассматривается как священный и истинный. Сексизм — это скорее призрачная эманация, чем форма поведения, осуществляемая мужчинами. Таким образом, Ходжес способен сочувствовать гетеросексуальным мужчинам, которые не способны получить половое удовлетворение от женщин.

> *Я думаю, что геи также должны иметь возможность испытывать некоторую симпатию к мужчинам не-геям, чья потребность в сексуальной разрядке столь же велика, и которые не имеют такой же возможности достичь ее достойным образом (там же).*

Ходжес, как и большинство геев, связывает свою судьбу с половым классом мужчин, будь то гетеросексуалы или геи, а не с женщинами. Ходжес является примером того, что, вероятно, является доминирующим отношением геев к

сексуальности и требованиям лесбийского феминизма. Он выражает свою политику менее двусмысленно, чем большинство, и его гнев на феминисток превосходит обычную осторожность, которая могла бы побудить к притворству.

Есть геи, которые придерживаются профеминистского подхода к сексуальности и готовы начать основательную критику сексуальной повестки дня геев. Джон Столтенберг написал этот анализ провала освобождения геев на форуме по садомазохизму, опубликованном в 1978 году. Он утверждает, что движение за освобождение геев, в котором доминировали мужчины, «предало свой революционный потенциал» вскоре после своего зарождения. Он объясняет, что вместо того, чтобы понять, что их собственное угнетение исходит из мужского превосходства,

> *...большинство активистов-геев выбрали совершенно реакционную стратегию: добиваться избирательных прав в культуре как «по-настоящему мужественные мужчины», не меняя существенно и не оспаривая даже собственную мизогинию и мужскую супрематистскую веру. Существует множество способов, с помощью которых освобождение геев стало полноценным компонентом ответной реакции на феминизм... Геи не просто любят других мужчин; они такие же, как и другие мужчины, что ясно демонстрирует их антифеминизм. Субкультура геев, лицензированная их движением, которое вывело гомоэротический садизм из шкафа (но которое не изменило больше ничего), теперь изобилует неонацистской униформой, игрушками для пыток, оргиями, шоу с мочой и дерьмом, шоу с фистингом, фильмами и периодическими изданиями, изображающими пытки и увечья, — все это равносильно плевкам в лицо женщинам, которые борются за свободу (Jay and Young, 1978).*

Столтенберг заходит так далеко, что утверждает, что «для любого, кто серьезно привержен принципам феминизма, невозможно поддерживать союз или связь с геями как группой, кроме как путем компромисса и обмана женщин как группы» (там же). Он приходит к такому выводу «в результате распространенности эротизированного насилия (полового садизма) как среди гомосексуальных, так и среди гетеросексуальных мужчин». Его программа для мужчин, как гетеросексуалов, так и геев, является полной противоположностью мужчинам-апологетам мужского превосходства, таким как Ходжес выше. Столтенберг считает, что мужчины должны демонтировать мужскую сексуальную идентичность, а не защищать ее от феминисток.

> *Все мужчины, которые являются полноценными мужчинами, стали таковыми, будь то геи или гетеро, совершая преступления против женщин; поэтому они являются препятствиями для свободы и достоинства женщин. Любой биологический мужчина, который решает не жить как такое*

препятствие, не будет увиливать от этого факта – вместо этого он выступит против мужской половой идентичности как таковой (там же).

ПОЛИТИКА ПОЛОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Один из видов половой политики, переживший провал движения за освобождение геев, — это политика половой идентичности. Это политика, принятая сегодняшними радикальными геями и преподаваемая на курсах сексуальности в британских колледжах. Ее даже преподают как феминистскую теорию на курсах женских исследований, где работы геев обычно изучаются в приоритете перед работами феминисток.

Политика половой идентичности основана на идее, что гомосексуальная идентичность необходима для любого движения за права гомосексуальных людинь. Историки геи считают, что эта идентичность возникла в конце девятнадцатого века в результате категоризации сексуальности сексологами и Закона о поправках к уголовному праву 1885 года. Этот Акт впервые сделал гомосексуальное поведение мужчин противозаконным и положил начало стигматизации гомосексуальных, что заставило их осознать свое отличие от гетеросексуальных и способствовало развитию гомосексуальной субкультуры и отдельного образа жизни. До принятия Акта половая практика содомии была незаконной, но не рассматривалась как специфическая гомосексуальная практика, так что ни один закон не наказывал гомосексуальных людинь как таковых. Теперь были проведены границы между нормальным гетеросексуальным поведением и запрещенным гомосексуальным поведением, и на этом фоне могли развиваться как гомосексуальная идентичность, так и движение за реформу гомосексуальности, основанное на такой идентичности (See Jeffrey Weeks). Фронт освобождения геев возник в 1960-х годах, когда гомосексуальная идентичность обрела гордую и самоуверенную форму в результате быстрого развития так называемой Революции сексуальности и Закона о половых преступлениях 1967 года, который декриминализировал половые отношения между мужчинами старше 21 года по обоюдному согласию в частной жизни.

Лесбиянки не очень вписываются в эту модель. Лесбиянкам приходилось ехать в качестве попутчиц, пытаясь вписаться в форму и содержание мужских гомосексуальных реформаторских движений до 1970-х годов, когда лесбиянки создали свое собственное движение. Главной заботой геев может быть поиск прав на основе половой идентичности, но лесбийство всегда было чем-то большим. Лесбиянки как женщины должны бороться с властью мужчин как класса. Геи являются частью класса мужчин. Борьба за освобождение лесбиянок требует демонтажа мужского превосходства, и самоуверенная «половая идентичность» геев также должна быть демонтирована, если она воспроизводит характеристики сексуальности правящего класса. К сожалению, ясный голос лесбийского феминизма постоянно подрывается. Лесбиянки всегда находились и находятся сейчас под

постоянным давлением к принятию категории и концепции геев и присоединению к освобождению геев, даже если это явно противоречит нашим интересам как женщин. Лесбийский феминизм как движение подвергается растущему посягательству со стороны коммерческой сцены геев, СМИ геев и гегемонии геев в области всего, что рассматривается как прогрессивное или радикальное в теории сексуальности.

Политика половой идентичности, пережившая неудачу движения за освобождение геев в реализации своего профеминистского потенциала, формирует основу для того, что Джеффри Уикс называет «движениями утверждений» (см. Jeffrey Weeks, Sexuality and its Discontents, 1985). Это движения, организованные различными меньшинствами на основе концепции половой идентичности, продвигающие их права и революционный характер их проекта. Политика меньшинств имеет довольно длинную родословную. Джеффри Уикс объясняет, что политика меньшинств привлекательна, потому что она вписывается в либеральную политическую традицию. Меньшинства, национальные или религиозные, традиционно боролись за терпимость к ним и права на практику своей собственной культуры и добивались их. Идею «меньшинств» можно рассматривать как опирающуюся на эту традицию для продвижения прав тех групп, которые обычно включаются в список меньшинств, то есть трансвеститов/транссексуалов, педофилов и садомазохистов.

Еще в 1964 году Ларс Уллерстам использовал этот подход в своей книге «Эротические меньшинства», которая была впервые опубликована в Швеции, которая в то время считалась пионером в борьбе за свободу сексуальности (Ullerstam, 1966). Уллерстам выступал за терпимость к инцесту, эксгибиционизму, педофилии, салиромании (использование грязи и фекалий), алголагнии (садомазохизм), гомосексуальности, скопофилии (вуайеризму) и другим менее популярным меньшинствам, таким как некрофилия. Эти действия в основном включали унижение или насилие над женщинами, как мертвыми, так и живыми. Тем не менее, Уллерстам считал, что терпимости недостаточно. Необходимо было действительно позитивно относиться к меньшинствам. Такие практики «дают значительные шансы достичь человеческого счастья», он считал, «"извращения" сами по себе хороши, и поэтому их следует поощрять» (там же).

Геи теоретики, такие как Уикс, заявляют, что меньшинства радикальны, и что лидеры таких меньшинств являются радикальными теоретикессами сексуальности. «Радикальный» — это слово, которое не обязательно означает политически прогрессивный в контексте 1980-х годов. В Британии СМИ описывают как «радикальное» постепенное разрушение местного самоуправления, государства всеобщего благосостояния и государственной системы образования, и теоретикессы-тори (прим.пер: Тори— человека, поддерживающаяся политическую философию, известную как торизм, основанную на британской версии традиционалистского консерватизма) осуществляющие эти изменения, с удовольствием принимают на себя

мантию радикальности. «Радикальный», таким образом, применяется к движению, направленному на свержение всех завоеваний, которых социалистки и феминистки добились в прошлом веке. Я думаю, именно таким образом мы должны интерпретировать слово «радикальный», используемое по отношению к меньшинствам. Уикс подразумевает под этим словом позитивный смысл и явно с энтузиазмом относится к «движениям утверждения», которые он описывает, но когда мы смотрим на природу этих движений, должно быть совершенно ясно, что они противоречат целям освобождения женщин и лесбийского феминизма.

Уикс приводит нам два списка меньшинств. Первый список таков: «Трансвеститы, транссексуалы, педофилы, садомазохисты, фетишисты, бисексуалы, проституированные и другие — каждая группа, отмеченная определенными вкусами в сексе или склонностями, подразделенная и разграниченная на определенные стили, мораль и сообщества, каждая со своей историей самовыражения — все они появились на мировой сцене, чтобы заявить о своем пространстве и "правах "» (Weeks, 1985). Далее он приводит еще один список «эротических групп»: «на ум приходят садомазохисты, педофилы, трансвеститы, проституированные» (там же).

Проституированные женщины явно не на своем месте в списке меньшинств. Проституция — это работа, род занятий. Проституированные женщины не занимаются своей работой, чтобы реализовать свои вкусы в сексе. Действительно, работа не имеет ничего общего с их самовыражением сексуальности, за исключением того, что она может ей навредить. Проституированные женщины используют свои тела и умы для обслуживания мужской сексуальности. Возможно, есть больше оснований утверждать, что мужчины-проституты преследуют половое удовлетворение в своей работе, поскольку обычно требуется некоторая половая реакция, но главная мотивация, безусловно, деньги. Так почему же эта форма работы включена в список групп, организованных вокруг поиска удовольствий и полового удовлетворения? Это включение не может быть случайностью, поскольку оно происходит дважды. Это можно объяснить с точки зрения традиционных предположений о превосходстве мужчин относительно женщин и сексуальности. Погрузившись в любую литературу, медицинскую, сексологическую или социологическую, о проституции за последние сто лет, вы обнаружите утверждение, что женщины либо выбирают быть проституированными, потому что ищут полового удовольствия, либо, по крайней мере, наслаждаются своей работой из-за полового удовольствия, которое они получают. Более поздняя литература самих проституированных женщин и феминисток показывает, что это высокомерное и корыстное мужское предположение является абсурдом (см. Kathleen Barry, Female Sexual Slavery, 1979; для автобиографических отчетов см. Claude Jaget, 1980). Мужчины продвигали этот миф, потому что он оправдывает использование мужчинами проституированных женщин и из убеждения, что контакт с мужским

органом должен быть приятным в любой форме. Уикс увековечивает этот миф, включая проституированных женщин в свой список.

Трансвеститы/транссексуалы, педофилы, фетишисты и садомазохисты в подавляющем большинстве мужчины, а в случае педофилов — исключительно. Возможно, явная мужская предвзятость списка заставила Уикса попытаться разбавить список, добавив категорию, которая в подавляющем большинстве является женской. Но этого не произойдет. Этот очень прозрачный трюк показывает, что политика половой идентичности — это в подавляющем большинстве мужская концепция, совершенно не подходящая женщинам, чье отношение к сексуальности принципиально отличается от отношения мужчин. Мужчины, находящиеся под мужским господством, являются активными агентами агрессивной, эксплуататорской сексуальности, организованной вокруг доминирования и подчинения или гендерного фетишизма. Меньшинства организуются для продвижения и защиты половых интересов мужчин правящего класса. Женщины чаще всего являются объектами этой мужской сексуальности. Женщины просто не могут быть включены в список меньшинств. Неуклюжая попытка Уикса сделать это показывает, как мало серьезного внимания он уделил пониманию отношения женщин к сексуальности.

Чтение последних работ Уикса показывает, что он критикует всю разновидность феминизма, которая взялась за критику мужской сексуальности. Радикальных феминисток обвиняют в том, что они ассоциируются с движениями за моральную чистоту Новых правых; он говорит, что «заигрывание некоторых радикальных феминисток с моралистами Новых правых по таким вопросам, как порнография, в корне более проблематично, чем когда-либо было в начале двадцатого века» (Weeks, 1985). Не представлено никаких доказательств того, что радикальные феминистки симпатизируют Новым правым или работают вместе с ними. Это тактика оскорбления.

Уикс утверждает, что меньшинства революционны. Он является последователем французского теоретика геев Мишеля Фуко и утверждает, что «движения утверждения» могут разрушить предположения и контроль традиции сексуальности и помочь создать новую вселенную сексуальности, в которой людини могут сосредоточиться на том, что Уикс считает своим собственным проектом: «тело и его потенциал для удовольствия» (там же). «Отправной точкой политических движений, основанных на сексуальности, стали классификации сексологов», — говорит он, но они продолжают бросать вызов норме, и «в изобретательности радикальных движений сексуальности в создании новых способов жизни заключается конечный вызов силе определения, которым до сих пор пользовались сексологи и традиция сексуальности».

Это очень удобная логика для геев, таких как Фуко и Уикс. Им удается возвести в революционную роль именно те половые практики, против которых феминистки

больше всего возражают и с которыми такие геи идентифицируют себя или симпатизируют. В то время как феминистки стремятся объяснить геям, почему они и гетеросексуальные мужчины должны трансформировать свою половую практику, геи заявляют, что преувеличенные формы того, что феминистки считают проблемой, такие как объективация и гендерный фетишизм, являются революционными и принесут свободу сексуальности для всех. Феминисток просят осознать, что половые права и возможности женщин зависят от предоставления геям возможности беспрепятственно преследовать свои половые интересы.

Аргумент не имеет смысла для феминисток и лесбиянок. Вместо того, чтобы рассматривать меньшинства как радикальное оружие, которое сломает барьеры на пути к освобождению женщин, более правдоподобно, что «движения утверждения» на самом деле утвердят, укрепят и оправдают гендерный фетишизм, эротизированное доминирование, подчинение и эксплуатацию, и помогут укрепить конструкцию формы мужской сексуальности, опасной для интересов всех женщин. Более того, аргумент о том, что эти движения могут подорвать традицию сексуальности, должен основываться на некотором представлении о том, что они действительно враждебны этой традиции, а не являются ее оплотом. Феминистский анализ рассуждал бы иначе. Меньшинства рассматриваются просто как преувеличенные версии пагубных аспектов мужской сексуальности. Феминисткам, например, трудно понять, как движение за утверждение садомазохизма может бросить вызов тому, что американская радикально-феминистская теоретикесса Мэри Дейли называет садообществом, то есть мужским превосходством. Гендерный фетишизм, столь важный для культуры геев, эксплуатирует атрибуты социально сконструированного гендерного неравенства для обеспечения эротического возбуждения. Трудно понять, как гендерный фетишизм трансвеститов/транссексуалов мог бы сделать что-то еще, кроме как укрепить конструкцию всей культуры мужского превосходства вокруг концепции гендерного различия.

Мужчина теоретик, чьи профеминистские убеждения были бы в порядке вещей, вместо того, чтобы строить теорию о том, как создать серьезные изменения сексуальности посредством утверждения разрушительных аспектов мужского полового поведения, наверняка воспринял бы феминистскую теорию о сексуальности всерьез. Существует обширный корпус теорий лесбийских феминисток и радикальных феминисток, которые находятся в полном противоречии с мужской гей-программой, теорий, которые Уикс отвергает как «не его» вид феминизма. Фуко не жертвует ни мысли лесбиянкам или феминисткам. Его карта мира сексуальности — это просто мужская гей-карта.

Пристальный взгляд на три наиболее часто упоминаемых меньшинства, то есть трансвеститов/транссексуалов, педофилов и садомазохистов, показывает, как они представляют аспекты мужской сексуальности, опасные для интересов женщин. Анализ их отношения к освобождению геев показывает, почему так много геев готовы

видеть свое будущее связанным с успехом этих меньшинств и готовы защищать их от любого феминистского отсутствия энтузиазма.

Все три меньшинства можно объяснить как возникающие из-за внутренней ненависти со стороны вовлеченных в это мужчин (а в случае садомазохизма — мужчин и женщин), так что связь с движением за освобождение геев, мягко говоря, иронична. Садомазохизм будет здесь частично объяснен как выплескивание ненависти геев к себе на тела и органы, которые представляют столь презираемую сексуальность. Трансвестизм/транссексуализм важен, потому что в те дни, когда радикальное движение за освобождение геев испускало последние вздохи, именно утверждение драг-культуры, ношение одежды, обычно ассоциируемой с женским полом, кажется, забило самый значительный гвоздь в крышку гроба.

ТРАНСВЕСТИЗМ, ТРАНССЕКСУАЛИЗМ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ГЕЕВ

ТРАНСВЕСТИЗМ

Переодевание в «женскую» одежду, что гетеросексуальные практикующие мужчины обычно называют трансвестизмом, геи называют драгом. Драг — это проблема, которая расколола профеминистскую платформу освобождения геев к 1973 году. По этой причине это первое из «меньшинств», которое будет рассмотрено здесь. Драг — это явление, глубоко укоренившееся в сознании геев, настолько глубоко укоренившееся, что можно было бы убедить рассматривать его как основу культуры геев. Мужчины, выступающие за освобождение геев, приняли драг, веря, что это делает их «радикальными феминистами» и что это выражает их солидарность и идентификацию с освобождением женщин. Обри Уолтер объясняет политический контекст, в котором была принята такая позиция, следующим образом:

> *Мы искали что-то, что было бы в основном свободным от гендера… Мы сами были обусловлены гендерной системой. Обойти эту дилемму можно было, улучшив идентификацию с нашими матерями и, таким образом, продвинув более женственные качества в нашей психике и, следовательно, в наших внешних образах и социальном поведении (Walter, стр. 20).*

Желание быть свободными от гендера — разумная цель, и Уолтер преследовал ее, не принимая «радикального драга». Но важная группа мужчин приняла то, что они называли радикальным драгом, и Уолтер описывает их политику следующим образом:

> *В фронте освобождения геев образ мужественных мужчин считался действительно плохим и угнетающим для геев. Из определенного прочтения радикального феминизма многие геи считали, что для того, чтобы бороться с мужской привилегией, они должны сделать все возможное, чтобы показать, что они готовы отказаться от этой привилегии в себе. Одним из*

способов сделать это был отказ от одежды, которую они называли мужской, такой как джинсы и брюки, рубашки и куртки, в пользу платьев, каблуков и макияжа (там же).

Радикальные королевы сражались с мужественными геями на собраниях в гетеросексуальных женских одеждах, «демонстративно… вязали и болтали, произнося речь о раздутом эго какого-то человека» (там же).

Такое поведение на собраниях, должно быть, было крайне оскорбительным и отталкивающим для присутствующих лесбиянок. Лесбиянки — это женщины, которые обычно испытывают значительный стресс и трудности в отказе от женоподобного поведения и одежды, ожидаемых от них как от женщин. То, что им затем приходится наблюдать, как геи принимают такое поведение, чтобы сражаться с другими геями на собраниях, было досадной иронией. Но геи даже с предположительно радикальными политическими взглядами испытывают большие трудности в понимании отношения большинства лесбиянок к драг-культуре. Когда я преподавала на смешанном курсе по гей-исследованиям, я освещала тему трансвестизма. Большинство присутствующих мужчин выразили интерес к ношению «женской одежды». Я указала на то, что все женщины в комнате были одеты в джинсы и рубашки, как и мужчины. Очевидно, они имели в виду не одежду сделанную под женщин, а стереотипно женственную одежду, которую все присутствующие лесбиянки отвергли. Оказалось чрезвычайно сложно донести мысль о том, что одежда, которую они так жаждали носить, вовсе не была «женской», а просто символом угнетения.

«Женская одежда» — это та, которую культура, где доминируют мужчины, считает подходящей для женщин. Это не обязательно одежда, которую женщины выбирают носить. За последние двадцать лет женское освободительное движение во всем мире бросило вызов представлению о том, что женщины должны носить одежду, которая калечит и искажает их тела, которая предназначена для преувеличения женских физических характеристик и, как правило, является ограничивающей и непрактичной для повседневного использования и работы, которую выполняют женщины. Она также обычно уступает по качеству мужской одежде при схожих ценах. Такая одежда включает в себя туфли на высоких каблуках, глубокие вырезы, корсеты, нижнее белье с оборками, колготки и чулки, а также платья или юбки, которые ограничивают движения. Такая одежда мешает женщинам расслабиться и раскинуть конечности, как это делают мужчины, и заставляет женщин постоянно быть осторожными, чтобы мужчины не увидели их бедра или гениталии. Совокупный эффект этих форм одежды заключается в том, что женщины не могут бегать, защищаться или выполнять ручную работу. Женщины, таким образом, зависят от защиты мужчин от других мужчин, а одежда выступает в качестве формы социального контроля, а также низводит женщин до фетишизированных потребительских объектов для удовольствия мужчин. Феминистки отвергли

фетишизированный образ женщины в стремлении к праву женщины на полный человеческий статус, физическую свободу и независимость.

Мужчины, гетеросексуалы и геи, имеют совершенно иные причины, чем женщины, чтобы носить «женскую одежду». Чтобы понять значение этой одежды для мужчин, полезно взглянуть на порнографию трансвеститов. Сюжетная линия всегда похожа в этом жанре порнографии. Мужчина одет в фетишистское «женское» нижнее белье и одежду женщинами. Следующая цитата взята из рассказа под названием «Когда Девочки сделали меня Девочкой». Молодой мужчина в рассказе, проводя светский вечер в доме друга, обнаруживает себя в спальне, где его «одевают» две женщины.

> *«Следующим тебе придется надеть это». Мне вручили чудесно сложенный корсет с красными лентами на костях и изящными красными лентами на верхушках подтяжек. «Я... я не думаю, что смогу влезть в это!» — воскликнул я, лаская предложенную одежду.*
>
> *«Конечно, влезешь!» — сказала Лоррейн и подошла ко мне сзади, взяла корсет, надела его на мою талию и принялась застегивать крючки и петли. Прохлада черного материала и ощущение подтяжек, свисающих с моих голых бедер, в сочетании с чувственной ограниченностью одежды заставили меня затаить дыхание! Никогда еще я не получал таких изысканных ощущений от одежды...*
>
> *«А теперь, юная леди, перестаньте любоваться собой в зеркало, и пойдемте вниз, чтобы показать вас мужчинам! Я уверена, им понравится то, что они увидят!» — сказала Джанет.*
>
> *С трепетом в бьющемся сердцем я прошел между двумя девушками, когда мы вошли в столовую внизу (Glad Rag, № 3).*

Здесь доминирующая женщина заставила молодого человека надеть нижнее белье, несмотря на его протесты. Очевидно, что часть его удовольствия исходит из того факта, что он чувствует, что одежда стесняет его. Ключ к символическому значению такой одежды в трансвеститской порнографии мы можем получить из совершенно аналогичной истории из коллекции лесбийской садомазохистской порнографии. В этой истории динамичная лесбиянка, активно вовлеченная в политическую организацию, навещает свою возлюбленную на выходные. Любовница решает провести садомазохистский ритуал, который заключается в том, чтобы заставить Мег (динамичная политическая персонажка) быть напудренной, затянутой в корсет и завязанной лентами в фетишистски женственной манере.

> *Кэрол любила угрожать Мег кружевами или чем-то в этом роде. Мег так чертовски старалась быть благородной и невозмутимой. Кэрол знала, что кружева почти всегда нарушат напряженное самообладание Мег и*

действуют на нее так, как не действовала откровенная боль. За эти годы они играли вместе во всевозможные игры, но после нескольких дней жестких маневров она поняла, что последнее, что нужно Мег, — это сцена пыток…

«Я сказала, надень их», — повторила Кэрол.

«Э-э-э, нет. Не заставляй меня делать это, милая. Я буду чувствовать себя дурой…»

«Да, госпожа», — сказала Мег, трезво глядя на Кэрол. Она повернулась и опустилась на колени на пол, чтобы открыть нижний ящик. В нем она нашла узкие ярко-розовые стринги, чуть больше маленького треугольника кружева спереди и сзади с узкими лентами по бокам, скрепляющими их вместе… (Samois, Coming to Power, 1982).

В этом сценарии «женская» одежда используется для унижения и унизительного поведения сильной и независимой женщины, которая никогда бы не надела такую одежду в повседневной жизни. Если одни и те же предметы одежды могут использоваться как мужчинами, так и женщинами в ритуалах полового унижения, это предполагает, что эта одежда представляет не «женщин», а калечащую, ограничивающую и подчиненную роль, которая была отведена женщине в системе гендерных ролей. С фетишистской «женской» одеждой связаны значения бессилия и подчинения.

Политика, которую поддерживают апологеты драг-культуры среди геев, не упоминает об извлекаемом из нее мазохистском удовлетворении. Они подчеркивают радикальный потенциал драг-культуры. Книга Криса Кирка для Gay Men's Press, Men in Frocks, согласно аннотации на обложке, «объясняет развитие драг-культуры на протяжении целого поколения, от Soldiers in Skirts через Sea Queens и Radical Femmes до nouveau drag 1984 года» (Kris Kirk and Ed Heath, 1984). Кирк и некоторые из драг-квинов, опрошенных в книге, выражают мнение, что радикальный драг был и есть революционным и выступает за освобождение женщин. Сторонники радикального драга в фронте освобождения геев были настолько уверены в своей профеминистской позиции, что называли себя «радикальными феминистами». Кирк пишет:

Но с приходом семидесятых и фронта освобождения геев появился новый вид драг-квин – радикальный феминист. Платья и политика создали пьянящую смесь (там же).

Собеседник книги Кирка, называющий себя Бетт Борн, описывается как «убежденный радикальный феминист во времена фронта освобождения геев» (там же). Итак, драг-квины фронта освобождения геев пародировали не только женщин, но и феминистскую политику. Мужские тенденции фронта освобождения геев, которые заявляли о своей приверженности феминизму, создали своего рода ролевые романы буч/фем. Радикальные феминисты играли в фем для марксистско-

феминистских буч. Конечно, это уродливая карикатура на феминистскую политику. Радикальный феминизм — это политическая философия, которая ставит устранение гендерных ролей в основу своей политики. Геи извратили эту идею, превратив ее в оправдание для преследования своей склонности к феминизации под видом политической корректности. Некоторые представители радикального драг-движения были готовы претендовать на роль лидера в освобождении женщин и были крайне язвительны по отношению к тем феминисткам, которые осмеливались подвергать их сомнению. Один из них поделился своим видением женского освободительного движения, возглавляемого мужчинами, которые имитируют сексистское представление о женщинах.

Подумайте, насколько более вдохновляющей и прекрасной станет женская революция, когда она с радостью включит всех женщин. Подумайте о демонстрации в Холлоуэе с трансвеститами, транссексуалами и драг-квин женщинами, лесбиянками и гетеросексуальными женщинами, черными, желтыми, смуглыми и белыми женщинами, матерями, дочерьми, бедными женщинами, богатыми женщинами, работающими женщинами, домохозяйками и карьеристками. Конечно, какой бы путь мы ни выбрали как трансвеститы, транссексуалы и драг-квин, мы должны сначала разрушить ловушку, в которой обычные женщины устанавливают стандарты, по которым они принимают или отвергают нас (там же).

Поразительна самонадеянность этой статьи. Автор просто отметает в сторону разумный политический принцип, что именно угнетенные людини должны решать, как бороться за свое освобождение, а не члены правящего класса. Мужчины, которые выбирают подражать своей версии женщин, как нам говорят, имеют право устанавливать феминистскую повестку. В первые годы женского освобождения феминистки испытывали подлинное замешательство относительно роли мужчин, имитирующих женщин. Но к концу 1970-х годов в Британии женщины стали более уверенно устанавливать собственные приоритеты и решать, кто имеет право называть себя женщинами, пользоваться правом входить в с трудом завоеванное женское пространство и принимать участие в построении женской культуры. Женское освобождение и женское пространство, как наконец стало понятно, были предназначены для женщин, а не для мужчин-имитаторов.

Ситуация 1940-х годов описана в книге «Мужчины в платьях». Гетеросексуальных мужчин называли «hommes».

> *Естественно, драг-квины имели иную точку зрения на свою гомосексуальность, чем та, которая существует сегодня. Если бы вы спросили тогда драг-квина, что такое гомосексуалист, у него, как правило, было бы довольно четкое представление. Это не очень далеко ушло от старой идеи Третьего пола. Единственное, в чем драг-квины были уверены,*

так это в том, что они не были настоящими мужчинами, или «hommes» (произносится «оми»), как их называли на polari, лагерном жаргоне. Можно было бы вообразить себе homme, но это было не то, чем хотелось бы быть (Walter, p.166).

С приходом освобождения геев, теоретически, должна была наступить заря новой эры гордости за гомосексуальность. Мужчины могли выйти и признать, что они геи, сбросив фасад гетеросексуальной мужественности, а те геи, которые считали себя драг-квинами, могли отказаться от своей женственности. Геи теперь могли относиться друг к другу просто как мужчины, которые любят мужчин, а не как феминные мужчины, которые любят мужественных мужчин, и мужественные мужчины, которые любят мужчин, имитирующих женственность. Эта новая эра продлилась недолго. Конечно, фронт освобождения геев начал этот период, когда геи могли так относиться друг к другу, но долгожданное преодоление ролей не произошло.

Понятно, что женственность стала символом гордости на заре фронта освобождения геев, потому что именно за женственность геев традиционно порицали. Более того, именно женственные геи были видимыми знаменосцами культуры геев. Мужественные геи «выдавали себя» за гетеросексуалов и скрывали свою мужественность. Женственность могла быть связана с антисексизмом, потому что она была противоположностью мужественности правящего класса мужчин. Но этот грубый анализ требовал уточнения. Хотя феминистки могли с энтузиазмом относиться к отказу от агрессивно-мужских супрематистских черт некоторыми братьями-геями, имитация женственности не была решением. Радикальные геи не смогли найти способ быть мужчинами, который не требовал бы ни мужественности, ни пародий на женщин.

Несколько опрошенных в Men in Frocks утверждают, что существуют разновидности драг-культуры, которые политически неприемлемы, поскольку они высмеивают и карикатурируют женщин. Некоторые разновидности драг-культуры, утверждают они, не делают этого и не могут оскорбить женщин или феминисток. Если мы признаем, что любое обоснование гендерного фетишизма неприемлемо, то драг-культура не может иметь хороших и плохих разновидностей.

Более пристальный взгляд на содержание драг-шоу и то, как на них реагирует гей-аудитория, должен заставить нас критически относиться к идее о том, что любое драг-шоу политически безвредно. Ники из драг-шоу «Lick, Stick and Promise» описывает реакцию на свое выступление следующим образом: «За исключением случайных криков “застоявшаяся рыба” на то что мы были женщинами, не было особой открытой враждебности» (там же). «Рыба» — это эпитет, применяемый к женщинам геями, чтобы проиллюстрировать свой ужас от того, как, по их мнению, пахнут женские гениталии. Кажется вероятным, что часть энтузиазма, который

испытывают геи-мужчины к драг-шоу, напрямую проистекает из ненависти к женщинам. Во многих, если не в большинстве таких шоу, имитаторы унижают и высмеивают женщин и наслаждаются женской неполноценностью. В своем номере «Lick, Stick and Promise» сделали «минет» «надувной резиновой кукле» (там же). Драг-квины демонстрируют подчиненную преданность мужскому органу так, как это делают женщины в гетеросексуальной мужской порнографии. Позы, выражения лиц и атрибутика драг-квин на фотографиях в «Мужчины в платьях» в точности напоминают женщин, созданных мужчинами в гетеросексуальной мужской порнографии. Драг-квины надувают губы, семенят и смотрят сквозь полузакрытые веки, неловко прикрываясь. Настоящие женщины ведут себя совсем не так, если только их не изображают мужчины в порнографии.

Драг имеет очень долгую историю и прочно укоренился в мужской гей-культуре. Необходимо проделать гораздо больше теоретической работы, чтобы отделить элементы драга от чувств геев, понять сложность драг-поведения, чтобы выйти за его рамки. Драг и гей-идентичность все еще настолько тесно взаимосвязаны, даже для политических геев, что, возможно, эту работу необходимо будет провести женщинам и лесбиянкам. Геи, такие как Крис Кирк, не способны построить критический анализ драга, потому что они слишком вовлечены в него. Феминистских критикесс обвинят в поверхностном подходе к драгу. Нам скажут, что это гораздо больше, чем имитация женщин. В конце концов, многие драг-квины в книге Кирка отвергают идею о том, что они хотят походить на женщин. Но в основе драга лежит система пол-гендер. Драг не имел бы никакого смысла в мире, выходящем за рамки мужского превосходства.

ТРАНССЕКСУАЛИЗМ

Геи теоретики называют транссексуалов, жертв операций по смене пола, наряду с трансвеститами радикальными революционерами сексуальности. Крайне редко гей отваживается напечатать критику феномена транссексуализма. Трансвеститы, опрошенные в Men in Frocks, в основном стремились доказать, что у них никогда не было желания быть кем-то другим, кроме мужчин, но в то же время выражали сочувствие тем, кто выбрал операцию. Тиш, который работает под сценическим псевдонимом Фэй Престо, идентифицирует себя как транссексуала до операции. Он недвусмысленно заявляет, что разделительные линии между трансвестизмом, драгом и транссексуализмом очень размыты и что между этими категориями есть совпадения.

> *Трансвеститы и транссексуалы очень тесно идентифицируют себя с гендером, к которому они стремятся, тогда как большинство драг-квинов этого не делают, хотя я знаю некоторых, которые находятся на расстоянии сигаретной бумаги от того, чтобы быть трансвеститом или транссексуалом. Люди часто дрейфуют между областями. Для меня это*

был постепенный процесс — я не просто проснулся однажды и сказал: «Вчера я был трансвеститом, сегодня я транссексуал» (там же).

Подобные настроения были бы ересью для медицинской профессии, которая, чтобы оправдать жестокость хирургического вмешательства, поддерживает веру в то, что она обнаружила уникальное и отдельное, идентифицируемое расстройство — транссексуализм. Врачини считают необходимым утверждать, что есть людини, которых можно классифицировать как «истинных» транссексуалов. Такое размывание различий также было бы анафемой для большинства тех очень многочисленных геев, которые любят носить женскую одежду. Но для феминистского анализа идея о существовании континуума между всеми этими формами гендерного фетишизма имеет наибольший смысл.

Блестящий радикально-феминистский анализ Дженис Рэймонд «Транссексуальная империя» показывает, что транссексуализм несовместим с лесбийством или освобождением женщин (Raymond, The Transsexual Empire 1980). Рэймонд определяет причину транссексуализма как жесткую гендерную стереотипизацию общества мужского превосходства. Это диктует, что если человека чувствует себя некомфортно в гендере, который был приписан ей или ему на основе половых органов, то у нее или него нет выбора, кроме как сменить органы.

Я бы предположила, что патриархальное общество и его социальные течения мужественности и женственности являются первопричиной транссексуализма. Органы и тело противоположного пола, которые транссексуал желает, просто воплощают «сущность» желаемой роли. В таком обществе транссексуал только обменивает один стереотип на другой, тем самым укрепляя структуру, с помощью которой сексистское общество держится вместе (Janice G. Raymond, 'Transsexualism: The Ultimate Homage to Sex-Role Power).

Те, кто работает в медицинской профессии, утверждает Рэймонд, извлекают выгоду из «транссексуальной империи». Они могут развивать свои знания и методы, они зарабатывают деньги и получают удовлетворение от того, что выступают в роли «отцов», способных хирургическим путем рожать переделанных людинь. Поэтому в их интересах объяснить причину транссексуализма способами, которые оправдывают продолжение хирургического вмешательства. Они предлагают две основные формы объяснения: биологическое и психологическое, а иногда и комбинацию этих двух. Биологическое объяснение ищет ответ в генах и гормонах. К сожалению для биологинь, отсутствуют научные доказательства в поддержку этого подхода. Транссексуализм не имеет никакого отношения к гермафродитизму. У транссексуалов нет неоднозначных гениталий, но они обладают генами и половыми характеристиками пола, от которого они хотят избавиться. Там, где отсутствуют доказательства, можно искать облегчение в своего рода научном мистицизме. Таким

образом, Джон Мани утверждает, что что-то идет не так в пренатальный период, что приводит к созданию неподходящих нейронных путей в мозге. Мужская или женская социализация затем не происходит из-за дефектного биологического программирования. У него также нет доказательств этого, но у него есть вера (там же).

Роберт Столлер — сексолог, использующий психологический подход. Он приписывает транссексуализм «удушению матерью» со стороны женщин, страдающих от зависти к пенису (там же). Сексологи и психоаналитики, верящие в психологический подход, тем не менее считают возможным рекомендовать хирургическое вмешательство, которое может показаться аномальным, учитывая, что они не придерживаются какой-либо биологической причины. Есть некоторые психоаналитики, которые стремятся излечить транссексуалов от их желания сменить пол с помощью психотерапевтических методов, разработанных для того, чтобы сделать их функционирующими гетеросексуалами. Есть небольшое количество тех, кто считает, что правильное лечение транссексуалов — помочь им смириться со своей гомосексуальностью.

У транссексуалов, перешедших из мужского в сконструированный женский пол, можно многому научиться о социальной конструкции гендерных ролей в западном мужском превосходстве. Клиники гендерной идентичности, такие как в больнице Чаринг-Кросс в Лондоне, куда транссексуалов направляют для оценки их пригодности к операции, требуют, чтобы претенденты переодевались и жили публично как желаемый пол в течение определенного периода времени до операции. Это проверяет степень их мотивации. Время варьируется от шести месяцев до двух лет в разных клиниках. В течение этого периода они должны изучать и практиковать женские черты. Неудивительно, что они выбирают подражать самым экстремальным примерам женского поведения и одеваться в грубо стереотипную женскую одежду. Претендентам было бы гораздо сложнее подражать поведению женщин, которые сбросили с себя ненужные женственные атрибуты и носили джинсы и футболки. Действительно, это бы противоречило цели, поскольку транссексуальные мужчины хотят стать тем, какими женщины могут и должны быть, а не освобожденной или феминистской версией женщины.

Ранние транссексуальные автобиографии наиболее полезны для читательниц, желающих понять транссексуальный взгляд на женщину. Такая литература написана в форме религиозной исповеди. Транссексуалы пишут о своей жизни до и после высшего преобразующего опыта, операции, в которой они «спаслись». Недавние автобиографии, хотя и полны грубых гендерных стереотипов, как правило, более приглушены в отношении восхваления женской неполноценности. Феминизм был немного запутанным для транссексуалов. «История Роберты Коуэлл» — это автобиография Роберта Коуэлла, который был первым мужчиной в Великобритании, перенесшим эту операцию (Cowell, 1954). Свидетельство о рождении Коуэлла было официально изменено для регистрации его смены пола в 1951 году.

Как только Коуэлл серьезно начал гормональное лечение перед операцией, он начал утверждать, что определенные изменения в поведении стали очевидными, что свидетельствовало о близости приближающегося апофеоза. Коуэлл был гонщиком и автомобильным инженером. Он сменил род занятий на управление бизнесом высокой моды, хотя ему было очень трудно научиться делать рукава реглан и пеплумы. Одно из первых изменений коснулось его письменного почерка. Затем произошли более резкие изменения в личности.

> *Определенное изменение в функционировании моего ума стало очевидным. Это проявилось двумя способами. Мои мыслительные процессы, казалось, немного замедлились, и я также проявил признаки значительно возросшей силы интуиции... Иногда, когда звонил телефон, у меня возникало чувство, что я знаю, кто звонит, и я был прав... Впервые в жизни я обнаружил, что могу читать рассказы и романы с устойчивым интересом... Моя натура становилась мягче и менее агрессивной, и мне было гораздо труднее призывать силу воли, когда это требовалось (там же).*

Эти психологические изменения, по-видимому, произошли автоматически вместе с открытием, что, по словам подруги, которая поддерживала его во время операции, бывший автогонщик уже не так хорошо водил машину, как раньше. Но некоторым формам поведения нужно было научиться.

> *Лиза была замечательной помощницей. Она внимательно следила за мной и комментировала любые мелкие манеры, которые нужно было исправить. Я время от времени гладил себя по лицу — жест, который мужчины часто используют, но женщины никогда. Приходилось старательно избегать стояния спиной к камину и поднимания по лестнице через две ступеньки.*
>
> *... У меня никогда не было ни малейших трудностей с тем, чтобы управляться с юбками, и я ни разу инстинктивно не застегивал пальто не той стороной, как это делают мужчины (там же).*

Более поздним и известным транссексуалом в Британии является Ян Моррис, бывший альпинист Эвереста и журналист Times. Его автобиография была опубликована в 1974 году. Как и многие другие современные МТТ транссексуал, он получил все привилегии и преимущества, которые могла дать ему жизнь мужчины из высшего класса, прежде чем он отказался от своей мужской идентичности. Он поступил в Оксфорд и некоторое время служил в Девятом уланском полку. У него была жена и пятеро детей. Только в среднем возрасте, когда его репутация и социальный статус были обеспечены, он выбрал транссексуализм.

Как и Коуэлл, он испытал чудесные изменения в результате своей операции, но в его случае они, похоже, произошли «естественно», а не были приобретены. После операции он обнаружил, что его язык тела изменился, и теперь он двигался «по-

женски» (Jan Morris, Conundrum, 1975). Он обнаружил, что стал менее «напористым» в целом.

Были и другие психологические изменения. Он предполагает, что понятие «зависти к пенису» основано на точной оценке личностных характеристик, созвучных обладанию пенисом. Он утверждал, что само присутствие пениса было «позитивным» и «стимулирующим», и когда ему его удалили, он не просто стал более «сдержанным», «готовым к подчинению» и «пассивным», но обнаружил, что все его тело теперь было готово «уступить и принять», а не чувствовать, что оно должно «подталкивать и инициировать». Он обнаружил, что стал более «эмоциональным» и «очень легко плакал» (там же).

Из журналиста, комментирующего мировые события, он теперь заинтересовался тем, что считал «мелкими» делами, и начал писать о людинях, а не о местах. Он обнаружил, что теперь у него «более простое видение», которое было ближе к детскому. Конечно, вполне разумно, что женщины испытывают ярость из-за этого чудовищного предположения со стороны мужчины о природной инфантильности и ограниченности женщин.

Мужчины-транссексуалы действительно верят, что несут в себе некую сущность женственности. Коуэлл пишет: «В облике мужчины у меня был половой разум женщины» (Cowell, p.97). Моррис утверждает, что он понял, что у него неправильное тело и что он должен был быть девочкой, когда ему было три или четыре года (Morris, p.11). Он рассказывает нам, что это осознание произошло под аккомпанемент пианино, на котором его мать играла Сибелиуса. Когда мы изучаем доказательства этой сущности женственности, мы видим, что она проявляется в культурно-специфическом, социально усвоенном поведении и принятии фетишистской женской одежды.

Моррис описывает, что для него означает гендер. Это нечто совсем иное, чем то, что означает гендер для социологинь или феминисток. В то время как социологини в целом согласны с тем, что гендер был социально сконструирован, хотя, возможно, функционален и неизбежен, феминистки утверждают, что гендер сконструирован с целью поддержания мужского превосходства. Для феминисток гендер — это не просто приобретение случайных различных характеристик, но результат угнетения женщин. Женщины приобретают определенные способы поведения, потому что в противном случае они будут наказаны общественным неодобрением, словесным или физическим насилием. Правильное женское поведение демонстрирует подчинение правящему классу мужчин. Крайний консерватизм транссексуализма раскрывается в комментариях из газетных обзоров Conundrum, которые появляются в начале книги. The Tablet назвал книгу чем-то, за что «общество должно быть по-настоящему благодарно», а Catholic Standard назвал ее «удивительно чувствительной». Трудно представить, чтобы столпы религии

мужского превосходства восхваляли историю жизни феминистки, особенно лесбийской феминистки, которая бросила вызов гендерным ролям.

Взгляд Морриса на гендер свободен от феминистских политических идей. Для него гендер был «несущественным», состоящим из «души», «таланта», «вкуса», «внутренней музыки» и других более духовных вещей. Разницу между мужским и женским он сравнивает с разницей между «ритмом и мелодией» или между «сложенной рукой» и «открытой ладонью» (там же). Гендер здесь — это что-то магическое. Это своего рода личная религия для Морриса.

В его желании подражать женщинам мы можем видеть тот же импульс, который побудил чувствительных и гомосексуальных выпускников Оксбриджа мужского пола обратиться в католицизм. Они были в походном стремлении к чувственности, иррациональному, экстремальному, чему-то, что поднимало жизнь над обыденностью и позволяло потакать чувствам. В обоих импульсах есть сильный элемент полового мазохизма. Моррис далее показывает, что он «сопоставлял» гендер со «средневековой идеей души». Транссексуальное стремление, как он объясняет, было большим, чем «социальным принуждением», оно было «по сути духовным». Он считает, что «в лице добрых, умных и здоровых женщин, переживших менопаузу», человечество приближается ближе всего к совершенству (там же). Это был тот же Оксфордский университет, который вдохновил других на римский ритуал в девятнадцатом веке, что кристаллизовало в Моррисе желание быть женщиной. Его жизнь в Оксфорде началась в хоровой школе колледжа Крайст-Черч. Там, по его словам, он обрел «девственную идею», состоящую из «чувства таинства» и «хрупкости», которую он позже определил как «женственность» (там же).

Было бы мало смысла спорить с Моррисом о том, что на самом деле является вопросом религиозной веры. Для тех, кто хочет верить в транссексуализм, политические аргументы не имеют большого значения. Но англичане из высшего класса не единственные, кто выбирает смену пола. Трудно поверить, что очень бедные молодые мужчины в Бразилии и Бангкоке, которые самостоятельно вводят латекс в свою грудь, выживают благодаря проституции и теперь страдают от разрушительного действия СПИДа, переживают свою миссию совершенно одинаково. Несомненно, есть общие черты, но культурные и классовые различия будут влиять на то, как интерпретируется это преображение.

ТРАНССЕКСУАЛИЗМ И ГОМОФОБИЯ

Транссексуалами движет неудовлетворенность отведенной им гендерной ролью, мистицизм, вера в сущность женственности. Но ни один из этих импульсов не кажется достаточным, чтобы объяснить выбор женщинами или мужчинами пути таких страданий и усилий, как хирургическое увечье и гормональная терапия. Существует более простое объяснение, которое отвергается практикующими

врачинями и их медицинскими консультантками, а также большинством апологеток этого явления. Оно заключается в том, что транссексуалки — это людини, выросшие в гомофобном обществе, но испытывающие влечение к другим представительницам своего пола. Их отвращение к гомосексуальности настолько велико, что эти женщины и мужчины не способны принять тот факт, что они просто гомосексуальны. Чтобы встречаться с представителями своего пола, им нужно преобразовать свои тела, чтобы убедить себя в том, что они на самом деле гетеросексуальны. Это объяснение решительно отрицается транссексуалками, которые вкладывают много денег, времени и страданий в попытку доказать свою гетеросексуальность. Подавляющее большинство МТТ (male-to-trans; из мужчины в женщину) встречаются с другими мужчинами после операции. Все ФТТ (female-to-trans; из женщины в мужчину) после операции встречаются с женщинами.

Коуэлл выразил свое отвращение к гомосексуальности в выражениях, которые кажутся слишком крайними даже для энергичного мужчины 1950-х годов.

> *Мои наклонности, по мере их развития, были полностью гетеросексуальными. Я ненавидел и презирал любого мальчика, который показывал хоть малейший признак «неженки». К любым гомосексуальным намекам я относился с полным ужасом и неприязнью. Хотя я дружил с другими мальчиками, я не мог вынести ни одного физического контакта с мужчиной. Даже рукопожатие было неприятно, и я совершенно не мог вынести, когда кто-то брал меня под руку (Cowell, p.6).*

Когда он служил в Королевских ВВС «гомосексуалы всегда считали само собой разумеющимся, что я один из них» (там же). Но Коуэлл быстро разочаровал их. Во время лечения он сохранил свою «инстинктивную неприязнь к "пансиям"» (прим.пер: в английском сленге — слабые или женственные мужчины или мальчики. Используется для оскорбления и унижения) (там же). Коуэлл женился и стал отцом двоих детинь. Эта часть его жизни занимает лишь один абзац в его истории. После операции Коуэлл, к своему удивлению, обнаружил, что его влечет к мужчинам. Это удобно, потому что теперь это можно было назвать естественным и гетеросексуальным импульсом.

> *Теперь, когда мое тело развилось по-женски, я постепенно начал становиться немного менее асексуальным. В театре или кино я обнаружил, что склонен отождествлять себя с героиней. Впервые в жизни я обнаружил, что могу не только начать читать любовный роман, но и закончить его. У меня больше вообще не было желания целовать девушку, эта идея показалась мне почти такой же немыслимой, как это было в моем предыдущем бытии, если бы у меня возникло желание поцеловать мужчину. Когда мужчина проявлял ко мне интерес, я переставал считать это довольно оскорбительной неприятностью (там же).*

Отвращение Морриса к гомосексуализму было менее патологическим. У него было много опыта гомосексуальности в школе, но он не считал свою роль в этих авантюрах гомосексуальной. Гей-секс «казался ему неправильным», потому что «ничего не приспособлено», тела мальчиков «не сходились». Моррис, по-видимому, имел в виду под этим, что он чувствовал отсутствие влагалища, которое позволило бы его телу «раскрыться». Что еще более важно, он чувствовал, что гомосексуальность — это не «то, чего от меня ожидали веерные своды монастырей» (Morris, p.29).

Моррис женился и стал отцом пятерых детинь. Он уделяет этой части своей жизни немного больше внимания, чем Коуэлл, и хвалит поддержку и подружбу своей жены на протяжении всей операции. После операции у Морриса тоже волшебным образом появилось желание к мужчинам, и на этот раз он чувствовал себя комфортно с этими чувствами. Он смог признаться себе «без смущения, насколько привлекательными могут быть мужчины», и он понял, что это может быть «удовольствием», когда они «лелеют» тебя (там же). Моррис обнаружил, что ему нравится, когда его хватают и целуют крепкие таксисты, опыт, который женщины могли бы назвать половым домогательством. Ни Коуэлл, ни Моррис не посвящают больше пары абзацев своим половым чувствам после операции. Секс официально не был важным элементом в их поисках.

Если мы не признаем, что действительно возможно «изменить» пол, то что бы ни говорили транссексуалы, их половой импульс после операции, несомненно, гомосексуальный. В некоторых менее сдержанных отчетах гомосексуальная мотивация транссексуалов более очевидна. Статья в газете Guardian о клинике гендерной идентичности больницы Charing Cross Hospital предоставляет такой материал.

> *Ники позвонил в «Самаритяне» в июне прошлого года. «Я не чувствовал, что смогу продолжать быть мужчиной. Я хотел умереть». Ему 28 лет, он высокий, светловолосый, симпатичный, устал от общения с мужчинами в мужском теле... «С восьми лет я знал, что я мысленно женщина. У моей матери было много парней, и я носил им чай в постель. Я хотел быть с ними в постели...» (Guardian, 9 июня 1978 г.).*

Как этот мужчина узнал, что он транссексуал? Потому что он хотел заниматься сексом с мужчинами. Это довольно ясно. Случай, когда речь идет о женщинах транссексуалках, еще яснее. Кажется, в литературе нет случаев, когда женщины, которые строили счастливую гетеросексуальную карьеру, внезапно решали сменить пол и обнаруживали, к своему удивлению, что их привлекают женщины. Женщины-претендентки, как правило, уже активно занимаются любовью с женщинами, когда ищут хирургическое решение, но не считают себя лесбиянками.

Робби — высокая 19-летняя девушка из Вест-Индии с афро-прической… Она прибыла в больницу Чаринг-Кросс с очень женственной девушкой, которая принимает Робби как парня…

«Я всегда играла в футбол с парнями. Я покупаю одежду в мужских магазинах. Я определенно не лесбиянка, но я бы легла в постель с женщиной, если бы она считала меня мужчиной» (там же).

Причины, по которым Робби видит себя мужчиной, а не лесбиянкой, не слишком убедительны. Лесбиянки очень часто покупают одежду в мужских магазинах, и это не редкость для гетеросексуальных женщин. Игра в футбол также распространена среди лесбиянок и становится все более приемлемой для гетеросексуальных женщин.

Информацию о женщинах-транссексуалках найти нелегко. Сексологи мало что написали, и, по крайней мере до недавнего времени, у них было мало примеров для работы. В 1983 году в США была опубликована первая целая книга, посвященная транссексуалкам (Leslie Martin Lothstein, Female-to-Male Transsexualism, 1983). Лесли Лотштейн восемь лет проработал содиректором клиники гендерной идентичности. Из 200 пациенток, осмотренных за это время, 50 были женщинами. Лотштейн предпочитал использовать психотерапевтический подход к своим пациенткам и уводить их от хирургического решения. Он стремился примирить пациенток с тем, что они являются гетеросексуальными женщинами. Он утверждает, что руководствовался Робертом Столлером и считал, что транссексуализм развивается из-за неспособности матерей развивать женственность своих дочерей, которые затем идентифицировали себя с мужской фигурой. Он утверждает, что: «Наиболее распространенное мнение, что все транссексуалки являются стигматизированными лесбиянками, в лучшем случае является преувеличением частичной правды» (там же). Транссексуализм, утверждает он, не является расстройством сексуальности, а «в первую очередь расстройством самооценки». Транссексуалок не следует рассматривать как гомосексуалок, потому что «как только их ошибочно называют гомосексуалками или половыми извращенками, они еще больше изолируются от необходимых систем поддержки» (там же).

Хотя Лотштейн не склонен отдавать должное идее о том, что гомосексуальность является основной, если не единственной мотивацией ФТТ трансексуалок, это объяснение не редкость в сексологической литературе. В 1953 году Гамбургер сообщил о 108 женщинах, которые обратились за хирургическим вмешательством. У всех были гомосексуальные желания, и ни одна не сообщила, что ее привлекают мужчины. Он пришел к выводу, что «…у женщин, которые чувствуют себя мужчинами, желание сменить пол, похоже, не проявляется и не становится доминирующим, пока человека не влюбится в другую женщину; это происходит в подавляющем большинстве случаев» (там же). Гарри Бенджамин, сексолог,

работавший над транссексуализмом с 1930-х годов, сообщил, что характеристики женщин, желающих сделать операцию, включали лесбийство в сочетании с неприязнью к лесбиянкам и антигомосексуальным настроем (там же). Один здравомыслящий сексолог предположил, что правильным лечением для пациенток, желающих сделать операцию, было бы использование терапии для примирения их с лесбийством, чтобы они могли жить счастливо, любя женщин. Он писал:

> *У некоторых гомосексуалок из-за общественного запрета развились такие фобические реакции относительно проявления гомосексуальных интересов, что они считают себя транссексуалками и скорее откажутся от своего пола, чем будут вести жизнь гомосексуального поведения (там же).*

Все женщины в исследованиях Лотштейна имели половые отношения с женщинами до того, как они захотели сделать операцию. Их вовлеченность была обширной и обычно начиналась в детстве или раннем подростковом возрасте. В книге Лотштейна есть много указаний на то, что женщины, ищущие операцию, напоминали тех лесбиянок, которые исторически играли роль бучей в лесбийском сообществе. Конечно, они отличались тем, что стремились к хирургическому вмешательству, тогда как подавляющее большинство тех, кто считал себя бучами, не желали хирургического вмешательства. Но, несомненно, есть и общие черты. Кроссдрессинг — это одна из них, а обвязывание груди для сокрытия ее развития — еще одна. Статья Меррил Машрум о ролевых играх в лесбийском сообществе в Америке 1950-х годов описывает такие черты как часть роли буч (Mushroom, 1983). Она также описывает феномен каменных буч. Некоторые буч-лесбиянки не позволяли своим возлюбленным прикасаться к ним сексуально, часто объясняя это чувством дискомфорта в своем теле (Jeffreys, "Butch and Femme: Now and Then", in Gossip, no. 5, 1987.). Сексологи Соренсон и Хертофт перечисляют две характеристики женщин, обращающихся за лечением: «транссексуальные женщины играют активную и доминирующую роль в половых отношениях; они обычно не позволяют своим партнеркам прикасаться к своим гениталиям» (Lothstein, p.45).

Интервью в Gay News с Лу Стотард, ФТТ транссексуалкой, проливает свет на некоторые различия в мотивации женщин и мужчин, желающих сделать операцию. Лу — лесбиянка, и она описывает свое развитие следующим образом:

> *Мне не нравились мальчики, и я чувствовала положительное влечение, эмоциональное и физическое, к девочкам, но я также осознавала, что у меня были не только лесбийские чувства по отношению к ним (Gay News, № 252, 1982).*

Во многих отношениях ее опыт в детстве был типичен для девочек, которые рано осознают, что они лесбиянки. Она пишет: «Я думала, что выгляжу как мальчик, и была рада, когда меня принимали за одного из них», «Я была одиночкой в школе». Отличие от типичного лесбийского развития в том, что Лу в возрасте пяти лет

«осознавала», «что в конечном итоге буду жить как мужчина». Тем не менее в 16 лет Лу «открылась как лесбиянка». Ее развитие в другом важном отношении также сильно отличалось от развития среднестатистического МТТ транссексуала. Она не любит мужчин и не хочет ими быть.

> *...Мне не нужен пенис, и отчасти поэтому я бы описала себя как живущую как мужественную, а не живущую как мужчина; мне вообще не нравятся мужчины, и у меня нет никакого желания участвовать в их ритуалах, товарищеских похлопываниях по спине или быть связанным с какой-либо формой мачистской этики (там же).*

Такое безразличие к приобретению гениталий противоположного пола было бы немыслимо для мужчины-транссексуала. Мотивация Лу, похоже, исходила скорее из ненависти к своей женственности, чем из фетишистского интереса к мужской анатомии. Она хотела устранить все женское в себе.

> *Я чувствовала отвращение к месячным и была крайне расстроена, когда в шестнадцать лет у меня началась менструация, к тому времени я уже считала себя мужчиной... В девятнадцать лет, не сказав родительницам, я обратилась к врачине, меня направили к психиаторке, и... мне сделали полную гистерэктомию (там же).*

Лу принимала гормоны, в результате чего ее талия стала толще, кожа стала грубее, волосы поредели, а голос сломался, ее клитор увеличился, и она отрастила усы. У нее все еще есть вагина, и она использует её в половых целях, что, как она признает, было бы анафемой для сексологов, которые определяют транссексуальность. В половом плане она предпочитает женщин, которые считают себя гетеросексуальными или бисексуальными, а не лесбиянками. Транссексуализм Лу, похоже, проистекает просто из крайней неприязни к ограничениям женственности в сочетании с любовью к другим женщинам. В обоих отношениях она напоминала многих других молодых лесбиянок. В ее случае неприязнь к женственности доходила до необходимости физически удалить некоторые, но не все, первичные половые признаки. Она не проявляет никакого фетишистского и объективирующего поведения как у МТТ, который отчаянно стремится обрести «женские» физические характеристики и стать идеальной «женщиной». Удивительно, что ей вообще удалось сделать гистерэктомию и принимать гормоны, учитывая, что она так явно не соответствует сексологическим классификациям.

Транссексуалок пришлось изобрести только с тех пор, как появилась возможность хирургического изменения пола. Такая операция ужасно болезненна и необратима, поэтому сексологам, которые приняли ее как разумное лечение, пришлось отточить свои диагностические способности и решать, кто является настоящей транссексуалкой, а кто нет. До того, как операция стала доступной, сексологи с радостью включали в свою гомосексуальную категорию женщин и

мужчин, которых большинство сексологов сейчас считали бы транссексуалками. Кроссдрессеры рассматривались Крафтом Эбингом как гомосексуалы, а сексологи до последнего определяли гомосексуалок как имеющих поведение, соответствующее противоположному полу. Отцы-основатели сексологии считали, что гомосексуалы биологически являются третьим полом. Когда мы читаем их исследования случаев, то поразительно, насколько схожи чувства пациентов с чувствами современных транссексуалов. Мужчины утверждали, что у них женские умы в мужских телах.

Неудивительно, что радикальные геи не видят сексистской природы транссексуализма. Было мало доказательств того, что геи готовы поддержать феминистский проект, если это бросает вызов их удовольствиям. Гендерный фетишизм в форме драг-образов — это развлечение и возбуждение для геев, а также основа транссексуализма. Самое удивительное — это осторожность, с которой большинство радикальных геев избегают признавать, что транссексуализм происходит от ненависти к геям. Геи, если бы они действительно были озабочены освобождением геев, были бы полны решимости, как феминистки, создать мир, в котором транссексуализм невозможно было бы представить. Между тем, самоуверенная кампания по утверждению гордости геев могла бы значительно сократить число геев, которые в настоящее время выбирают хирургию вместо освобождения.

ПЕДОФИЛИЯ

В Великобритании в 1980 году началась масштабная феминистская кампания против полового насилия над девочками. Среди феминисток не было разногласий по поводу центральной роли полового насилия в проблемах феминизма. Тем временем Комитет по пересмотру уголовного законодательства принимал предложения от общественности о пересмотре закона, касающегося половых преступлений. Группы, выступающие в защиту педофилов, рекомендовали комитету резко снизить или отменить возраст согласия на половые преступления. Организации педофилов или их апологеты требовали поддержки со стороны движения за освобождение геев и феминисток в отношении педофилов. В то же время, когда мы только осознавали серьезность полового насилия над детьми, нам говорили, что педофилия — это радикальная, прогрессивная, социалистическая и даже феминистская проблема. Первый принцип Устава Движения геев и геев того периода гласит, что «освобождение лесбиянок и геев» требует освобождения женщин и «всех других угнетенных групп, включая сексуальные меньшинства, такие как транссексуалы, трансвеститы и педофилы» (Warren Middleton, 1986).

Часть левых склонилась к мысли, что педофилия является прогрессивной проблемой, поскольку активисты-педофилы делали все возможное, чтобы показать связи между педофилией и социализмом, даже если эти связи казались совершенно неясными для их слушателей. Кейт Хоуз, бывший председатель главной организации

педофилов, Paedophile Information Exchange (PIE), дал интервью в Leveller, радикальном левом журнале. Его попросили объяснить связи между социализмом и педофилией. Он утверждает, что «о докапиталистической Британии складывается впечатление, что педофилам было более свободно», и предполагает, что педофилия осуждается только потому, что она «угрожает некоторым основным институтам капитализма, таким как нуклеарная семья…» (Interview with Keith Hose, 1978).

Это тонкий лед, но мы должны помнить, что либертарианские левые 1970-х годов считали, что нуклеарная семья была конструктом капитализма и была репрессивной для сексуальности, и они верили в идею освобождения детинь. Риторика освобождения педофилов была разработана, чтобы привлечь таких либертарианцев. Peace News опубликовала «Непристойное нападение» Роджера Муди, бывшего редактора Peace News, о его аресте и суде, а также последующем оправдании по четырем обвинениям в непристойном нападении и содомии с 10-летним мальчиком (Moody, 1980). Peace News с гордостью объявила на своей задней обложке, что «Peace News в течение многих лет был одним из немногих форумов, открытых для обсуждения педофилии с Роджером Муди и другими». Эрик Пресланд, еще один британский апологет педофилии, утверждает, что он стремится «включить освобождение детинь и педофилов в широкий альянс левых сил сексуальности» (Presland in Middleton, p.86).

Педофильское информационное сообщество состояло из взрослых мужчин, которые хотели полового акта с детинями. Можно было бы простить кого-то за то, что она думала, что педофильское движение было просто движением мужчин, требующих полового доступа, без юридических проблем, к территории детских тел. Но педофильское лобби не доносило свою политику таким образом. В политическом контексте, в котором феминистки в течение десятилетия требовали положить конец мужской половой агрессии и эксплуатации, освобождение педофилов могло выглядеть скорее проблемой, чем решением. Поэтому педофилы выдавали свои интересы за то, что они бескорыстно стремятся к половому освобождению детинь. Детини были лишены самых важных прав, утверждали они, из-за авторитарного правления семьи и родительниц, освященных государством. Самым обременительным аспектом такого режима было половое подавление детинь, которое началось с изобретения детства как категории в девятнадцатом веке.

Движения педофилов в США и Великобритании имеют некоторые различия. PIE претендовала на роль организации для взрослых педофилов любого пола, заинтересованных в детинях любого пола. Хотя ходили слухи, что в организации была женщина, хотя ни одна из них так не показалась, а гетеросексуальные педофилы, заинтересованные в девочках, были немногочисленны. Но теоретически PIE была всеобъемлющей группой педофилов и включала в свою повестку половой акт с детинями любого возраста. В отличие от этого американская группа NAMBLA, или Североамериканская ассоциация любви мужчин и мальчиков, основанная в начале

1979 года, была, как следует из ее названия, для мужчин, заинтересованных в половозрелых мальчиках. Это была более прямолинейная гомосексуальная организация. Некоторые британские педофилы неблагородно утверждали, что NAMBLA выбирает легкий путь и отказывается от своих убеждений, чтобы завоевать общественность, в то время как британская организация боролась за более радикальную цель.

Обе группы выступали за освобождение детинь. Дэниел Цанг редактировал сборник статей, посвященных делу американских педофилов в то время, когда была основана NAMBLA. Он пишет:

> *Основной вопрос, и это следует прояснить, не в праве мужчин заниматься половым актом с мальчиками. Если бы это было всецело сосредоточено, сторонники любви мужчины/мальчика не получили бы много сторонников. Скорее, реальный вопрос заключается в освобождении молодых людинь, чтобы они имели возможность принимать собственные решения относительно всех аспектов своей жизни, включая свою сексуальность (Tsang, 1981)*

Уоррен Миддлтон из PIE демонстрирует виртуозное использование этого эвфемистического языка. Он начинает свое введение к антологии 1986 года с описания того, что он считает драконовским приговором, вынесенным половым преступникам в отношении детинь мужчинам, которые фотографируют детинь в США. Действия этих мужчин описываются как «детская сексуальность».

Он пишет об «истерии, которая неизменно сопровождает сообщения о детской сексуальности и охоте на ведьм против тех, кто проявляет половой интерес к детиням или молодым людиням» (Middleton, Introduction). Половые действия взрослых мужчин с детинями описываются как «детская сексуальность», чтобы создать впечатление, что педофилы существуют для того, чтобы служить интересам детинь, а не наоборот, и Миддлтон дерзко проделывает этот трюк. Он спрашивает:

> *Почему истеблишмент с такой силой осуждает любую попытку беспристрастно рассмотреть вопросы не только детского полового самовыражения и его проявления между поколениями, но и другие, более общие, но не менее важные вопросы прав и свобод молодежи? Почему общество подавляет детинь и пытается распять любого взрослого, который осмеливается встречаться с ними на их собственных условиях? (там же).*

В США можно было бы свободнее утверждать, что NAMBLA представляла интересы молодежи, поскольку среди основателей группы было два подростка и 32 взрослых мужчины. В PIE детинь не было. Решимость взрослых, которые находятся в отношениях власти по отношению к детиням, говорить за них должна вызывать тревогу. У нас есть исторические примеры действия этого принципа. В Ланкашире

девятнадцатого века владельцы фабрик запаниковали, когда начались шаги по запрету детского труда. Они произносили красноречивые речи, показывая, что их трудоустройство детинь на самом деле было гуманным жестом, направленным на облегчение нищеты целых семей, которые в противном случае не имели бы дохода. Они также приводили другие аргументы, такие как ценность трудовой дисциплины для ребенки. Теперь нам ясно, что говорил голый личный интерес. При отсутствии детского труда владельцам фабрик пришлось бы платить более высокую зарплату взрослым и иметь менее пассивную рабочую силу. Рабовладельцы на юге США в девятнадцатом веке выстраивали аргументы о том, как рабство было выгодно рабам. Мужчины на протяжении столетий утверждали, что то, что было в их интересах как правящего класса, было тем, чего на самом деле хотели женщины. Движение педофилов совершенно ясно связано с требованием взрослых мужчин полового доступа к детиням, какие бы ложные аргументы ни выдвигались для получения радикальной поддержки.

Если бы основной интерес педофилов заключался в том, чтобы детиням было позволено половое самовыражение, что вряд ли является спорной целью, то у педофилов было бы больше энтузиазма по отношению к тому, чтобы дети самовыражались между собой. Не было бы необходимости утверждать, что взрослые мужчины будут или должны быть необходимыми бенефициарами растущей сексуальности детинь. Но педофилы не в восторге от того, что детини занимаются сексом подруга с подругой. Пресланд утверждает, что детиням лучше вступать в половые отношения со взрослыми, чем с другими детинями, потому что детини «...развращаются очень рано. Детини перенимают преобладающие предрассудки окружающих, как репейники...» (там же). Мужчины-педофилы, мы должны предположить, напротив, свободны от таких предрассудков.

Определение педофильской практики затруднено, поскольку, несмотря на усилия лобби педофилов по категоризации, фактическая практика педофилов имеет тенденцию выпадать из категорий. Сексперты и сами педофилы, похоже, согласны, что гетеросексуальные педофилы предпочитают девочек в возрасте от 6 до 11 лет, тогда как гомосексуальные педофилы предпочитают мальчиков в возрасте от 12 до 15 лет (Yaffe, 1977). Это, конечно, не объясняет тех педофилов, чей интерес к детиням не ограничен полом, или любителей мальчиков, которые выбирают детинь младшего возраста. Идея о том, что педофилы отличаются от остального мужского населения, не объясняет периодические случаи полового насилия над детинями со стороны мужчин, которые в остальное время занимаются сексом со взрослыми и просто любят разнообразие.

Роджер Муди описывает педофильскую половую практику.

> *...педофил — это мужчина или женщина, которые любят девочку или мальчика (т. е. младше 16 лет) эмоционально и/или физически... Но педофилы*

утверждают, что из всего, что они знают друг о друге… большая часть того, что они делают с детинями, ограничивается ласками, половыми играми и взаимной мастурбацией. По большому счету, мало что еще «происходит», но если это и происходит, то потому, что детини действительно этого хотят (Outrage, 1978).

Дэниел Цанг объясняет, что «геи регулярно трахают и сосут у мальчиков подростков. Это происходит ежедневно в каждом городе или сельской остановке для отдыха» (Цанг, стр. 27). Это не то же самое, что педофилия, говорит он, потому что это подразумевает использование половозрелых мальчиков, а не детинь. Это также не растление малолетних, говорит он, потому что это подразумевало бы «физическое или психологическое принуждение». Цанг объясняет свою сексуальность следующим образом:

Моя собственная сексуальность так же мало связана с детинями, как и с женщинами. Она осознанно гомосексуальна, но она направлена на мальчиков в тот период их жизни, когда они перестают быть детинями, но еще не мужчины. Я праздную вместе с ними их акт бунта, их подлинные эмоции и аутентичные, самостоятельные действия и идеи (там же).

Некоторые педофилы имеют довольно широкое определение своей склонности. Том Ривз на конференции в Бостоне, на которой была основана NAMBLA, заявил, что треть всех мужчин, работающих с мальчиками, имели педофильные наклонности. Говоря о лидерах бойскаутов, учителях и лидерах мужских клубов, он сказал: «Мотивация этой работы [имеет] половое и эротическое содержание» (Reeves, ‘Loving Boys’, p.41). В настоящее время, сетовал Ривз, эти мужчины были подавлены и чувствовали себя неспособными выражать себя с мальчиками. Это привело к созданию детской проституции и даже насилия в отношении мальчиков. Аналогично, мужчины-апологеты насилия над женщинами склонны утверждать, что проституция и изнасилования исчезнут, если только женщины расслабятся и будут более сговорчивы к половым требованиям мужчин. Еще более широкое определение предлагает Джеральд Хэннон, написавший скандальную статью «Мужчины, любящие мальчиков, любящих мужчин», которая в 1978 году привела к судебному преследованию канадской гей-газеты Body Politic. Хэннон заявил, что основатель его местной YMCA был педофилом. Похоже, этот человек мертв, и у Хэннона нет других доказательств для своего утверждения, кроме портрета основателя в фойе, на котором он изображен как самый респектабельный человек. Хэннон объясняет:

Я, конечно, не знаю наверняка… Но я знаю, что он делал. Я знаю, по крайней мере, почему его чествовали. Он любил мальчиков. Он мечтал о них. Он сделал их делом своей жизни. Если вы то, что вы делаете, то С. Дж. Аткинсон, благодетель и «лидер в работе с мальчиками», был настоящим педофилом (Hannon, ‘Men Loving Boys Loving Men’, p.149).

Педофилия определяется здесь как бескорыстная гуманность без какого-либо полового содержания, если только мы не должны предположить, что любой гуманистический инстинкт на самом деле проявляет сексуальность. Это широкий мазок определения, который позволяет педофилам заявлять, что педофилия так же распространена среди женщин, как и среди мужчин, и ссылаться в качестве доказательства на тот факт, что женщины часто любят детинь, обнимают и целуют их. Это создает дымовую завесу, которая может скрыть гендерно-специфическую природу полового насилия над детинями. Даже сексперты готовы распространять эту преднамеренную путаницу. Морис Яффе объясняет отсутствие женщин-педофилок тем, что у женщин больше возможностей для чувственного удовлетворения с детинями.

> *Практически все педофилы — мужчины, и одной из причин, по которой женщин так мало, может быть то, что чувственное выражение педофилии у женщин социально одобряется как жизненно важная и необходимая функция всей материнской заботы и обеспечивает достаточное удовлетворение (Yaffe, op. cit).*
>
> *Для педофилов и их апологетов полезно иметь возможность ставить под сомнение мотивы любой человеки, который любит детинь.*

Когда мы смотрим на то, что на самом деле делают педофилы, это не указывает на бескорыстное желание водить мальчиков в кино и играть с ними в поезда или даже много их обнимать. Это, конечно, не охватывает заботливые обязанности по дому, стирке и готовке, которые ложатся на мать. Сначала мы рассмотрим описание педофильской практики Хэнноном из знаменитой статьи Body Politic. Первый пример Хэннона — Саймон, которому 33 года, учитель начальной школы и член нескольких организаций социальных служб, которые работают с детинями, включая Big Brothers, организацию дружеского общения, которая предоставляет заботливых взрослых для мальчиков, которые могут нарушить закон и страдают от лишений. Он преподавал в четырех школах, и в каждой из них и во всех организациях социальных служб у него были половые отношения с детинями. Его нынешним любовником был 12-летний мальчик из его класса. Саймон говорит, что он «трахал в задницу» только двух мальчиков. «Один из них попросил меня об этом, а другой дал понять, что он этого хочет. Им это не очень понравилось...» (Hannon, p.153).

Питер — 48-летний богатый бизнесмен, у которого нет доступа к мальчикам на его работе. Он знакомится с мальчиками, демонстрируя деньги и гламур.

> *С мальчиками нужно сначала произвести на них впечатление, нужно привлечь к себе внимание. Я делаю это большой машиной, или сильным загаром, или способностями. Раньше я был довольно искусным в дайвинге, и все глаза были устремлены на меня все лето. Конечно, это не единственный способ. Я знакомился с мальчиками в кинотеатрах. Ты садишься рядом с*

ними и начинаешь комментировать фильм, а затем можешь сказать: «Вот четвертак» — теперь это должен быть доллар — «Почему бы тебе не купить нам обоим колы» (там же).

У Саймона было преимущество в том, что он занимал ответственные должности и был авторитетен в отношении мальчиков, к которым он подходил, а также в отношении возраста. Питер отбирал мальчиков, отчаянно нуждающихся в любви, которые были в невыгодном положении в классе и образовании.

Питер проявляет особый интерес к обломкам гетеросексуальных отношений, нежелательным или нелюбимым мальчикам, мальчикам из домов, где отец умер или бросил их. «Кажется, чем более невыгодно положение ребенка, тем больше ему нужно какое-то стабильное, зрелое человеческое существо. И они также ищут любви. Обычно они не очень красноречивы и не очень хорошо образованы, и я думаю, что я часто оказываю очень положительное влияние» (там же).

Об одном из своих мальчиков Питер пишет: «Сейчас он профессор, женат, двое детинь, разведен. Я начал заниматься с ним сексом, когда ему было двенадцать» (там же). Питер, как и Саймон, утверждает, что не занимается анальным половым актом с мальчиками. «Мои половые потребности очень просты. Я не очень часто трахаю кого-то, хотя мне это нравится время от времени. В основном это была бы взаимная мастурбация с некоторым отсосом. Я предпочитаю, чтобы у меня сосали: сосание меня не так уж интересует, хотя я делаю это, если думаю, что это доставляет удовольствие кому-то другому» (там же).

Питер не ограничивает свои половые интересы подростковой возрастной группой. Он использовал мальчика, которому было всего семь лет. Этот мальчик, как и другие, использовался для удовлетворения сексуальности Питера, а не наоборот, несмотря на утверждения педофильской литературы об обратном.

Младшенький? Семь, я думаю. Он был не очень умным малым, но он просто обожал сосать. Он обычно приходил в квартиру, и как только он входил, он говорил: «Я хочу вина». Это означало, что он хотел отсосать у меня. И он узнал об этом от полицейского, живущего по соседству, и полицейский сказал ему, что это было вино... Он сосал мне до оргазма и глотал сперму (там же).

Мальчики, которых использовали Саймон и Питер, выросли гетеросексуалами. Это является источником гордости для взрослых насильников. Саймон и Питер чувствовали, что они дали мальчикам половое воспитание и проложили им путь к взрослой гетеросексуальности. Может быть неясно, какое отношение это имеет к освобождению геев. Если и есть связь, а лобби пропагандистов-педофилов постоянно повторяет неразрывную связь между ними, то она заключается в том, что освобождение геев-мужчин направлено на удовлетворение половых потребностей

взрослых геев, независимо от того, взрослые они или детини, гетеро или геи, и любой ценой. О взрослых насильниках Хэннон заключает: «Они наследники мистера Аткинсона, "Лидера в работе с мальчиками", общественные деятели, которые заслуживают нашей похвалы, нашего восхищения и нашей поддержки» (там же).

Эрик Пресланд — британский пример педофила, который эксплуатирует потребности ребенки для удовлетворения своих половых интересов. Он описывает половые отношения с 13-летним азиатским мальчиком из своего района. Пресланд договорился с матерью, чтобы мальчик мог жить с ним. Но ответственность за то, что это стало половыми отношениями, по-видимому, не была связана с Пресландом. Подруга предложила ему отвести Салима в постель, потому что мальчик жаждал секса.

> *Салиму было тринадцать, когда я встретил его, маленького для своего возраста и худощавого, с неуверенной, заискивающей улыбкой человека, привыкшего к избиениям как физически, так и эмоционально. Казалось, вся его манера поведения кричала: «пожалуйста, полюби меня», и он ожидал противоположного... Мой дом представлял собой побег из дома — перегруженной работой матери и четверых детинь в трехкомнатной разваливающейся муниципальной квартире... Именно Мэрилин подтолкнула нас к физическим отношениям. Я сдерживался, напуганный до безумия мыслями о сексе с несовершеннолетними, и не уверенный, жаждал ли Салим просто моего одобрения (Presland, стр. 63-4).*

Пресланд также мастурбировал гораздо более маленьким детиням, с которыми он нянчился у своих подруг лесбиянок, например, с шестилетней девочкой он мастурбировал, потому что это помогало ребенке заснуть (там же, стр. 72). Пресланд был организатором Национальной кампании за законодательство о правах лесбиянок и геев. На Национальной конференции в мае 1987 года лесбиянки столкнулись с трудностями в противодействии требованиям некоторых мужчин на семинарах по отмене возраста согласия.

Женщинам трудно сочувствовать языку этих описаний и выражаемым чувствам. Педофильская литература, вероятно, задумана как разговор между мужчинами. Грубое манипулирование детинями с целью удовлетворения половых желаний взрослых мужчин вызывает беспокойство. Но описания, которые мы видели, представляют собой то, что педофилы считают взаимными, заботливыми, неэксплуататорскими отношениями. Это, как бы трудно это ни было читать женщинам, является приемлемым, действительно тщательно выглаженным лицом педофилии. Для лоббистов педофилов, пытающихся выглядеть бескорыстными спасителями детинь, существование огромной индустрии детской порнографии, детской проституции и международного проституционного туризма среди детинь может быть позором.

В книге Робина Ллойда «Playland» описывается детская проституция в США и Великобритании в конце 1970-х годов (Robin Lloyd, 1979). Playland — название игрового зала в центре индустрии проституции Нью-Йорка, куда подростки-беглецы, многие из которых стали жертвами инцестуозного насилия в семье, стремятся найти клиентов. Проституция и порнография — единственные пути выживания, доступные мальчикам моложе трудоспособного возраста. Похожий игровой зал был центром детской проституции в Лондоне. Мужчин-клиентов называют куриными ястребами, а мальчиков — цыплятами.

Проституированые женщины в париках и обтягивающей одежде демонстративно расхаживают по своим территориям или прислоняются к дверным проемам. Напротив, проституированые мальчики так легко узнаваемы, хотя их численность превышает численность проституированых женщин в пять раз... Среди цыплят пуэрториканцев немного больше, чем черных; популяция белых цыплят значительно меньше, чем тех и других. Большинство мальчиков приезжают в Мидтаун Манхэттена из трущоб Бронкса и Бруклина; некоторые приезжают из близлежащих городов в Нью-Джерси... К тому времени, как цыпленок и куриный ястреб начинают раздеваться, мужчина уже знает, что он получит за пятнадцать долларов, которые он должен заплатить... Неопервшийся, неопытный цыпленок позволяет себе быть пассивным партнером в оральном половом акте. Вскоре он будет оказывать другие услуги и в конечном итоге играть активную роль в анальном половом акте (Там же, стр. 25).

Проституция среди мальчиков — это международная индустрия. Ллойд объясняет, что в крупных городах, таких как Бейрут, Калькутта, Мехико и Богота, мальчики обслуживают как туристов, так и местных мужчин, и «мировые центры бедности становятся международным гаремом для путешествующего педераста» (там же, стр. 72).

Ллойд пишет как журналист. Его стиль анекдотичен и не дает четкой картины масштабов детской проституции или порнографии. Руководства по международной детской проституции циркулируют в педофильских кругах, и Филиппины в настоящее время являются излюбленным местом, но когда книга Ллойда упоминается в педофильской литературе, ее отрицают и презирают. Это происходит потому, что Ллойд рассматривает проституцию как эксплуатацию. Ведущие кампанию педофилы оказываются втянутыми в трудности из-за индустрии проституции. В то же время, утверждая, что педофилы хотят взаимных отношений заботы, в которых главным интересом является не столько половой акт, сколько любовь, они не могут отказаться от использования проституированых мальчиков или порнографии.

Ричард Грин в книге «Предательство молодежи» посвящает целую главу «Детской порнографии и эротике». Он приводит доказательства того, что порнография может быть полезна для детинь в качестве полового воспитания. Это

необходимое утверждение, поскольку многие из активистов педофилии открыто признают, что используют порнографию, чтобы учить мальчиков или подсказывать им, что им следует делать. Но Грин показывает свое понимание того, что порнография является спорной тем, и пытается быть и позитивным, и негативным по отношению к ней одновременно. «Порнография, которая, я должен признать, также является нежелательным элементом в нашем обществе, может быть представлена детиням с пониманием» (Green, p.23). Он продолжает, говоря нам, что использование детинь в создании порнографии — это безвредное хорошее развлечение для детинь.

> *А как насчет вовлечения детинь в саму порнографию?.. Детиням обычно нравится фотографироваться, и, если они экстравертки, они будут рады, если другие людини увидят их фотографии, возможно, даже фотографии в обнаженном виде... Нет, простая съемка эротических фотографий ребенки, как правило, не причинит вреда (Там же, стр. 24).*

Грин предлагает решение проблемы эксплуатации, которая может иметь место в индустрии проституции. Он предлагает план Тома О'Кэрролла, пионера и борца за свободу слова, члена PIE, «контролируемая, законная эротика... индустрия, в которой все участницы — как театральные актриссы — будь то взрослые или детини, должны иметь возможность претендовать на минимальную заработную плату и другие стандарты труда» (там же, стр. 27). Грин добавляет оправдание для свободно доступной детской порнографии, которое чаще используется для оправдания использования женщин в этой индустрии. Недоступность порнографии может, предупреждает он, привести к «похищениям и принуждению детинь к половому акту против их воли» (там же, стр. 28). Апологеты индустрии проституции всегда утверждали, что определенное количество женщин должно подвергаться насилию, чтобы защитить остальных. Здесь мы имеем тот же аргумент, используемый в отношении детинь.

Пресланд также сетует на недоступность детской порнографии. Это приводит к тому, что он считает печальным результатом, когда педофилы вынуждены мастурбировать на семейные фотографии, которые на самом деле никогда не предназначались для этой цели. Это, по-видимому, нежелательно, поскольку «улыбающаяся ребенка... может совершенно не осознавать, для чего может быть использована ее/его фотография» (Presland, p.86). По его мнению, этот недостаток можно было бы компенсировать за счет более свободного доступа к детской порнографии, в которой модели знали бы, для чего будут использованы фотографии, поскольку были знакомы с мастурбацией взрослых мужчин.

> *Поскольку в этой стране и детское порно, и эротика жестко подавляются, педофилы, которые и без того являются эмоционально и в половом плане голодной группой, испытывают острую нехватку эротических визуальных стимулов (Там же, стр. 87).*

Первая линия защиты, выдвигаемая педофилами, когда их практика подвергается сомнению, заключается в том, что это детини подходят к ним и инициируют половой акт с ними. Это давно популярное объяснение полового насилия над детинями в сексологической литературе. Сексперты взяли за правило демонстрировать, что подвергшиеся насилию детини участвовали в этом или спровоцировали это насилие. В исследовании литературы о половом насилии над детинями в 1979 году я обнаружила, что доказательства, используемые для доказательства участия или даже ускорения, включали такие вещи, как принятие сладостей или разговор с незнакомцами (Jeffreys, 'The Sexual Abuse of Children in the Home'). Авторы, которые пытались показать, что детини, подвергшиеся насилию, имеют особые характеристики личности, которые делают их подверженными насилию, описывали эти характеристики как «привлечение внимания», дружелюбие и ласковое поведение. Моим выводом по этому виду исследований было и остается:

> *Объясняет ли это их виктимизацию? Это может объяснить, почему некоторые детини находятся в большей опасности, чем другие, и почему необходимо разрушить доверие и интерес ребенки к взрослым мужчинам. Это не объясняет, почему взрослые мужчины-преступники вообще пристают к детиням (там же, стр. 64).*

Изучение жертв преступлений с целью объяснить, как они стали жертвами, а не изучение преступника, называется виктимологией. Когда это используется для доказательства того, как женщины и детини провоцируют собственное половое насилие, это более правильно называть обвинением жертвы. Обвинение жертвы имеет преимущество в том, что отвлекает внимание от взрослого мужчины-преступника и предотвращает любой политический анализ полового насилия с точки зрения мужского доминирования. Для педофилов этот подход выполняет ту же функцию. Тот факт, что детини, которые еще не научились быть осторожными, ищут ласки и внимания у взрослых, не означает, что они стремятся обслуживать взрослую мужскую сексуальность. Аналитик Шандор Ференци указал на это в своей деликатной статье 1932 года под названием «Спутывание языков между взрослым и ребенкой» (Ferenczi, 1984, pp. 283-95). Статья была запрещена его коллегами-психоаналитиками, поскольку она подрывала фрейдистскую ортодоксальность, что половое насилие было редким явлением и в основном фантазировалось ребенкой. Как отмечает Ференци, у детинь происходит постепенное половое развитие. Маловероятно, что они знакомы с сексуальностью взрослых мужчин, если только они уже не подвергались насилию или «воспитанию» мужчинами через порнографию. То, чего они не могут себе представить, они не могут фантазировать или искать.

Описание типичного и якобы «чувствительного» поведения педофила, сделанное О'Кэрроллом, делает это очевидным. Следует помнить, что О'Кэрролл пишет манифест педофила, стремясь к либеральной поддержке. Удивительно, что он

не может лучше сработаться с общественностью, чтобы заставить педофилию выглядеть хотя бы минимально взаимной и неэксплуататорской.

> *Обычно при формировании педофилической привязанности, как и между взрослыми, фактическое поведение каждой из сторон развивается не сигналами, вербальными и невербальными, с помощью которых каждый указывает другому, что приемлемо, а что нет. В нашем примере мужчина может начать с того, что скажет, какие красивые трусики надеты на девочке, и он с гораздо большей вероятностью перейдет к следующей стадии переговоров, если она, по-видимому, будет довольна замечанием, чем если она покраснеет и сведет ноги. Несмотря на то, что он «ошибся» относительно ее преднамеренной половой соблазнительности, он, тем не менее, может быть прав, постепенно обнаруживая, что ребенка — это та, кто считает очень забавным, когда ее щекочут под трусиками… (O'Carroll, 1980, стр. 49).*

Образцовый педофил здесь преследует свою половую цель безжалостно, полностью игнорируя то, чего хочет ребенка. Он не прибегает к открытому насилию, но он применяет давление и не реагирует на ее негатив. Интересы ребенки не только не являются центральными в этой картине, они даже не на периферии. Это хороший пример того, что Ференци назвал «смешением языков». Педофил ожидал бы, что ребенка знает взрослые кодексы половой скромности, соответствующие определенной культуре. Если девочка не знала, что замечания о трусах должны заставить ее сдвинуть ноги, то ее считали готовой заняться деятельностью, которую она даже не могла себе представить.

Именно в этом контексте мы должны рассматривать вопрос согласия. Все педофилы выступают за отмену или радикальное снижение возраста согласия, который в настоящее время составляет 16 лет для половых сношений и непристойных действий в отношении девочек и 21 год для гомосексуальных мужчин. Лоббисты педофилов создают путаницу, когда агитируют за права мальчиков старше 16 лет. Нет справедливости в том, чтобы возраст согласия для мужской гомосексуальности был установлен выше, чем для гетеросексуальности. Возраст согласия для гомосексуалов необходимо снизить до 16 лет. Когда это произойдет, некоторые из путаницы вокруг аргумента педофилов будут прояснены. Вопрос станет более ясным в том, что взрослые занимаются половым актом с мальчиками, а не в том, что молодым мужчинам запрещено следовать выбранному ими пути сексуальности.

Альянс гей-активистов предложил полностью отменить возраст согласия и декриминализировать педофилию (London Gay Activists Alliance, April 1979). Pedophile Information Exchange предложила, что возраст согласия должен быть четыре года. Для феминисток отмена возраста согласия совершенно неприемлема. Педофилы утверждают, что возраст согласия был повышен в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков в результате пуританских кампаний, желающих подавить детскую

сексуальность и вовлеченных в моральную панику. На самом деле это не так. Была масштабная феминистская кампания по защите детинь от мужского полового насилия, и беспокойство по поводу возраста согласия было лишь одной ее частью. Феминистки тогда, как и сейчас, считали законодательство о возрасте согласия политическим, феминистским требованием, необходимым из-за мужского доминирования и мужской агрессии по отношению к женщинам и детиням (см. мою книгу «Старая дева и ее враги» для подробного описания феминистских кампаний, связанных с возрастом согласия). Для педофилов отмена смертной казни имеет решающее значение и является движущей силой их каминг-аута. Они хотят доступа к детиням без юридического наказания. Между педофилами и феминистками не просто небольшое недопонимание, а лобовое столкновение.

Педофилы, которые достаточно искушены, чтобы понимать, что не педофилы никогда не сочтут разумным разрешить мужчинам половой доступ к маленьким детиням, утверждают, как и NAMBLA, что любовь между мужчиной и мальчиком сильно отличается от педофилии. Любовь между мужчиной и мальчиком — это примерные равные, заботливые отношения между мужчинами и мальчиками-подростками, для которых требования взрослой мужской сексуальности не стали бы таким уж сюрпризом. Вполне разумно предположить, что мальчики-подростки действительно получают половое удовлетворение в таком взаимодействии. Но является ли это достаточной причиной для того, чтобы отказаться от феминистских возражений против полового акта между мужчиной и мальчиком? Вопросы эксплуатации, уязвимости и бедности, а также злоупотребления доверием и ответственностью по-прежнему создают непереваримые политические проблемы.

Так как я ничего не знала из личного опыта о сексуальности подростков-мальчиков, я была готова дать педофилам презумпцию невиновности в отношении половозрелых мальчиков, несмотря на то, что голоса мальчиков в пользу или против заметно затихли. Затем я отправилась выступать на семинаре геев в Лондоне в 1982 году по педофилии. Линда Беллос и я представили феминистские доводы против педофилии к аудитории мужчин. В последовавшем обсуждении доминировал голландский педофил средних лет, который говорил о положительных преимуществах любви между мужчинами и мальчиками для мальчиков и о чувствительности педофилов. Молодой мужчина из зала пришел в ярость, когда больше не мог сдерживать себя, потому что голландский педофил напомнил ему мужчину, который использовал его, когда он был мальчиком. Характерной чертой, которая вызвала неприятные воспоминания, была доминирующая, неоспоримая надменность мужчины. Другой молодой мужчина присоединился, чтобы бросить вызов педофилу на основе собственного опыта. Внезапно голоса мальчиков были услышаны. Почему они молчали? До современной волны феминизма женщины не говорили о своем опыте насилия в детстве. «Освобождение женщин» — это поддерживающее движение по повышению осведомленности, которое делает

возможным такое явление, как группы жертв инцеста. Молодым мужчинам гораздо сложнее. Они живут в мужской культуре, в которой ересью является выступление против религии, что секс всегда хорош и позитивен. В таком дискурсе мало места для голосов жертв насилия. Было бы действительно глупо протестовать в мире, в котором мачистский половой энтузиазм является средством выживания.

Флейм, которого с 12 лет использовали взрослые мужчины, и который стал проституированным подростком, описывает в своей автобиографии «Флейм: жизнь на игре» множество случаев полового насилия и угроз в раннем подростковом возрасте. В 13 лет его изнасиловал сутенер его матери.

> *Я лежал в постели, когда внезапно почувствовал, что в моей комнате кто-то есть. Моя мама ушла на работу. Это был Микки. Он был голый. Он подошел к моей кровати, протянул руку и толкнул меня, как будто хотел разбудить. Затем он просунул руку под одеяло, схватил мою руку и положил ее на свой член. Затем он залез в кровать и трахнул меня. Мне это понравилось. То, что он мне не нравился как человек, каким-то образом делало это более эротичным. Если бы я сопротивлялся, я не знаю, что бы он сделал — это добавляло больше остроты. Мне всегда нравился некий угол в сексе, поворот (Flame, 1984, стр. 45).*

В другом случае, когда ему было 13 лет, его изнасиловали в туалете, когда он был одет как девочка.

> *Но однажды днем я зашел в женский туалет в городе, и за мной в кабинку вошел мужчина. Он прижал меня к стене, задрал мою лисью шубу и юбку, стянул с меня колготки и трахнул меня. Он не спросил, животное ли я, растение или минерал, хотя, по-видимому, понял, что я мужчина. Затем он вышел прямо на улицу. В то время я бы занялся сексом практически с кем угодно, и этот инцидент показался мне довольно забавным. Но позже я подумал, что это был бы травмирующий опыт, если бы я был женщиной, которая не хотела, чтобы меня трахали (там же, стр. 55).*

Флейм утверждает, что «насладился» обоими этими инцидентами, хотя групповое изнасилование в следственном изоляторе он описывает как просто болезненное. Если бы существовал другой способ описания секса в мужской гей-культуре, если бы злоупотребление властью и проблема того, как угнетенные эротизируют свое подчинение, были бы темами на повестке, то Флейм мог бы выбрать переосмысление своего опыта. Молодые люди в Gay Workshop смогли сделать это, потому что феминистки убедительно представили другой анализ, и существовал язык, на котором можно было осмыслить их опыт.

В стремлении дать возможность молодым геям развить иной дискурс сексуальности мы сталкиваемся с серьезным препятствием в виде глубокого и трагического мазохизма, раскрытого в столь большой части гей-литературы, которая

является одной из движущих сил культуры кэмпа. Мазохизм раскрывается во Флейме, который рационализирует использование себя в качестве мусоропровода через удовольствие. Это очевидно и в работах многих других геев-писателей, таких как Квентин Крисп. Крисп примиряется с фактическим избиением и пытается оправдать гетеросексуальных молодых мужчин-агрессоров. О мужчинах, которые нападают на него на улице, Крисп пишет:

> *Они были лишь слегка озабочены тем, чтобы заставить меня признать их превосходство. Если это было их единственной целью, то все эти уличные драки были пустой тратой времени. Я считал всех гетеросексуалов, какими бы низкими они ни были, выше любого гомосексуала, каким бы благородным он ни был (Crisp, 1981 pp. 66-7).*

Свой подход к жизни в юности он описывает следующим образом:

> *Мое мировоззрение было настолько ограниченным, что я предполагал, что все отступники открыто презираются и отвергаются. Их горе и их страх сильно влекли мою меланхоличную натуру. Сначала я хотел утонуть в их несчастье, но со временем мне захотелось достичь самой его сути. Наконец, я захотел его изобразить (там же, стр. 33).*

Этот мазохизм мог возникнуть из необходимости геев примириться со своим угнетением, этики выживания и измельченного в порошок самоощущения, возникшего в результате взросления геем. Но в лесбийской культуре нет такого сильного сентиментального элемента. Пол явно играет свою роль. Должны быть особые проблемы, связанные с изучением половой ориентации, которая сама по себе состоит из любви к правящему классу мужчин и мужскому началу. Это проблема и для гетеросексуальных женщин, но у женщин нет ожиданий статуса и привилегий, порожденных принадлежностью к правящему классу, которыми они должны пожертвовать ради достижения своего желания.

Феминистская кампания против полового насилия над девочками создала своего рода конфуз для педофилов. Феминистки рассматривают насилие над детинями со стороны мужчин как политическое преступление сильных против слабых. Феминистки не признают, что существует некая безобидная форма полового использования детинь, называемая педофилией. Между всеми взрослыми и детинями существует огромный дисбаланс власти, который еще больше преувеличен между мужчинами и девочками.

Вопрос о дисбалансе власти произвел фурор на конференции в Бостоне, на которой была создана NAMBLA. Некоторые мужчины утверждали, что вопрос власти очень важен и на конференции ему не уделялось должного внимания. Том Ривз утверждал, что мужчина не только не доминирует над мальчиком, но и наоборот. Мальчик, по его словам, имеет власть над мужчиной.

Он утверждал, что мальчик «имеет доминирование» в физическом, эмоциональном и духовном плане и «имеет власть над мужчиной». Женщина из зала быстро сказала Ривзу, что это «чушь» — говорить, что у ребенки больше власти, «учитывая то, как мы устроены в этом мире, и факт в том, что вы не имеете права так говорить» (Tsang, p.43).

Но Ривз сказал это и продолжил, основав NAMBLA. В этом аргументе педофилов есть противоречие. Педофильские лоббисты выдвигают свои половые интересы под видом освобождения детинь, а педофильская литература делает упор на отсутствие у детинь власти и самоопределения по сравнению со взрослыми, чтобы отстаивать их право на самоопределение сексуальности, PIE даже выступает против телесных наказаний в школах в качестве своего символического жеста в сторону прав детинь. Но педофилы не могут отстаивать и то, и другое. Либо детиням не хватает власти по отношению к взрослым, либо наоборот.

Педофилы, которые признают, что феминистский аргумент требует серьезного ответа, создают более сложные способы обойти проблему дисбаланса власти. Эрик Пресланд признает, что неравенство власти является проблемой. Его решение заключается в том, что педофилы отказываются от своей власти как мужчины и взрослые, что они могут сделать, просто назвав себя педофилами и таким образом став частью угнетенной группы. Он объясняет:

Педофилы, которые определяют себя как таковых, отказываются от своей власти немедленно и драматично. Они помещают себя в категорию самых презираемых и бессильных в нашей культуре (Presland, стр. 81).

При рассмотрении это не кажется реальным решением. Тот факт, что мужчина определяет себя как педофила, вряд ли перевесит разницу в возрасте, деньгах, социальном и половом опыте, которую он имел бы по сравнению с любым мальчиком.

У педофилов нет хорошего ответа на проблему дисбаланса власти. Неисправимая тупость педофильских лоббистов в вопросе власти должна заставить нас осознать, что теоретики освобождения геев, будь то педофилы или те, кто поддерживает педофилов, просто не имеют представления о власти или злоупотреблении властью в сфере сексуальности. Радикальные геи придерживаются либертарианской позиции по поводу сексуальности. Они придерживаются подхода свободного рынка и осуждают законы, ограничивающие торговлю. Они предпочитают предполагать, что все игроки равны. В мужской гей-литературе женщины обычно не упоминаются. Там, где упоминаются женщины, авторам действительно трудно понять, что гендерное различие связано с разницей во власти, которая может означать, что не все женщины и мужчины являются свободными и равными агентками на рынке сексуальности. Для таких авторов детини и рабыни также включены в свободный рынок как эмансипированные агентки.

Примером такого рода работ является работа историка-гея Джона Босвелла «Христианство, социальная терпимость и гомосексуальность». Это исследование мужской гомосексуальности в Европе в ранний средневековый период охватывает материал, который должен предоставить захватывающие идеи о гендере, власти и сексуальности. Босвелл скрупулезно избегает любых таких идей. Он пишет: «Арабский язык содержит огромный словарь гей-эротической терминологии с десятками слов, просто чтобы описать типы мужчин-проституток» (John Boswell,1980, p.195). Проститутыы, о которых идет речь, были мальчиками-рабами. Для человека, который осознает проблемы пола и власти, насилие над детинями-рабами в проституции не будет спутано с эротизмом. Босвелл не только путает эти два понятия, он их опускает, рассматривая слова для обозначения полового раба как «эротическую терминологию».

Джеффри Уикс — еще один теоретик геев, который страдает этой моральной и политической близорукостью. Мы уже видели, что он включает педофилов в ряды радикальных и прогрессивных эротических меньшинств. Он враждебно настроен по отношению к тем феминисткам, которые осмеливаются подвергать сомнению связь педофилии с освобождением женщин. В октябре 1980 года национальная конференция Американской национальной организации женщин приняла резолюцию, направленную на то, чтобы отделить лесбийство от любой ассоциации с «другими проблемами (например, педерастией, порнографией, садомазохизмом и публичным сексом), которые были ошибочно соотнесены с правами лесбиянок/геев некоторыми гей-организациями и противниками прав лесбиянок/геев, которые стремятся запутать этот вопрос» (Weeks, 1985, стр. 217). Комментарий Уикса по поводу этого действия заключается в осуждении ханжества и репрессивности феминисток.

> *Это ознаменовало принятие значительной частью феминисток абсолютизма, который пытается предписать соответствующее поведение как критерий законного включения в армию добра (там же).*

Другой подход, используемый педофилами для нейтрализации постыдной проблемы неравенства, заключается в том, что, поскольку все половые отношения неравны по своей природе, то не является проблемой и то, что отношения между взрослыми и детинями также неравны. Уоррен Миддлтон утверждает, что мы все должны работать над обществом, в котором людини будут иметь большее равенство, и для этого нам нужно будет сломать сексизм, расизм, классовую дискриминацию и эйджизм. Но всегда будет «встроенное неравенство», говорит он:

> *Нравится вам это или нет, неравенство есть и всегда будет оставаться истинным фактом жизни; от неравенства размера, формы и силы до неравенства образования, опыта, способностей и потребностей. Поскольку жизнь будет продолжаться независимо от этого, людини должны научиться жить с таким неравенством. Все мы должны продолжать иметь*

опыт, взаимодействие и отношения с другими, потому что если бы мы этого не делали, все бы скоро остановилось... Ничто из этого не должно прекратиться — и не может прекратиться — просто из-за неравенства (Middleton, p.145).

Миддлтон намеренно пытается смешать структурное неравенство сил со случайными различиями, такими как размеры.

Сексуальность геев по своей сути не отличается от сексуальности гетеросексуалов. Все мужчины обучаются быть членами правящего класса и испытывать прелести принадлежности к нему. Они развивают сексуальность правящего класса, в которой власть и доминирование эротизируются. Это считается абсолютной нормой в гетеросексуальности. Кажется слишком очевидным, чтобы говорить, что от мужчин ожидают выбора половых партнеров, которые моложе, беднее и менее образованны, а также меньше. Социальные комментарии и неодобрение, возникающие, когда эта модель не соблюдается, говорят нам о силе предписания. Для мужчин не считается приемлемым жениться на женщинах старше себя даже на несколько лет, не говоря уже о разнице в поколение. От мужчин не ожидают, что они женятся на женщинах, которые финансово обеспечены и профессионально продвинулись дальше своих партнеров. Так, педофилия является просто рутинной гранью мужской сексуальности. Неравенство возраста эротизируется для мужчин. Детини представляют собой бессильных во всех отношениях и, как таковые, являются наиболее подходящими половыми объектами для мужчин, чья сексуальность строится в соответствии с крайностью нормы для их пола. Педофилия более понятна у гомосексуальных мужчин, поскольку неравенство власти не обязательно встроено в отношения взрослых мужчин-геев. Действительно, есть справедливые шансы на равенство. Педофилия гарантирует, что такое равенство не вторгнется.

Есть еще одно объяснение, которое делает поддержку педофилии геями особенно неуместной. Том О'Кэрролл описывает развитие своих половых предпочтений в своей книге «Педофилия». О'Кэрролл утверждает, что он не гомосексуал, и его рассказ предполагает, если читать между строк, что его интерес к детиням проистекает из решимости не становиться гомосексуалом. О'Кэрролл с удовольствием участвовал в половых играх с мальчиками в школе, пока другие мальчики не начали интересоваться девочками и проявлять большую враждебность к геям. На этом этапе О'Кэрролл переключил свое внимание на мальчиков помладше.

Только когда я перешел в пятый и шестой классы, для меня все стало труднее. В то время как другие мальчики все больше говорили о девочках и все меньше интересовались друг другом, я постепенно понял, что не развиваюсь так, как они. Девочки, особенно взрослые, меня мало интересовали; как и мальчики моего возраста, меня по-прежнему

привлекали только те, кто не достиг половой зрелости, особенно новые «пушистики», одиннадцатилетние малыши в маленьких серых шортиках, которые казались мне все более привлекательными. И не только в половом плане, как это было с моими приятелями в более ранние годы. Это было своего рода помесь нежного желания защищать и заботиться о них — «материнское» чувство, если хотите — и романтическое, даже рыцарское, расширение этого чувства во что-то, что я мог бы определить как мужское. В настоящее время мне все равно, являются ли мои чувства «мужскими» или «женскими», если только они имеют широкую человеческую значимость, но в юности я бы умер от стыда при мысли о том, что могу быть каким-то образом женственным. Я даже предполагал, что в конце концов обращусь к девочкам, и постепенно стал озадаченным и обеспокоенным тем, что этого не происходит (O'Carroll, p.19).

Здесь, кажется, страх О'Кэрролла потерять лицо и статус, следуя половому интересу к мальчикам своего возраста, был смягчен развитием интереса к более молодым и менее сильным мальчикам, которые не могли бы вызвать у него никакой потери власти. Это знакомая проблема в мужской гей-субкультуре. Ее можно было решить, связав молодежь или мужчин из рабочего класса с интеллектуалами среднего класса в девятнадцатом или начале двадцатого века или используя детинь-рабынь в случае арабов раннего средневековья, или, как в этом случае, используя детинь. Том Ривз напоминает нам об этой позорной традиции, утверждая, что освобождение геев было основано «любителями мальчиков».

Первоначальное освобождение геев поддерживалось любителями мальчиков, которые выставляли это напоказ или, по крайней мере, защищали как воплощение своей собственной свободы: Уайльд, Жид, Форстер, Жене, Ишервуд, Гудмен, Берроуз (Reeves, p. 26).

Это увлекательное использование концепции свободы, которое проливает свет на то, как геи могут описывать радикальные и прогрессивные практики свободы сексуальности, которые так явно отрицают свободу других. Свобода здесь означает право этих мужчин сохранять социальную приемлемость, власть, привилегии и статус или просто привилегии своего собственного эго, основанные на мужественности, при этом преследуя свои половые хобби.

Для женщин, феминисток, лесбиянок и самих геев существуют очевидные опасности в поддержке права мужчин сохранять любой ценой свою мужественность и мужскую силу и отвергать равные и общепризнанные гомосексуальные отношения. Вот что повлечет за собой поддержка педофилов.

САДОМАЗОХИЗМ

Садомазохисты являются третьим из «эротических меньшинств», поддерживаемых теорией либертарианства геев. Джеффри Уикс цитирует лесбийских, а не гейских, теоретикесс садомазохизма, и упоминает только лесбийский садомазохизм в своей книге «Сексуальность и ее недовольство». В 1980-х годах некоторые лесбиянки создали рекламные группы и написали рекламную литературу о садомазохизме, но садомазохизм как практика и идея был прочно укоренен в мужской гей-культуре задолго до этого. Геи не создали много теорий о садомазохизме. Они просто практиковали его и принимали как должное. Лесбиянок подтолкнуло к теории их неприятное чувство, что идеология садомазохизма противоречит самым заветным заповедям феминизма. Это чувство противоречия заставило их обратиться к печатным издательствам и оправданиям, что было удобно для геев, поддерживающих или практикующих садомазохизм, которые могут спрятаться от критики феминисток за баррикадой «лесбийского» садомазохизма. Лесбиянки-практикантки и теоретикессы цитируются мужчинами-геями в каждом споре, чтобы им не приходилось серьезно относиться к феминистским вызовам или высказывать свою собственную позицию.

Но такие геи вовсе не нейтральны в этом вопросе. Единственные «феминистские» теоретикессы, цитируемые с настоящим энтузиазмом на протяжении всей книги Уикса, — это две самые известные американские лесбиянки, выступающие за садомазохизм, Пэт Калифия и Гейл Рубин. Те радикальные феминистки, которые выступают против садомазохизма, постоянно подвергаются позору. Иногда его политические симпатии к садомазохизму выражаются более прямолинейно. В выпуске к десятилетнему юбилею старого Gay News в 1982 году Уикс утверждает, что среди феминисток и геев существует два подхода к сексуальности: «один работает над переосмыслением природы половых отношений; другой — над защитой важности выбора сексуальности» (Gay News, выпуск к десятилетнему юбилею, июнь 1982 года, № 243). Не сразу понятно, почему должен быть какой-либо конфликт, поскольку оба эти направления кажутся безупречными. Затем, когда Уикс описывает тех, кто настолько смела, чтобы предлагать переосмысление, его предубеждение становится очевидным. Это лесбиянки-сепаратистки, «некоторые из которых крайне враждебно относятся к образу жизни геев», и «как это ни парадоксально… более пуританские мужчины, пережившие раннее движение за освобождение геев».

> *Они, как правило, подчеркивают важность общих отношений и преуменьшают генитальные и оргазмические аспекты секса. В лучшем случае это приводит к приятному акценту на таких желанных удовольствиях, как ласки, прикосновения, держание за руки и привязанность и т. д. — то, что было удачно названо бэмби-сексуальностью. В худшем случае это может вызвать худшие крайности морализма, поскольку другие*

формы удовольствия осуждаются как «мужские» и, следовательно, по определению плохие (там же).

Уикс явно поддерживает второй подход, который, как оказалось, фокусируется на садомазохизме. Он описывает его как «более озабоченный защитой нашей способности выбирать свою сексуальность, будь то нежная и бэмби, или тяжелая и садомазохистская». Для радикала сексуальности, такого как Уикс, перемены — это анафема. Феминистки — это проблема, потому что они настаивают на требовании перемен. «Выбор» стал новым Граалем для радикалов сексуальности, как и для радикальных тори. Он описывает феминистскую позицию как «новый абсолютизм», а позицию просадомазохизма — как «радикальный плюрализм». Радикальный плюрализм заключается в том, чтобы рассматривать эротчиеские меньшинства как носителей свободы сексуальности для всех. Он определяет революционную роль таких меньшинств следующим образом:

Итак, волей-неволей защита выбора и свободы сексуальности достается тем, кто до недавнего времени, казалось, находилась на периферии спектра сексуальности: садомазохисткам, лесбиянкам и геям, играющим в ролевые игры, активистам-педофилам, а также более традиционным либертарианским социалистам и радикалам (там же).

Уикс завершает свою речь предостережениями об опасности того, что феминистки в 1980-х годах «объединятся со старым абсолютизмом евангельской христианской морали». Мэри Уайтхаус тогда предстанет «пророчицей бесполого феминизма». Враждебность Уикса к феминизму из-за его угрозы священным абсолютам мужской гомосексуальной повестки глубока.

Садомазохизм описывается одним из его сторонников, Яном Янгом, как «секс, включающий боль, как физическую (например, шлепки или пощечины), так и символическую (например, разыгрываемое доминирование или ограничение одного партнера другим)» (Karla Jay and Allen Young). В более общем смысле, садомазохизм стал означать такие практики, которые обозначены как «необычные сексуальные действия» в отчете Джеймса Спады, исследовании сексуальности геев, составленном на основе 1000 анкет и опубликованном в 1979 году. Спада включает в эту категорию «фистинг (активный или пассивный), садизм и мазохизм, связывание и дисциплинирование, унижение, водные виды спорта (половой акт с мочеиспусканием), скат (половой акт с дефекацией)» (James Spada, The Spada Report, 1979). Все эти действия обычно включаются в общую категорию садомазохизма в современной литературе о лесбийском садомазохизме. Оказывается, эти практики не были чем-то необычным среди респондентов Спады, которые охватывали широкий срез гей-сообщества. Почти 30 процентов респондентов занимались одним или несколькими из этих видов деятельности.

Было бы неправильно рассматривать садомазохизм как странную практику, совершенно не связанную с повседневным сексом. Изучение повседневной практики геев-мужчин показывает, что доминирование и подчинение, а также гендерные ролевые игры являются основополагающими для эротизма геев-мужчин. Отчет Спады очень полезен для формирования картины стандартной сексуальной практики геев-мужчин. Анкеты были открытыми, и респондентов поощряли подробно выражать свои чувства и мотивы в отношении ряда повседневных практик.

Анальный половой акт понравился 76 процентам и не понравился 12 процентам, и, следовательно, является стандартной половой практикой. Нет никаких оснований предполагать, что анальный половой акт по своей сути связан с садомазохизмом больше, чем другие половые практики. Из респондентов Спады ясно, что они вкладывают в эту практику эмоциональную нагрузку эротизированного доминирования и подчинения. Один из заданных вопросов: «Во время анального полового акта вы обычно "верхний" или "нижний" мужчина? Если оба, что определяет, кто это будет — ваш партнер, ваше настроение или что?» Язык показательный. «Верхний» и «нижний» — это слова, используемые для обозначения активной и пассивной ролей в садомазохизме. Многие из цитируемых респондентов были недвусмысленно уверены, что анальный половой акт — это доминирование и подчинение. Как отмечает респондент Спады, «сочетание эмоционального доминирования-подчинения и близости, которую оно обеспечивает между двумя людинями, смешанное с животными ощущениями и оргазмом, почти неразделимы» (там же). В ответ на вопрос о том, различаются ли эмоции в зависимости от того, находятся ли они сверху или внизу, один мужчина ответил показательно:

> *Когда я верхний, я чувствую себя сильным, властным и могучим жеребцом. Когда я вижу и чувствую, что доставляю ему удовольствие, тогда я испытываю гордость и упиваюсь чувственным ощущением того, что я великий любовник — это только вдохновляет меня сильнее, а он чувствует и наслаждается этим еще больше. Когда я снизу для мужчины, к которому я испытываю глубокие чувства, я чувствую себя очень любимым, и рад, что так его возбуждаю. Я также чувствую себя уязвимым по какой-то причине (там же).*

Многие из респондентов заходят так далеко, что описывают анальный половой акт как гротескную пародию на то, как они представляют себе вагинальный половой акт. Один мужчина описал свои ощущения в роли «сверху», как «всепроникающий самец! Я мужчина». Свою роль он описывает как «нежно пронзить своего партнера». Он относится к своему партнеру «так же, как я бы обращался с женщиной, когда он находится в этом уязвимом положении», и видит себя, когда в него проникают, находящимся в том же положении, «когда я лежу на спине, закинув ноги на плечи своего партнера», как «уязвимую женщину» (там же). Другой респондент видел анальный половой акт как «отличный способ выразить мужскую и женскую части

своей личности» (там же). Верхняя роль представляла «традиционную мужскую роль» и наоборот.

Очевидно, что десятилетие освобождения геев не оказало большого влияния на то, как геи смешивают женственность с гомосексуальностью, или на их представление о «настоящем мужчине». Один из респондентов говорил о преимуществах практики в укреплении мужественности и гетеросексуальности его партнера. Для этого мужчины этот акт позволил выплеснуть внутреннее отвращение пары к себе.

> *Эмоциональный характер этого [анального сношения] позволяет моему партнеру сохранять свою мужскую идентичность и вести себя почти так, как будто он с женщиной. Я полагаю, что это высший акт (для меня) в разыгрывании однополого акта, при этом сохраняя нетронутыми компоненты гетеросексуальности моего партнера (там же).*

Некоторые респонденты, казалось, не придавали никакого значения доминированию и подчинению в анальном половом акте, в то время как другие полностью отвергали эту практику из-за значений, которые за ней цеплялись. Переопределение сексуальности в терминах равенства и взаимности еще не было в США в 1979 году мертво, и один мужчина указал: «Я не вижу здесь настоящего доминирования, а взаимность, которая сближает двух людинь» (там же).

Беглый взгляд на любое издание для геев выявит одержимость униформой и кожей. На коммерческой гей-сцене кожаный клон изображения волосатой груди с кожаным жилетом и гетрами, кожаной кепкой, и все это усеянные цепями, продает массаж, проституцию, попперы, клубы и бары. Определенные бары и журналы посвящены исключительно фетишистам униформы или кожи. В отчете Спады 59 процентов мужчин заявили, что их не возбуждает униформа и кожа, но 25 процентов находят униформу возбуждающей, а 18 процентов находят таковой кожу. Спада комментирует: «Большинство мужчин, которых возбуждают эти вещи, делают это потому, что они усиливают мужественность и сексуальность» (там же). Типичные ответы были такими:

> *Мне нравятся мужчины. Скорее всего, если они в коже, форме и/или имеют мужской запах, их мужественность усиливается.*
>
> *Я думаю, что я ассоциирую черную кожу с мужественностью, которой, похоже, не так уж много в моей собственной личности.*
>
> *Для меня форма — это определенный признак власти, силы и доминирования. Мгновенное возбуждение.*
>
> *Меня возбуждают джинсы Levi's, фланелевые рубашки, обтягивающие футболки, носки без пятки (белые) и рабочая обувь. Хотя это одежда, стереотипная для геев, она представляет (на самом деле или в вымысле) мой нынешний образ мужественности.*

…солдаты — это олицетворение мужественности (там же).

Один из респондентов кратко выразил свое негативное отношение к униформе и коже:

> *Синдром «буч-драг» озадачивает меня. Спросите любого из этих парней, что они думают о драг-квин, и они, вероятно, скажут вам, что не выносят парней, которые притворяются женщинами. Так почему же им приходится «притворяться» мужчинами? (Там же).*

Достижение или имитация мужественности настолько важны для геев и их половой практики, что стоит взглянуть на ответы на вопрос отчета Спады: «Как бы вы определили мужественность?» Один респондент определил мужественность как «возмужалость, смелость, силу, мускулы, член и яйца», другой — как «самцы-крепкие орешки и злобные волки» (там же). Один определил мужественность просто как «кожаные вещи» (там же). Один описал мужественность как «быть гетеросексуалом».

Для феминисток эти определения леденят душу своими последствиями. Респондентов не просили дать определение женственности, но несложно понять, что повлечет за собой противоположность вышесказанному. Геи теоретики склонны снисходительно относиться к поклонению мужественности со стороны геев. Объясняется это реакцией на тот факт, что геи всегда определялись и рассматривались свысока как женоподобные. Таким образом, они получают свою долю. Для женщин и лесбиянок нелегко быть такими снисходительными. Поклонение мужественности и попытка создать сексуальность и культуру, которая ее отражает, являются прямой угрозой возможности освобождения женщин. Спада отметил связь, которую его респонденты установили между мужественностью и эксплуатацией пениса, так что половой акт в целом между двумя мужчинами «является воплощением мужественности» (там же).

Даже самые радикальные и политизированные геи становятся жертвами поклонения мужественности и, похоже, не желают меняться. Мартин Хамфрис пишет об этом в сборнике «Сексуальность мужчин» авторства британского антисексистского мужского журнала «Ахиллесова пята». Он описывает влияние сдвига к мужественности, которое подавило раннюю цель освобождения геев сломать «социальные различия между женственностью и мужественностью», чтобы создать «андрогинный мир… в котором гендер больше не будет иметь значения» (Andy Metcalfe and Martin Humphries, The Sexuality of Men). Эта политика поддалась культу мачизма. Хамфрис описывает позднюю гей-сцену следующим образом:

> *Зайдя практически в любой гей-паб или клуб, вы можете увидеть строителей, дальнобойщиков, мужчин в комбинезонах, которые могли бы оказаться сантехниками или электриками, мужчин в кожаных байкерских костюмах, ковбойских джинсах или солдатской форме (там же).*

Хамфрис говорит, что он вовлечен в этот климат. Его фантазии сосредоточены на мужчинах, которые соответствуют «современным образам мужественности», и он ищет «мужеподобных» мужчин во время встреч. Хамфрис, что неудивительно, не хочет устранять такую ролевую игру, а просто ищет способы «расширения сфер желания таким образом, чтобы мы не попадали в ловушку жестких и строго очерченных моделей поведения, предлагаемых этими образами». Он хочет, чтобы роли «стали лишь частью секса», а не «смирительной рубашкой» (там же). Роли позволили бы геям разыгрывать мужественность или поклоняться ей в соответствии со своим настроением. Роли, таким образом, остались бы, но геи стремились бы обмениваться ролями более регулярно. Он не подвергает сомнению само построение желания вокруг гетеросексуального садомазохистского сценария и не верит, что «роли» можно устранить.

Сценарий садомазохизма, который многие геи способны создать из всей своей половой практики, основанной на фетишизированной мужественности и женственности, должен ясно дать понять, если еще остались какие-либо сомнения, что традиционная гетеросексуальная система — это садомазохистский сценарий. Через преувеличение характеристик гендерных ролей обнаженная, эротизированная динамика власти, которая подпитывает гетеросексуальность, обнажается. Джон Речи описывает в «Изгое сексуальности» степень, в которой садомазохизм проник в гей-культуру и общественную жизнь к середине 1970-х годов.

> *Проявления роста и силы садомазохизма в мире геев многочисленны: кожаные бары для геев переполнены каждую ночь от Лос-Анджелеса до Нью-Йорка. Рубрики в гей-изданиях переполнены призывами к «хозяевам» и «рабам» — и к унижению... Значительную часть контента гей-журналов занимает реклама «игрушек» — показательный эвфемизм, вызывающий воспоминания о детстве, орудий «пыток»: стальных зажимов, приборов для клеймения, кнутов, ремней, даже наручников... Все чаще в гей-банях есть по крайней мере одна комната, сконструированная так, чтобы вызывать ассоциации с темницей или тюремной камерой, заполненной цепями (John Rechy, pp.254-5).*

Поскольку большинство геев в опросе Спады интерпретировали обычную половую практику геев, такую как анальный половой акт, как доминирование и подчинение, выраженные в форме пародируемых мужских/женских гетеросексуальных гендерных ролей, мы не должны удивляться, обнаружив, что 30 процентов респондентов-геев занимались практиками, связанными с садомазохизмом. Можно утверждать, что не все практики, обозначенные в отчете как «необычные», включают садомазохизм. Некоторые мужчины, например, сообщили, что водные виды спорта, то есть мочеиспускание друг другу в рот и на другие части тела, использовались просто для чувственного наслаждения. Но такие практики, как фистинг и экскрементирование, довольно ясно говорят о власти и унижении и

поэтому заслуживают попадания под категорию садомазохизма. Фисттинг — не редкое занятие. Из респондентов Спалы 14,5% занимались активным фистингом, а 8,2% — пассивным фистингом. Эта практика, при которой все предплечье активного партнера вводится через задний проход в тело пассивного партнера, обычно выполняется публично перед толпами возбужденных зрителей в клубах.

Фистинг — опасное занятие из-за хрупкости стенок толстой кишки и возможности внезапной смерти или серьезного повреждения, если токсины попадут прямо в кровоток. Один из респондентов в отчете Спады, который негативно относился к фистингу, прокомментировал: «Я беспокоюсь о том, какими будут их задницы после сорока лет фистинга» (Spada, стр. 133). Некоторые из респондентов Спады критиковали садомазохизм на том основании, что он опасен: «Я слышал слишком много историй о людинях, получивших травмы или навсегда оставшихся инвалидами в результате такой деятельности, в большинстве случаев случайно» (там же). Другие считали это полной противоположностью тому, как они хотели бы относиться к другим людиням, особенно к братьям-геям.

> *Я отношусь к этим действиям прохладно или враждебно, поскольку они, как правило, подразумевают унижение или оскорбление другой человеки. В моей обычной жизни на работе и в моих отношениях с людинями вне работы мне нравится поддерживать, поощрять и укреплять людинь. Такие виды половых действий противоречат моему стилю жизни (там же).*

Другой респондент воскликнул: «Унижение? Ни за что! Разве не с этим мы сражаемся? а другой заявил: «Это тот вид полового акта, который держит геев под гнетом».

Садомазохистский половой акт, будь то в верхней или нижней роли, служит очень важной цели для среднестатистического гея. Он укрепляет мужскую идентичность. Как объяснил один «сменщик ролей», «только настоящий мужчина может давать и брать» (там же). Эта концепция мачо-мазохизма полезна для понимания мужского садомазохизма. Мужчины изобретают всевозможные ритуалы, чтобы проверить мужественность друг друга с помощью пыток и испытаний, таких как суровость армейских тренировочных лагерей и ритуалов посвящения в школу. Те, кто выдерживает такие испытания, укрепляют свою мужественность.

Пирсинг — это садомазохистская практика, которая интересна тем, что проливает свет на мотивацию садомазохизма. В Лос-Анджелесе я посетила The Gauntlet, магазин, которым управляет гей, в котором продаются украшения для пирсинга тела. Владелец Джим Уорд делал пирсинг, в основном геям и лесбиянкам, в задней комнате. Джим прокалывает не уши, а соски, клитор, половые губы, мошонку, пенис, живот и грудь. Джим выпускает глянцевый журнал Piercing Fans International Quarterly, который адресован как гетеросексуальной, так и гомосексуальной аудитории. Половая ориентация не упоминается, за исключением случаев, когда

некоторые гетеросексуальные читательницы с подозрением относились к гей-контенту и гневно высказывались в колонке писем. Журнал публикует фотографии пирсинга, инструкции о том, как делать пирсинг, и некоторые гетеросексуальные порнографические истории на тему пирсинга. Из журналов становится ясно, что в пирсинге задействованы тенденции мужского превосходства. Геи и лесбиянки делают себе пирсинг, гетеросексуальные мужчины дают пирсинг своим женщинам или сами делают его им.

Большая часть материала адресована геям. Один выпуск содержит отрывки из «DungeonMaster: информационного бюллетеня об оборудовании и методах мужского садомазохизма» из Чикаго. В отрывке описывается сеанс пирсинга, в ходе которого гей прибил свой пенис к деревянному бруску стальной иглой, пронзившей его насквозь, а затем прибил к тому же бруску пенисы еще трех мужчин.

> *Итак, Эд доказал, что все не так уж и плохо, спокойно перевернув свой член на блок и вбив большую стерилизованную иглу из нержавеющей стали через головку члена и в дерево. Затем, не снимая члена, он наклонился и прибил крайнюю плоть Джима двумя иглами. Вскоре три иглы также пронзили мошонку Ли. И, наконец, Марк позволил Эду прибить головку члена к блоку (Piercing Fans International Quarterly, № 16, стр. 7).*

Чтобы этот эпизод не напрягал нашу доверчивость, приведены фотографии пронзенных органов. Пирсинг — опасная практика, и копии PFIQ изобилуют предупреждениями о безопасности. Инструкции по пирсингу мужских гениталий следующие:

> *Крайняя плоть, кожа члена, кожа мошонки: будьте осторожны с любым местом на мужских половых органах, чтобы избежать нескольких крупных кровеносных сосудов, которые проходят вблизи поверхности.*
>
> *Головка члена: пирсинг, такой как изображен на первой странице этого выпуска, лучше всего делать, когда член максимально размягчен, чтобы уменьшить количество кровотечения (там же).*

Есть подробные инструкции, фотографии и описания пирсинга яичек. Это, по-видимому, может быть гораздо опаснее, чем просто пирсинг мошонки, поскольку может оставить участника кастрированным. Участникам рекомендуется не смешивать «фекалии или золотой дождь» с пирсингом и использовать стерильное оборудование на чистой коже.

Частое повторение инструкций по технике безопасности и их безотлагательность говорят не только о серьезной опасности этой практики, но и о частоте, с которой правила игнорируются. Существуют особые предостережения против пирсинга в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. «Безопасный» пирсинг требует большого количества очень специфического

оборудования. Существуют инструкции по типам игл и пистолетов для пирсинга, которые следует использовать, по анестезии и последующему уходу. Пирсинг сосков сам по себе требует много недель для заживления и, как и любой другой пирсинг, без особого ухода может стать причиной неприятного сепсиса. Я спросила Джима о проблеме гигиены. Я предположила, что геи, которые ведут бурную социальную и половую жизнь в контексте алкоголя и наркотиков, могут не заботиться о себе и своем пирсинге. Он не смог меня успокоить и просто подчеркнул личную ответственность пирсеров и тех, кто делает пирсинг, заботиться о себе.

Степень членовредительства, к которой готовы стремиться геи-мужчины, весьма примечательна. Пенисы не просто подвергаются пыткам, их даже отрезают для садомазохистского кайфа. В краткосрочной перспективе это кажется недальновидным, поскольку лишает удовольствия мучить больной орган, но в долгосрочной перспективе, по-видимому, доставляет постоянное мазохистское удовлетворение. Корреспондент PFIQ попросил историй или фотографий о его особом хобби, которым была кастрация.

> *Несколько лет назад, когда я впервые подписался на PFIQ, я разместил рекламу, связанную с кастрацией и пенэктомией. Я получил очень много откликов, посвященных этим темам. У некоторых из них были подборки рассказов и/или фотографий. Я предполагаю, что эта область представляет большой интерес для значительной части ваших подписчиков (там же).*

Редактор ответил, что он не может публиковать такой материал, не нарушая закон. Этот садомазохистский интерес к кастрации может помочь пролить свет на мотивы транссексуализма и экстремальной «модификации тела», необходимой для операции по смене пола.

В любой литературе по садомазохизму мало интереса к пониманию мотивации, но можно почерпнуть некоторые подсказки из PFIQ. Связь пирсинга с возбуждением постоянно повторяется.

> *...для тех, кто увлекается пирсингом как таковым, именно фактическое проникновение в тело возбуждает. По большей части им нравится ощущение и вид острого стержня стали, входящего в их тело и пронзающего их плоть. У пирсингующего Верхнего те же интересы, и он использует пирсинг так же, как он использовал бы хлыст, сдавливание яиц или анальное растяжение. Для обоих важна боль, вызванная пирсингом, как и психологический аспект разрывания плоти. Небольшое количество выделяемой крови может быть или не быть частью возбуждения для одной или обеих сторон (там же).*

Но демонстрация того, что половое удовлетворение связано с пирсингом, на самом деле не приводит к его пониманию. Пирсинг, особенно в сфере кастрации,

является садомазохистской деятельностью, которая подводит нас ближе всего к отождествлению полового акта со смертью. Самоудушение, которое иногда приводит к смерти, когда практикующие не могут вовремя порезать себя, является сопоставимой практикой. Тот факт, что геи прилагают столько усилий, чтобы наказать гениталии, может указывать на ненависть к телу и сексуальности, рожденную угнетением геев. Гетеросексуальные мужчины, похоже, не слишком увлекаются пирсингованием. Они предпочитают писать, читать о пирсинге женщин и практиковать его. Женщин пирсингуют мужчины, как гетеросексуалы, так и геи, а иногда и друг друга. Геи пирсингуют друг друга. Если правящий класс гетеросексуальных мужчин презирает эту практику, то возникает соблазн рассматривать ее, наряду со злоупотреблением алкоголем и химическими веществами, особенно с помощью игл, попытками самоубийства и членовредительством, таким как порезы на запястьях, как отражение ненависти угнетенных к себе.

Геи создали очень мало теорий о том, почему существует садомазохизм. Сторонники садомазохизма воспринимают вопросы о мотивации как враждебные. Для тех, кто считает садомазохизм естественным, неизбежным и хорошим, нет необходимости в объяснении. Объяснение, утверждают они, требуется только для практик, которые не одобряются и которым враждебно настроенные дознаватели хотели бы положить конец. В качестве примера они приводят гомофобов, которые стремятся объяснить гомосексуальность и считают гетеросексуальность «естественной». Для либертарианских теоретиков геев все формы мужской сексуальности являются допустимыми, естественными и неизбежными. Педофилия и транссексуализм требуют не больше объяснений, чем садомазохизм. Они направляют свою энергию на оправдание практик, объясняя, почему они положительны и почему все прогрессивные, радикальные людини должны поддерживать и защищать их.

Форум по садомазохизму от Lavender Culture состоит из письменных ответов двух геев и двух лесбиянок на десять вопросов о садомазохизме. Вопросы заставляют респондентов приложить усилия к объяснению. Ян Янг, который выступает за садомазохизм, выдвигает аргумент, что садомазохизм естественен.

> *У каждого есть эротические фантазии. Людини, занимающиеся садомазохизмом, просто более осведомлены о своих эротических фантазиях в этом отношении и нашли способы воплотить свои фантазии приятным образом, чтобы действовать в соответствии с ними. Что касается аспекта доминирования-подчинения в садомазохизме, а это то, что больше всего расстраивает посторонних, — у всех нас есть потребность в агрессии и потребность в подчинении в нашей жизни… (Jay and Young, p.90).*

Янг также утверждает, что садомазохизм является высшей формой половой практики по сравнению с не садомазохистским половым актом. Только «творческие

и очень изобретательные» людини, говорит он, обладают способностью к садомазохизму, потому что садомазохизм «является довольно сложным и замысловатым способом поведения» (там же). Он приходит к выводу, что садомазохизм — это «более развитая форма сексуальности, стоящая выше на эволюционной лестнице человека», чем репродуктивный половой акт. Мнения Янга соответствуют общепринятой сексологической традиции. Хэвелок Эллис, отец-основатель сексологии, выдвинул тот же аргумент (Havelock Ellis, Erotic Symbolism: Studies in the Psychology of Sex, 1926).

Янг продолжает поздравлять себя, заявляя, что садомазохисты — это анархисты и либертарианцы, преданные искоренению угнетения. Садомазохизм, утверждает он, позволяет практикующим понять, посредством ритуализированного доминирования и подчинения, как власть и бессилие на самом деле работают в мире за пределами спальни. Он дает своим последовательницам возможность более эффективных политических действий. Противницы садомазохизма изображаются как торговки властью, которые политически преданы поддержанию политического неравенства. Он объясняет, что садомазохизм «имеет тенденцию отнимать у человеки "потребность" угнетать и быть угнетенным», а те, кто выступает против садомазохизма, описываются как «политические захватчицы власти» (там же). Янг предполагает, что садомазохизм может быть «открытым бунтом» и что именно поэтому в нем участвует так много «анархистов и либертарианцев». Цинизм и несостоятельность политики, выраженные здесь, захватывают дух.

Джон Речи не либертарианец и не принимает идею, что то, что происходит в головах людинь, сильно отличается от «реальной» политики. Он указывает, что гей-садомазохизм защищается «нувориш гетеросексуалами», потому что мы живем в то время, когда мода предписывает принятие абсолютно всего.

> *Я все чаще слышу интеллектуализированную защиту Мэнсона и даже Гитлера. С этого момента защита садомазохизма становится легкой задачей. Нас не смущает парадокс противостояния (правильно) полицейскому садомазохизму и государственному садомазохизму в виде геноцида и при этом поддержки его фарса. Нам даже трудно отличить выступление против того, что разрушительно, хотя и добровольно, от принятия законов против этого — ни один половой акт по обоюдному согласию не должен быть запрещен. Но необходимо иметь право осуждать то, что является разрушительным, в своей собственной половой, социальной или расовой группе или в чужой (Rechy, стр. 257-8).*

Речи однозначно осуждает садомазохизм, утверждая, что «распространение садомазохизма является главной угрозой свободе геев» (там же). Речи считает, что ненависть к себе у мужчин-геев является главной причиной садомазохизма. Он описывает угнетение, которое испытывает любой гей со стороны гетеро по мере

взросления. Ритуал садомазохизма, говорит он, вытекает из этого и «принимает осуждение, унижение, ненависть и презрение мира гетеросексуалов к гомосексуалам» (там же). Согласно этому анализу, гей вырастает стыдящимся своей любви к другим мужчинам и чувствует себя способным заниматься сексом с мужчинами только тогда, когда его заставляют делать это в садомазохистском ритуале или когда его наказывают за «желание гомосексуальных половых актов» (там же). В это объяснение включена буква «s» (садо). Речи объясняет, что «он переносит свои чувства презрения к себе за собственную гомосексуальность на съежившегося «m» (мазо), который добровольно превращается в то, что его называют ненавистники геев» (там же). В результате буква «s» говорит: «Теперь ты квир, а не я, и я накажу тебя за это, так же, как меня наказали за это...» (там же). По словам Речи, «гейский садомазохизм — самое отвратительное наследие гетеросексуального мира» (там же).

Это убедительный аргумент. Он действительно, кажется, объясняет атаку, совершаемую в садомазохистской практике, на плоть, очевидную ненависть к сексуальности. Это помогает понять жестокие атаки, совершаемые в практике пирсинга на мужские гениталии, вплоть до кастрации. Такое объяснение указывает на разрушительность поддержки садомазохизма со стороны мужчин-геев. Поддержка настолько сильна, что существует цензура любых несогласных голосов. Антисадомазохистские замечания Речи были сильно отредактированы или опущены в интервью в газете, которую он называет «гей-освободительной». Это настоящая ирония, что теоретики гей-освобождения должны поддерживать и продвигать как половую свободу практику, которая является результатом и перерабатывает среди геев ненависть и угнетение, которые они испытывают в гетеросексистском мире.

Это объяснение кажется правильным и, несомненно, помогает объяснить садомазохизм геев, но в нем отсутствует один важный ингредиент. Оно не объясняет различий между половыми практиками геев и лесбиянок. Там, где есть различия, связанные с полом, необходимо искать феминистское объяснение. Речи не понимает гендерной политики. Он ясно дает это понять в «Изгое сексуальности» отчасти через большое несоответствие своей способности так яростно осуждать садомазохизм в контексте того, что выглядит как хвалебная песнь садомазохизму. Половина книги, описанной как «документальный фильм», подробно описывает приключения героя Джима на пляжах, в переулках и заброшенных зданиях. Герой «качается», то есть накачивает тело, прежде чем выйти на улицу. Он прогибается перед потенциальными половыми контактами, которые прогибаются в ответ. Вся «половая охота» описывается в терминах завоевания и поражения. Речь идет о доминировании и подчинении и утверждении мужественности. Одно краткое описание встречи должно дать представление об элементах садомазохизма этого вида круизинга. Джим отправился домой на пикапе.

> *Два красивых мужских тела лежат рядом, обнаженные. Они не соприкасаются. Ни один из них не двигается. Каждый смотрит прямо перед*

собой, в сторону от другого. Привыкнув к преследованию, каждый ждет, пока другой подойдет первым. Оба сильно возбуждены, члены напряжены. Теперь они смотрят друг на друга, каждый хочет другого еще больше. Но они отводят взгляд. Их члены напрягаются в изоляции. Ничего.

Ничего.

Джим спрыгивает с кровати, другой одновременно тянется за одеждой. Отводя взгляд друг от друга, оба торопливо одеваются, каждый из них глубоко ранен сожалением о том, что они не соединились (там же).

Эти мужчины не могли заниматься сексом, потому что ни один из них не инициировал контакт. Инициировать контакт означало признать поражение и позволить другому одержать победу. Джим круизит, чтобы удостовериться в своей силе и желанности. Одного отказа достаточно, чтобы разрушить его уверенность и счастье. Тем не менее, геи, которые принимают эту позу мачо, эту ужасающую и жестокую битву, в которой молчаливые мужчины, стремящиеся выглядеть как бандиты, изо всех сил пытаются принести себя в жертву в мазохистской дани «мужскому» телу или одержать победу, постоянно подвергаясь поклонению в акте фелляции, Речи называет «ударными войсками Революции сексуальности» (там же). Речи стремится провести четкое и абсолютное различие между этой деятельностью, которую он считает столь позитивной, и садомазохизмом, который он рассматривает как такую угрозу. Трудно понять, где можно провести черту. Речи не готов делать ничего, кроме восхвалять круизинг. Чтобы быть последовательным, он должен рассматривать мужской гей-садомазохизм просто как верхушку айсберга. Когда общепринятая практика гомосексуальных отношений между мужчинами эротизирует доминирование и подчинение, тогда гомосексуальные отношения между мужчинами следует объяснять в контексте конструирования мужской сексуальности.

Джон Столтенберг рассматривает садомазохизм как неизбежный результат «социальной структуры полового доминирования мужчин над женщинами». «Для генитального мужчины», — объясняет он, «эротизированное насилие над женщинами приводит к овеществлению мужской половой идентичности» (Jay and Young, p.92). Как это может работать между двумя мужчинами? Столтенберг видит, что верхний воплощает «культурную норму мужской сексуальности» и отождествляет себя с «ценностями и поведением мужского превосходства». Нижний укрепляет свою мужскую половую идентичность, свою мужественность, впитывая в себя либо телесные жидкости настоящего мужчины, либо его насилие.

Для этого партнера удовлетворение заключается в том, что он глотает сперму садиста и/или поглощает насилие садиста. Эти мифические остатки мужского присутствия садиста остаются в его теле, и он усваивает потенцию, как батарея, получающая заряд (там же).

Респонденты Спады подтверждают выводы Столтенберга о поглощении мужественности пассивами в половых контактах. Их комментарии о фелляции особенно актуальны. Один из участников заметил: «Я всегда чувствую, что перекачиваю немного мужской силы из тела своего партнера в свое» (Spada, стр. 83). О глотании эякулята один мужчина прокомментировал: «Это заставляет меня чувствовать, что у меня есть семя супермена, если мой партнер действительно возбуждает» (там же). Другие описывали сперму как «таинственную, мощную… начало жизни и творения» и «самую важную часть его [партнера] мужественности» (там же).

Разница между садомазохизмом геев-мужчин и садомазохизмом лесбиянок проясняется такими утверждениями. Лесбиянки не могут поглощать власть правящего класса, выступая в качестве нижних, поскольку ни одна женщина не имеет такой власти. Столтенберг объясняет, что тяга к садомазохизму у мужчин и женщин совершенно разная, «потому что мужское гомосексуальное стремление к мужественности функционирует как средство отмежеваться от низшего статуса женщины, в то время как мазохизм женщины функционирует, чтобы зафиксировать ее в этом состоянии» (там же). Возможно, чтобы понять важность садомазохизма в мужской гей-культуре, нам нужно объединить объяснения, основанные на угнетении геев, с объяснениями, основанными на угнетении гендера. Половое поведение имеет решающее значение для мужской половой идентичности и является основным источником усиления эго. Для геев это осложняется ненавистью к себе и тем фактом, что объектом их желания является мужской правящий класс. Поклонение принципу мужественности может осуществляться как в активной, так и в пассивной роли в садомазохизме.

5. Феминизм и сексуальность

ДНИ НЕВИННОСТИ

В первые несколько лет женского освобождения принципы полового освобождения были приняты гетеросексуальным мейнстримом движения довольно некритически. Однако уже с 1970 года некоторые феминистки начали широкомасштабную критику самой гетеросексуальности и разрабатывали теорию лесбийского сепаратизма, которая была совершенно отличной от сексологической. Гетеросексуальные феминистки, как правило, признавали, что они в большом долгу перед Мастерсом и Джонсон. Они выражали свою веру в то, что огромная сила женской сексуальности, выраженная в способности женщин достигать множественного оргазма, могла бы, если бы она была освобождена от рабства, освободить женщин. Энтузиазм по поводу реализации потенциала женской сексуальности зашел так далеко, что некоторые феминистки путали освобождение сексуальности (прим.пер: имеется в виду революция сексуальности) с политическим освобождением женщин. Подобно Мастерсу и Джонсон, они считали освобождение женщин синонимом освобождения сексуальности. Такие феминистские идеи о сексуальности находились на очень ранней стадии развития. Опыт должен был показать их ограничения, и именно эти ограничения теперь требуют тщательного рассмотрения. Рассматривая невероятное волнение, вызванное этими идеями, важно понять, какое огромное чувство освобождения испытали женщины, когда они вдруг смогли говорить о сексе с другими женщинами и увидеть себя в качестве субъектов сексуальности. Контраст с изолированной тревогой, которую испытывали многие, кто были сексуально активны в 1960-х годах, был сильно ощутим.

Статья в британской женской освободительной газете Shrew от 1972 года показывает, в какой степени идеология освобождения сексуальности смешалась с феминизмом. «Shrew» (оскорбительное слово для женщины, которую считают неприятной, легко раздражаемой и много спорящей) не публиковалось регулярно, а распространялось между различными женскими освободительными группами. Группа, у которой было что сказать, просто брала на себя ответственность за проблему. Выпуск под названием «Подавленная сила женской сексуальности» был подготовлен группой Бромли. Статья на первой странице начиналась с объяснения понятия, распространенного в феминистских дискуссиях о сексуальности в то время, что женщины обладают истинной и подлинной сексуальностью, которая была подавлена или украдена у них мужчинами.

> *Женщины обладают способностью к сексуальности, намного превосходящей мужскую. Но тысячи лет патриархальной обусловленности лишили нас нашего потенциала и обманули нас относительно истинной природы нашей сексуальности. Женщинам запрещено владеть своей сексуальности и*

использовать ее для себя, как средство личного самовыражения. Наша подлинная сексуальность была отобрана у нас, подвергнута процессу искажения и увечья, а затем возвращена нам как пассивная покорность, которая выдается за «истинную» женскую сексуальность (Shrew, декабрь 1972 г).

Это было эссенциалистское представление, которое предполагало, что женщины обладают истинной и естественной сексуальностью, которая будет высвобождена, когда все неблагоприятные условия будут преодолены. Сущность женской сексуальности оказалась копией того, что предписывали сексологи 1960-х годов — постоянно отзывчивая, многооргазменная женщина, которая была чрезвычайно воодушевлена половым контактом с мужчинами.

Энтузиазм по восстановлению подлинной сексуальности женщин возник из волнения, которое женщины испытывали по поводу открытий Мастерса и Джонсон. Сьюзен Лайдон в своей статье 1970 года «Политика оргазма» выразила эти чувства.

Но если материалу Мастерса и Джонсон будет позволено проникнуть в общественное сознание, чтобы заменить укоренившиеся фрейдистские мифы, то женщина, наконец, получит возможность сделать первый шаг к своей эмансипации, определить и насладиться формами своей сексуальности (Susan Lydon, 'The Politics of Orgasm', 1970).

Авторки статьи «Shrew» оценили работу Мастерса и Джонсон как очень позитивную: «Их открытия были чрезвычайно значимы для женщин, особенно открытие значительно превосходящей способности сексуальности женщин по сравнению с мужчинами» (там же). Эта превосходная способность заключалась в возможности продолжать испытывать оргазмы до тех пор, пока не наступит физическое истощение. Они были в той же степени довольны работой Мэри Джейн Шерфи, которая вдохновилась Мастерсом и Джонсон на демонстрацию превосходных способностей женщин, и обнаружила, что женщины могут с помощью электрического вибратора достигать до пятидесяти оргазмов одновременно.

Сейчас трудно понять, почему работа Шерфи была встречена так позитивно. Она пишет о женщинах как о бездумных, неконтролируемых животных. Женщины никогда не могут быть сексуально насыщены, утверждала она, потому что их способность к оргазму была настолько бесконечной. Она описала эту способность как «универсальное и физически нормальное состояние неспособности женщин когда-либо достичь полного сексуального насыщения [даже] при наличии самых интенсивных, повторяющихся оргазмических переживаний». Женщина обычно «заставляет» себя быть удовлетворенной, «потому что она просто не осознает степень своей оргазмической способности» (Mary Jane Sherfey, 'A Theory on Female Sexuality'). Анализ Шерфи не оспаривал сексологическое предположение о центральном значении полового акта в жизни. Она рекомендовала продолжительный половой акт.

Она писала: «На основе этих наблюдений, кажется, что подавляющее большинство случаев фригидности обусловлено просто отсутствием частого, продолжительного соития» (там же). Она была в восторге от ужасающих методов Мастерса и Джонсон по обучению женщин оргазмам. Она объяснила, что «ежедневные сеансы супружеского соития сопровождались длительным использованием искусственного фаллоса (три-четыре часа и более)» (там же).

Теория Шерфи о женской сексуальности и истории была явно антифеминистской. Она считала, что женская сексуальность была «слишком сильной, слишком восприимчивой к колеблющимся крайностям побудительного, агрессивного эротизма» и что «неумеренные» требования сексуальности женщин должны были быть насильственно подавлены как «предпосылка к заре каждой современной цивилизации». Она пришла к выводу, что женщины должны были контролироваться мужчинами, чтобы сделать возможной упорядоченную «семейную» жизнь (там же). Описанная ею сексуальность была мужской моделью, и именно этой мужской модели женщины, захваченные «освобождением сексуальности», стремились подражать.

Взгляд Шерфи на женскую сексуальность был не очень позитивным, и все же статья Shrew, в соответствии с другими феминистскими работами того времени, назвала ее анализ «блестящим».

Авторки Shrew увидели жизненно важную связь между реализацией «женского эротического потенциала» и освобождением женщин. Женщины должны вернуть себе силу своей сексуальности, утверждали они, не только потому, что это было бы весело, но и потому, что женщины могут бросить вызов ограничениям, наложенным на них в любой другой сфере, только сначала достигнув своей силы сексуальности. Они выразили эту связь следующим образом:

Отказ женщинам в их полной автономии сексуальности, таким образом, является одним из способов, с помощью которых мужское общество гарантирует, что женщины будут ощущать себя бессильными и, следовательно, неспособными изменить условия своей жизни. Лишая женщин их мощной сексуальности, мужское общество фактически лишает их их власти (Shrew, p. 2).

Членкам группы Бромли, как и большинству из нас в те дни, не приходило в голову, что восторженное следование сексологическому предписанию может не соответствовать интересам женщин. Феминистки, которые в то время были гетеросексуальны, имели тенденцию бросаться в половую активность в погоне за своей «подлинной» сексуальностью. Это означало больше половых актов, в большем количестве поз и больше инициирования половой активности. Освобождающие эффекты не были очевидны.

В своем заключении авторки Shrew критиковали «освобождение сексуальности», которое означало для женщин «свободу быть более легкодоступным

половым объектом». Они хотели «реального освобождения», которое могло быть достигнуто только тогда, когда женщины «полностью переопределят сексуальность и, таким образом, переопределят себя» (там же). Но переопределение должно было оказаться очень трудным. Сначала нужно было выбросить за борт большой сексологический багаж. Женщине, говорили они, больше не нужно было говорить, «что она по своей природе пассивна, по сути мазохистка, и что она найдет истинное удовлетворение только в подчинении мужчине». Она должна была проявлять инициативу и энтузиазм в отношении полового акта. Но именно это рекомендовали Мастерс и Джонсон, чтобы противостоять вызову, брошенному феминизмом. Эти идеи также рекомендовались в «Радости секса».

Другим аспектом работы Мастерса и Джонсон, который привлек феминисток, помимо очевидного доказательства удивительной оргазмической способности, было доказательство того, что женский оргазм был клиторальным. Сексологические труды на протяжении всего двадцатого века провозглашали, что женщины должны достигать вагинального оргазма во время полового акта, чтобы быть здоровыми. Некоторые сексологи подвергали это сомнению до Мастерса и Джонсон, но они забили гвоздь в гроб вагинального оргазма своими лабораторными экспериментами. Эксперименты, казалось, доказывали, что как бы ни испытывался оргазм и откуда бы он ни исходил, место ощущения и спусковой крючок механизма находятся в клиторе, а не в вагине. Феминистки с восторгом ухватились за это. Самым известным прощанием с вагинальным оргазмом была статья американской феминистки Энн Коэдт 1970 года «Миф о вагинальном оргазме».

Коэдт интерпретировала выводы Мастерса и Джонсон о клиторальном оргазме как вызов идее о том, что женщины должны вступать в половой акт. Это было совсем не то, что имели в виду сексологи. Коэдт пришла к выводу, что мужчины поддерживали миф о вагинальном оргазме и сопутствующей необходимости полового акта только потому, что это была практика, которая давала им наиболее удобную половую стимуляцию. Мужчины подавляли правду о клиторальном оргазме, утверждала она, потому что «мужчины боятся, что станут расходным материалом для полового акта, если клитор заменит вагину как центр удовольствия для женщин» (Anne Koedt, ‘The Myth of the Vaginal Orgasm’, 1974). Коэдт положительно относилась к лесбийству, и предположила, что если бы клиторальный оргазм был принят, то «это означало бы, что половое удовольствие можно получить как от мужчин, так и от женщин, таким образом делая гетеросексуальность не абсолютной, а вариантом» (там же).

Но в своем энтузиазме по поводу клиторального оргазма и идеи об удивительном женском потенциале сексуальности, феминистские писательницы приняли сексологические идеи, которые не обязательно соответствовали женскому опыту. Коэдт утверждала, что вагина совершенно нечувствительна и неспособна чувствовать, чтобы поддержать свою идею о том, что клиторальный оргазм

освобождает женщину от необходимости вагинального полового акта. Она заявила, что «женщинам не нужна анестезия внутри вагины во время операции, тем самым указав на тот факт, что вагина на самом деле не является высокочувствительной областью» (там же). Она описала вагину как очень «нечувствительное место» и написала: «Даже важность вагины как эротического центра (в отличие от оргазмического центра) оказалась незначительной» (там же). Лесбийские писательницы не всегда соглашались с этим. Джилл Джонстон высмеяла теорию нечувствительного вагины в своей книге 1973 года «Нация лесбиянок». Она объяснила, что никогда не считала вагину нечувствительной, и предположила, что гетеросексуальные феминистки считали необходимым утверждать это, чтобы оправдать избегание пенетрации. Они видели только пенисы в вагине, как она предположила, и понятия не имели, насколько чувствительным этот орган может быть к рукам.

> *У меня есть запись от 18 июня 1970 года: «выяснить, что они подразумевают под мифом о вагинальном оргазме». Впоследствии я спросила нескольких «феминисток». По сути, они сообщили мне, что я не испытываю того, о чем говорю, что чувствую, и не чувствую того, о чем говорю, что испытываю, и все в таком духе про то, что я лгунья. И их главным авторитетом были Мастерс и Джонсон. Изучая феминистскую литературу, я решила, что феминистки нашли идеальное обоснование для своего разочарования и оправдание того, что им больше не нужно трахаться с мужчиной… Кажется на самом деле удивительным, что то, что они утверждали, было упрямым нежеланием подчиняться обычному половому акту по причине нечувствительности вагины. (Никакого упоминания о руках, бананах или дилдо) (Jill Johnston, Lesbian Nation, 1974).*

Другая загадочная идея, заимствованная из мужской сексологии, заключалась в критической необходимости оргазма для здоровья. Все сексологи говорили о серьезных проблемах со здоровьем, которые могли бы испытывать женщины, если бы у них не было оргазмов. Пэт Уайтинг утверждала как факт, что «У женщин, которые постоянно подвергаются половому акту без оргазма в течение длительного периода, часто развивается хроническая гиперемия тазовой области, которая приводит к гинекологическим расстройствам» (Pat Whiting, ‘Female Sexuality: its political implications’, 1972). Мэри Джейн Шерфи поддержала эту идею. Она сказала, что женщины могут быть «эмоционально удовлетворены» без оргазма, но «такое состояние редко сохраняется в течение многих лет частого возбуждения и соития без какого-либо физического или эмоционального формирования реакции» (Sherfey, p 221). Это был классический прием сексологов — угрожать женщинам неспецифическими, но опасными формами физических или психических заболеваний, если они не соответствовали сексологическим требованиям к половому акту.

Феминистки, которых мы рассматривали, приняли мужскую модель того, что составляет освобождение сексуальности. Женщины должны были подражать мужской сексуальности и стать эффективными, агрессивными исполнительницами сексуальности. Работа Бетти Додсон является хорошим примером такого подхода. Додсон оказала большое влияние на ранние феминистские идеи о сексуальности посредством своих семинаров по бодисексу, своей книги «Освобождающая мастурбация» и своих слайдов женских гениталий, показанных на конференции по освобождению сексуальности женщин. Додсон, больше, чем любая другая писательница-феминистка того периода, придерживалась неисправленной программы революции сексуальности. В разделе о свинге Додсон была отмечена как одна из гостий в Сэнстоуне, академии свинга в США. Додсон объясняет, что после обычного брака у нее начался роман в 1966 году, который познакомил ее с «хорошим сексом» и свингом.

> *Обучение тому, как жить, не владея другой человекой, проходило поэтапно. Сначала Грант и я перестали быть постоянными. Мы начали встречаться с другими людинями и обмениваться информацией о наших успехах и неудачах. Совместный секс в групповой обстановке помог нам преодолеть оставшуюся ревность. Мы открыли для себя радость получать свою долю, разделяя эротическую любовь подруга с подругой и несколькими другими людинями одновременно. Половое изобилие привело нас в здравомыслие. Мы больше не ожидали и даже не хотели, чтобы наш половой обмен длился «вечно». Теперь мы могли просто наслаждаться им до тех пор, пока он был хорош (Betty Dodson, Self Love and Orgasm, 1983).*

Додсон «вышла на публику» в 1968 году со своим эротическим искусством. Ее иллюстрации женских гениталий и половых отношений между женщинами и между мужчинами и женщинами использовались не только в ее собственных работах, но и в таких книгах, как влиятельная и уважаемая книга Хелен Сингер Каплан «Новая секс-терапия» (Helen Singer Kaplan, The New Sex Therapy, 1974). Когда она организовала выставку рисунков мастурбации, реакция была настолько шокирующей, что она убедилась, что «подавление сексуальности напрямую связано с подавлением мастурбации. Из этого следовало, что мастурбация может играть важную роль в обращении вспять процесса подавления сексуальности» (Dodson, стр. 49).

В 1970 году она создала группу повышения самосознания. Додсон решила, что освобождение сексуальности является центральным для освобождения женщин. Она отстаивала «власть, основанную на удовольствии. Экономической власти было недостаточно. Без освобождения сексуальности, которое освобождало человеческий дух, мы бы злоупотребляли властью так же, как и мужчины» (там же).

Она была разочарована женщинами в своей второй группе повышения самосознания. Это были женщины, «попавшие в ловушку ложной скромности и очень

озабоченные своим телом» и «все они имели слабое романтическое отношение к сексу». Додсон решила просветить их о сексе. «[Я] бредила о мастурбации без чувства вины и показывала им различные движения таза и позы, которые я использовала со своим вибратором» (там же). Перед тем, как покинуть группу, она раздала всем ее членкам электрические вибраторы.

Додсон решила, что ей нужно стать учительницей секса. В 1973 году она присоединилась к группе феминисток, чтобы спланировать конференцию Национальной организации женской сексуальности в Нью-Йорке. На пленарном заседании она решила представить «слайд-шоу "расщепленного бобра" (прим.ред: имеются в виду изображения вульвы) для феминисток, чтобы женщины могли стать "пизда-позитивными"». Она сфотографировала гениталии двадцати женщин на конференции. Додсон была не единственной феминисткой, фотографировавшей гениталии. Фильм Энн Северсон о женских гениталиях, включая тампонные нити и дрожжевые инфекции, был показан на Эдинбургском фестивале в 1972 году (Anne Severson, ‘Don’t Get Too Near the Big Chakra’, 1982).

В 1973 году Додсон открыла первый из своих семинаров по бодисексу. Она открывала дверь обнаженной перед участницами и просила их немедленно раздеться. Семинары проходили по кругу и обнаженными. Додсон демонстрировала, как она мастурбирует до оргазма, и всем женщинам предлагалось показать свои гениталии друг другу. Додсон пишет: «Я всегда шла первой. Используя обе руки, я раздвигала внешние половые губы вагины, обнажая свои милые маленькие складки…» (Dodson, p.22).

Они занимались анальным самомассажем и групповой мастурбацием. Додсон впадает в мистицизм по поводу мастурбации, которую она называла «Церемонией управляемой мастурбации». Она пришла к пониманию, говорит она, что она была «тантрической мастерицей», которая «учила сексу, занимаясь сексом». Она «провела почти пять тысяч женщин через ритуалы оргазма. Все эти женщины были моими божественными любовницами». Церемония проходила следующим образом:

> *Мы начали ритуал, стоя в кругу и танцуя под музыку с нашими вибраторами. Это было ошеломляющее видение женской эротики. Я провела группу через различные виды генитальной стимуляции, тазовые движения и дыхательные методики. Затем мы забрались на наши вибраторы, которые были размещены на подушках, и экспериментировали с тазовыми толчками… Мы выносили мастурбацию из самого темного шкафа нуклеарной семьи и помещали самосексуальность в Храм Удовольствия… Экстаз наступил, когда я оглядела круг мастурбирующих женщин и чуть не упала в обморок от эротического изображения (там же).*

Однако интересно, что Додсон никогда не идентифицировала себя как лесбиянку, несмотря на удовлетворение, полученное от ее «божественных

любовниц», и женщинам не разрешалось прикасаться подруга к подруге на этих сеансах.

Несмотря на утверждение Коэдт о том, что подтверждение клиторального оргазма может утвердить лесбийство и привести к тому, что женщины почувствуют, что им вообще не нужны мужчины для их полового удовольствия, большинство этих феминистских теоретикесс сексуальности не выбирали женщин. Похоже, они использовали новые идеи о сексуальности, чтобы стать лучшими партнерками в постели для своих парней. Додсон держала свои импульсы по отношению к женщинам под строгим контролем. Однажды вечером она объяснила своей группе по повышению сознательности, что она чувствует по отношению к женщинам:

> *Я была феминисткой сексуальности, которая была готова праздновать любовь женщин к женщинам, не в идеализированной романтической парной связи, а в счастливой игривой манере. В обстановке группового секса я испытала радость от физического и сексуального нахождения с женщинами. Я также считала, что ярлыки скоро устареют (там же).*

Додсон говорит здесь не о лесбийстве. В среде свингеров мужчины с радостью поощряли женщин заниматься сексом с другими женщинами, потому что это их заводило и не считалось чем-то угрожающим. Она, по ее собственным словам, не вступала в половые и эмоциональные отношения с женщинами, а направляла свою энергию на то, чтобы дать женщинам возможность быть более эффективными в половом плане с мужчинами. Ее замечание о ярлыках показывает, что она не считала половую ориентацию политической. В обществе, где гетеросексуальность является политическим институтом, лесбийство и гетеросексуальность не собирались становиться равноценными половыми предпочтениями.

Многие из тех вещей, которые пропагандировали Додсон и другие британские и американские феминистки того времени, казались действительно революционными. Это верно, что женские гениталии считались в мужской культуре отвратительными или опасными, и что девочек воспитывали так, чтобы они игнорировали свои гениталии или стыдились их. Девочек и женщин воспитывали так, чтобы они отрицали важность собственного полового удовольствия, не знали о существовании клитора и чувствовали себя виноватыми за мастурбацию. В таком климате сеансы обнаженной групповой мастурбации, которые вызывали ужас или веселье у молодых женщин 1980-х годов, действительно приносили глоток свежего воздуха. Для женщин было и остается очень важным чувствовать, что они имеют право на свои собственные тела, смотреть на них, чувствовать их и заботиться о своем здоровье и удовольствиях. Но идеи и практики этих феминисток были заперты в программе революции сексуальности, которая основывалась не на интересах женщин, а на сохранении мужского превосходства.

Эти ранние феминистки считали секс чем-то, от чего женщины были отрезаны. Женщинам не позволяли тех удовольствий, которые мужчины принимали как должное. Секс был вопросом равных прав. Мужская сексуальность была взята в качестве модели, которой женщины должны были подражать. Феминистки не понимали, что мужская модель не может быть примером подражания для женщин, потому что это была не просто «сексуальность», а сексуальность правящего класса, которую лишенный власти класс не мог принять. Но гетеросексуальные феминистки в начале 1970-х годов считали, что женщины могут быть более успешными в этой модели, чем мужчины. Пэт Уайтинг объяснила, как это произойдет: «При правильной психологической и эротической стимуляции женщина может реагировать на половое удовольствие и оргазм так же, как и мужчина, и имеет больший потенциал реагирования» (Whiting, p. 205). Энн Коэдт сравнила клитор с пенисом. Она писала: «клитор почти идентичен пенису»; и «клитор — это небольшой эквивалент пениса» (Koedt, p.141). Идеальная форма мужской сексуальности в Революции была мощной, постоянно способной к половому акту и всегда желающей, способной отделить половой акт от любовных эмоций и использовать все половые возможности. Она основывалась на модели подъема-спада. Параметры половой активности устанавливались набуханием пениса, вызванным половым влечением, которое должно было непосредственно приводить к большему и большему набуханию до оргазма и спада. Половой акт был ориентирован на цель. Целью был оргазм, и половой акт заканчивался, когда оргазм достигался.

Женской версией этой мужской модели был «трах без застежки» в стиле Эрики Джонг. Считалось, что женщины должны иметь возможность испытывать влечение к незнакомцам, немедленное возбуждение, быстрый прогресс до оргазма — предпочтительно через половой акт — и веселую, свободную от чувства вины распущенность без ревности. Уайтинг, например, критиковала «миф о том, что женщины должны быть "влюблены", чтобы наслаждаться сексом» (Whiting, p.204). Додсон, как мы видели, пропагандировала свинг, преодоление ревности и энергичную немоногамию. Женщины должны были быть сильными, желательно сверхсильными, с бесконечными оргазмами.

Хотя одним из мотивов одержимости мастурбацией и оргазмом, несомненно, было то, что женщины должны иметь возможность получать половое удовольствие независимо от мужчин, другим важным мотивом, по-видимому, было ускорение половой реакции женщин, чтобы они больше соответствовали циклу мужской реакции и предпочитаемой мужчинами практике полового акта. Додсон использует это как стимул для сомневающихся женщин использовать вибраторы и мастурбировать. «Я заверила их, что возбужденная феминистка — это радость для мужчины, а не угроза» (Dodson, p.31). Если бы женщины мастурбировали и научились быстро и эффективно достигать оргазма, это позволило бы им вписаться в модель

мужской сексуальности «подъем-спад», при этом мужчинам не пришлось бы ни в малейшей степени менять свою практику.

Главная проблема для женщин, пытающихся подражать мужской сексуальности, заключается в том, что как сексуальность правящего класса, она строится вокруг того факта, что у них есть подчиненный класс, с которым они могут обращаться как с половым объектом. Женщины и есть этот подчиненный класс. Элементы, составляющие мужскую сексуальность, зависят от обладания статусом правящего класса, такие как объективация, агрессия и отделение полового акта от любовных эмоций. Женщины обречены на неудачу в попытках обрести форму сексуальности, которая зависит от обладания властью правящего класса. Возможно, некоторые лесбиянки стремятся к близкому подражанию сексуальности правящего класса, потому что они могут практиковать ее на других женщинах. Гетеросексуальные женщины не могут практиковать сексуальность правящего класса на мужчинах, потому что они не являются правящим классом. Все, что гетеросексуальные женщины могут делать, это приспосабливать мужские половые интересы, чувствуя себя неполноценными из-за того, что не могут совершить такие подвиги, как устранение ревности. Неудивительно, что «трах без застежки» обычно не приводил к ощущению власти. В мужском превосходстве половой доступ мужчин к женщинам дает им власть и статус. Не имеет большого значения, кто является инициаторкой, преимущество все равно остается за мужчинами.

На ранних этапах развития феминистской теории сексуальности содержание женского желания подвергалось сомнению. Додсон считала вполне похвальным, что женщины используют фантазии об изнасиловании для получения оргазмов. Одной женщине, которая сомневалась в правильности конструирования своих половых чувств, Додсон сказала, что ее фантазии об изнасиловании — это нормально.

> *Я заверила ее, что все фантазии нормальны. Всякий раз, когда она застревает или спешит, она достает сцену изнасилования пятью ирландскими копами и всегда быстро достигает оргазма. Фантазии об изнасиловании могут возбудить нас в нашем сознании, потому что мы мастурбируем с приятными ощущениями в наших телах. Для меня не существует такого понятия, как «феминистские фантазии» или «феминистский секс»... Никогда не будет одного «правильного способа» иметь фантазии и оргазмы (там же).*

Этот раздел книги Додсон, по-видимому, является частью переработки, сделанной для издания 1983 года, а не для издания 1974 года. Она проявляет значительную враждебность к радикальным феминисткам, которых она считает желающими революции. Додсон призывает женщин заменить «радикальный феминизм» на «эротический феминизм» и стремиться к «личному освобождению». Она заключает: «Настало время нам поддержать половое удовольствие в любой

форме и жить дальше, жить свободой и стремлением к счастью. Оргазм есть оргазм есть оргазм» (там же). Для Додсон именно секс сделает женщин свободными, и она не изменила своего мнения.

Обсуждение конструкции женского желания, на которое ссылается Додсон, произошло в 1980-х годах и будет подробно рассмотрено в Главе 6. Достаточно сказать, что на этой ранней стадии феминистки не анализировали свои фантазии. Фантазии были необходимы многим женщинам для мастурбации. В мире мужского превосходства, где содержание мужской и женской фантазийной жизни, как правило, было таким же противоположным, как гендерные роли в любом другом аспекте жизни, не могло долго оставаться непроблемным то, что женщины использовали фантазии о собственном унижении, чтобы возбудиться.

Но ранние теоретикессы феминизма считали половой акт хорошим, позитивным и невинным, волшебным садом наслаждений, из которого женщины были несправедливо отрезаны. Не было понимания того, что мужчины и женщины существуют в отношениях власти, и что мужская и женская сексуальность построены через материальные отношения власти и безвластия, так что их нельзя было легко изменить усилием воли. Отдельные мужчины считались освобожденными от структуры власти мужского превосходства, как будто мужчины и женщины могли резвиться как свободные и независимые личности в спальне, как только их самосознание повышалось. Сексологи всегда говорили, что женщины страдают от полового невежества и подавления, и что им нужно испытывать удовольствие от полового акта с мужчинами. Но, как ясно показывает исследование развития сексологии, получение восторженного гетеросексуального отклика от женщин рассматривалось как эффективный способ сохранения мужской власти. Ранние теоретикессы феминизма преследовали ту же цель, полагая, что это освободит женщин. Маловероятно, что все они могли быть правы одновременно.

Это состояние невинности и принятия программы освобождения сексуальности продолжалось до тех пор, пока феминистки не начали работать над проблемой полового насилия мужчин по отношению к женщинам. Начав с изнасилований, феминистки вытащили на публичную арену многочисленные доказательства того, что половой акт не был беспроблемной радостью для женщин. Результатом раскрытия огромного, но скрытого количества злоупотреблений, которым подвергались женщины и девочки в форме половых домогательств, полового насилия в детстве и супружеского изнасилования, стало то, что программа освобождения сексуальности должна была быть подвергнута критическому анализу. Половой акт не всегда был положительным благом, но, похоже, легендарное половое подавление и невежество женщин, а также двойной стандарт были не единственными виновниками того, что женщины не могли прекрасно и беззаботно проводить время в постели. Когда женщины и девочки на протяжении всей жизни испытывали такую систематическую половую агрессию со стороны мужчин, для женщин было

реалистично и разумно сопротивляться мужской сексуальности и с подозрением относиться к ней. Фокус сместился с женщин как проблемы на критику мужского полового поведения и анализ того, как мужское половое насилие поддерживало их власть. Феминистская теория сексуальности развивалась в 1970-х и 1980-х годах, чтобы охватить широкую критику мужской сексуальности, мужского насилия и его влияния на женщин, а также конструирование женского желания.

ДНИ ОПЫТА

Еще в 1971 году статья Сьюзан Гриффин «Изнасилование: всеамериканское преступление» изложила рамки феминистского анализа. Она заявила, что изнасилование — это усвоенное поведение и продукт того, как культура мужского превосходства сконструировала мужскую сексуальность (Susan Griffin, 'Rape: the All-American Crime'). От мужчины ожидалась агрессия, а от женщины — пассивность. Она раскритиковала мифы, созданные культурой мужского превосходства для легитимации изнасилования, например, что «все женщины тайно хотят быть изнасилованными» и что «большая часть изнасилований провоцируется жертвой». Она указала на отсутствие четкой границы между изнасилованием и половым актом, что очевидно из трудностей, с которыми сталкиваются суды при попытке разделить «взаимное» и «принудительное» совокупление. Она заявила, что «основные элементы изнасилования присутствуют во всех гетеросексуальных отношениях», поскольку «в нашей культуре гетеросексуальная любовь находит эротическое выражение через мужское доминирование и женское подчинение». Она отвергла идею о том, что насильниками были мужчины, которые просто были чрезмерно увлечены или бестактны в погоне за половым удовольствием. Насильники, сказала она, насиловали, потому что наслаждались властью, которую это им давало; они «очевидно наслаждаются силой и доминированием так же или больше, чем простыми плотскими удовольствиями». «Профессиональный насильник» отличался от «среднего доминирующего гетеросексуала» лишь количественной разницей. Даже «хорошие мальчики» насиловали.

Она описала влияние изнасилования на формирование женской сексуальности как внушение страха: «Каждая девочка, становясь женщиной, учится страху» (там же). Результатом такого страха стало то, что она должна «научиться не доверять своей собственной плоти. Она должна отрицать свои собственные чувства». Сексологи, как мы видели, давно осуждали женские «самозапреты» как результат «невежества» и «подавления». Гриффин ясно дала понять, что «запреты» являются результатом конкретной реальности мужского полового насилия. Феминистки больше не могли признавать, что женщины страдают от совершенно необоснованных тревог и нуждаются просто в усилии воли, чтобы преодолеть их. Было ясно, что женский страх был не результатом злонамеренной пропаганды и ложного сознания, а чем-то, что действительно существовало и было по-настоящему пугающим.

Этот базовый анализ был развит в последующие годы, но суть осталась прежней. Изнасилование было политическим преступлением, совершенным мужчинами против женщин с целью утверждения своей власти. Это был акт терроризма, посредством которого, как выразилась Сьюзен Браунмиллер, «все мужчины держат всех женщин в состоянии страха» (Susan Brownmiller, Against Our Will: Men, Women and Rape, 1975). Более того, это было не «исключительно», а вполне понятно с точки зрения построения мужской сексуальности вокруг эротизации доминирования и насилия. Из этого понимания феминистки вывели лозунг: «Все мужчины — потенциальные насильники», который всегда вызывал вопли протеста у мужчин, желавших отмежеваться от изнасилования.

Этот слоган просто означает, что если мужская сексуальность сконструирована таким образом, что мужчины ассоциируют половой акт с агрессией, то каждый мужчина способен на изнасилование. Слоган также означает, что женщины не в состоянии знать, склонны ли мужчины, с которыми они встречаются, к изнасилованию или нет. Некоторые мужчины могут считать себя совершенно невинными, но женщины не могут относиться к ним по-другому. Для женщины в вагоне поезда или на улице каждый мужчина является потенциальным насильником. Судебная система ожидает, что женщина будет действовать исходя из этого предположения, и будет считать ее ответственной за собственную виктимизацию, если она будет обращаться с мужчиной, который впоследствии изнасилует ее, с обычной человеческой вежливостью.

Возмущение, вызванное этим лозунгом, показывает нам конфликт, с которым сталкиваются женщины, осознающие форму и масштабы мужского полового насилия. От женщин ожидают, что они будут знать и защищать себя, сохраняя любовь и уважение к отдельным мужчинам и мужчинам в целом. Если их любовь и уважение рушатся, их обвиняют в том, что они «мужененавистницы», «кастраторки», инициаторки войны полов. Женские любовь и уважение — это почтение, которого правящий класс ожидает от угнетенного класса. Оно должно постоянно подтверждаться улыбкой и энтузиазмом, а не просто вежливостью, тратой времени и энергии на обслуживание. На женщин, которые не оказывают почтения, набрасываются и клеймят как «наглых», если не как «лесбиянок». Дистанцирование от мужчин, которое может показаться вполне реалистичным с учетом доказательств, рассматривается как неприемлемое предательство политической структуры системы пола и гендера. Это болезненное противоречие, когда от них требуют любить, несмотря на все их понимание полового насилия со стороны мужчин, является камнем преткновения, о который гетеросексуальные женщины и особенно гетеросексуальные феминистки постоянно натыкаются.

Феминистский анализ изнасилований начался с изнасилования незнакомцами. Изнасилование незнакомцем — единственный вид изнасилования, который судебная система и другие институты мужского превосходства, такие как СМИ, были готовы

определить как изнасилование. Понятие изнасилования незнакомцем, хотя и угрожает доминирующей идеологии, которая стремится сделать женщин любящими, доверчивыми, дружелюбными и вежливыми по отношению к мужчинам в целом, может быть использовано в интересах мужчин. Женщины вынуждены искать защиты у бойфрендов или мужей от совершенно исключительного насильника-извращенца, который нападает на женщин на улице. Рэкет по защите, который Гриффин называет «рыцарством», работает на пользу мужчинам. Женщин толкают в объятия мужчин, которых они называют «милыми», чтобы они не стали жертвами мужчин, которые «отвратительны». Когда феминистский анализ перешел от изнасилования незнакомцем к гораздо более вероятной возможности в жизни женщины изнасилования мужчиной из ее близкого окружения, мужской истеблишмент и гетеросексуальная система столкнулись с более серьезным вызовом.

Вопросы инцеста и супружеского изнасилования наносят удар по самому фундаментальному институту мужского превосходства, гетеросексуальной семье. Серьезное противоречие, с которым сталкиваются гетеросексуальные женщины, стало гораздо более выраженным, когда обнаружилась распространенность детского полового насилия и изнасилования в отношениях. Как можно было бы поддерживать доверие и невинность, необходимые для того, чтобы женщины любили мужчин, выходили замуж за них и рожали от них детинь, в контексте этих знаний?

С тех пор как феминистки впервые начали обсуждать проблему инцеста и полового насилия в таких статьях, как «Половое насилие над детинями: феминистская точка зрения» Флоренс Раш, стало ясно, что изнасилование девочек отцами, братьями и другими взрослыми мужчинами встречается гораздо чаще, чем по оценкам сексологической литературы (Florence Rush, 'The Sexual Abuse of Children: A Feminist Point of View'). Год за годом, по мере того как женщины и девочки осознают, что им поверят, а мы учимся изобличать половое насилие, мы начинаем осознавать, что реальный масштаб такого насилия превосходит любые оценки, которые мы имеем смелость сделать. Если непристойное обнажение, различные формы оскорбительного прикосновения и использование порнографии включены в наше определение полового насилия, то маловероятно, что мы обнаружим много женщин, которые пережили детство, не испытав его. Пытаясь понять последствия насилия, полезно иметь представление о том, что такое насилие может повлечь за собой. Одна женщина, чей старший брат начал насиловать ее, когда ей было 10 лет, описывает приемы, входящие в арсенал ее брата:

> *...он заставил меня пойти в туалет и лечь на пол, пока он мочился и какал на меня, на мой живот... Он называл это «посвящением»... Я чувствовала себя вещью больше, чем когда-либо, как будто у меня было меньше чувств, чем в любое другое время. Просто вещь. Затем он сунул мне туалетную бумагу и сказал: «Вот. Сотри это» (Elizabeth Ward, Father-Daughter Rape, 1984).*

Она описывает смятение в отношении сексуальности, которое у нее возникло из-за насилия со стороны брата: «были времена, когда мой брат трогал меня, и мне это нравилось». Из-за этого она чувствовала себя «очень плохо» и «будто я была хуже, чем он. Как будто я больше не могла сказать, что меня насилуют» (там же). Она никогда не хотела насилия, объясняет она, но ее тело иногда реагировало автоматически.

Для девочек, подвергшихся насилию, не является чем-то необычным испытывать половую реакцию во время эпизодов насилия. Последствия для обучения женщин сексуальности таким образом многочисленны. Если девочка реагирует таким образом на собственную униженность, когда ее используют как «вещь», возбуждение вряд ли будет для нее положительным опытом. Секс и отвращение к себе для нее связаны. Недоверие к половой реакции, вероятно, развивается из нежелания испытывать чувства, которые связаны со стыдом. Еще одна возможность заключается в том, что после того, как секс и унижение были эффективно усвоены как единый комплекс, в будущем для того, чтобы вызвать половую реакцию, потребуется ритуальное или реальное унижение. В этом заключена основа для будущего садомазохизма.

Но, конечно, некоторые девочки не реагируют возбуждением на насилие, и их будущий опыт сексуальности будет другим. Дедушка одной девочки насиловал ее всякий раз, когда она играла на верстаке в его сарае для инструментов.

> *Он спустил мои трусы вниз, чтобы обхватить мои колени. Он обычно ставил меня так, чтобы я не могла его видеть. Я что-то делала на скамейке, а он стоял сзади — и он просовывал свой член между моих ног и удерживал меня в этом положении. Когда он, наконец, эякулировал, он просто вытирал между моих ног своим носовым платком, и все. Я никогда не стояла к нему лицом; он всегда был за моей спиной (Там же).*

Эта женщина «была фригидной до тридцати лет: я вышла замуж в двадцать лет... Я не могла выносить сексуальных прикосновений».

Другая девочка подверглась насилию со стороны отчима, который «целовал меня в губы, в грудь, в вагину... везде... Он заставлял меня вставать перед ним на колени. А затем он начинал отстраняться, а затем заставлял меня лизать его... Однажды он кончил мне в рот...» (там же). Она тоже объясняет, что чувствовала себя объектом из-за его внимания, и это привело к тому, что она навсегда лишилась сексуального интереса.

> *То, что ты чувствуешь после того, как с тобой сделали что-то подобное — ты не чувствуешь себя личностью, ты чувствуешь себя вещью. Ты просто не чувствуешь себя человекой, ты чувствуешь себя объектом, с которым они делают, что хотят, и у тебя нет никаких чувств... У меня нет никаких*

физических ощущений от секса, что меня по-настоящему задело… Почему? Я не чувствую, что у меня вообще есть какое-либо половое влечение…

Это лишает ваше тело и вашу душу всякого достоинства. Это окончательное вторжение в личную жизнь. Не остается ничего личного. Все ваше тело — и все ваши чувства тоже — были выставлены напоказ против вашей воли (там же).

После полового насилия над детинями, проблема, которая наиболее убедительно показала феминисткам драматическое влияние полового насилия на жизнь женщин, была связана с супружеским изнасилованием. Несомненно, лучшим термином было бы изнасилование в отношениях, поскольку оно охватывало бы изнасилование как любовниками, так и мужьями, но исследователи ограничились рассмотрением изнасилований в браке. Финкельхор и Илло обнаружили, что 10 процентов из 323 замужних женщин из Бостона, которых они изучали, подвергались половому насилию со стороны своих мужей. Определение полового насилия, которое они использовали, было следующим: мужья «применяли физическую силу или угрозы, чтобы попытаться заняться сексом со [своими женами]» (David Finkelhor and Kersti Yllo, License to Rape: Sexual Abuse of Wives, 1985, pp. 6-7; Diana Russell; Rape in Marriage, 1982). Не все нападения, как мы увидим, включали половой акт. Диана Рассел опросила 900 женщин в Сан-Франциско. Двенадцать процентов замужних женщин имели опыт, который юридически квалифицировался бы как изнасилование в этом штате, то есть половой акт с применением силы или физической угрозы или когда женщина не могла дать согласие. Она обнаружила, что еще два процента были принуждены к другим практикам, таким как оральный или анальный половой акт. Согласно исследованию Рассела, каждая седьмая женщина тогда страдала от нежелательного полового акта, совершенного силой или угрозой силы со стороны своих мужей.

Признанная проблема с этой статистикой заключается в том, что многие женщины не желают признавать, что их изнасиловали, даже если их опыт идентичен опыту, классифицированному как изнасилование в исследованиях. Женщины так возражают из-за нежелания принять, что признание изнасилования будет означать для их браков, мужей или их самих в культуре, в которой женщины обычно считают себя неудачницами или ответственными, если мужья ведут себя плохо.

Одна женщина в исследовании Финкельхор и Илло была жестоко избита и подвергалась угрозам со стороны своего мужа. «В контексте такого насилия», замечают Финкельхор и Илло, «неудивительно, что половой акт перестал быть удовольствием». Он хотел полового акта три раза в день и бил ее, оскорблял словесно или выгонял из дома, если она не подчинялась. В основном она подчинялась, чтобы избежать насилия или дальнейшего абьюза и потому что «она считала, что это ее долг». Четыре раза он заставлял ее заниматься половым актом, в одном случае, чтобы

сделать ему минет, на глазах у ее ребенки. Однажды ночью он «достал из ящика плоскогубцы и сказал ей: "Я разорву твою вагину". Он заставил ее встать на четвереньки и умолять его не делать этого, но затем он положил ребенку на кухонный стол и сказал, что убьет их обеих» (Finkelhor and Yllo). На вопрос интервьюеров, была ли она когда-либо изнасилована, эта женщина ответила: «Нет». Очевидно, что результаты опроса могут значительно занижать реальный опыт женщин, подвергшихся половому насилию. Изнасилование в браке встречается гораздо чаще, чем изнасилование незнакомцем. Из женщин, участвовавших в исследовании Финкельхора и Илло, только три процента сообщили об изнасиловании незнакомцем, 10 процентов — об изнасиловании в браке и 10 процентов — на «свидании». В исследовании Рассел в два раза больше женщин были изнасилованы мужем, чем незнакомцем.

Финкельхор и Илло отмечают, что реальный опыт женщин в супружеском изнасиловании сильно отличается от общепринятого мнения, которое определяет супружеское изнасилование как небольшое разногласие о том, когда заниматься половым актом. Они объясняют, что обнаружили три различных вида супружеского изнасилования. Один вид, который обычно имел место в контексте отношений с избиениями, по-видимому, был «капризным выражением гнева и обиды» и не имел ничего общего с разногласиями. Эти изнасилования были очень жестокими и следовали за избиениями, или удары и побои продолжались на протяжении всего полового акта. Женам в этой группе навязывали множество других практик, помимо простого вагинального полового акта.

> *Жен насилуют предметами. Например, муж одной женщины пытался изнасиловать ее метлой, а несколько мужей заставляли своих жен вставлять предметы в вагину, а затем фотографировали их. Жен насилуют анально, а их гениталии калечат. Одна женщина сказала, что ее муж кусал ее гениталии до крови, а другая сказала, что ее прижигали сигаретами. Жен заставляют заниматься половым актом с друзьями своих мужей. Две из опрошенных нами женщин сказали, что их мужья напали на них вместе с некоторыми из их друзей (там же).*

Треть женщин подвергалась принудительному анальному половому акту, пятая часть — принудительному оральному половому акту и почти четверть — половому акту в присутствии других, обычно своих детинь. Это были преднамеренные половые унижения, при которых мужья-насильники заставляли своих жен делать то, что, как знали мужья, было для них самым ужасным. Жертвы анального изнасилования сообщали о сильной боли и долгосрочном ущербе в результате. В случае одной женщины травмы заживали пять лет. Анальное изнасилование было особенно эффективным в унижении женщины, потому что этот акт подчеркивал «пассивность, подчиненность и безличность жертвы». Мужчина не находился в уязвимом

положении и не должен был сталкиваться с чувствами женщины, как ему пришлось бы при изнасиловании лицом к лицу.

Две другие категории изнасилований, которые они определили, были изнасилованиями «только с применением силы», которые случались в отношениях, в которых женщины были, по-видимому, «освобождены» и даже феминистичны. Небольшая категория изнасилований была необычайно жестокой и унизительной, но не зависела от контекста избиения. Эту категорию исследователи назвали «навязчивым изнасилованием».

Финкельхор и Илло отмечают, что последствия супружеского изнасилования, скорее всего, будут сильно отличаться от последствий изнасилования незнакомцем. Некоторые из них будут такими же, предполагают они, например, «унижение, физические травмы, чувство вины и самоупреки», но жертвы супружеского изнасилования страдают от некоторых особых травм в форме «предательства, захвата в ловушку и изоляции».

> *Они были изнасилованы тем, кого любили. Многие подвергались постоянным издевательствам, иногда фактически становясь заложницами в собственных домах. И некому посочувствовать в их боли... Когда вас насилует незнакомец, вам приходится жить с пугающим воспоминанием. Когда вас насилует ваш муж, вам приходится жить со своим насильником (там же).*

Одно из особых отличий, с которым сталкивается жертва изнасилования в отношениях, заключается в том, что от нее ожидают продолжения половых отношений с насильником. Жертвы изнасилования незнакомцем часто испытывают трудности с начинанием половых отношений с любимыми. Изнасилованная жена вынуждена продолжать заниматься половым актом с мужем, который ее изнасиловал или, возможно, продолжит насиловать. Удивительно, но некоторые жены рассказали интервьюеркам, что им нравился половой акт с мужьями в тех случаях, когда их не насиловали.

Ширли — женщина, подвергшаяся избиениям, которую муж постоянно насиловал, обычно в середине или в конце избиений. Он подглядывал за соседскими женщинами во время их брака, и 13 из них жаловались ей на это. У него было много связей с другими женщинами, и три из них забеременели. Тем не менее, Финкельхор и Илло рассказывают нам:

> *Несмотря на насилие, Ширли сообщила, что по большей части их половые отношения были очень хорошими. Даже после всей боли, которую он ей причинил, она все еще благосклонно вспоминает половой акт. Она думает, что это, возможно, было единственное, что временами поддерживало отношения (там же).*

Должны ли мы интерпретировать это как триумф человеческого духа или трагический пример ограниченного выбора, доступного женщинам под мужским превосходством? Что может означать слово «хорошо» в этом контексте? Ответ этой женщины является примером того, что сексологи требуют от женщин в целом. Несмотря на опыт полового насилия или знание о нем, несмотря на то, что происходит в их браках и как ведут себя их мужья, от женщин ожидают, что они будут с энтузиазмом заниматься половым актом. Опыт Ширли — это просто наглядный пример того, чего ожидают и добиваются от многих женщин все время. Им приходится проводить различие между половым актом, в котором они «отпускают» и становятся увлеченными, и изнасилованием, которое они пережили вчера вечером, или порнографической рекламой, которую они увидели в метро этим утром. Требуется либо разделение разума и тела, либо эротизация самого угнетения.

Две женщины даже научились извлекать половое удовлетворение из пережитого ими насильственного полового акта и смогли испытывать оргазмы. Финкельхор и Илло называют это «практической адаптацией к болезненным и трудным обстоятельствам» (там же). Другая женщина сообщала о непроизвольном возбуждении во время насильственного полового акта в некоторых случаях, когда ее тело, казалось, действовало автономно, к ее значительному страданию.

Чаще всего опыт изнасилования заставлял женщин испытывать трудности с повторным чувством энтузиазма по поводу полового акта даже с другими мужчинами. Одна женщина, чей муж разорвал ей вагину кулаком, испытывала половые трудности в двух последующих браках. Женщины, испытывающие такие трудности в новых отношениях с мужчинами, были очень расстроены тем, что не могли проявить искренний половой энтузиазм. Но от них ожидают, и они ожидают, что они сами будут делать такие изменения. Финкельхор и Илло не думают задаваться вопросом, могут ли такие изменения быть полезными. Они не подвергают сомнению гетеросексуальность как институт, и если институт должен поддерживаться, женщинам необходимо вернуть себя в рабочее состояние.

Финкельхор и Илло не включили в свою статистику супружеского изнасилования случаи полового насилия, которое было не по согласию, но не включало силу или угрозы. Они не включили половой акт, на который согласились в результате «социальных ожиданий или условностей» и в результате «долга». Они не включали половой акт, согласие на который было получено угрозами, «которые не носили насильственного характера», таких как лишение денег или помощи, угроза разрыва отношений, или для избежания конфликта. Если бы эти категории принуждения были включены, то цифры по изнасилованиям были бы намного выше. Конечно, случаи нежелательного полового акта, к которому принуждают женщин, должны быть намного масштабнее, чем показывает статистика изнасилований из таких опросов.

Неизбежно осознание масштабов и последствий мужского полового насилия усложнило феминистский анализ сексуальности. Сначала феминистки могли интерпретировать трудности женщин с расслаблением в половом удовольствии с мужчинами как результат «подавления» женской сексуальности или отсутствия у мужчин внимания и плохой техники. Теперь стало ясно, что существуют другие, более насущные причины отсутствия энтузиазма у женщин.

Джейн Капути в своей захватывающей книге «Эпоха половых преступлений» отмечает, что уровень серийных убийств на половой почве стремительно растет. В серийных убийствах на половой почве отдельные мужчины убивают определенное количество, иногда очень большое количество женщин, а в некоторых случаях и мужчин, в течение определенного периода времени. Ее анализ статистики ФБР показывает, что в 1966 году в США было совершено 644 таких убийства, а в 1982 году — предположительно 4118. Она указывает, что Министерство юстиции подсчитало в 1987 году, что в то время в США действовало не менее 35, а возможно, и до 100 таких убийц. Капути определяет серийные половые убийства как «фемицид, половое-политическое убийство, крайнюю форму терроризма на службе патриархального государства» (Jane Caputi, The Age of Sex Crime, 1988). Результатом этого и других актов полового терроризма является то, что «женщины должны принять как «нормальное», неизбежное следствие современной жизни то, что мы должны проводить свою жизнь в постоянной бдительности и страхе, ограничивая свои передвижения и оставаясь дома ночью» (там же).

Женщина, которая пережила изнасилование или половые домогательства в детстве или во взрослом возрасте, которая знает об изнасилованиях и убийствах женщин из СМИ, которая видела половые ценности мужчин, изображенные в порнографии и на рекламных щитах, сталкивается с трудным выбором в области полового акта с мужчинами. Она может выбрать обращение со своим мужчиной как с существом, совершенно отличным от других мужчин, и как с существом, никоим образом не замешанным в мужском половом насилии. Это нелегко и требует неудобного раскола в ее сознании. Ей все равно вряд ли удастся избежать влияния ее половых и эмоциональных реакций на ее опыт и знания. Женщина, которая ассоциирует мужчину, с которым она связана половыми отношениями, с остальным мужским полом из-за его поведения и ценностей или из-за эмбрионального феминистского понимания, находится в большей дилемме. Она, вероятно, испытает невыносимый конфликт.

Чтобы прояснить дилемму, с которой сталкиваются женщины в отношении полового энтузиазма по отношению к мужчинам, полезно сопоставить ее с ситуацией мужчин. Маловероятно, что мужчины действительно испытали половое насилие со стороны женщин или его угрозу. Мужчины не живут в культурах, где унижение и жестокость в сторону мужчин от женщин являются предметом порнографии, развлечений и рекламы. Мужчины не живут с сознанием того, что за ними охотятся

женщины, которые с половым удовольствием расчленяют их просто из-за их пола. Они не живут в обществе, в котором их унижение через половой акт является доминирующей темой культуры. Им не нужно искать подход к женщинам в половом плане со страхом, с неприятными образами или ассоциациями, связанными с их собственным угнетением. Образы, которые они, вероятно, несут с собой, — это образы женщин, униженных и изуродованных мужчинами. Фактически, они, вероятно, практиковали половое возбуждение с помощью таких образов достаточно широко, через порнографию и фантазии. Поэтому неудивительно, что сексологи определили женскую «заторможенность» как главную проблему сексуальности этого столетия. Они определили как здоровые половые чувства те, которые испытывает правящий класс мужчин, и предпочли не признавать политические причины, по которым женщины могут чувствовать иначе.

ПОРНОГРАФИЯ

Одним из результатов «революции сексуальности» стало то, что порнография была «дерепрессирована». Порноиндустрия бурно развивалась в конце 60-х и начале 70-х годов и стала огромной многомиллиардной индустрией. Она также стала заметной, как никогда раньше. Порнография больше не должна была быть под прилавком, она появилась в газетных киосках и на кассах супермаркетов. Содержание тоже изменилось. Книга Гея Талезе «Жена соседа» описывает трансформацию, которая произошла в порноиндустрии в конце 50-х и начале 60-х годов. В 1950-х годах американские журналы полагались на рисунки полураздетых женщин, поскольку использование фотографий и наготы могло спровоцировать массовые репрессии. Потребовалось провести изменение климата темы сексуальности, прежде чем порноброкеры почувствовали себя достаточно смелыми, чтобы экспериментировать с фотографиями женщин в вуалях из тонкой одежды, а затем и полностью обнаженными. В 1960-х годах порноиндустрия достигла больших успехов. Отмена цензуры, основанная на снятии репрессий с садомазохизма и мизогинии, позволила порнографии выйти из тени. Скрываясь поначалу за защитой «великих произведений искусства», которые мало чем отличались по своей ценности от уличной порнографии, порноторговцы построили свои империи.

Явная видимость порноиндустрии имела последствия, которые порноброкеры, возможно, не планировали. Женщины смогли смотреть порнографию и впервые получили в свое распоряжение панорамный вид того, что составляет мужскую сексуальность. В 1970-х годах порнография становилась все более и более связанной с садомазохизмом и гораздо более жестокой в своем изображении женщин. Там, где когда-то целые тела или части тел составляли основу порнографии, теперь женщины показывались просто как доступные отверстия. Первая лондонская антипорнографическая группа была сформирована в 1977 году, после того как мы увидели двухстраничные развороты женских гениталий, называемые

«расщепленный бобёр» или «сэндвич с лососем», в витринах магазинов и просматриваемые молодыми парнями в угловых газетных киосках. Мы решили, что нам нужно изучать порнографию, чтобы увидеть, чем именно она является, и понять, что она говорит нам об отношении мужчин к женщинам, о мужской сексуальности и о построении гетеросексуальности. Как дочери революции сексуальности, мы должны были преодолеть чувство вины за то, что нам не нравится порнография. Перепрограммированные нашим опытом 1960-х годов, чтобы видеть «явный» половой акт в фильмах и книгах как позитивное благо, а наготу как желательную, мы должны были преодолеть некоторые мощные условия посредством сеансов повышения самосознания, прежде чем мы смогли сформулировать свою ярость. Женщины могут серьезно критиковать любое выражение сексуальности только тогда, когда они выбросили в окно хлам психоаналитических представлений о запретах и подавлении.

Женщины сформировали феминистские антипорнографические группы в Великобритании и США с чувством ужаса и ярости. Порнография опровергла любую идею о том, что женщины постепенно достигают равенства. Порнография ясно показала, что то, что составляет половой акт при мужском превосходстве, было именно эротизированным подчинением женщин. Неравенство было сексуальным, и сексуальность этого неравенства была смазкой, которая смазывала механизм мужского превосходства. Стало ясно, что сексуальность неравенства была непризнанной движущей силой мужского превосходства. С помощью половых фантазий мужчины могли ежедневно усиливать чувство своей власти и женской неполноценности и получать вознаграждение за каждую мысль и образ подчиненных женщин с половым удовольствием; удовольствие, признанное самой ценной формой удовольствия в культуре мужского превосходства.

Феминистки, которые хотели положить конец мужскому насилию, не могли игнорировать порнографию. Исследование порнографии показало, что все разновидности мужского насилия в отношении женщин изображались в порнографии как доставляющие удовольствие как мужчинам, так и женщинам. Женщины, изнасилованные и подвергнутые пыткам в порнографии, утверждали, что любят насилие и ищут его для себя. Инцест был показан как безобидное и хорошее развлечение для всей семьи. Стало ясно, что порнография служила учебником и оправданием такого насилия. Защитники порнографии всегда наиболее последовательно отрицали любую связь между порнографией и мужским насилием. Они утверждали, что порнография была привилегированным исключением из других средств массовой информации, поскольку она не оказывала никакого влияния на то, как ее потребительницы и потребители ощущали мир. Но феминистки не могли рассматривать порнографию как исключение.

Кампании против порнографии были логическим продолжением кампаний начала 1970-х годов против половых стереотипов в школьных учебниках, таких как

книги для чтения Джанет и Джона. Феминистки бросили вызов сексизму в представлении девочек, помогающих маме с фартуками, в то время как мальчики помогают папе мыть машину. Эта кампания не вызвала никаких воплей ярости со стороны издателей, профсоюзов по защите гражданских свобод, других феминисток и мужчин в целом. Определенно не было создано никаких специальных организаций женщин левого толка для защиты сексизма в школьных материалах для чтения. Но такие организации создаются для защиты порнографии.

Феминистки были вынуждены использовать исследования мужчин о влиянии порнографии для поддержки своего аргумента о том, что порнография может влиять на отношения и поведение. Порнографы и их сторонники потребовали доказательств того, что половые преступники смотрят порно непосредственно перед совершением актов насилия. Таких доказательств не требуется для оспаривания половых стереотипов в учебниках. Действительно, спор об учебниках был почти выигран. Без каких-либо прямых доказательств того, что женщинам нужно читать книги Джанет и Джона непосредственно перед каждым случаем, когда они надевают фартук, издатели и библиотеки, школы и органы образования перешли к использованию менее явно предвзятого материала. Почему же тогда требуется такая разная степень для доказательств потенциала порнографии к деградации сознания? Половые стереотипы в порнографии совершенно очевидны. Действительно, это не оспаривается ее защитниками. Порнография широко используется мальчиками-подростками, и теперь ее смотрят детини, как никогда раньше, из-за растущего количества порновидео, которые мужчины смотрят по телевизору в гостиной. Почему порнография рассматривается как привилегированная категория репрезентации?

Большая разница между половыми стереотипами в детских материалах для чтения и в порнографии заключается в том, что использование порнографии предлагает своим потребительницам и потребителям положительное подкрепление. Девочки, играющие с игрушечными пылесосами, не обладают тем же оргазмическим потенциалом, что и женщины, показанные в виде дырок в порнографии. Половая реакция на порнографию возможна как у мужчин, так и у женщин. Защита этого «удовольствия» делает защиту порнографии более важной для сторонников мужского превосходства, чем защита книг Джанет и Джона. Другая причина столь ярой защиты порнографии, несмотря на конфликт с логикой, необходимой для ее защиты, заключается в том, что на этом этапе истории западного мужского превосходства эротизация неравенства могла бы взять верх над разделением труда как оплотом мужской власти.

Феминистки были возмущены тем, как порнография оправдывала и пропагандировала половое насилие, но феминистская критика никогда не ограничивалась жестокой порнографией. Феминистки всегда утверждали, что вся порнография учит неполноценности женщин как класса. Андреа Дворкин описывает идеологию мужского полового доминирования, которую раскрыла порнография:

Идеология мужского полового господства утверждает, что мужчины превосходят женщин благодаря своим пенисам; что физическое обладание женщиной является естественным правом мужчины; что половой акт, по сути, является завоеванием и обладанием женщиной, особенно, но не исключительно, фаллическим обладанием; что использование женского тела в половых или репродуктивных целях является естественным правом мужчины; что половая воля мужчины должным и естественным образом определяет параметры полового бытия женщины, которое и есть вся ее идентичность (Andrea Dworkin, Pornography: Men Possessing Women, Perigree, 1981).

Нью-йоркская организация «Женщины против порнографии» описывает процесс превращения женщин в низший класс в порнографии как «объективацию». Они определяют объективацию как:

...процесс, посредством которого властная группа устанавливает и поддерживает доминирование над безвластной группой, обучая тому, что подчиненная группа недостаточно человека, или подобна объекту. Это исключает возможность для властной группы идентифицировать себя с безвластной группой или симпатизировать ей (New York Women Against Pornography, 1985).

Они объясняют, что объективация является «предпосылкой для насилия против угнетенных групп» и приводят два исторических примера преднамеренного использования объективации для содействия такому насилию: в гитлеровской Германии против евреев и американской армией во Вьетнаме. Разница между такой объективацией и объективацией женщин заключается в том, что последняя эротизирована.

Защитники порнографии утверждают, как это делает Комфорт в «Радости секса», что мужчины тоже хотят быть половыми объектами. Это показывает неспособность понять политику процесса объективации. Было несколько попыток мужской порноиндустрии создать аналогичные журналы для женщин, такие как Playgirl. Проблема с объективацией мужчин для потребления женщинами заключается в том, что это несексуально. В гетеросексуальности привлекательность мужчин основана на их власти и статусе. Объективация устраняет эту власть и статус. Голый накаченный мужчина не возбуждает женщин, потому что объективация подчиняет объектную группу. Порнография не является эгалитаристской и гендерно-свободной. Она основана на неравенстве женщин и является пропагандой, которая делает это неравенство сексуальным. Для того, чтобы женщины находили пассивных, объективированных мужчин сексуальными в достаточно большом количестве, чтобы сделать порноиндустрию, основанную на таких изображениях, жизнеспособной, потребовалось бы перестроить женскую сексуальность в сексуальность правящего

класса. В эгалитарном обществе объективация не существовала бы, и поэтому особый кайф, который обеспечивает порнография, возбуждение эротизированного доминирования для правящего класса, был бы невообразим.

ПОРНОГРАФИЯ И НАСИЛИЕ НАД ЖЕНЩИНАМИ

Апологеты порнографии выступают с особыми заявлениями и настаивают на том, что порнографические изображения, в отличие от любых других изображений в нашей культуре, не оказывают никакого влияния на образ мышления человеки. Однако доказательства, предоставленные феминистками, показывают связь между порнографией и насилием. Вместо того чтобы концентрироваться на попытках связать порнографию с разовыми нападениями на женщин со стороны незнакомцев, полезно рассмотреть более распространенные формы насилия в рамках постоянных отношений. Есть доказательства того, что порнография привела к новым формам насилия. Порнографическое воображение могло бы додуматься до этих злоупотреблений и раньше, но для среднестатистического медлительного обучаемого в области сексуальности, менее творческого мужского ума, порнография, несомненно, является образовательной. Примером этого является «изнасилование горла». Дворкин объясняет: «Мы видим рост изнасилований горла после выхода “Глубокой глотки” — когда женщины появляются в отделениях неотложной помощи, потому что мужчины верят, что могут проникнуть, глубоко вонзиться, до самого дна женского горла» (Andrea Dworkin, Letters from a War Zone, 1988). Изнасилование горла может привести к смерти от удушья, а также к другим формам физического вреда. Дворкин приводит пример изнасилования горла из порнографии. Женщина страдает от насилия и сильной боли, но в итоге ей это нравится.

> *Он мог бы убить меня [своим членом], подумала она. Ему не нужен был пистолет в руке.*
>
> *Когда его горячий орган заполнил ее рот и горло, Сэнди почувствовала, как он начал толкать бедра вперед. Блестящая головка члена втиснулась в заднюю часть ее горла. Она попыталась взять как можно больше его члена в рот, но он занял ее горло так полно, что она не могла сначала его опустить. Она глотала и глотала при каждом его толчке вперед, но ее горло не растягивалось достаточно, чтобы вместить его. Только когда он схватил ее волосы левым кулаком и прижал ее голову к силе своего инструмента, она смогла достаточно расслабить мышцы горла, чтобы его член проложил себе путь по ее языку и зарылся в проход к ее животу.*
>
> *Боль пронзила ее горло, словно она проглотила раскаленное клеймо, когда ее горло растянулось до предела… Она жадно впилась в его тело (там же).*

Феминистки начали собирать доказательства того, как порнография напрямую обучала мужчин тому, как насиловать женщин, для презентации в Миннеаполисе в

поддержку постановления о борьбе с порнографией. Это постановление, разработанное Кэтрин Маккиннон и Андреа Дворкин, позволило бы женщинам принимать меры против порнографов в соответствии с законодательством о гражданских правах, чтобы получить компенсацию за травмы, которые им нанесла порнография. Работницы приюта рассказали о случаях, когда порнография была замешана в пытках жен. Муж одной женщины разыграл сцену, которую он обнаружил в журнале. «Ее насильно раздели, связали и заткнули рот кляпом. И с помощью мужа ее изнасиловала немецкая овчарка» (Everywoman, Pornography and Sexual Violence: Evidence of the Links).

Одна женщина, дававшая показания в Миннеаполисе, объяснила, что ее муж использовал порнографию «как учебник», когда подвергал ее половому насилию.

> *На самом деле, когда он попросил меня связать себя, когда он наконец убедил меня сделать это, он прочитал в журнале, как завязывать узлы и как связать меня так, чтобы я не могла развязаться. И большинство сцен, которые мы — большинство сцен, где мне приходилось наряжаться или проходить через разные фантазии, были точными сценами, которые он читал в журналах (там же).*

Доказательства Миннеаполиса содержат много примеров, когда порнография явно вдохновляла определенные случаи полового насилия. Одна женщина рассказала, что была изнасилована охотниками в лесу, когда ей было 13 лет, и она была в лагере с девочками-скаутками. Она наткнулась на трех охотников на оленей, читающих порнографические журналы днем.

> *Я развернулась, чтобы уйти, и один из мужчин закричал: «Там живая». И я подумала, что они имеют в виду олениху, поэтому я пригнулась и попыталась убежать… двое мужчин направили свои пистолеты мне в голову, и первый мужчина ударил меня в грудь своей винтовкой, и они продолжили смеяться. И первый мужчина изнасиловал меня, и когда он закончил, они начали шутить о том, что я девственница, и я не знаю, откуда они знают, что я девственница, но они знали… Второй мужчина изнасиловал меня… Когда второй мужчина закончил, у третьего не было эрекции, и они, другие мужчины, сказали мне сделать ему минет, а я не знала, что такое минет. Третий мужчина засунул мне свой член в рот и сказал мне сделать это, и я не знала, что мне нужно делать (там же).*

Помощник окружного прокурора дал показания о связях между порнографией и половым насилием, которые он обнаружил в сотнях случаев насилия над взрослыми и детинями. Он объяснил, что полиция не искала порнографию, но находила ее «часто» в случаях нападения на женщин и «почти в большинстве случаев» полового насилия над детинями. Порнография могла быть найдена в доме насильника.

Коренная американка дала показания о том, как порнографические учебные пособия привели к расистскому преследованию определенных цветных женщин. Двое белых мужчин, которые ее изнасиловали, были вдохновлены видеоигрой «Месть Кастера», в которой нападают на коренную американку. Она объясняет, что они дали ей понять с самого начала, что ненавидят ее народ, и «они кричали мне в лицо, когда бросали меня на землю». «Это веселее, чем "Последний бой Кастера"» (Everywoman).

Свидетельства группы женщин, работавших проституированными, показали, как во время работы к ним применялась порнография, служившая образцом для жутких изнасилований и нападений. Они объяснили, что «женщин постоянно заставляли разыгрывать определенные сцены, свидетелями которых в порнографии были мужчины» (там же). Молодых женщин, вступающих в проституцию, обучали и приучали к использованию порнографии, «...мужчина показывал ей журналы или водил в кино, а затем учил ее действовать так, как это было показано в журналах или фильмах» (там же).

Таким образом, порнография воспитывает мужскую публику. Было бы очень удивительно, если бы это было не так.

ПОРНОГРАФИЯ КАК ПРАКТИКА

Публикация книги Линды Лавлейс «Испытание» привлекла внимание феминисток к опыту женщин, используемых в производстве порнографии. Апологеты утверждают, что порнография — это просто «фантазия». Но живых женщин используют и подвергают насилию в производстве порнографии. Их опыт — факт, а не фантазия. Линда Марчиано была пленницей жестокого сутенера, который подвергал ее половым пыткам и использовал в проституции и порнографии. Она известна тем, что была, по-видимому, звездой порнофильма «Глубокая глотка». Марчиано была принуждена заниматься половым актом с собакой тремя мужчинами, которые угрожали ей пистолетом. Это было снято для создания порнофильма. Когда Марчиано в конце концов сбежала от своего сутенера, она включилась в борьбу с порнографией и искала способы добиться правовой защиты за то, что такая порочная порнография, сделанная, когда она была рабыней, все еще просматривалась во всем мире. Благодаря ее попыткам добиться возмещения ущерба и усилиям ее адвокатки, Кэтрин МакКиннон, закон о борьбе с порнографией был создан.

Порнография не только производится по строго коммерческим причинам. Существует производство любительской порнографии, когда женщин снимают на видео или фотографируют, как часть насилия, которому они подвергаются. Нападение на женщину превращается в порнографию, привнося, как указывает Андреа Дворкин, «мотив прибыли в изнасилование» (Dworkin, 1988). Многие свидетельницы в Миннеаполисе привели примеры того, как их снимали во время

насилия либо мужья, либо, как проституированных женщин, сутенеры и клиенты. Валери Хеллер, описывая, как она регулярно подвергалась половому насилию в детстве со стороны трех членов ее семьи, объяснила, как ее 28-летний сводный брат создавал порнографию из своего насилия над ней.

> *Что мне больше всего запомнилось из того, как Карл снимал меня, так это то, что мне не разрешалось делать «определенные вещи» во время съемки. Я могла и фактически должна была делать те же самые «определенные вещи», когда меня не снимали. Помню, я думала: почему Карл не хочет, чтобы мой рот касался его члена во время съемки? Сегодня я знаю, почему: потому что реальный физический контакт считался хардкорным порно, а хардкор не так легко продавался, как софткорное порно (Women Against Pornography, Newsreport, 1985).*

Съемка полового насилия, особенно в случае полового насилия над детинями, приносит нападающему длительное удовлетворение, а также дает возможность получения прибыли.

В феминистских организациях основное внимание уделялось противодействию «жестокой» порнографии, но феминисткам нужно противостоять самой порнографии, а не только «насилию». Кэтрин МакКиннон анализирует связь между порнографией любого рода и мужским превосходством. Она утверждает, что сексуальность при мужском превосходстве заключается в подчинении женщин. Поэтому невозможно отделить мягкое порно от жестокого. Порнография, объясняет она, обязательно иерархична, и женщины находятся внизу, потому что если бы это было не так, то она не была бы сексуальной.

> *При мужском господстве все, что возбуждает мужчину, — это секс. В порнографии насилие — это секс. Неравенство — это секс. Порнография не работает, в половом плане, без иерархии. Если нет неравенства, нет насилия, нет господства, нет силы, нет полового возбуждения (Catharine MacKinnon, 'Not a Moral Issue', 1984).*

Она объясняет, почему тем, кто живет в условиях мужского превосходства, где ценности порнографии являются общепринятой мудростью, трудно увидеть вред, который порнография наносит женщинам.

> *Если порнография является актом мужского превосходства, то ее вред — это вред мужского превосходства, который трудно заметить из-за его всепроникаемости, мощи и успеха в превращении мира в порнографическое место. В частности, вред невозможно различить с объективной точки зрения, потому что он во многом представляет собой «то, как оно есть». Женщины живут в мире, создаваемом порнографией. Мы проживаем ее ложь как реальность… Так что вопрос не в том, в чем заключается вред порнографии, а в том, как вред порнографии должен стать видимым. По*

сравнению с чем? В той степени, в которой порнография преуспевает в построении социальной реальности, она становится невидимой как вред (там же).

Значение порнографии для мужского превосходства, утверждает МакКиннон, заключается в том, что она «институционализирует сексуальность мужского превосходства». И именно эта сексуальность, эротизированное неравенство женщин и власть мужчин, подпитывает мужское превосходство и конструирует гендерную систему.

С изнасилованием и проституцией, в которых она участвует, порнография институционализирует сексуальность мужского превосходства, которая смешивает эротизацию доминирования и подчинения с социальной конструкцией мужского и женского. Гендер сексуален (там же).

Когда феминистская кампания против порнографии только началась, можно было нападать на порнографию как на мужской продукт, предназначенный для мужского потребления. В 1980-х годах это было не так. Сейчас женщины становятся аудиторией порнографии. Женщинам говорят теоретики-либертарианцы, чьи работы будут рассмотрены ниже, — что поскольку «женщины теперь равны», то для женщин вполне нормально наслаждаться порнографией. Согласно феминистскому анализу, привлечение женщин к использованию порнографии связано с новыми возможностями, предоставленными женщинам за последнюю четверть века, но для того, чтобы помешать эмансипации женщин, а не потворствовать ей. Хотя у женщин могут быть большие возможности в работе, больше денег и больше независимости, на них оказывают давление индустрия проституции, любовники, терапевтическая профессия и врачи, чтобы они стали соучастницами их угнетения посредством использования порнографии. Жестокость порнографии 1970-х годов были ответом на феминизм, который успокоил мужчин. Продажа идеи порнографии женщинам в 1980-х годах — более изощренный и эффективный способ укрепления мужской власти.

ОТВЕТНАЯ РЕАКЦИЯ

Ответная реакция на радикальный феминизм в 1980-х годах пришла с многих направлений. Правое крыло атаковало попытками принятия антиабортного законодательства, изоляцией лесбийских книг и рейдов на книжные магазины. В Великобритании это достигло кульминации в 1988 году с принятием Раздела 28 Закона о местном самоуправлении, который запрещает «пропаганду» гомосексуальности. В США и Великобритании наблюдается возрождение семейных ценностей при поддержке правых правительств. Бедность женщин возросла, а финансирование женских групп сократилось. Климат для феминизма стал враждебным, особенно для лесбийского феминизма. Но в сочетании с этим натиском

справа феминизм подвергся нападкам от левых сил. Нападки от левых были сосредоточены на антипорнографической кампании. Значительная часть теоретической основы этой атаки, а также аплодисменты и реклама, которые ее поддерживали, исходили от социалистических геев-интеллектуалов. Это было особенно мучительно для феминисток, потому что ее возглавляли женщины, которые называют себя феминистками и которые участвовали в предыдущих феминистских кампаниях. Казалось, что женское освободительное движение разрывает себя на части в муках того, что было неуместно названо «дебатами о феминистской сексуальности». Однако на самом деле «дебаты» ведутся между феминистской теорией сексуальности и теорией, которая не вытекает из феминизма и фактически враждебна ему.

Оппозицию радикальной феминистской теории сексуальности можно назвать «либертарианской». Либертарианская теория берет свое начало не в феминизме, а в идеях сексологов, идеологии «революции сексуальности» 1960-х годов и работах теоретиков-геев, таких как Мишель Фуко. Либертарианцы верят в «свободу сексуальности». В Британии либертарианские консерваторы верят в полностью свободный экономический рынок вплоть до декриминализации продажи тяжелых наркотиков. Либертарианцы хотят свободы рынка сексуальности. Как и либертарианские консерваторы, они не допускают обсуждения власти и считают любые ограничения свободы рынка отвратительными. В этом контексте законы против инцеста или порнографии рассматриваются как «ограничивающие торговлю», как когда-то думали владельцы викторианских фабрик о деятельности профсоюзов.

В таком контексте феминистки считаются репрессивными из-за их требований, чтобы мужское половое поведение изменилось. Для либертарианцев врагами «свободы сексуальности» являются государство и другие репрессивные агентства, такие как церковь и система образования. Радикальные феминистки рассматриваются как еще один класс врагинь из-за их жалоб на то, что полная половая свобода для правящего класса мужчин приводит к насилию и убийствам женщин. Женщины, принявшие эту теорию в качестве своей философии сексуальности, вступили в битву с радикальными феминистками, которые борются с мужским насилием и порнографией. Битва развернулась в журналах и информационных бюллетенях, в женских центрах, книжных магазинах и на конференциях. Радикальные феминистки-активистки пережили горе, став свидетельницами утраты того, что они считали безопасными пространствами, где определенные феминистские принципы были бы неоспоримыми. В «дебатах о феминистской сексуальности» все основные разработки в феминистской мысли о сексуальности подвергаются лобовой атаке.

Андреа Дворкин описывает женщин-либертарианок как «коллаборационисток». Она объясняет:

И порнографы нашли кучу девочек (как называют себя женщины), которые работают на них: не трусливые либералки, а настоящие соратницы, которые организовались специально, чтобы противостоять законодательству о гражданских правах и защитить порнографов от нашего политического активизма — порнография не должна быть феминистской проблемой, говорят эти так называемые феминистки. Они говорят: порнография — это мизогиния, но... «Но» в данном случае это то, что она нас дерепрессирует. Жертвы порнографии могут свидетельствовать и свидетельствуют, что, когда мужчин не репрессируют, женщины страдают. Эти женщины говорят, что они феминистки. Некоторые работали над отклоненной поправкой о равных правах или за право на аборт или за равную оплату труда, или за права лесбиянок и геев. Но в наши дни они организуются, чтобы помешать нам остановить порнографов. Большинство женщин, которые говорят, что они феминистки, но работают над защитой порнографии, — юристки или ученые: юристки, подобные тем, которые открестились от «Снаффа»; академицы, которые считают проституцию романтичной, нереализованной женской сексуальностью. Но кем бы они ни были, что бы они ни думали, что они делают, выдающийся факт в них заключается в том, что они игнорируют женщин, которым причинили боль, чтобы помочь сутенерам, которые причиняют боль. Они коллаборационистки, а не феминистки (Andrea Dworkin, 1988).

Я называю эту оппозиционную группу «либертарианками», чтобы прояснить, что у них есть разработанная теория, и чтобы отличить их от других женщин, которые проявляют желание отстаивать иные тактики борьбы с порнографией, например, тех, кто может не согласиться с законопроектом Дворкин/Маккиннон, но все равно намерена уничтожить порнографию. Либертарианцам на самом деле нравится порнография. Не все левые интеллектуалы являются либертарианцами, и даже не все интеллектуалы-геи. Конечно, женщины из левых, которые поддерживают феминистскую борьбу против порнографии, вероятно, так же озадачены развитием либертарианства, как и другие феминистки. Либертарианство — это отдельная политика. Его сторонники предоставляют полезное оружие, с помощью которого мужчины-либертарианцы могут атаковать и разделять феминисток. Его влияние было настолько разрушительным, что стало жизненно важным понять аргументы этой группы и их мотивы.

АНТИ-АНТИ-ПОРНОГРАФИЯ

Определенные публикации и события отмечают развитие либертарианской тенденции среди женщин в США. Одна из них — публикация журнала Sex Issue of Heresies в 1981 году. Другая — конференция Барнарда в 1982 году и последующая

публикация документов этой конференции в виде книги Pleasure and Danger (Carole S. Vance, Pleasure and Danger: Exploring Female Sexuality, 1984). В Британии эта тенденция менее определена и менее развита. У феминисток, выступающих против порнографии, действительно появилась оппозиция, но она только начинает превращаться в последовательную и четко выраженную силу. Издательство Sheba Feminist Publishers, похоже, намерено обратить внимание на эту тенденцию своей недавней публикацией и продвижением работ Джоан Нестле. (Joan Nestle, A Restricted Country, 1988).

«Вопрос пола/секса» журнала Heresies был первым намеком на развитие либертарианского течения для многих радикальных и революционных феминисток в Англии. Он содержал статьи нескольких из тех, чьи имена стали известны как теоретикесс и теоретиков либертарианской тенденции, таких как Паула Вебстер, Пэт Калифия и Джоан Нестле, и охватывал несколько тем, которые должны были стать основным предметом внимания в этой новой тенденции, а именно нападение на антипорнографических феминисток и пропаганда садомазохизма и ролевых игр в лесбийских отношениях. Вопросы полового насилия в его многочисленных формах и его влияние на женщин, даже на женскую сексуальность, отсутствовали, за исключением формы нападения на активистов анти-насилия. Половой акт определялся просто как возможности для удовольствия. Проблемы либо избегались, либо переопределялись, как в случае с пропагандой ролевых игр и садомазохизма, как позитивные удовольствия. Феминисткам, которые работали годами, погруженные в реалии страданий женщин от рук мужчин в детстве, в браке и в отношениях, эта веселая концентрация на непроблемном «желании» казалась грубой черствостью и безразличием к реальному материальному положению жизней женщин.

Именно такой была форма либертарианского дискурса в последующие годы. Британский социалистический феминистский журнал Feminist Review, например, перепечатал классическую американскую либертарианскую статью «Talking Sex», в которой содержались нападки на борцуний с порнографией, в своем собственном выпуске о сексуальности в июне 1982 года. Какое отношение все это имеет к социализму, не говоря уже о феминизме? Казалось удивительным, что социалисты, от которых можно было бы ожидать, что они сосредоточатся на угнетении женщин, могли в области сексуальности видеть только «удовольствие» или «желание». Нельзя было ожидать, что выпуск, посвященный жилищному вопросу, сосредоточится на оформлении интерьера в ущерб проблеме бездомности. Тема женской работы, вероятно, будет посвящена не только индивидуальной самореализации, но и проблеме эксплуатации. Немыслимо, чтобы оппозиционная группа социалистов заявила, что в разговорах об угнетении было слишком много мрачного и обреченного, и теперь пришло время поговорить о моде, оформлении интерьера, питании и так далее. На самом деле, конечно, возник феномен «дизайнерского социализма», приспособления к материальным прелестям жизни в тэтчеровской Британии, но

только в области сексуальности индивидуальное удовольствие превалировало над прекращением угнетения.

Чтобы понять эту концентрацию социалистов на «удовольствии», необходимо понять двойственность и враждебность, которые всегда существовали в определенных левых кругах по отношению к феминистским инициативам против мужского насилия во всех его формах. Эта враждебность исходила не от социалисток на низовом уровне, в профсоюзах, рабочих и коммунистических партиях, многие из которых были ярыми сторонницами феминистских действий против мужского насилия, а от самопровозглашенных социалистических интеллектуалов. Проблема мужского насилия стала серьезным камнем преткновения для таких теоретикесс, как мужчин, так и женщин. Важно рассмотреть, почему эта проблема застряла в глотке социалистических интеллектуалов и дизайнерских социалистов в частности.

АРГУМЕНТЫ ЛИБЕРТАРИАНЦЕВ О ПОРНОГРАФИИ

Статья «Talking Sex» Гейл Рубин, Эмбер Холлибо и Дейрдре Инглиш была впервые опубликована в Socialist Review в США в 1981 году. Она была перепечатана в British Feminist Review в 1982 году, потому что она «дает полезное представление о дебатах, которые там развиваются» (Gayle Rubin et al, 'Talking Sex', Feminist Review, 1982). Статья Паулы Вебстер «Порнография и удовольствие» появилась в 1981 году в журнале Sex Issue of Heresies. В обеих статьях упоминаются слайд-шоу, которые феминистки, выступающие против порнографии, демонстрировали, чтобы повысить осведомленность о порнографии. Похоже, слайд-шоу стали для этих авторок событием, вызвавшим бурную реакцию. Вебстер утверждает, что «Догматизм, морализаторство и цензурная мистификация, как правило, доминировали в антипорнографической кампании» (там же). Она была в ярости от антипорнографического слайд-шоу. Она жалуется, что ведущая придала картинкам только «пагубные» значения. Вероятно, Вебстер посчитала, что некоторые слайды подходят для позитивной презентации. Тот слайд, который она выбирает в качестве примера, показывает подростку, ожидающую анального полового акта.

> *Несмотря на утверждение лекторки о том, что любая реакция на слайды была поощрительной, каждый слайд интерпретировался так, чтобы раскрыть его неявный пагубный смысл. Например, одна зрительница спросила, почему фотография молодой девочки, собирающейся заняться анальным половым актом, была описана как «жестокое изнасилование ребенки». Ответ был, что она явно несовершеннолетняя, так что, по крайней мере, это было изнасилование по закону. Лекторка добавила, что анальный половой акт «очень болезненный»; поэтому маловероятно, что с этой «крошечной маленькой девочкой» могло произойти нечто иное, кроме как жестокое изнасилование. Я подумала, что этот ответ указывает на*

определенные предубеждения относительно боли и удовольствия и предпочитаемых поз (там же).

Реальный опыт молодых девочек, подвергшихся половому насилию, а также подтверждение и поощрение, которые такие сконструированные мужчинами фотографии могли бы дать потребителю-мужчине, здесь игнорируются. Вебстер видит возможность позитивного рассмотрения этой добровольной половой активности. Это правда, что радикальные феминистки имеют «определенные предубеждения» относительно полового насилия над детинями, и что очень трудно донести эти предубеждения до общественности. Порнография, сексология, высокое искусство, психоанализ постоянно принижают и оправдывают половое насилие над девочками. Однако Вебстер говорит нам, что лекторка должна была оставить место для позитивной интерпретации.

Либертарианское наступление на антипорнографических феминисток демонстрирует черствое пренебрежение к насилию над женщинами, а авторки демонстрируют огромное раздражение, что другие женщины не разделяют этого пренебрежения. Гейл Рубин была озадачена тем, что женщины, которых везли на феминистский тур по секс-шопам, были особенно в ужасе от садомазохистского материала.

Когда я поехала в тур WAVPM, все подходили и вставали перед материалами о бондаже. Как будто на них были надеты шоры. И я сказала: смотрите, там есть оральный секс! Почему бы вам не посмотреть на это? И они были приклеены к стойке с бондажем. Я начала доставать журналы о женском доминировании и говорить: смотрите, вот женщина доминирует над мужчиной. А что насчет этого? Вот женщина, которая связала мужчину. А что насчет этого? Как будто меня там не было. Людини говорили: посмотрите на эту фотографию связанной женщины! (Там же).

Рубин удивило, что женщины больше всего шокированы фотографиями, на которых женщины страдают от явных форм насилия, но этого, безусловно, следовало ожидать. Рубин — сторонница садомазохизма, которая дает теоретическое обоснование этой практики в своей статье в антологии садомазохизма «Приход к власти» (Gayle Rubin, ‘The Leather Menace: Comments on Politics and S/M’). Она жалуется, что посетительницы не могли понять, что садомазохистские изображения были фантазией и предназначались для использования в определенном контексте практикующими, а не имели ничего общего с насилием в отношении женщин. Но садомазохизм, который видели женщины, был создан мужчинами для мужской аудитории и использовал реальных женщин в своем производстве. Он не показывал веселья по согласию и не показался бы забавным женщинам, имеющим опыт или знания о реальном насилии, совершенном мужчинами в отношении женщин во имя веселья и полового удовольствия.

В другом примере неспособности либертарианок увидеть насилие над женщинами, три авторки канадской антологии «Женщины против цензуры» (1985) путают оральный половой акт с «глубокой глоткой». Дагган, Хантер и Вэнс критикуют Кэтрин МакКиннон за то, что она сказала, что фильм «Глубокая глотка» был о «половом подчинении». В этом знаменитом фильме Линда Лавлейс была вынуждена своим сутенером изобразить процесс заглатывания мужских пенисов как доставляющий удовольствие. Эта практика довольно опасна. Женщинам приходится учиться расслаблять горло, чтобы не давиться и не оказаться неспособными дышать. Трудно понять, как эту практику можно спутать с оральным сексом по обоюдному согласию, особенно учитывая обстоятельства производства фильма. Но либертарианцы язвительно пишут об описании МакКиннон действия фильма.

> *Эти описания очень показательны, поскольку они предполагают, что множественные партнеры, групповой и оральный половой акт подчиняют женщин и, следовательно, являются сексистскими. Представление о том, что персонажка «используется» мужчинами, наводит на мысль о том, что женщина вряд ли стала бы заниматься фелляцией по собственной воле… вряд ли это можно назвать бесконечным восхвалением мужского доминирования, поскольку в фильме много противоположных тем. В нем главная героиня показана как инициаторка встреч с несколькими партнерами-мужчинами (Lisa Duggan, Nan Hunter and Carole S. Vance, 'False Promises: Feminist Antipornography Legislation in the U.S').*

Мотивация этих авторок игнорировать половое насилие должна быть невообразимо сильной, чтобы они могли интерпретировать изнасилование горла как «оральный половой акт», однако на протяжении всей истории мужского превосходства были женщины, которые не могли смириться с осознанием женского угнетения.

Такие женщины считают порно позитивной ценностью для женщин. Дагган, Хантер и Вэнс считают порнографию средством «нарушения общепринятых половых норм, высмеивания лицемерия и подчеркивания важности половых потребностей». Трудно рассматривать порнографию, которая является массовой индустрией, как радикальную и контркультурную, но эти авторки так считают. Они объясняют, что в ней есть все виды радикальных сообщений, помимо «женоненавистничества». Они говорят, что она пропагандирует «половые приключения, половой акт вне брака, половой акт без всякой причины, кроме удовольствия, случайный половой акт, анонимный половой акт, групповой половой акт, вуайеристский половой акт, нелегальный половой акт, публичный половой акт» (там же). Подразумевается, что феминистки не смогли распознать эти якобы позитивные сообщения, поскольку были настолько зациклены на незначительной проблеме женоненавистничества. Гейл Рубин описывает сферу порнографии как «зону свободы», которая предоставляет людиням «ряд впечатлений, которые они не могут получить в провинциальной

семье» (Rubin). Вебстер объясняет, что порнография «содержит важные сообщения для женщин».

> *Как предполагает Анджела Картер, женская сексуальность не привязывается к репродуктивной функции, домашнему очагу или исключительно к мужчине. Верно, что это изображение создано мужчинами, но, возможно, оно может побудить нас задуматься о том, какими могут быть наши собственные образы и фантазии (Paula Webster, 'Pornography and Pleasure', Heresies, Sex Issue, 1981).*

Итак, послание либертарианок заключается в том, что женщины должны изучать свою сексуальность через порнографию. Они считают использование порнографии смелым, захватывающим и мятежным, и Эллен Уиллис говорит, что женщина, если она «наслаждается порнографией (даже если это означает наслаждение фантазией об изнасиловании), в некотором смысле является бунтаркой, настаивающей на аспекте своей сексуальности, который был определен как прерогатива мужчин» (Ellen Willis, 'Feminism, Moralism and Pornography' 1984). Они признают, что порнография производится мужчинами для мужчин и что частично она сексистская, но в целом они считают ее полезной.

Хотя либертарианки призывают к устранению самого неприкрытого сексизма в порнографии, они не возражают против порнографии как таковой. Неудивительно, что, поскольку они считают порнографию позитивной для женщин, они не симпатизируют феминисткам, выступающим против порнографии. Не имея, по-видимому, никакого представления о феминистских идеях, они проявляют большой гнев и презрение к феминисткам, которые считают порнографию проблемой. Они, кажется, озадачены тем, почему феминистки должны возражать против порнографии, и направляют значительную энергию на то, чтобы предложить психологические объяснения такого явления.

Рубин предлагает объяснение, что бойчихи с порнографией застряли в викторианском антисексуальном наследии. Их матери научили их тому, что половой акт — это насилие, и они так и не смогли этого преодолеть. Она объясняет, что «представление о том, что половой акт сам по себе является насилием, очень распространено среди нас. Женщина, которая меня воспитала, была воспитана викторианкой. Мы не так уж далеки от этой системы…» (Rubin). Было бы интересно поразмышлять, сколько еще столетий женские запреты будут объясняться как часть викторианского наследия. Энн Снитоу утверждает, что феминистки начали кампании против порнографии из-за потери уверенности в своей способности бросить вызов мужской власти в период ответной реакции на успехи женского движения.

Эти феминистки решили перестать требовать равенства и вместо этого потребовать «особого признания в законе и обычаях особой природы и уязвимости женщин» (Ann Snitow, 'Retrenchment versus Transformation: The Politics of the

Antipornography Movement'). Но, помимо уныния, феминистки начали беспокоиться по поводу порнографии, потому что они «пугали сами себя». Они «испугались самих себя», взглянув на проблему мужского насилия и узнав о его масштабах. Это заставило их преувеличить проблему и стать параноидальными.

> *…наше движение начало пугаться того, что оно вынесло на свет. Видимость создала новое сознание, но также и новый страх — и новые формы старого полового террора: половые домогательства внезапно стали повсюду; изнасилование стало эпидемией; порнография стала яростной полемикой против женщин. Это почти как будто заговорив о половых преступлениях, прекратив отрицание женщин, мы напугали себя больше, чем кого-либо еще (там же).*

Другое предлагаемое объяснение заключается в том, что феминистки, выступающие против порнографии, просто являются представительницами среднего класса, а сексологическая аксиома заключается в том, что средний класс всегда испытывал страх перед половым актом, в отличие от решительно развратного рабочего класса.

> *Когда гетеросексуальные женщины среднего класса объединились с лесбиянками, которые ненавидели более экстравагантные и стигматизированные аспекты лесбийства, зародились лесбийский феминизм и политическое лесбийство, которые создали «железную деву», с которой приходится жить каждой убежденной феминистке (Esther Newton and Shirley Walton, 'The Misunderstanding: Toward a More Precise Sexual Vocabulary').*

Холлибо сводит феминистское возражение против порнографии к протесту против полового акта из детства. Она пишет: «наш ужас перед порнографией часто является ужасом перед самим половым актом и отражает урок, который все женщины несут с самого раннего детства: половой акт — это грязно» (Amber Hollibaugh, 'Desire for the Future: Radical Hope in Passion and Pleasure'). Такого рода обзывания — это просто переработанная сексологическая догма. Женщины, говорят сексологи, плохо образованы в вопросах полового акта, подвержены комплексам и все еще находятся под влиянием викторианства. Так говорят и либертарианки.

Либертарианки описывают феминисток, выступающих против порнографии, как консервативных, правых, союзниц морального большинства. Нелегко найти доказательства того, что современные феминистки связаны с моралистическими правыми движениями, поэтому либертарианки используют свою собственную интерпретацию истории, чтобы возложить вину на определенный набор исторических предшественниц. Среднестатистической феминистке, которая плохо снабжена исторической информацией, или которая, как многие, верит, что то, что пишут историки, является всей правдой, а не просто интерпретацией, сложнее

оспаривать историю. Книга опубликованных статей с конференции Барнард по сексуальности получила свое название от презентации по истории Линды Гордон и Эллен Дюбуа. Их доклад назывался «Поиск экстаза на поле битвы: опасность и удовольствие в феминистской мысли о сексуальности девятнадцатого века». Их аргумент заключался в том, что бойчихи против агрессивной мужской сексуальности в девятнадцатом веке были введены в заблуждение и сформировали связи с консервативными и моралистическими, антиженскими силами. Их главная проблема, по мнению Гордон и Дюбуа, заключалась в неспособности позитивно относиться к половому удовольствию.

Современные феминистки, видимо, не извлекли уроков из ошибок своих предшественниц и, разочаровавшись в плодах революции сексуальности, стали консервативными.

> *В ответ на глубокое разочарование тем, что выдавалось за «освобождение сексуальности», некоторые феминистки копируют более раннюю традицию, сосредотачиваясь исключительно на опасности и отстаивая то, что мы считаем консервативной политикой сексуальности (Linda Gordon and Ellen Carol Dubois, 'Seeking Ecstasy on the Battlefield: Danger and Pleasure in Nineteenth-century Feminist Sexual Thought').*

Они дают определение «консервативного», которое можно сравнить с современной феминистской политикой против мужского насилия. Они говорят:

> *Мы используем термин «консерватизм» для характеристики стратегий, которые принимают существующие властные отношения. Мы предполагаем, что даже феминистские программы реформ могут быть консервативными в некоторых отношениях, если они принимают мужское доминирование, пытаясь при этом повысить статус женщин в нем (там же).*

Как мы увидим, либертарианки ясно дают понять, что они знают, что антипорнографические феминистки бросают реальный вызов самому институту гетеросексуальности, и это то, что их глубоко беспокоит. Что же тогда могут означать существующие властные отношения в сфере сексуальности? Удивительно, но это означает семью. Антипорнографические феминистки должны быть сторонницами семьи.

> *Как и в девятнадцатом веке, сегодня феминистки нападают на порнографию и «извращения», не отличая свою политику от консервативной и антифеминистской версии социальной чистоты, морального большинства и «движения в защиту семьи» (там же).*

Эта характеристика феминисток девятнадцатого века как консервативных и опасно заблуждающихся стала общепринятой мудростью лагеря либертарианок.

Теперь ее повторяют снова и снова без вопросов, как будто это действительно правда. Та же идея появляется в канадской книге «Женщины против цензуры» (Burstyn (ed)). Варда Берстин говорит об опасных союзах феминисток с консервативными силами социальной чистоты и комментирует:

> *Согласно недавней исторической работе Кэрол Ли Бакки, хотя конкретные кампании были разными, модель сотрудничества феминисток и социальных пуритан была даже более выражена в Канаде, чем в Великобритании или США. По ее словам, только крошечная часть лидерок женского избирательного права были феминистками в первую очередь; большинство рассматривали голоса за женщин скорее как тактику, чтобы ускорить реализацию воздержания и социальной чистоты... чем как средство ускорить равенство для женщин, хотя это было частью их программы (Varda Burstyn, 'Political Precedents and Moral Crusades: Women, Sex and the state').*

О точности этой интерпретации можно судить, оценив разумность характеристики либертарианцами современных феминисток. Если кажется, что современные феминистки не продвигают просемейный консерватизм морального большинства, то такая интерпретация работы наших предшественниц также должна быть подвергнута сомнению и неадекватна, поскольку она исходит из тех же предпосылок.

Большая часть работы по истории сексуальности в девятнадцатом веке вплоть до настоящего времени была проделана либертарианками, которые подходили к ней с предубеждениями революции сексуальности двадцатого века. Моя книга «Старая дева и ее враги: феминизм и сексуальность 1880-1930» предлагает совершенно иную интерпретацию, поскольку я подхожу к работе активисток девятнадцатого века как человека, которая заинтересовалась этим благодаря своему участию в современных кампаниях против мужского насилия, а не из желания их дискредитировать. Неудивительно, что я обнаружила, что эти феминистки бросили серьезный вызов «существующим властным отношениям» посредством своей критики мужского полового поведения и, во многих случаях, своего намеренного отказа от брака и отношений с мужчинами (Jeffreys, 1985).

ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ПОЛИТИКА

Выступая с яростной критикой активисток последней волны феминизма, выступающих против мужского насилия, либертарианки заявляют, что в рамках феминистской традиции существовала иная традиция размышлений о сексуальности. Кэрол Вэнс отмечает, что в то время как одна традиция в рамках феминизма подчеркивала «опасность», другая подчеркивала «удовольствие». Женщины в этой последней традиции были «экспансионистками и исследовательницами, верящими,

что женщины могут рискнуть быть сексуальными более заметными и смелыми способами…» (Carole S. Vance, 'Pleasure and Danger: Toward a Politics of Sexuality'). Гордон и Дюбуа также утверждают, что существовала более либеральная традиция, которая была более позитивна в отношении полового акта, которую они противопоставляют консервативной традиции, которая была столь угрожающей. Они критикуют эту либеральную традицию за то, что она была слишком беспечной в отношении проблемы мужского полового насилия, однако ясно, что именно такой традиции они и симпатизируют. Они называют женщин этой традиции «либертарианцами сексуальности» и комментируют:

> *Мы не должны совершать ту же ошибку, что и либертарианцы сексуальности начала двадцатого века, которые считали, что прекращение торможения сексуальности само по себе может спасти женщин. Вместо этого мы должны продолжать анализировать, как мужское превосходство и другие формы господства формируют то, что мы считаем «свободной» сексуальностью (Gordon and Dubois, p.43).*

Какие идеи вдохновляли либертарианцев сексуальности? Это были идеи реформаторов полового акта и сексологов конца девятнадцатого и двадцатого веков, в частности, в Британии, Хэвлока Эллиса. Гейл Рубин более образно характеризует две «традиции» в феминистской мысли. Она называет феминистскую традицию консервативной, а сексуальных либертарианцев «про-секс».

> *Консервативная традиция пропагандировала оппозицию порнографии, проституции, гомосексуальности, всем эротическим вариациям, половому воспитанию, половым исследованиям, абортам и контрацепции. Противоположная про-секс традиция включала таких людинь, как Хэвлок Эллис, Магнус Хиршфельд, Альфред Кинси и Виктория Вудхалл, а также движение за половое воспитание, организации воинствующих проституированных и гомосексуалов, движение за репродуктивные права и такие организации, как Лига реформ сексуальности 1960-х годов. Пестрая коллекция реформаторок полового акта, педагогинь полового акта и активисток сексуальности имеет неоднозначную репутацию по вопросам феминизма и сексуальности. Но они, несомненно, ближе к духу современного феминизма, чем моральные крестоносцы, движение за социальную чистоту и антипорочные организации (Gayle Rubin, 'Thinking Sex: Notes for a Radical Theory of the Politics of Sexuality', in Vance (ed), op. cit., p. 302).*

Затем Рубин отмечает, что моя работа «является примером некоторых из этих тенденций», критикуя про-секс традицию за ее антифеминизм и предполагая, что она внесла «большой вклад в разгром воинствующего феминизма».

Рубин критикует феминизм за то, что он не разработал никакой теории сексуальности и даже за то, что он заблокировал развитие теории. Она не ожидает

получить какую-либо помощь от феминизма в создании «точного, гуманного и подлинно освободительного корпуса мысли о сексуальности», потому что «Многое из того, что доступно в феминистском движении, просто добавило мистификацию, которая окутывает эту тему» (там же). Пэт Калифия — ведущая теоретикесса садомазохизма. В своей статье «Феминизм и садомазохизм» в Sex Issue of Heresies она считает феминисток просто невежественными в вопросах сексуальности.

> *...теоретикессы феминизма не делают домашнюю работу по изучению человеческой сексуальности, прежде чем выносить суждение о вариации сексуальности. Подобно викторианским миссионерам в Полинезии, они настаивают на интерпретации полового поведения других людинь в соответствии с их собственными системами ценностей. Прекрасным примером этого являются «дебаты» о транссексуальности. В своей нынешней форме феминизм не обязательно является лучшей теоретической основой для понимания эротических отклонений, так же как немодифицированный марксизм является неадекватной системой для анализа угнетения женщин (Pat Califia, 'Feminism and Sadomasochism', Heresies, Sex Issue, 1981).*

Рубин хочет отделить политику сексуальности от политики гендера, то есть феминизма. Она объясняет:

> *Феминизм — это теория гендерного угнетения. Автоматически предполагать, что это делает его теорией угнетения сексуальности, значит не различать гендер, с одной стороны, и эротическое желание, с другой (Gayle Rubin, in Vance (ed), p.307).*

Рубин хорошо известна и уважаема в кругах женских исследований за новаторское антропологическое эссе под названием «Торговля женщинами», в котором она говорила о системе пола/гендера и, по ее собственному признанию, не смогла «различить похоть и гендер». Теперь она отвергла этот более ранний подход к сексуальности.

> *Мне тогда казалось, что гендер и желание систематически переплетаются в таких социальных образованиях. Это может быть или не быть точной оценкой взаимосвязи между полом и гендером в племенных организациях. Но это, безусловно, не адекватная формулировка для сексуальности в западных индустриальных обществах (там же).*

Для подтверждения своих идей об автономии сексуальности Рубин использует цитату Мишеля Фуко. Фуко используется в качестве теоретического источника многих теорий о сексуальности, которые появляются даже на феминистских курсах в Великобритании и США. Поскольку Фуко гей, возможно, его считают подходящим для курсов по женским исследованиям, хотя он никогда не упоминает феминизм и редко упоминает женщин. Некоторые теоретикессы сексуальности видят совпадение

интересов между геями и классом женщин. Его работы и работы британских теоретиков-геев, таких как Джеффри Уикс, которые черпают свое теоретическое вдохновение у Фуко, используются в курсе Британского открытого университета «Изменяющийся опыт женщин». Тот факт, что Фуко предлагает теорию сексуальности, которая независима от феминизма и при проверке может оказаться противоречащей ему, остается неясным для многих преподавательниц женских исследований, которые и мечтать не могут о предложении феминистского или лесбийско-феминистского анализ сексуальности своим студенткам. Или, возможно, именно поэтому используется Фуко. Его анализ, независимый от феминизма, весьма безопасен и пользуется уважением в мужском академическом сообществе.

Рубин утверждает, что «необходимо аналитически разделить гендер и сексуальность, чтобы точнее отразить их отдельное социальное существование» (там же). Она поясняет:

> *Феминистские концептуальные инструменты были разработаны для обнаружения и анализа гендерных иерархий. В той степени, в которой они пересекаются с эротическими стратификациями, феминистская теория имеет некоторую объяснительную силу. Но по мере того, как проблемы становятся менее гендерными и более ориентированными на сексуальность, феминистский анализ становится неактуальным и часто вводит в заблуждение. Феминистской мысли просто не хватает углов зрения, которые могли бы охватить социальную организацию сексуальности. Критерии релевантности в феминистской мысли не позволяют ей видеть или оценивать критически властные отношения в области сексуальности (там же).*

Утверждение, что сексуальность — это область, которая должна быть защищена от феминистского анализа, особенно поразительно.

Но утверждение независимости сексуальности от феминистского анализа, очевидно, полезно для сторонницы садомазохизма. С точки зрения феминизма существуют множество трудностей в принятии садомазохизма как революционной практики для лесбиянок и других женщин. Оправдание садомазохизма имело место в мужской гомосексуальной мысли, но неперевариваемо с точки зрения феминизма. Таким образом, принимается программа сексуальности геев-мужчин. Феминисткам говорят, к радости гей-теоретиков, которые всегда хотели это сказать, что они не должны применять феминистские теоретические инструменты к эротическим меньшинствам. Вся область гейской половой практики и культуры должна оставаться зоной изоляции, которая невосприимчива к феминистским исследованиям и подчиняется правилам дебатов, разработанным гомосексуальными мужчинами и теми женщинами, которые принимают их теоретические предпосылки.

Так что же такое система сексуальности? По мнению Рубин, сексуальность и, в частности, те, кто практикуют определенные запрещенные сексуальности, угнетаются государством. Как утверждал бы Фуко, сексуальность не обязательно подавляется государством, но «развертывается» или организуется государством и другими агентствами в обществе как метод социального контроля. Враги, которым следует бросить вызов, помимо правительств и их ограничительного аппарата законов, полиции и так далее, это церковь и система образования. Мы не спрашиваем, почему эти силы организуют сексуальность именно так, как они это делают. Рубин объясняет систему сексуальности следующим образом:

> *Как и гендер, сексуальность является политической. Она организована в системы власти, которые вознаграждают и поощряют одних людинь и действия, наказывая и подавляя других. Подобно капиталистической организации труда и ее распределению вознаграждений и полномочий, современная система сексуальности была объектом политической борьбы с момента своего возникновения и по мере своего развития (там же).*

Те, кого наказывают «системы власти», — это те, кто должна бороться за изменения сексуальности, и, согласно этой логике, это будут презираемые эротические меньшинства. Презираемые сексуальности, по мнению Рубин, — это «беспорядочная гомосексуальность, садомазохизм, фетишизм, транссексуальность и кросс-поколенческие контакты» (там же). Она утверждает, что решающее значение для радикальной теории сексуальности, которую она стремится создать, имеет «концепция доброкачественной вариативности сексуальности». Такая концепция, по-видимому, будет найдена в работах мужчин-сексологов, таких как Кинси, Джон Ганьон и Уильям Саймон, и, конечно, Хэвлок Эллис, чье отношение к вариативности сексуальности было обусловлено его собственным половым интересом, то есть уролагнией. Она считает, что классическая сексология и современные исследования сексуальности должны преподаваться в университетах, чтобы студентки впитывали «концепцию доброкачественной вариативности сексуальности». Такая концепция будет означать, что эротические меньшинства просто существуют в результате некоего таинственного процесса, и все это так же обоснованно, как и любой другой вид половой практики.

Трудно понять, как этот независимый способ видения сексуальности или вариаций сексуальности, свободный от феминистского понимания, не будет противоречить феминистскому пониманию в тех областях полового поведения, в анализ которых феминистки действительно не могут не вмешиваться, как бы они ни старались обойти чувства геев. Феминисткам, безусловно, разрешено рассматривать половое насилие над детинями. Но когда мы смотрим на модель Рубин, мы обнаруживаем, что половое насилие над детинями исчезло и заменено на «межпоколенческую сексуальность». Здесь обязательно будет конфликт. В модели Рубин половое поведение оценивается по удовлетворению, которое оно дает

практикующим его. в основном мужчинам. Феминистки вынуждены учитывать вред, причиненный женщинам либо напрямую в тех же практиках, таких как некрофилия или изнасилование детинь, либо посредством пропаганды полового акта доминирования/подчинения как веселого варианта сексуальности, когда именно эту модель сексуальности феминистки считают необходимым оспорить в интересах сохранения жизни и безопасности женщин и детинь. Радикальная политика сексуальности Рубин и теоретиков геев, на которых она опирается, а также геский и гетеросексуальный мир сексологии начинаются с точки зрения взрослого мужчины и его половых прав и привилегий. Политика, вытекающая из этой точки зрения, должна стремиться расширить рамки, в которых взрослый мужчина может искать и реализовывать свои удовольствия. Радикальные феминистки осознают, что неограниченные половые приключения мужчин не отвечают интересам женщин. Это понимали феминистские теоретикессы сексуальности в последней волне феминизма и понимают сегодня.

Погоня за удовольствием и его привилегированность, которую поддерживают либертарианцы, неизбежно вступают в противоречие с реалиями ландшафта сексуальности, в котором живут женщины и детини. Либертарианские женщины предпочитают называть реальность полового насилия просто «опасностью», тем самым подразумевая, что со стороны феминисток глупо «переоценивать» ее и «запугивать себя». Но такие феминистки понимают, что «удовольствие» должно быть подвергнуто основательной реконструкции, и что гендерный фетишизм и модель доминирования и подчинения в половом акте должны быть подорваны, чтобы у женщин было будущее. Отдельные миры «гендера» и «сексуальности» могут сохранять свое разделение только в мире геев.

Другие теоретикессы-либертарианки, возможно, не так тщательно проработали свою политику в отношении сексуальности, но очевидно, что их предпосылки основываются на идеях сексологии и что они во многом находятся под влиянием современной теории геев. Кэрол Вэнс также подчеркивает необходимость «концепции доброкачественного различения сексуальностей». Здесь мы можем увидеть знакомую форму анализа в стиле Фуко.

> *Однако наша способность думать о различениях сексуальностей ограничена культурной системой, которая организует половые различия в иерархии, в которой некоторые действия и партнеры являются привилегированными, а другие наказываются. Привилегированные формы сексуальности, например, гетеросексуальность, брак и деторождение, защищаются и поощряются государством и субсидируются посредством социальных и экономических стимулов… Те, кто практикует менее привилегированные формы сексуальности — те, кого Рубин называет представителями «низших слоев» сексуальности — страдают от стигматизации и невидимости, хотя они также сопротивляются (Vance (ed), p.19).*

Элис Эколс громит феминисток за их враждебное отношение к эртическим меньшинствам и предполагает, что это «отражает их страх, что мужская сексуальность, которую для них символизируют садомазохизм, межпоколенческая сексуальность, транссексуализм и порнография, загрязняет «женское сообщество» (Alice Echols, 'The Taming of the Id: Feminist Sexual Politics, 1968-83'). Паула Вебстер критикует антипорнографических феминисток за то, что они считают «непостижимыми» «извращенные» удовольствия, такие как вуайеризм, рабство, садомазохизм, фетишизм, порнографию, распущенность и межпоколенческий половой акт» (Paula Webster, 'The Forbidden: Eroticism and Taboo'). Эмбер Холлибо включает в свой список женщин, которые чувствуют себя отчужденными нетерпимостью феминистского движения к «различениям сексуальностей»: «любительницы буч и фем женщин; которые любят трахаться с мужчинами; практикуют садомазохизм по обоюдному согласию; чувствуют себя скорее пидорами, чем лесбиянками; любят дилдо, проникновение, костюмы… считают гей порно горячим; стремятся к власти» (Hollibaugh, p.403). Холлибо не просто принимает программу сексуальности геев, но и предполагает, что некоторые лесбиянки вполне обоснованно могут считать себя геями.

ГЕТЕРОСЕКСУАЛЬНОСТЬ

Либертарианки утверждают, что их феминистские оппонентки консервативны вплоть до поддержки или охотного принятия поддержки про-семейной политики правых. Но в то же время они яростно обвиняют антипорнографических феминисток во враждебности к гетеросексуальности.

Либертарианская политика сексуальности не определяет лесбийство или гетеросексуальность в политических терминах. Они определяют их как половые предпочтения. Это важно понимать, поскольку в противном случае постоянные придирки либертарианок к «семье» могли бы быть поняты как подразумевающие политическую критику гетеросексуальности. Таким образом, политика женщин либертарианок совпадает с политикой геев, которые не критикуют гетеросексуальность. Они критикуют моногамный брак и репродуктивную сексуальность. Они желают возможности для всех мужчин, и особенно геев, выражать свою сексуальности любым способом, который они могут себе представить, что требует солидарности с гетеросексуальными мужчинами против брака и моногамии. В конце концов, либертарианская теория считает распущенность революционной. Таким образом, как теоретики геи, так и теоретикессы либертарианки приберегают свою глубочайшую ярость для тех лесбиянок, которые указали, что гетеросексуальность является политическим институтом, а выбор лесбийства — формой политического сопротивления. Это, жалуются они, «лишает лесбийство сексуальности».

Примером такой враждебности к политической интерпретации гетеросексуальности является работа Саймона Уотни, британского писателя гея, который является более откровенно антифеминистом, чем любой другой теоретик гей, пишущий в настоящее время. Уотни призывает лесбиянок и геев не предполагать, «что гомосексуальное желание просто приобретено и, следовательно, излечимо путем принудительного отучения». Он комментирует: «То, что никогда не было сделано подобных предположений о гетеросексуальности, за исключением безумных маргиналок женского движения, остается, однако, чрезвычайно важным» (Simon Warney, Pornography, Aids and the Media, 1987). Это показывает одну из причин, по которой геи сдержанно относятся к лесбийскому феминистскому анализу, согласно которому половая ориентация является социально сконструированной. Они зависят от общественного принятия по модели «бедный я, мне нужна терпимость, потому что я не могу помочь себе». Лесбийская феминистская теория угрожает этому. Кто будет толерантным к лесбиянкам и геям, если они скажут, что «выбрали» свою извращенность? Но еще большее беспокойство вызывает то, что такие геи способны отказаться от анализа социального конструктивизма, которому они в основном следуют на словах, проявляя при этом так мало беспокойства, и демонстрируют четкую веру в то, что быть геем каким-то образом связано с биологией. Этот базовый эссенциализм лежит в основе либертарианского подхода к другим «эротическим меньшинствам», где любая попытка анализа отвергается на том основании, что мужчины просто педофилы или садомазохисты, и что это невозможно изменить.

Итак, предположение, что гетеросексуальность является институтом, и что гетеросексуальное поведение усваивается женщинами, является «сумасшедшим» по мнению этого либертарианца. Источником этих «сумасшедших» взглядов для него является статья Лидской революционной феминистской группы «Политическое лесбийство: дело против гетеросексуальности» (Leeds Revolutionary Feminist Group, ‘Political Lesbianism: The Case Against Heterosexuality’, 1981). Эту точку зрения разделяют и женщины либертарианки, представленные на конференции Барнард и в таких книгах, как «Половой вопрос ересей и желания: политика сексуальности».

Элис Эколс нападает на сепаратисток за «определение лесбийства как политического выбора» и осуждает «гетерофобию, которая в свою очередь выплескивается в антипорнографическом движении» (Echols, pp.55-6). Использование слова «гетерофобия» предполагает, что феминистки, которые бросают вызов гетеросексуальности, страдают от психологического расстройства, которое делает их иррационально враждебными, как в «гомофобии», вместо того, чтобы связать это с политическим анализом. Она постулирует о движении против порнографии:

> *Возможно, успех движения в получении поддержки определенных слоев лесбийского сообщества отражает степень, в которой движение*

оправдывает лесбийство посредством демонизации мужественности и гетеросексуальности (там же).

Что беспокоит Эколс? Это может многое нам рассказать о том, почему либертарианки так обеспокоены силой антипорнографической политики.

Из трудов антипорнографических феминисток в США не заметно, что они враждебны к гетеросексуальности как таковой. Многие из них гетеросексуальны. Лесбийские феминистки с политическим анализом гетеросексуальности сыграли важную роль в движении, но ни в коем случае не являются в нем наиболее заметными. В Великобритании было немного по-другому, так как революционные феминистки там были ведущими движущими силами развития антипорнографической политики в конце 1970-х годов. Но даже несмотря на то, что антипорнографические кампании могут не делать открытых заявлений о гетеросексуальности и не иметь общей критики ее как института, верно, что показ порнографии женщинам и анализ мужских ценностей и взглядов женщин, стоящих за этим, глубоко дестабилизируют гетеросексуальность. Трудно смотреть на порнографию и думать о ней, не испытывая тревожных мыслей о гетеросексуальной любви и половом акте. Вполне возможно, что беспокойство Эколс и других либертарианцев по поводу критики гетеросексуальности феминистками, выступающими против порнографии, может быть вызвано не столько риторикой участниц кампании, поскольку такая критика редко озвучивается, сколько их собственной реакцией на порнографию. Возможно, их ужас перед тем, что показывает порно, перерастает в ярость по отношению к феминисткам, которые говорят о порно, потому что они не хотят обладать знаниями, которые оно дает.

Фактически, именно функция, которую порно выполняет, иллюстрируя то, что лежит за романтизированным понятием гетеросексуальной любви, делает его важным объектом агитационных усилий лесбийских феминисток, которые хотят бросить вызов гетеросексуальности. Порнография — это наилучший инструмент повышения самосознания, который мужское превосходство предлагает женщинам. По этой причине либертарианские феминистки должны постоянно утверждать, что порнография способна иметь множество значений и что феминистки глупы или просто неправы, когда видят в ней демонстрацию ненависти к женщинам. Ненависть к женщинам в масштабах, которые демонстрирует порнография, не может быть представлена теми, кто не желает нарушать «существующие властные отношения» гетеросексуальности.

Либертарианки приняли на себя бремя защиты гетеросексуальности и гетеросексуального желания от дестабилизирующего воздействия феминистских антипорнографических организаций. Можно было бы подумать, что гетеросексуальность не находится в серьезной опасности. Феминистская антипорнографическая политика и аргументы лесбийских сепаратисток не совсем соответствуют общепринятому мнению. Наблюдение за обычным баром, рекламным

щитом или телевизионной программой не покажет, что гетеросексуальность находится под серьезной угрозой потери своей гегемонии или становится хоть сколько-нибудь осознаваемой. Но либертарианки считают, что гетеросексуальность нуждается в их лучших силах для ее поддержки.

АТАКА НА ФЕМИНИЗМ

Либертарианки не просто участвуют в массовой защите порнографии и спасательной миссии в интересах гетеросексуальности. Они нападают на основные предпосылки феминизма и вступают в грубое и, кажется, преднамеренное искажение радикального феминизма в попытке унизить феминизм. Образец либертарианского текста показывает эту атаку на феминизм в действии. Энн Снитоу выражает ужас по поводу того, что антипорнографическое движение является объединяющей силой для женщин, и пытается показать, что нет никаких оснований для объединения женщин вокруг сексуальности.

> *Движение против порнографии привлекло женщин из многих секторов борьбы за освобождение женщин, но это единство имеет высокую цену, поскольку требует от нас чрезмерного упрощения, создания гипотезы о едином враге, вечной, универсальной мужской сексуальной жестокости. Когда мы создаем «их», мы совершаем своего рода ритуал очищения: между мужчинами и женщинами нет различий — ни во власти, ни в классе, ни в расе. Все сводится к ложному единству, братству угнетателей, сестринству жертв.*
>
> *В этом сестринстве мы можем казаться гораздо ближе, чем мы, вероятно, чувствуем, обсуждая более базовые и проблематичные источники половых нравов: этническую принадлежность, церковь, школу и семью. Мы обязательно разойдемся во мнениях, когда столкнемся с политикой сексуальности, скрытой в этих сложных социальных институтах, но именно из такого рода полезных дебатов и будет складываться суть нерасистской феминистской концепции свободы сексуальности. (Snitow, p.113).*

Основой феминистской теории и организации была и остается идея о том, что у женщин есть что-то общее как у женщин, и что, как бы много аспектов их опыта ни различалось в зависимости от их различного доступа к расовым и классовым привилегиям и их различного культурного происхождения, женщины разделяют угнетение как женщины. В случае мужского насилия и порнографии особенно ясно, что общего у женщин. Все они уязвимы для мужской половой агрессии. Но социалистки, которые не симпатизируют феминизму, всегда стремились разделить женщин и подчеркнуть различия между женщинами, а не их общность. Именно это и делает здесь Снитоу. Она называет единство, которое женщины чувствуют по

отношению к порнографии, «преждевременным единством через женское возмущение» (там же). Что может представлять собой «преждевременное единство» в политической борьбе? Конечно, единство является целью повышения политического сознания? Но любое единство между женщинами было бы «преждевременным», другими словами нежелательным, для антифеминистки. Снитоу подбирает слова осторожно. Вместо того чтобы называть реакцию женщин на порно «яростью», что звучит позитивно, она называет ее «возмущением», что делает ее морализаторской и ошибочной. Снитоу, как и другие либертарианки, не проявляет ничего, кроме презрения и снисходительности к женщинам, вовлеченным в политику борьбы с порнографией. Ее внезапное упоминание о необходимости «нерасистской концепции свободы сексуальности» бросает тень обвинения в расизме на феминистскую антипорнографическую кампанию. Почему она должна быть расистской? Просто потому, что она объединяет женщин, как следует из этого анализа.

Элис Эколс выбирает для атаки на антипорнографических феминисток подход, характерный для либертарианских трудов, но нигде не развитый так хорошо, как в ее работе. Ее тезис заключается в том, что ранние радикальные феминистки верили в освобождение сексуальности. Это, по-видимому, было искажено где-то по ходу анализа мужского полового насилия. В результате радикальный феминизм превратился в то, что она называет «культурным феминизмом» или «фемининизмом». Культурные феминистки, утверждает она, верят в неотъемлемую мужественность и женственность. Они считают мужчин от природы злыми, а женщин — от природы добрыми и возвышают все традиционные женские ценности, отсюда и «фемининизм». Это интересный анализ. Возможно, где-то есть группа женщин, которые придерживаются этих взглядов. Но когда мы смотрим на теоретикесс феминизма, которых она называет «культурными феминистками» или «фемининистками», мы обнаруживаем, что она имеет в виду практически каждую влиятельную американскую феминистку, о которой когда-либо слышали женщины по ту сторону Атлантики.

Она включает в список критики Дженис Рэймонд, Эдриенн Рич, Мэри Дейли, Салли Гирхарт, Андреа Дворкин, Джулию Пенелопу, Робин Морган, Этель Спектер Персон, Кэтлин Барри, Диану Рассел. Выясняется, что Эколс говорит не о какой-то неизвестной феминистской тенденции, которую она раскопала, а о самом феминизме в Америке. Для любой, кто читала труды этих феминисток, будет сюрпризом утверждение, что они якобы верят в эссенциальную мужественность и женственность. На самом деле они постоянно стремятся понять конструкцию гендера и желают положить конец мужскому превосходству. Было бы мало смысла в борьбе с мужским половым насилием, если бы оно считалось врожденным. Единственный смысл в том, чтобы бросить вызов этому, — это вера в то, что это можно изменить. Эколс

характеризует свою выдуманную тенденцию «культурного феминизма» следующим образом:

> *Я считаю, что то, что мы определили как радикальный феминизм, представляет собой такой фундаментальный отход от своих радикально-феминистских корней, что его необходимо переименовать. С этой целью я буду называть это более позднее течение феминизма культурным феминизмом, потому что оно приравнивает освобождение женщин к воспитанию женской контркультуры, которая, как надеются, заменит доминирующую культуру. Поляризация мужской и женской сексуальности культурным феминизмом и его демонизация первой и идеализация второй имеют свое политическое воплощение в антипорнографическом движении. К концу 1970-х годов культурный феминизм достиг гегемонии в движении, и его прославление женственности, что заставило некоторых называть его «фемининизмом», не только информирует антипорнографическую кампанию, но также эко-феминизм и феминистское движение за мир (Echols, p.51).*

Хотя большая часть обзывательств радикальных феминисток либертарианками просто повторяет то, как сексологи нападали на феминисток в начале этого века, то есть как на ханжей, пуританок и мужененавистниц, позиция Эколс развивает новые формы нападок. Феминистки последней волны подверглись нападкам за то, что они бросили вызов идеологии раздельных для мужчин и женщин сфер жизни, в которую верили сексологи, такие как Хэвлок Эллис. Их осуждали за желание выполнять мужскую работу и выглядеть как мужчины. Сегодня акцент сместился. Эколс нападает на радикальных феминисток за пропаганду старомодных половых добродетелей. Но многие аспекты атаки одинаковы. Женский социальный и политический союз навлек на себя огромное порицание со стороны левых перед Первой мировой войной за то, что осмелился предположить, что «созданный мужчинами социализм не менее опасен для женщин, чем созданный мужчинами капитализм» (Elizabeth Sarah, ‘Christabel Pankhurst: Reclaiming her Power’ 1983). Эколс явно очень сердита на то, что «культурные феминистки… считают капитализм и социализм одинаково вредными для женщин» (Echols, p.56). Вместо того, чтобы понимать это как критику социализма, определяемого мужчинами, Эколс утверждает, что некоторые «культурные феминистки… приняли капитализм, отвергнув демократию» (там же). Это серьезные заявления, которые на самом деле не подкреплены в статье Эколс. Вероятно, как и в случае с критикессами радикального феминизма перед Первой мировой войной, любая критика левых мужчин и левых политических практик мужчин воспринимается как нечто настолько шокирующее, что отождествляется с капитализмом и враждебностью к демократии. Левые мужчины склонны считать себя, в конце концов, представителями самого духа демократии.

«Культурный феминизм», по мнению Эколс, является реинкарнацией лесбийского сепаратизма. В это довольно трудно поверить, поскольку женственность — это порок, который сепаратистская политика и практика вряд ли поддерживают. Но Эколс полна решимости сплести эту любопытную паутину:

> *Открытая враждебность лесбийского сепаратизма к гетеросексуальным феминисткам гарантировала, что он останется точкой зрения меньшинства. Однако в своем перевоплощении в культурный феминизм лесбийский сепаратизм был изменен и усовершенствован таким образом, чтобы сделать его более приемлемым для более широкой аудитории. В то время как лесбийские сепаратистки выступали за сепарацию от мужчин, культурные феминистки выступают за сепарацию от мужских ценностей (там же).*

СЕКС И ВЛАСТЬ

В основе либертарианской поддержки порнографии лежит убеждение, что секс неизбежно связан с эротизированным различием власти. Феминистские аргументы о том, что порнография, является ли она жестокой или нет, в любом случае связана с эротизацией различия власти, не заставляют либертарианок останавливаться. Они и так это знают и верят, что это непреложное человеческое состояние. Элис Эколс объясняет это как свое оправдание отказа от идеи, что сексуальность должна каким-либо образом отражать политику.

> *Но мы также должны порвать с радикальной феминистской традицией, которая призывает нас подчинять сексуальность политике в попытке заставить нашу сексуальность соответствовать нашей политической идеологии, рассматривая нашу сексуальность как уродливый изъян, который с бдительностью и временем может быть преодолен... мы должны признать, что власть присуща сексуальности, а не предполагать, что власть просто исчезает в эгалитарных отношениях. Возможно, мы могли бы достичь большего равенства, если бы мы вели переговоры, а не отрицали власть (там же).*

Кэрол Вэнс очень сомневается в том, что сексуальность можно изменить.

> *Некоторые предполагают, что если сексуальность конструируется на культурном уровне, то ее можно легко реконструировать или деконструировать на социальном или личном уровне. Это не обязательно так (Vance, p.9).*

Она должна признать, что людини, похоже, способны очень существенно менять свои половые желания, как в примере тысяч женщин, которые стали лесбиянками под влиянием феминизма, которые, возможно, никогда бы не считали себя кем-то иным, кроме как гетеросексуалами. Очевидно, что некоторые аспекты

сексуальности можно изменить, но она по-прежнему убеждена, что некоторые области сексуальности могут не поддаваться изменениям. Для нее тот факт, что половое желание неизбежно строится вокруг разницы во власти, кажется неизменным.

Но почему так должно быть? Использование Эколс слова «присуще» предполагает биологический эссенциализм. Другие авторки предлагают другое направление объяснения, которое представляет изменения столь же невозможными, но которое можно рассматривать как лежащее в рамках социальной конструктивистской модели. Либертарианки нападают на радикальных феминисток за эссенциализм, и им нужно объяснение, которое можно было бы принять за конструктивистское. Конечно, они не выбирают феминистское объяснение. Феминистки верят в перемены и революции в сексуальности, а также в других сферах. Либертарианки возвращаются к психоанализу. Все, кто предлагает объяснение того, почему секс связан с властью, опираются на какую-то версию детских влияний, вытекающих из проблем ребенки в дифференциации себя от матери или из фрустрации. Они считают, что ребенка от природы ненасытна и испытывает ужасный гнев из-за матери, которая устанавливает ограничения на её сосание и другие потребности.

Для феминисток в таком анализе есть большие пробелы. В отличие от обычных психоаналитических объяснений, в нем не уделяется никакого внимания гендерным различиям и власти между полами. Сторонницы психоаналитических объяснений считают, что материальная, повседневная мужская власть и угнетение женщин и их последствия не имеют отношения к делу. Чем более ранним детским влияниям они отдают предпочтение и чем меньше они являются результатом чего-то изменчивого, например мужской силы, тем в большей степени они способны создать удовлетворительный психологический детерминизм.

Как только связи между сексом, властью и агрессией были объяснены как неизменные и безвредные, либертарианки могут сосредоточиться на рассмотрении «сложной» сексуальности как сада наслаждений, в котором те самые связи, которые беспокоят ханжей и пуритан, могут быть добыты ради удовольствий, которые они могут предоставить. Производство учебников по садомазохизму, эротических журналов и видео становится респектабельной отраслью и услугой обществу.6.

6. Создание будущего сексуальности

ГЕТЕРОСЕКСУАЛЬНОСТЬ КАК ИНСТИТУТ

Для многих людинь слово «гетеросексуальный» будет неясным по значению. Тот факт, что социальные отношения в западном мужском превосходстве организованы по гетеросексуальному принципу, то есть основано на половом акте, покажется столь же малозаслуживающим комментариев, как и тот факт, что дождь падает с небес. Гетеросексуальный принцип рассматривается как часть природы, не требующая ни определенного слова для его описания, ни, что еще более важно, объяснения. Именно сексологи конца девятнадцатого века, в ходе стигматизации гомосексуальности, популяризировали слово, которое им было нужно для ее противоположности. Гетеросексуальности было дано имя. Её представляли как нормальную и желательную форму выражения половых эмоций. Текущее определение Оксфордского словаря происходит от этого изобретения. «Гетеро» определяется Оксфордским словарем как «другая, отличная». «Гетеросексуальный» определяется как «относящийся к или характеризующийся нормальным отношением полов» (Concise Oxford Dictionary, 1964).

Сексологи пропагандировали идею о том, что для представительниц одного пола отношения подруга с подругой является отклонением, болезнью или наследственным недостатком. Они ограничили свое определение этого отклонения половыми актами и чувствами. Они не изображали гетеросексуальность как политический институт. Их ограниченное определение — это то, которое использовалось до нынешней волны феминизма. В последней волне феминизма этот термин не использовался в политических дискуссиях. Сексологический язык еще не стал общепринятым, за исключением тех женщин, которые стали последовательницами сексологинь. Это не значит, что наши предшественницы не знали о политических последствиях гетеросексуальности. Они яростно критиковали брак и, конечно, все формы половых и любовных отношений с мужчинами. Многие выбирали быть старыми девами или лесбиянками по политическим причинам. Но язык, который они использовали, отличался от сегодняшнего.

В современной волне феминизма теоретикессы феминизма и лесбийства рассматривают гетеросексуальность как политический институт. Они полностью отвергли идею о том, что для женщин «нормально» или «естественно» иметь половые отношения с мужчинами. Они использовали термин «гетеросексуальность» не только для обозначения половых чувств, но и для описания политической системы. Аналогично, лесбийство феминистки определяли не только как форму полового влечения, но и как политику и стратегию революции.

В 1960-х и 1970-х годах новый подход психологинь к сексуальности пришел на смену патологизации половой девиации, которая доминировала в течение всего

оставшегося столетия. Это была модель половых предпочтений, или то, что Селия Китцингер в своей книге «Социальное конструирование лесбийства» называет либеральным гуманизмом. Гуманистические психологини бросили вызов модели болезни гомосексуальности. Гуманистическая модель рассматривает гомосексуальность и гетеросексуальность как равнозначные и стремится противостоять тому, что рассматривается как иррациональное предубеждение или гомофобия по отношению к гомосексуалкам. Китцингер объясняет:

> *«Патологическая» модель уже широко критиковалась в профессиональной литературе за ее методологическую и теоретическую неадекватность и идеологические предубеждения, и она больше не представляет собой доминирующий психологический подход к лесбийству. На ее место пришла модель лесбийства (и мужской гомосексуальности) как нормального, естественного и здорового полового предпочтения или образа жизни, а проблема патологии сместилась к диагностике и лечению новой болезни «гомофобии» (страха перед гомосексуалками) (Celia Kitzinger, The Social Construction of Lesbianism, 1987).*

Принятие этой модели зависит от признания того, что гетеросексуальность, если и не «естественна», то, по крайней мере, неизбежна для подавляющего большинства людинь. Гомосексуалы рассматриваются как безобидное меньшинство, которое следует терпеть и ассимилировать в основную гетеросексуальную культуру. В этом подходе нет никаких проблем с гетеросексуальностью. Гетеросексуальность, безусловно, не рассматривается как политический институт. Гетеросексуальность и гомосексуальность рассматриваются как половые предпочтения или выбор, определяемые половой активностью и чувствами или даже «образом жизни», но имеющие не больше общего с политикой, чем предпочтение гороха капусте. Большинство тех, кто участвует в феминистских и гей-движениях, приняли этот подход и решительно сопротивляются политическому анализу гетеросексуальности. Как отмечает Китцингер, либеральные гуманистические исследования «с энтузиазмом цитируются многими геями, и, особенно в контексте антигейскоого климата, поощряемого страхом СПИДа, либеральные гуманистические убеждения о гомосексуальной нормальности и психическом здоровье часто воспринимаются как подкрепляющие и утверждающие гей и лесбийскую культуру» (там же). Либертарианцы сексуальности придерживаются этой точки зрения. Политика сексуальности для них ограничена репрессивными агентствами. Здесь нет политической критики гетеросексуальности.

Почему этот деполитизированный подход принят столь многими феминистками, лесбиянками и геями? Китцингер указывает, что либерализм — это ответ правящего класса на угрозу его гегемонии. Он призван смягчить любой серьезный вызов и сгладить конфликт. Она цитирует Кэти Сарачайлд о политической роли либерализма:

Либеральное лидерство возникает всякий раз, когда угнетенная группа начинает выступать против угнетателя. Оно работает над сохранением власти угнетателя, избегая и предотвращая разоблачение и конфронтацию. Угнетенная всегда каким-то образом сопротивляется угнетателю, но, когда восстание становится публично заметно и движение становится мощной силой, либерализм становится необходимым для угнетателя, чтобы остановить радикальный подъем (Kathie Sarachild, 'Psychological Terrorism', in Redstockings (ed), Feminist Revolution, Random House1975).

Таким образом, либеральный гуманизм работает над устранением любой угрозы гетеросексуальной системе. Политические лесбиянки и геи вынуждены использовать либеральные концепции, такие как половые предпочтения, поскольку такие аргументы могут понравиться либеральному истеблишменту. Во все более враждебном климате, продемонстрированном антигейским законодательством 1988 года в Великобритании, лесбиянки вынуждены скрывать радикализм своей политики, чтобы завоевать доверие.

Радикальный или революционный феминистский вызов гетеросексуальности как политическому институту встретил враждебный ответ со стороны феминисток и лесбиянок, которые придерживаются либерального гуманистического подхода. С самого зарождения лесбийского феминизма лесбиянки утверждали, что лесбийство является фундаментальной угрозой мужскому превосходству. Мы утверждали, что лесбийство является важнейшей стратегией для женщин, если они хотят положить конец своему подчинению. Этот лесбийский радикализм был тщательно убран новой волной лесбиянок-ассимиляционисток, продвигающих «косметический ремонт» политики, но его нельзя полностью вычеркнуть из истории. Самый известный из лесбийских феминистских манифестов, статья «Женщина, идентифицированная с женщиной» Radicalesbians, написанная в 1970 году, дает бескомпромиссно политическое определение лесбийства:

Лесбиянка — это ярость всех женщин, сгущенная до точки взрыва. Это женщина, которая, часто начиная с очень раннего возраста, действует в соответствии со своим внутренним побуждением быть более полной и свободной человекой, чем ее общество... позволяет ей (Radicalesbians, 'The Woman-Identified Woman', 1973).

В статье Radicalesbian утверждается, что женщинам необходимо стать лесбиянками, если они хотят развить любовь к себе и эффективно работать ради собственного освобождения. Они объясняют:

Наша энергия должна течь к нашим сестрам, а не назад к нашим угнетателям. Пока женское освобождение пытается освободить женщин, не сталкиваясь с базовой гетеросексуальной структурой, которая

связывает нас в отношениях один на один с нашими собственными угнетателями, огромная энергия будет продолжать течь в попытках исправить каждые конкретные отношения с мужчиной, получить лучший секс, вскружить ему голову — в попытках сделать из него «нового мужчину», в заблуждении, что это позволит нам быть «новой женщиной» (там же).

В начале 1970-х годов многие радикальные лесбиянки по всему западному миру заявляли разными способами, что лесбийство было политической стратегией, необходимой для освобождения женщин, и что гетеросексуальная практика несовместима с феминизмом. Джилл Джонстон особенно ясно заявила об этом в своем сборнике 1973 года «Нация лесбиянок».

Феминизм в глубине души — это массовая жалоба. Лесбийство — это решение. Это еще один способ выразить то, что Ти-Грейс Аткинсон однажды описала как феминизм как теорию, а лесбийство — как практику. Когда теория и практика объединятся, у нас будет революция. Пока все женщины не станут лесбиянками, настоящей политической революции не будет. Ни одна феминистка сама по себе не предложила решения, выходящего за рамки приспособления к мужчине… Феминистки, которые все еще спят с мужчиной, отдают свою самую жизненную энергию угнетателю (Jill Johnson, Lesbian Nation, 1973).

В лесбийском феминистском сообществе Британии эта идея была довольно широко принята в 1970-х годах, но не была изложена до 1979 года Группой революционных феминисток Лидса, членкой которой я была, в статье «Политическая лесбиянка». Она была написана для конференции революционных феминисток, состоявшейся в сентябре того года. Это был краткий доклад, призванный скорее стимулировать дискуссию, чем пытаться провести подробный анализ.

В статье объясняется, что гетеросексуальные феминистки часто спрашивали авторок, когда они объясняли свою политическую позицию, считают ли они, что все феминистки должны быть лесбиянками. Ответ был: «Мы действительно думаем, что все феминистки могут и должны быть политическими лесбиянками». Политическая лесбиянка определяется как «женщина, идентифицирующая себя с женщиной, которая не трахается с мужчинами» (Leeds Revolutionary Feminist Group, ‘Political Lesbianism: the Case Against Heterosexuality’). До момента написания статьи мы чувствовали себя под давлением необходимости притворяться, чтобы не оскорблять. Теперь мы хотели изложить политику, стоящую за утверждением, что все феминистки должны быть лесбиянками. В статье объясняется, что сексуальность важна, потому что «именно через сексуальность поддерживается фундаментальное угнетение мужчин над женщинами». В ней говорится, что по мере изменения формы угнетения женщин и «большего количества женщин, способных зарабатывать немного больше

денег, и ослабления давления воспроизводства, власть отдельных мужчин и мужчин как класса над женщинами усиливается посредством полового контроля» (там же).

Роль гетеросексуальности как политического института в угнетении женщин описывается следующим образом:

> *Гетеросексуальная пара является базовой единицей политической структуры мужского превосходства. В ней каждая отдельная женщина попадает под контроль отдельного мужчины. Это гораздо эффективнее, чем держать женщин в гетто, лагерях или даже сараях в глубине сада. В паре любовь и половой акт используются для сокрытия реалий угнетения, для предотвращения отождествления женщин подруга с подругой с целью восстания и отождествления «своего» мужчины как врага. Любая женщина, которая принимает участие в гетеросексуальной паре, помогает укрепить мужское превосходство, укрепляя его основы (там же).*

Статья имела большой успех на конференции и стала знаменитой только тогда, когда несколько месяцев спустя она была напечатана по запросу в национальном феминистском информационном бюллетене WIRES. Гневные письма хлынули потоком. Были и некоторые в поддержку, но в то время, когда мы пытались справиться с яростью от нападок, которые мы получали, письма поддержки были не теми, которые мы заметили наиболее отчетливо. Ответы на статью в целом игнорировали то, что говорилось о политической роли сексуальности и гетеросексуальности, и концентрировались на том факте, что статья говорила феминисткам, что они должны быть лесбиянками. Этот отрывок из переписки показывает тон враждебного ответа:

> *...можно подумать, что эти женщины были автоматонами. Или, точнее, можно подумать, что они пытались быть «кадрами» (профессиональными революционерками) в авангардистской марксистской традиции; сияющие глаза, устремленные в славное будущее после революции, свитера, покрытые значками, и сердца, бьющиеся в ритме правой линии (там же).*
>
> *Это... самая покровительственная, высокомерная чушь, которую я когда-либо читала, включая ортодоксальную психологию и так далее о женщинах (там же).*
>
> *Шейла Роуботам писала... о ленинском «авангарде» левых. Именно для того, чтобы уйти от такого рода политики, многие из нас пришли в женское освободительное движение в первую очередь. Действительно ли мы хотим этого здесь? (там же).*

Статья и некоторые ответы были позже опубликованы Onlywomen Press, а сама статья была включена в другие сборники. Она стала причиной того, что многие женщины начали думать о том, чтобы уйти от мужчин. Но анализ политики

гетеросексуальности, на который мы надеялись, не пошел дальше. Нападкам подвергся стиль статьи и личности авторок. Идеи ориентации были проигнорированы. Группа из Лидса распалась под давлением столь серьезной внешней атаки.

В то время мы не могли понять, почему газета спровоцировала столь яростную атаку. Протестующие обвинили нас в том, что мы «указываем женщинам, что делать», как будто мы были могущественной властью. Но мы были группой из пяти женщин, которые написали краткий доклад для конференции, опубликованный в феминистском бюллетене с очень небольшим тиражом. Характеристика нас как «кадров», как авторитарных и так далее казалась совершенно неуместной. У нас не было никакой власти, и мы могли только выражать мнение. Феминистки реагировали именно на силу идеи, хотя они воспринимали это как силу писательниц.

Респондентки не пытались опровергнуть основные аргументы в пользу политического лесбийства. Для женщин, серьезно настроенных работать ради феминистской революции, они были безупречны. Не имело особого смысла ставить женщин на первое место в своей жизни, любить женщин и провозглашать сестринство, а затем посвящать всю самую важную эмоциональную и эротическую энергию мужчинам. Вливание энергии в мужчин, когда мужчины были проблемой, а женщины решением, выглядело неразумным. Гетеросексуальные феминистки, которые осуждали газету, именно поэтому использовали либеральные гуманистические аргументы. Они говорили о выборе. Они не хотели рассматривать аргумент о том, что гетеросексуальность была политической системой и что их «выбор» мог поддерживать или угрожать этой системе. Они просто говорили о любви или половом влечении к мужчинам, как будто эти вещи были данностью и неизменны, несмотря на годы феминистского анализа социальной конструкции как романтики, так и ориентации.

Масштаб негативной реакции на статью «Политическая лесбиянка» показал нам, насколько фундаментальным и священным институтом является гетеросексуальность по отношению к мужскому превосходству. Женщины, которые были очень храбры во многих других направлениях, не могли даже вынести серьезной критики гетеросексуальности и своего собственного полового выбора. Напряжение между либеральным гуманистическим подходом к гетеросексуальности и лесбийским феминистским вызовом выявилось довольно резко. Пока лесбиянки требовали терпимости как преследуемое меньшинство и права на реализацию своих половых предпочтений, они могли быть услышаны в женском освободительном движении, даже если не получали активной поддержки. Если лесбиянки бросали вызов гетеросексуальности, то их предавали анафеме.

Наиболее враждебную реакцию на статью высказали социалистические феминистки. Анна Кут и Беатрикс Кэмпбелл пренебрежительно отзываются об

истории женского освобождения в Британии. Они пишут: «Революционные феминистки Лидса сбили с толку и без того подавленное движение с помощью статьи, опубликованной в 1979 году», и поздравляют критикесс, которые отвергли «доктринерский подход группировки Лидса» (Anna Coote and Beatrix Campbell, Sweet Freedom: The Struggle for Women's Liberation, 1982). Линн Сигал в своей книге «Женское ли будущее? Тревожные мысли о современном феминизме» пишет о статье: «Как такой конкретный редукционизм, такая фаллическая одержимость могли так завладеть феминизмом?» (Lynne Segal, Is The Future Female? Troubled Thoughts on Contemporary Feminism, 1987).

Статья Эдриан Рич «Принудительная гетеросексуальность и существование лесбиянок» была опубликована в американском женском журнале Signs в 1980 году. В отличие от статьи «Политическая лесбиянка», она не предлагала гетеросексуальным женщинам сделать выбор стать лесбиянками и, таким образом, избежала крайне враждебной реакции. Статья дает убедительный анализ сил, используемых для принуждения женщин к гетеросексуальности. Гетеросексуальным читательницам было бы трудно утверждать, что они выбрали «половое предпочтение», столкнувшись с этими доказательствами. Рич утверждает:

> *Феминистская теория больше не может позволить себе просто озвучивать терпимость к «лесбийству» как к «альтернативному образу жизни» или делать символические намеки на лесбиянок. Феминистская критика принудительной гетеросексуальной ориентации для женщин давно назрела (Adrienne Rich, 'Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence', 1984).*

Рич показывает, как большинство литературы, рассматриваемой как феминистская, изображает гетеросексуальность как половое предпочтение и неизбежность для большинства женщин. Она описывает это как «гетероцентрическое». Рич объясняет, что гетеросексуальность навязывается женщинам «как средство обеспечения права мужчин на физический, экономический и эмоциональный доступ» (там же). Она перечисляет силы, которые, по ее мнению, навязывают гетеросексуальность, в том числе: «Пояс верности; детские браки; стирание существования лесбиянок (за исключением эротического или извращенного) в искусстве, литературе, кино; идеализация гетеросексуальной романтики и брака» (там же).

Она проливает свет на причины яростного сопротивления гетеросексуальных феминисток критике гетеросексуальности.

> *Что заслуживает дальнейшего изучения, так это двоемыслие, свойственное многим женщинам, и от которого ни одна женщина не свободна навсегда и полностью: как бы сильно ни ценились и ни лелеялись отношения между женщинами, сети женской поддержки, женская и феминистская система ценностей, навязывание мужской репутации и статуса все равно может*

создавать синапсы в мыслях, отрицание чувств, принятие желаемого за действительное, глубокую половую и интеллектуальную путаницу (там же).

Они сопротивляются идее, что «для женщин гетеросексуальность может быть вовсе не "предпочтением", а чем-то, что должно было быть навязано, что управляется, организовывается, пропагандируется и поддерживается силой» (там же). Она описывает гетеросексуальность как политическую систему угнетения, подобную капитализму или кастовой системе, призванную производить класс низшего статуса, который может эксплуатироваться в интересах правящего класса и поддерживаться «различными силами, включая как физическое насилие, так и ложное сознание» (там же). Статья Рич была динамичной по своему влиянию на теоретизирование вокруг гетеросексуальности. Широко используемая в курсах по женским исследованиям, она привела к тому, что концепция «принудительной гетеросексуальности» вошла в общее употребление в феминистской теории.

Но статья Рич не герметизировала радикальное лесбийское теоретизирование гетеросексуальности. Одной из критических замечаний к ее статье является то, что, сосредоточившись на критике «принудительной гетеросексуальности», а не на гетеросексуальности как таковой, она сумела обосновать «непринудительную гетеросексуальность». Если проблема заключается только в принудительной природе гетеросексуальности, то феминистки могут сказать, что они рассмотрели все давления, принуждающие их к гетеросексуальности, и все равно, в конце концов, выбрали ее. Ариан Брюне и Луиза Теркотт объясняют:

Как только человека осознает обязательный характер гетеросексуальности, она избавляется от этой же обязанности соответствовать. Теперь она может добровольно принять новое направление, новое понимание гетеросексуальности — консенсуальную или необязательную гетеросексуальность. Таким образом, можно перейти от принудительной гетеросексуальности к «непринудительной», сводя гетеросексуальность и лесбийство к простому половому выбору… Как можно говорить о выборе между политическим институтом доминирующих и силой восстания подчиненных? Как можно сравнивать принудительную доступность женщин с половой автономией лесбиянок? (Ariane Brunet and Louise Turcotte, 'Separatism and Radicalism', Lesbian Ethics, vol. 2, no. 1, p. 47. This article is reprinted in Sarah Lucia Hoagland and Julia Penelope, For Lesbians Only: A Separatist Anthology, Onlywomen Press, London, 1988 which is an excellent resource for separatist theory on heterosexuality).

Утверждается, что, написав о принудительной гетеросексуальности, а не о гетеросексуальности, Рич укрепила ту самую модель половых предпочтений, которую она была полна решимости разоблачить.

Дженис Рэймонд критикует Рич за ее концепцию лесбийского континуума. Рич помещает женщин, которые любили, дружили с женщинами и работали в политике вместе с ними, в лесбийский континуум, даже если они могли эмоционально и в половом плане быть привязаны к мужчинам. Рич определяет лесбийский континуум следующим образом:

> *Я имею в виду, что термин лесбийский континуум представляет собой диапазон, протянутый через жизнь каждой женщины и на протяжении всей истории — опыт, идентифицированный женщиной; а не просто тот факт, что женщина имела или сознательно желала генитального полового опыта с другой женщиной. Если мы расширим его, включив в него гораздо больше форм первичной интенсивности между женщинами, включая обмен богатой внутренней жизнью, объединение против мужской тирании, предоставление и получение практической и политической поддержки… (Rich).*

Рэймонд комментирует, что у нее есть «грызущая интуиция, что это утверждение логически неверно, морально обделено по отношению к женщинам, которые являются лесбиянками, и покровительственно по отношению к женщинам, которые не являются лесбиянками» (Janice G. Raymond, A Passion for Friends, 1986). Рэймонд отмечает, что существует разница между идентификацией себя как женщины и лесбиянкой, и что становление лесбиянкой подразумевает изменение сознания и принятие сопутствующих рисков, рисков, которые не разделяют женщины, идентифицирующие себя как женщины. «Женщины, не являющиеся лесбиянками, хотя и проявляют смелость среди общества, ненавидящего женщин, и идут на другие риски, не идут на конкретный риск, выбирая и признавая лесбийское существование» (там же).

Статья Рич считается гораздо менее оскорбительной для гетеросексуальных женщин, чем статья «Политическая лесбиянка». Похоже, что она позволяет гетеросексуальным женщинам продолжать свои отношения с мужчинами, чувствуя свой выбор политически обоснованным, разделяя лесбийский континуум. Гетеросексуальность не обвиняется, обвиняется только сила, необходимая для того, чтобы заставить женщин участвовать в ней. Ни одна из статей не смогла вызвать дебаты, в которых спрашивается, какую роль гетеросексуальность играет в угнетении женщин. Радикальные лесбиянки в Монреале задают этот вопрос. Брюне и Теркотт определяют политическую роль гетеросексуальности следующим образом:

> *Гетеросексуальность — это институт, который создает, сохраняет, поддерживает и питает мужскую силу. Без подчинения женщины гетеросексуальности мужчина не смог бы выжить в одиночку, по крайней мере, он так думает. Содержание мужчин женщинами, добровольное или принудительное, оплачиваемое или неоплачиваемое, — это то, что*

генерирует мужскую силу и позволяет им продолжать жить за счет женской энергии (Brunet and Turcotte).

Они идут дальше, чем просто идентифицирование гетеросексуальности как структурной поддержки мужского превосходства. Они идентифицируют гетеросексуальность как корень всех других угнетений, которые существуют при мужском превосходстве. Гетеросексуальность основана на концепции различия и оправдывается ею. Без этой концепции, укорененной в гетеросексуальности, другие системы угнетения не могли бы функционировать.

Из гетеросексуальности вытекают все остальные угнетения. Гетеросексуальность — краеугольный камень, на котором мужчины основали норму, определили источник и стандарт для определения всех отношений. Концепция различия присуща гетеросексуальности. Эта концепция, как объяснила Моника Виттиг в «Гетеросексуальном мышлении», заставляет нас рассматривать остальных людинь как Других. Но чтобы рассматривать остальных как Других, нужно считать свое собственное отличие нормой, поскольку норма дает власть и контроль... Концепция различия, институционализированная как гетеросексуальность, основывается на системе ценностей, где один выше, а другая ниже, один доминирует, а другая подчиняется (там же).

Именно система гетеросексуальности характеризует угнетение женщин и придает ему форму, отличную от других форм эксплуататорского угнетения. Извлечение неоплачиваемого женского труда для мужчин на рабочем месте дома, будь то труд домашний, половой, эмоциональный или репродуктивный, зависит от гетеросексуальной системы. Эти эксплуататорские отношения оправдываются и основываются на практике полового акта. Вокруг практики этого акта строятся семейные отношения. Рабочие отношения маскируются под понятиями любви и семьи.

На основе гетеросексуальной основы «семьи» система того, что Дженис Рэймонд называет гетеро-отношениями, организует социальные отношения всего остального общества, придерживающегося принципа превосходства мужчин. Роли полов берут начало из гетеросексуальности. Рэймонд объясняет, что роли женщины и мужчины сконструированы так, чтобы сделать необходимым гетеросексуальный союз. Роли полов должны быть созданы так, чтобы ни одно человеческое существо любого пола не было полностью способно к независимому функционированию, и гетеросексуальная связь тогда кажется естественной и неизбежной.

...гетерореальность и гетеро-отношения построены на мифе об андрогинности. «Ты как женщина должна соединиться с мужчиной», чтобы выполнить предполагаемую космическую цель воссоединения того, что было мифически разделено на мужское и женское. Аргументы в поддержку

первичности и распространенности гетеро-отношений в некотором роде основаны на космической полярности мужского и женского, в которой так называемые потерянные половинки стремятся воссоединиться. В гетерореляционном мировоззрении преодоление такой полярности требует вливания всей жизни в воссоединение разделенных половинок. Все жизненные отношения тогда пропитаны андрогинной энергией и притяжением, которые стремятся воссоединить разделенные друг от друга «я», навсегда соединенные в космической взаимодополняемости. Вся жизнь становится метафорой брака. Каждое социальное отношение требует своей второй половинки, своего космического дополнения. Двое — женщина и мужчина — должны стать одним целым, будь то в спальне или в зале заседаний. Гетерореляционная комплементарность становится «веществом космоса» (Raymond, 1986).

В книге Рэймонд показаны способы, с помощью которых мужчины пытались помешать женщинам объединяться не только в лесбийских отношениях, но и в любой форме подружбы, способы, с помощью которых женщинам мешали ценить подруга подругу и самих себя.

Согласно радикальному лесбийскому анализу, гетеросексуальность конструируется различными способами, включая силу, и опирается на предотвращение связи женщин. Это недостающее звено в феминистской теории. Феминистский анализ любви, полового акта, домашнего труда, мужского насилия, половых ролей и разделения труда — все это встает на свои места, когда гетеросексуальность понимается как система, которая организует мужское превосходство. Брюне и Теркотт, как и другие радикальные лесбиянки, называют любую версию феминистской или лесбийской теории, которая не фокусируется на гетеросексуальности, «гетерофеминизмом», то есть своего рода профсоюзным движением угнетенных, в котором рабочие объединяются для улучшения условий труда без реальной попытки изменить систему в целом.

Целью освобождения женщин и, в частности, освобождения лесбиянок должно быть разрушение гетеросексуальности как системы. Пришло время задуматься о том, как организовать общество, которое не структурировано гетеросексуальностью. Лесбийские сепаратистки создают такое общество и показывают, что мир за пределами гетеросексуальности возможен.

ГЕТЕРОСЕКСУАЛЬНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Гетеросексуальное желание — это эротизированное различие во власти. Гетеросексуальное желание берет начало в отношениях власти между женщинами и мужчинами, но оно также может испытываться в однополых отношениях. Гетеросексуальность как институт основана на идеологии «различия». Хотя эта

разница кажется естественной, на самом деле это разница в силе. Когда мужчины женятся на женщинах, они привносят в отношения значительную социальную и политическую власть. Государственные организации будут поддерживать свою власть через религию, суды, социальные службы. Избиения и изнасилования в браке будут потворствовать этим институтам. Женщины, на которых они женятся, обычно будут иметь меньшую способность зарабатывать, поскольку заработная плата женщин ниже, чем у мужчин. Женщин будут обучать не использовать физическую силу или не быть агрессивными. Им будут привиты социальные ожидания от них служения, послушания и самопожертвования. Но этого недостаточно для обеспечения мужской власти. Когда мужчины выбирают партнерок, используются методы усиления различий во власти. Их поощряют искать в жены женщин, которые ниже ростом и моложе по возрасту. Серьезные табу, которые существуют против браков мужчин с женщинами, которые выше или старше, слишком хорошо известны, чтобы их подчеркивать.

Но существуют также табу, запрещающие мужчинам жениться на женщинах, имеющих малейшее преимущество в плане образования или заработка. Чтобы показать, в какой степени правящий мужской истеблишмент принимает и поддерживает мужскую власть в браке, нам нужно только взглянуть на то, как криминологи объясняют преступления насилия в отношении женщин. В исследовании 1975 года были опрошены жены насильников и преступников, совершивших инцест, чтобы понять, почему мужья совершали преступления. Авторы, Гарретт и Райт, обнаружили, что жены в среднем имели примерно на один год больше образования, чем их мужья. Они предполагают, что эти «сильные» жены намеренно выходили замуж за мужчин, над которыми они могли чувствовать себя выше. Затем мужчин подталкивало к их насилию чувство неполноценности. Авторы приходят к выводу, что «для этой выборки изнасилование и инцест со стороны мужей служили особенно полезным рычагом, с помощью которого жены могли еще больше укрепить позиции морального и социального доминирования» (Sheila Jeffreys, ‘The Sexual Abuse of Children in the Home’). Мужская власть настолько нормальна для этих мужчин, что женщинам, которые оказались замужем за менее образованными мужчинами, приписывают власть и ответственность за половое насилие со стороны своих мужей. Предположительно, тот факт, что мужчины регулярно выбирают менее образованных женщин для брака, рассматривается как несомненно подходящее поведение. В поддержку своих выводов Гарретт и Райт используют исследование, в котором, как утверждается, преимущество жен в образовании объясняет избиение жен. Власть, которой обладают мужчины в браке, как та, которая дается им половым ролевым обучением в обществе мужского превосходства, так и та, которую они индивидуально ищут, настолько является частью ткани жизни, что она невидима для мужчин ученых. Они замечают и возражают только тогда, когда тотальность такой мужской власти нарушается.

Конечно, было бы удивительно, если бы в этой тщательно спроектированной ситуации неравенства половое желание мужчин к женщинам оказалось эгалитарным. Конечно, это не так. Мужчинам нужно иметь возможность желать бессильных созданий, на которых они женятся. Поэтому гетеросексуальное желание к мужчинам основано на эротизации инаковости женщин, инаковости, которая основана на разнице в силе. Аналогично, в двадцатом веке, когда от женщин требовалось демонстрировать половой энтузиазм по отношению к мужчинам, их учили эротизировать инаковость мужчин, то есть мужскую власть и свою собственную подчиненность. Лавина советов по половому акту и «научной» сексологической литературы свидетельствует об усилиях, необходимых для создания гетеросексуального желания. Сексологи на протяжении последних ста лет утверждали, что мужская сексуальность неизбежно об агрессии, активности и наслаждении причинением боли. Женская сексуальность рассматривалась как ее противоположность: неизбежно о покорности, пассивности и наслаждении получением боли. Сексологи различались в форме объяснения, которое они предлагали для этого явления. Хэвлок Эллис использовал эволюционное объяснение. Фрейд использовал влияние детства в семье, но в конечном счете обратился к биологии. Но они были едины в том, что считали эту систему негибкой.

Феминистки обеих волн феминизма в этом столетии выступали против этого сексологического предписания. Они требовали, чтобы мужчины изменили свое половое поведение, и выступали против сексологической версии женской сексуальности. Недавно либертарианские лесбиянки и геи провозгласили садомазохизм революционной сексуальностью и заявили, что «власть» присуща сексуальности.

Как только эротизация инаковости и разницы во власти усвоена, то в однополых отношениях, где отсутствует другой пол, инаковость может быть вновь введена через различия в возрасте, расе, классе, практику садомазохизма или ролевых игр. Таким образом, можно сконструировать гетеросексуальное желание в рамках лесбийства, и гетеросексуальное желание в изобилии проявляется в практике геев. Противоположностью гетеросексуального желания является эротизация одинаковости, одинаковости власти, равенства и взаимности. Это гомосексуальное желание.

ПОЛОВОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

При мужском превосходстве секс заключается в эротизации подчинения женщин. Женская подчиненность эротична не только для мужчин, но и для женщин. Долгие годы это было секретом женского освобождения. Чтобы противостоять мужской порнографии, которая повторяла, что женщины наслаждаются болью и унижением, и чтобы вести кампанию против полового насилия в культуре, которая утверждала, что женщины наслаждаются половым насилием, феминистки отрицали,

что женщины — мазохистки. Феминистские теоретикессы мужского насилия признавали, что у женщин есть садомазохистские фантазии, но утверждали, что между фантазией и реальностью существует огромная разница. Ни одна женщина, говорили они, не хочет насилия. Существование садомазохистских фантазий не рассматривалось как проблема из-за их взрывоопасного потенциала. Это оставило движение за освобождение женщин широко открытым для нападок, когда возникло садомазохистское лобби.

Неудивительно, что садомазохистские фантазии играют важную роль в половой жизни женщин. Женщины могут рождаться свободными, но они рождаются в системе подчинения. Мы не рождаемся в равенстве и не имеем равенства, чтобы его эротизировать. Мы не рождаемся во власти и не имеем власти, чтобы ее эротизировать. Мы рождаемся в подчинении, и именно в подчинении мы учимся нашим половым и эмоциональным реакциям. Было бы поистине удивительно, если бы какая-либо женщина, воспитанная в условиях мужского превосходства, смогла избежать сил, превращающих ее в представительницу низшего класса рабынь.

Из-за дискриминационного поведения матери, пока девочка еще в колыбели, через обучение тому, как сидеть и двигаться, не занимая места и не показывая свои трусы, как говорить, когда с ней разговаривают, и отводить взгляд от мужчин, девочка учится подчинению. Она, скорее всего, столкнется с открытыми половыми домогательствами со стороны мужчин. Она будет испытывать нежелательные попытки мужчин завязать отношения и должна будет научиться реагировать положительно или отрицательно. Обучение такого рода не направлено на создание сильной и позитивной эмоциональной и половой личности у любой женщины. В рамках женского освобождения негативный образ себя, неуверенность в себе, беспокойство о внешнем виде, негативные эмоциональные модели в отношениях — все это привлекло внимание групп, повышающих уровень самосознания. Расцвет феминистской терапии вместо повышения уровня самосознания, поскольку движение утратило свою радикальную направленность, свидетельствует о срочности, с которой женщины стремятся преодолеть ограничения условий. Но негативное влияние этого обучения на наши половые чувства почти не исследовалось.

Половой акт рассматривался как нечто иное. Феминистки приняли основную идею революции сексуальности о том, что половая реакция является высшим благом. Согласно идеологии революции сексуальности, способ достижения половой реакции не имел большого значения или вообще не имел значения, пока она достигалась. Половой акт, как нам давали понять, был каким-то образом оторван от остальной жизни. Это был приятный сад наслаждений, на который не влиял внешний реальный мир и который, конечно, не влиял на работу реального мира. Поэтому тот факт, что женщины могли испытывать половые чувства, отражающие нежелательные эмоциональные реакции, которые они пытались изменить, не рассматривался как проблема. Проблема сексуальности для феминистки понималась как отсутствие

оргазма или правильного количества оргазмов. Мазохизма на повестке не было. Тот факт, что для многих женщин оргазм и мазохизм, особенно при мастурбации, были, по-видимому, неразрывно связаны, избегался или поддерживался.

Конструирование женского полового удовольствия стало предметом серьезных дебатов только с развитием феминистского вызова порнографии. Активистки, у которых были половые реакции на материалы, против которых они выступали, оказались в затруднительном положении. Было давление скрывать такие реакции из-за страха неодобрения. Активистки, утверждавшие, что никогда не испытывали никакой реакции на садомазохистский материал, казались возмущенными теми, кто испытывала ее. Как, в конце концов, возможно вести кампанию против чего-то, что вас возбуждает? Выступающие против порнографии встречали враждебность со стороны женщин, которые чувствовали себя виноватыми из-за своей реакции на порнографический материал и направляли свой гнев на говорящих о материале, а не на материал. Возникла необходимость объяснить, что половая реакция на порнографию вовсе не была необычной, не была причиной для вины или стыда и не исключала нашего гнева на порнографию. Можно было злиться на порнографию еще больше, потому что она показывала, в какой степени наше подчинение повлияло на те чувства, которые нас приучили считать нашими собственными.

Чтобы справиться с проблемой эротизации нашего подчинения, нам действительно нужен новый язык и новый способ категоризации наших половых чувств. В обществе после революции сексуальности существует культурное предположение, что половое возбуждение — это «удовольствие». Это делает особенно болезненным восприятие порнографии, которая ясно показывает унижение женщин, как возбуждающее. Мы чувствуем вину за то, что получили удовольствие или «наслаждались» угнетением женщин. В литературе либертарианок нет слова или категории для половой реакции, которая не является положительной, нет слова, которое позволило бы нам описать сложность наших чувств в такой ситуации. Это не случайность. Частью репертуара методов политического контроля является контроль языка. Трудно «думать» о вещах, для которых нет слова. Женщины не должны думать о половом акте неположительно. В отсутствие слова, которое могло бы отличить негативные половые чувства или опыт, либертарианки могут маркировать феминисток как «анти-секс». У них одномерный взгляд на половой акт как на нечто неизбежно хорошее. Таким образом, признаются только две позиции по сексуальности: за и против. Феминистский подход к вопросу желания требует изобретения нового языка. Нам нужно уметь описывать половую реакцию, которая является неоспоримо негативной.

Линда Гордон и Эллен Дюбуа дают нам пример путаницы, которую испытывают некоторые феминистки по поводу половой реакции женщин. Они либертарианки и считают половую реакцию позитивной и даже революционной для женщин. Они включают женскую способность к оргазму в свое описание того, как

женщины среднего класса девятнадцатого века участвовали в «сопротивлении, которое фактически бросало вызов» «половой системе», то есть предположительно репрессивной морали девятнадцатого века (Linda Gordon and Ellen Dubois, 'Seeking Ecstasy on the Battlefield: Danger and Pleasure in Nineteenth-century Feminist Sexual Thought'). По данным опроса того времени, эти женщины, по-видимому, испытывали оргазмы. Сорок процентов сообщили об оргазмах время от времени, двадцать процентов — часто, а сорок процентов — никогда. Поскольку мы можем предположить, что эти женщины находились в неисправленных угнетательских отношениях, трудно понять, как их оргазмы были «сопротивлением». Их оргазмы указывают на замечательную способность приспосабливаться к своему угнетению, чтобы находить в нем источник удовлетворения, но это очень отличается от сопротивления. Отсутствие оргазма было бы более уместно рассматривать как форму сопротивления в такой ситуации. В конце концов, именно отсутствие оргазма сексологи рассматривали как сопротивление мужской власти все это столетие.

Либертарианские феминистки, а также сексологи, у которых они черпают свое вдохновение, рассматривали половую реакцию как неизбежно положительную и в целом революционную, но когда мы смотрим на ситуации, в которых мужчины и женщины могут испытывать оргазм, этот подход следует поставить под сомнение. Мужчины испытывают оргазм, убивая женщин. Девочки и женщины могут испытывать оргазм во время изнасилования и полового насилия, а затем годами испытывать чувство вины и стыда за то, что «наслаждаются» тем, что с ними произошло. На самом деле тело способно на физиологические реакции, совершенно не связанные с эмоциональным состоянием «удовольствия». Аналогично разум может вызывать половую реакцию в ситуациях, когда такие слова, как «наслаждаться» или «удовольствие», совершенно неуместны. Большинство женщин, вероятно, имеют опыт пробуждения от эротических снов, включающих изнасилование или насилие, после которых чувствовали себя неуютно или подавленно. Это совсем не похоже на чувство благополучия, которое может быть связано с положительным половым опытом. Сексологи и их либертарианские наследницы предписали женщинам не доверять своим чувствам. В «Словаре любви» и «Радости секса» женщинам предлагается преодолеть свои «самозапреты» и переименовать свой дискомфорт в «удовольствие». Но если мы чутко прислушаемся к своим чувствам по поводу полового акта, а не будем грубо обращаться с ними из-за чувства вины или беспокойства о том, что мы ханжи, мы сможем разобраться, что является позитивным, а что негативным. Негативные чувства связаны с эротизированным подчинением или гетеросексуальным желанием.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ГЕТЕРОСЕКСУАЛЬНОГО ЖЕЛАНИЯ

В первые годы этой волны феминизма критиковались доминирующие и подчиненные роли гетеросексуальности. Наряду с доминирующей обеспокоенностью

возможностями полового удовольствия женщин и тем, как они были ограничены в отношениях с мужчинами, существовало реальное желание равенства. В 1980-х годах в феминистском сообществе, которое приняло использование термина «постфеминизм», этот поиск равенства в половом акте решительно оспаривается как некоторыми гетеросексуальными женщинами, так и некоторыми лесбиянками. Британская теоретикесса гетеросексуального феминизма Шейла Роуботам объяснила в 1984 году, почему она и некоторые другие феминистки отказались от попытки «эгалитаризировать» желание. Она говорит, что «моральная серьезность» потерпела неудачу, столкнувшись с «похотью, романтической фантазией, страхом старения, садомазохизмом». Самой серьезной причиной отказа от попытки эгалитаризировать желание был тот факт, что такое равенство не было эротичным. Она вспоминает опыт американской терапевтки, которая поощряла своих клиенток эгалитаризировать их отношения. Пары продолжали возвращаться к ней с новой проблемой, они были «неспособны вызвать желание. Любовь есть, но не желание» (Sheila Rowbotham, 'Passion off the Pedestal', March 1984).

Феминистки всегда с тревогой осознавали, что мужская половая страсть, скорее всего, угаснет, если отношения будут эгалитаризированы. Роуботам говорит нам, что это проблема и для женщин. В книге социологини Джесси Бернард 1972 года «Будущее брака» подробно рассматривается вопрос о трудностях мужчин с эгалитарным желанием. Она объясняет, что исследования, проведенные еще в 1950-х годах, показали, что поиск партнерского брака разрушает супружескую половую жизнь. Партнерские браки должны были основываться на равенстве.

> *…Верофф и Фелд начали поднимать тревожные вопросы о том, как идеология, ориентированная на равноправное партнерства, может повлиять на половую составляющую брака… они предполагали, что концепция «традиционных супружеских отношений [как] партнерских отношений может разрушить потенциал супружеской роли, позволяющий половую и межличностную активность». Другими словами, можно ли смешивать партнерство и половой акт? Будущее брака зависит от ответа (Jessie Bernard, The Future of Marriage, 1982).*

В соответствии с надеждами начала 1970-х годов Бернар отвечает: «Можно ли смешивать партнерство и половой акт? Мой собственный ответ: да, можно» (там же). Бернар не считала, что мужская связь власти и агрессии с половым актом является биологической или врожденной. Она считала эту связь связанной со статусом и с оптимизмом смотрела на перемены. Отказ женщин принять более низкий статус неизбежно заставлял мужчин трансформировать свои половые реакции в собственных интересах.

Но ответ Роуботам совсем другой. Она заключает, что феминистки, такие как она сама, которые пытались измениться, имели:

...слишком большую уверенность в том, что при изменении внешнего проявления, модели отношений, в которых мы испытываем желание, наши внутренние чувства автоматически встанут на место. Было несоответствие между открытой эгалитарностью и скрытыми стремлениями (Rowbotham).

Она рекомендует отказаться от задачи эгалитаризации желания в пользу признания «его способности удивлять, заставать нас врасплох». Затем она приступает к лирическому описанию того, что она считает характеристиками «желания».

Желание обладает способностью выводить нас за пределы здравого смысла. Это наш взгляд на необычайное. Это щель за пределами материального мира.

Взгляд, который нас по-прежнему объединяет. И в своей глупости желание, таким образом, является эгалитарным, не торжественным, публичным лицом эгалитарности, а внутренней открытостью, которая готова, как дура, шагнуть со скалы.

Правда, оно может приземлить нас с шишкою. Глупость, страх, смущение, унижение, насилие, кувыркающиеся с экстазом и блаженством. Желание — это риск, но такова же и свобода (там же).

Как феминистки, мы могли бы спросить, чего не делает Роуботам, кто извлекает выгоду из неэгалитарной природы желания при мужском превосходстве. Нас может беспокоить такая асимметрия в способах, которыми конструируются мужское и женское желание. Несмотря на все ее попытки придать желанию метафизический статус, который не должен подвергаться сомнению простыми смертными, феминистки считают, что желание существует не за пределами материального мира, а в нем, и формируется из материального неравенства между мужчинами и женщинами. Роуботам пытается скрыть, что «риск» желания заключается в том, что оно основано на эротизации подчинения женщин. Приравнивать «риск» желания к «риску» свободы — это подлый и довольно ловкий трюк. Вполне возможно, что некоторые женщины, как и множество мужчин, выберут свою способность испытывать определенную форму половой страсти вместо желания быть свободными, но это не одно и то же. Действительно, феминистский подход к половому акту предполагает, что женская свобода не может быть достигнута, в то время как некоторые людини, считающие себя радикальными и прогрессивными, ставят свое право получать удовольствие от отсутствия свободы у женщин выше задачи создания свободы.

Защита гетеросексуального желания в феминизме связана с тенденцией продвигать обоснованность гетеросексуальности как полового выбора и нападать на лесбиянок за то, что они подвергают ее сомнению. В середине 1980-х годов ряд авторок начали говорить о необходимости гетеросексуальности «выйти из шкафа» в

том смысле, что лесбиянки заставили гетеросексуальных женщин стесняться своих предпочтений. Это удивительно бесчувственный выбор термина, сравнивающий реальное угнетение лесбиянок с дискомфортом, который некоторые гетеросексуальные женщины, осознающие несоответствие своего «желания», могут чувствовать в рамках женского освобождения. Роуботам использует эту фразу, и из остальной части статьи становится ясно, что она определяет гетеросексуальность как эротизированное различие власти. Возрождение гетеросексуального желания или эротизированного различия во власти рассматривается такими женщинами как смелый выход из шкафа, в котором оно никогда не скрывалось. В садистском обществе гетеросексуальное желание действительно «выходит наружу» (See Mary Daly and Jane Caputi, Webster's First New Intergalactic Wickedary, 1987, p. 94. Daly and Caputi define the 'sadosociety' as: 'society spawned by phallic lust: the sum of places/times where the beliefs and practices of sadomasochism are The Rule').

Эйлин Филлипс — еще одна гетеросексуальная социалистическая феминистка, которая подтверждает конфликт и страх, связанные с гетеросексуальным желанием. Она описывает «желание» как:

> *...ненужное, иррациональное, излишнее — и также непреодолимое. Когда мы идем на встречу с желаемым, мы можем потеть, наши ноги — дрожать, наше сердце — биться быстрее – фактически, в поведении мы можем проявлять все симптомы страха. Тем не менее, это ощущается как захватывающе, так и страшно, сама странность производит особый вид ясности, которая часто ускользает от нас во многих других видах повседневной жизни (Eileen Phillips, The Left and the Erotic, 1983).*

Похоже, что желание здесь тоже не очень эгалитарно. Филлипс приводит это описание желания в сочетании с атакой на лесбийский феминизм как на «политику волюнтаризма и изгнания мужчин» и презирает попытки как лесбиянок, так и гетеросексуальных женщин оспорить центральность полового акта. Кажется, Филлипс, Роуботэм и другие подобные феминистки очень хорошо понимают, что половое влечение, связанное с гетеросексуальностью, — это эротизированное различие власти. Поскольку они отвергли лесбийскую альтернативу, у них нет выбора, кроме как нападать на лесбийских феминисток, которые предлагают убедительную критику их полового выбора. Лесбийские феминистки представляют собой проблему, поскольку они подвергают сомнению необходимость для любой женщины организовывать свою жизнь вокруг эротизации собственного подчинения.

Отход Роуботам от стремления к половому равенству не происходит в вакууме. Основной гетеросексуальный феминизм в Америке свидетельствует о похожем явлении. В мае 1986 года журнал «Ms» выпустил выпуск о здоровье под названием «Красота здоровья». Единственной статьей о половом акте в журнале было интервью с командой консультанток по половому акту, состоящей из мужа и жены, под

названием «Мершорер». Под названием «В погоне за большим "О"» статья давала женщинам советы, как достичь множественных оргазмов с помощью мазохизма. Можно было бы ожидать, что статья феминистского журнала о здоровье, посвященная половому акту, затронет некоторые из тех проблем, которые действительно мешают благополучию сексуальности женщин, такие как половое насилие, порнография и садомазохизм. На самом деле, сексологи не только не признают садомазохизм проблемой со здоровьем, но и рассматривают его как способ достижения полового здоровья.

Цель советов Мершореров — как получить не один оргазм, а до сотни. В книге Мершореров подробно описываются способы, с помощью которых некоторые женщины, испытывающие много оргазмов, достигают своего успеха. Эти способы включают в себя различные формы эротизированного подчинения, такие как ношение гендерно-фетишистской одежды и «сестру священника, которая жаждет рабства и группового полового акта» (Sarah Crichton, 'Going for the Big "O" ',May 1986). Но их объединяет способность «полностью отпустить». Оказывается, для этого требуется сдаться. И вот мы снова в 1950-х. Марк Мершорер объясняет:

> *Женщина где-то там там, конкурирует с мужчинами, привыкла охранять свои уязвимые места — ей приходится. Но требования в мире сильно отличаются от требований для получения удовольствия от занятий любовью. И это настоящее противоречие сегодня для многих женщин.*
>
> *Но — и это очень важная концепция для понимания женщиной — когда женщина отпускает, сдается, она отдает себя не своему партнеру, а природе. Она отдает себя себе (там же).*

Мершореры, похоже, знали, что дают интервью для феминистского журнала. Поэтому, хотя женщина по-прежнему сдается в строгом соответствии с сексологическими предписаниями, она больше не сдается мужчине, а «природе» и «себе». Это небольшое изменение не меняет конструкцию женской и мужской сексуальности, хотя может немного ее дезинфицировать. Мужчинам не советуют «сдаваться». Трудно понять, как половой акт, сконструированный под мужским превосходством, мог бы выжить, если бы мужчины пошли на капитуляцию. Мершоры говорят нам, что какие бы изменения феминизм и меняющиеся социальные реалии ни внесли в роль женщины за пределами спальни, внутри нее она должна продолжать играть, как и прежде.

Статья в журнале «Cosmopolitan» в 1985 году затрагивает те же темы, но уделяет еще меньше внимания феминизму, хотя «Cosmopolitan» имеет репутацию прогрессивного в теме сексуальности журнала. Статья «Половая капитуляция» стремится научить женщин, как достичь «удовлетворительной половой капитуляции». Это определяется как «когда мы принимаем — или сдаемся — нашим глубоким психологическим потребностям в связи, близости и полном выражении

нашей сексуальности» (Elizabeth Brenner, ‘Sexual Surrender’, October 1985). По мнению авторки, мужчины тоже могут и должны отдаваться в половом акте, но мужская и женская сексуальность различны, поэтому, очевидно, они не будут делать это так часто или тем же образом. Она объясняет:

> *В своих искренних попытках не быть сексистскими и мужчины, и женщины рискуют упустить из виду реальные различия между ними. Как пишет Джордж Гилдер в «Половом самоубийстве», «Нет никаких человеческих существ; есть только мужчины и женщины, и когда они отрицают свою разную сексуальность, они отвергают самые глубокие источники идентичности и любви. Они совершают половое самоубийство» (там же).*

Различия, которые женщины должны признать, — это старомодные различия мужской агрессии и женского подчинения. Мужская агрессия в значительной степени социально сконструирована, говорится в статье, но тем не менее неизменна, потому что «столетия биологического и культурного подкрепления научили мужчин продвигаться вперед, создавая, делая, завоевывая и контролируя», в результате чего мужчины «чувствуют себя агрессивными во время полового акта» (там же). Поэтому женщины должны принять традиционные гендерные роли в половом поведении, хотя они могут быть скорее фантастическими, чем реальными, поскольку в половом акте мужчина «кажется контролирующим», а женщина «кажется сдающейся».

Подобно Мершорам, авторка этой статьи демонстрирует осознание того, что такое предписание может показаться неуместным женщинам, воспитанным в мире феминизма и больших возможностей. Женщину уверяют, что она может быть освобождена в общественной сфере, пока она остается традиционной пассивной женщиной в спальне. Учитывая, что сексологи на протяжении всего двадцатого века были убеждены, что «капитуляция» в спальне не останавливается у двери спальни, а распространяется на все отношения с мужчиной и другие сферы жизни, то эта самая хваленая капитуляция на самом деле должна быть противоядием для феминизма. Женщины могут иметь больше возможностей, но пока они сдаются в постели, они не станут реальной угрозой мужским привилегиям. Соответственно, статья в «Cosmopolitan» предостерегает женщин, что, хотя «свобода получать равную оплату и удовлетворение через карьеру» стала «огромным прорывом», женщины не должны «отбрасывать старомодные радости женственности в придачу». Старомодные радости, как оказалось, заключаются в том, чтобы быть объектом мужского полового внимания в форме «бытия преследуемой, выбранной и обожаемой». Статья в «Cosmopolitan» завершается предупреждением, которое явно антифеминистское. Женщины не должны пытаться быть слишком равными.

> *Часть этих старомодных радостей — быть преследуемой, выбранной и обожаемой. Трудно преследовать того, кто уже преследует тебя. Хотя современные женщины все еще развивают свою способность брать на себя*

ответственность, возможность быть выбранной на роль той, которая сдается, потенциально является величайшим активом женщины (там же).

Возрождение гетеросексуального желания в феминизме после короткого периода, когда оно подвергалось сомнению, вписывается в садистский тон общества мужского превосходства. Женщины против порнографии в Нью-Йорке отмечают, что мужская порнография становилась все более и более жестокой и садистской в конце 1970-х и начале 1980-х годов. Андрогинность и унисекс конца 1960-х и начала 1970-х годов уступили место ярко выраженному гендерному фетишизму в моде и индустрии развлечений. Этот новый гендерный фетишизм гораздо более явно, чем фетишизм 1950-х годов, сосредоточен на насилии. Язык моды начала 1980-х годов в значительной степени зависел от черной кожи, цепей и наручников. В моде гораздо более заметна половая агрессия. Мини-юбки 1960-х годов выглядят привычными и домашними по сравнению с миниатюрными облегающими черными моделями конца 1980-х.

Как можно объяснить все более садистский тон культуры мужского превосходства? Он не может просто отражать правый поворот политики и движение к ядерной конфронтации рейганизма и тэтчеризма. Конечно, мужские ценности доминируют в культуре предпринимательства 1980-х годов, но 1950-е годы также были временем холодной войны и маккартизма, и такой открытый садизм не проник в культуру тогда. Эту новую агрессивную маскулинность можно объяснить как ответ на угрозу освобождения женщин, ответ, который стал возможен благодаря революции сексуальности, которая нормализовала мужскую половую агрессию. Это, безусловно, кажется эффективным, особенно в той мере, в какой оно просочилось в само движение за освобождение женщин.

ГОМОСЕКСУАЛЬНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Уничтожение гетеросексуального желания — необходимый шаг на пути к освобождению женщин. Свобода неделима. Невозможно сохранить небольшие части несвободы, например, в области сексуальности, потому что они доставляют некоторым людиням удовольствие, если мы серьезно хотим освобождения женщин. Сексуальность мужского превосходства строится на подчинении женщин. Если бы женщины не были подчиненными, то половой акт как эротизированное подчинение женщин был бы немыслим. Те, кто хочет бороться с феминистками, чтобы сохранить доминирование и подчинение, стоят на пути феминистской революции. Феминистская революция не «эротична», потому что она устранит те материальные различия во власти между полами, на которых основано эротизированное различие во власти. Чтобы сохранить садомазохизм, необходимо предотвратить прогресс женского освобождения. Поэтому нас не должно удивлять, что либертарианки начинают энергичные атаки на феминизм, лесбийский феминизм и лесбийский сепаратизм. Нас не должно удивлять, что либертарианки добились серьезного

замедления, а в некоторых случаях и уничтожения феминистских инициатив против насилия в отношении женщин. Феминистский вызов мужскому насилию не может процветать в гармонии с пропагандой садомазохистских ценностей женщинами, которые в некоторых случаях называют себя феминистками, а в других избегают вызова, прикрываясь радикальной личиной.

Феминистская борьба против мужского насилия требует реконструкции мужской сексуальности. Насилие и убийство женщин и девочек неотделимы от половой «фантазии» и порнографии. Отношения власти, существующие в мире, существуют не как результат природы, а как результат воображения и создания ее теми, кто извлекает из них выгоду. Подчинение женщин — это «мысль» в фантазии и практике полового акта. «Мысль» о половом подчинении женщин дает мощное подкрепление мужским чувствам доминирования и превосходства. Освобождение женщин невообразимо в этой ситуации, поскольку это нарушило бы возможности удовольствия. Но даже если мужчины не могут себе представить это, необходимо, чтобы мы это сделали. Если мы не можем себе представить свое освобождение, то мы не можем его достичь.

Мужская сексуальность должна быть реконструирована, чтобы разорвать связь между властью и агрессией и половым удовольствием. Только тогда женщины могут быть освобождены от ограничений, налагаемых на их жизнь и возможности мужской половой объективацией и агрессией. Удовольствие мужчин от подчинения женщин является мощным оплотом их сопротивления освобождению женщин. Реконструкция мужской сексуальности должна распространяться и на геев. Хотя они яростно пропагандируют эротизированное доминирование и подчинение как половой акт, они представляют собой серьезное препятствие на пути к освобождению женщин. Не следует ожидать, что мужчины, геи или гетеро, добровольно откажутся от удовольствия и привилегий, которые они получают от эротизированного подчинения женщин. Хотя некоторые из них способны к политической честности и работе против своих собственных интересов как класса, мы не можем ожидать, что это будет иметь место в каком-либо массовом масштабе.

Как женщины и лесбиянки, мы надеемся только на других женщин. Мы должны работать над созданием гомосексуального желания и практики как важнейшей части нашей борьбы за освобождение. Как бы важно гетеросексуальное желание ни было в нашей жизни, у всех нас будет некоторый опыт его противоположности. У нас будет опыт полового желания и практики, который не оставит нас с чувством преданности, полового желания и практики, которые эротизируют взаимность и равенство. Именно этот путь мы должны стремиться открыть, постепенно закрывая те реакции и практики, которые связаны не с половым «удовольствием», а с эротизацией нашего подчинения. Нам нужно развить чувствительные антенны для оценки нашего полового опыта. Ничего из этого не будет легким. Это потребует некоторых усилий, но никто не говорила, что путь к

нашему освобождению будет легким. Вопрос, который мы должны себе задать, заключается в том, хотим ли мы свободы или хотим сохранить гетеросексуальное желание. Феминистки выберут свободу.

Либертарианки пытаются превратить феминизм в движение за половое освобождение. Ти-Грейс Аткинсон ясно описала проблему еще в 1975 году в своей речи перед фронтом освобождения мазохисток, предшественниц садомазохистских лесбиянок 1980-х годов. Она объяснила:

> *Феминистки в настоящий момент находятся на грани по вопросу полового акта. Но я не знаю ни одной феминистки, достойной этого имени, которая, если бы ее заставили выбирать между свободой и половым актом, выбрала бы половой акт. Она бы каждый раз выбирала свободу (Ti-Grace Atkinson, 'Why I'm Against S/M Liberation' Against Sadomasochism, 1982).*

Она противопоставляет это заявленному выбору мазохистки в садомазохистской публикации: если мазохистке приходится выбирать между угнетением и целомудрием, то мазохистка считает целомудрие худшей альтернативой» (там же). Она утверждает, что «Ни при каких обстоятельствах женское движение не является движением за освобождение сексуальности», и объясняет, что «Раньше это была старая шутка левого истеблишмента о феминизме: феминистки — это просто женщины, которым нужно как следует потрахаться».

В интересах мужского правящего класса некоторые женщины теперь утверждают, что освобождение сексуальности и освобождение женщин аналогичны. Это должно быть особенно ясно из того факта, что освобождение сексуальности, к которому стремятся такие женщины, копирует надежды и мечты наших угнетателей. Это освобождение не «секса», а садомазохизма. Они стремятся получить больше удовлетворения от своего угнетения таким образом, который, как уверенно предсказывало столетие сексологической литературы, подчинит женщин. Мазохизм, считали сексологи, лишит женщин власти и сделает нас безвольными. Это заставило бы нас принять наше угнетение и прекратить борьбу с ним. Право смеяться последними над садомазохизмом лесбиянок или женщин, не достигших лесбийской ориентации, должен достаться мужскому истеблишменту. Женщин соблазнили принять замену их освобождения, которая призвана гарантировать, что они не смогут достичь освобождения. Цель сексологической индустрии на протяжении последнего столетия состояла в том, чтобы научить женщин эротизировать свое подчинение. Результатом, на который они надеялись, было то, что женщины тогда будут заинтересованы в продлении своего собственного угнетения и будут сопротивляться любым попыткам положить ему конец. Возрождение гетеросексуального желания среди некоторых бывших феминисток показывает, насколько успешными были сексологи. Они добились успеха в период ответной реакции на феминизм, но феминизм еще не умер полностью. Если мы хотим возродить движение за наше

освобождение, то мы должны начать работать над созданием эгалитарной сексуальности.

Наша борьба за освобождение не обязательно требует воздержания, хотя многие женщины выбирают этот путь, и это достойный выбор. Такая стратегия может вызвать только недоверие в обществе мужского превосходства, в котором половой акт был возведен в святыню. Половой акт свят из-за его роли как священного ритуала в отношениях доминирования/подчинения между женщинами и мужчинами. Значение, придаваемое половому акту, бросает вызов рациональности и может быть объяснено только этим политическим путем. Но мы также можем выбрать, как сделали многие из нас, работать над гомосексуальным желанием, если это подходит нашей жизни и отношениям. Мы должны помнить, что гомосексуальное желание не будет признано «сексом». У нас даже нет подходящих слов, чтобы описать его. Курс на эротизацию равенства и взаимности не получил наград от мужского превосходства или его сторонниц, но пришло время поделиться своей мудростью и опытом, узнать от феминисток и лесбиянок в нашей истории и гордиться тем, что отличает лесбийский опыт от культуры мужского превосходства.

Психоаналитики уничижительно описали лесбийство как «нарциссическую регрессию» (See the section on 'Sex and Psychology' in Dolores Klaich, Woman Plus Woman: Attitudes Toward Lesbianism, 1975). Это означает, что, любя свой пол, лесбиянки на самом деле любят себя и должны созреть, чтобы полюбить других, то есть мужчин. Нарциссизм рассматривается как нечто негативное и опасное. Фактически, психоаналитики обнаружили основу гомосексуального желания. В этой культуре это еретичность сознательного избегания ритуалов садомазохистского полового акта и выбора эротизации одинаковости и равенства. Различия расы и класса могут обеспечить различия в силе для эротизации даже в однополых отношениях. Лесбиянки, приверженные созданию эгалитарной сексуальности, должны быть готовы бросить вызов и этому, поскольку однополые отношения автоматически не гарантируют симметрию власти и привилегий. Неудивительно, что сексологи, которые посвятили себя построению гетеросексуального желания и с энтузиазмом относятся к лесбийскому садомазохизму, высмеивали лесбийскую любовь. Мы должны ценить то, что наши враги считают наиболее угрожающим.

Читательницы, считающие себя гетеросексуальными, вероятно, зададутся вопросом, может ли гомосексуальное желание вписаться в отношения противоположного пола. В обществе, которое не было бы основано на подчинении женщин, не было бы причин, почему этого не должно быть. Но мы не живем в таком обществе. Мы живем в обществе, организованном вокруг гетеросексуального желания, вокруг инаковости и разницы во власти. Трудно представить, какую форму приняло бы желание женщины к мужчине при отсутствии эротизированной разницы во власти, поскольку именно это обеспечивает эротичность гетеросексуальности сегодня.

Гетеросексуальность — это институт, посредством которого организовано общество мужского превосходства, и как таковое оно должно прекратить функционировать. На данном этапе трудно представить, какую форму примут любые отношения между разными полами, если такие отношения будут свободным выбором, если они не будут иметь никаких привилегий по сравнению с однополыми отношениями и если они не будут играть никакой роли в организации угнетения женщин и мужской власти. В такой ситуации, если гетеросексуальность больше не будет институтом, мы пока не можем быть уверены, что выберут женщины.

Рекомендуемая литература

Cameron, Deborah and Frazer, Liz, The Lust to Kill, Polity Press, Cambridge, 1987. Caputi, Jane, The Age of Sex Crime, The Women's Press, London, 1988.

Coveney, Lai et al. (eds), The Sexuality Papers, Hutchinson, London, 1984.

Dworkin, Andrea, Pornography: Men Possessing Women, The Women's Press, London, 1981.

Dworkin, Andrea, Letters from a War Zone, Seeker and Warburg, London, 1988. Faderman, Lillian, Surpassing the Love of Men, Junction Books, London, 1980.

Hite, Shere, The Hite Report, Summit Books, Sydney, Australia,1978.

Hoagland, Sarah Lucia, Lesbian Ethics, Institute of Lesbian Studies, Palo Alto, California, 1988.

Hoagland, Sarah Lucia and Penelope, Julia (eds), For Lesbians Only: A Separatist Anthology, Onlywomen Press, London, 1988.

Jeffreys, Sheila, The Spinster and Her Enemies: Feminism and Sexuality 1880-1930, Pandora, London, 1985.

Kappeler, Suzanne, The Pornography of Representation, Polity Press, Cambridge, 1986. Kitzinger, Celia, The Social Construction of Lesbianism, Sage Publications, London, 1987.

Linden, Robin Ruth et al. (eds), Against Sadomasochism, Frog in the Well Press, San Francisco, 1982.

Onlywomen Press (eds), Love Your Enemy, Onlywomen Press, London, 1981.

Raymond, Janice G., A Passion for Friends, The Women's Press, London, 1986.

Rhodes, Dusty and McNeill, Sandra, Women Against Violence Against Women, Onlywomen Press, London, 1985.

Russell, Diana, Rape in Marriage, Macmillan, New York, 1982.

Цитируемые работы

Adams, Stephen, The Homosexual as Hero in Literature, Vision Press, London, 1980. Atkinson, Ti-Grace, ‘Why I’m Against S/M Liberation’, in Linden, Robin Ruth et al.

(eds), Against Sadomasochism, Frog in the Well Press, San Francisco, 1982.

Bannister, Kathleen et al., Social Casework in Marital Problems, Tavistock Publications, London, 1955.

Barr, James, Quatrefoil, Alyson Publications, Boston, 1982.

Barry, Kathleen, Female Sexual Slavery, Prentice-Hall, Englewood Cliffs, NJ, 1979.

Bell, Alan P. and Weiberg, Martin S., Homosexualities: A study of diversity among men and women, Simon and Schuster, New York, 1978.

Bergler, Edmund, Neurotic, Counterfeit-Sex, Grune and Stratton, New York, 1951. Bernard, Jessie, The Future of Marriage, Yale University Press, New Haven, Ct., 1982. Bonaparte, Marie, Female Sexuality, Imago Publishing Co., London, 1953.

Boswell, John, Christianity, Social Tolerance and Homosexuality: Gay people in western Europe from the beginning of the Christian era to the fourteenth century, University of Chicago Press, Chicago and London, 1980.

Bowlby, John, Child Care and the Growth of Love, Penguin, London, 1974.

Brayshaw, Joseph, ‘The Stability of Marriage’, Eugenics Review, vol. 44, no. 2, July 1952.

Brecher, Edward M., The Sex Researchers, Panther, London, 1972.

Brenner, Elizabeth, ‘Sexual Surrender’, Cosmopolitan magazine, London, October 1985.

Brown, Helen Gurley, Sex and the single Girl, Bernard Geiss Associates, New York, 1962.

Brownmiller, Susan, Against Our Will: Men, Women and Rape, Sexker and Warburg, London, 1975.

Brunet, Ariane and Turcotte, Louise, ‘Separatism and Radicalism’, Lesbian Ethics, vol. 2, no. 1.

Burroughs, William, Cities of the Red Night, John Calder, London, 1981.

Burstyn, Varda (ed), Women Against Censorship, Douglas and McIntyre, Toronto, 1985. Calder, John (ed), A William Burroughs Reader, Picador, London, 1982.

Califia, Pat, ‘Feminism and Sadomasochism’ in Heresies, Sex Issue, vol. 3, no. 12, New York, 1981.

Campbell, Olwen, The Feminine Point of View: The Report of a Conference, Williams and Norgate, London, 1952.

Caputi, Jane, The Age of Sex Crime, The Women’s Press, London, 1988. Caprio, Frank, The Sexually Adequate Female, Citadel Press, New York, 1963.

Carpenter, Edward, The Intermediate Sex, George Allen and Unwin, London, 1921. Carpenter, Edward, Towards Democracy, George Allen and Unwin, London, 1921. Cavin, Susan, Lesbian Origins, Ism Press, San Francisco, 1985.

Chesser, Eustace, Love and Marriage, Pan Books, London, 1957. Chesser, Eustace, Odd Man Out, Victor Gollancz, London, 1959.

Chesser, Eustace, Sexual Behaviour: Normal and Abnormal, Roy Publishers, New York, 1949.

Comfort, Alex, Barbarism and Sexual Freedom. Lectures on the sociology of sex from the standpoint of anarchism, Freedom Press, London, 1948.

Comfort, Alex (ed), The Joy of Sex, Quartet, London, 1979. Comfort, Alex (ed), More Joy of Sex, Quartet, London, 1984.

Coote, Anna and Campbell, Beatrix, Sweet Freedom: The Struggle for Women's Liberation, Picador, London, 1982.

Coveney, Lal, Kay, Leslie and Mahoney, Pat, 'Theory into practice: sexual liberation or social control?' (Forum magazine 1968-81), in Coveney, L. et al. (eds), The Sexuality Papers, Hutchinson, London, 1984.

Cowell, Roberta, Roberta Cowell's Story: An Autobiography, Heinemann, London, 1954. Creeley, Robert (ed), Walt Whitman, Penguin, London, 1973.

Crichton, Sarah, 'Going for the Big "O" ', Ms magazine, New York, May 1986. Crisp, Quentin, The Naked Civil Servant, Fontana, London, 1981.

Daly, Mary and Caputi, Jane, Webster's First New Intergalactic Wickedary, The Women's Press, London, 1987.

Davis, Maxine, The Sexual Responsibility of Women, Fontana, London, 1965.

Dodson, Betty, Self Love and Orgasm, self-published by Betty Dodson, New York, 1983.

Dworkin, Andrea, Pornography: Men Possessing Women, Perigree, New York, 1981; The Women's Press, London, 1981.

Dworkin, Andrea, Letters from a War Zone, Seeker and Warburg, London, 1988.

Echols, Alice, 'The Taming of the Id: Feminist Sexual Politics, 1968-83', in Vance, Carole S. (ed), Pleasure and Danger, Routledge and Kegan Paul, London, 1984.

Ellis, Havelock, Erotic Symbolism: Studies in the Psychology of Sex, F. A. Davis, Philadelphia, 1926.

Ellis, Havelock, Sexual Inversion, F. A. Davis, Philadelphia, 1927.

Everywoman (eds), Pornography and Sexual Violence: Evidence of the Links, Everywoman, London, 1988.

Faderman, Lillian, Surpassing the Love of Men, Junction Books, London, 1980.

Ferenczi, Sandor, 'The confusion of tongues between the adult and the child', appendix to Masson, Jeffrey, The Assault on Truth: Freud's Suppression of the Seduction Theory, Farrar, Straus and Giroux, New York, 1984.

Finkelhor, David and Yllo, Kersti, License to Rape: Sexual Abuse of Wives, Holt, Rinehart and Winston, New York, 1985.

Finney, Brian, Christopher Isherwood: A Critical Biography, Faber, London, 1979. Flame, Flame: A Life on the Game, Gay Men's Press, London, 1984.

Forster, E. M., A Life to Come and Other Stories, Penguin, Harmondsworth, 1975.

Friedman, Leonard J., Virgin Wives: A Study of Unconsummated Marriages, Tavistock Publications, London, 1962.

Friedman, Scarlet and Sarah, Elizabeth (eds), On the Problem of Men, The Women's Press, London, 1982.

Fry, Margery, The Single Woman, Delisle, London, 1953.

Gay Left Collective (eds), Homosexuality: Power and Politics, Allison and Busby, London, 1980.

Girodias, Maurice, 'Obscenity and the Sexual Revolution', in The Obscenity Report, Olympia Press, Paris, 1971.

Goodman, Michael B., 'Contemporary Literary Censorship: The Case History of Burroughs' The Naked Lunch' Scarecrow Press, Metuchen, NJ, 1981.

Gordon, Linda and Dubois, Ellen, 'Seeking Ecstasy on the Battlefield: Danger and Pleasure in Nineteenth-Century Feminist Sexual Thought', in Vance, Carole S. (ed), Pleasure and Danger, Routledge and Kegan Paul, London, 1984.

Griffin, Susan, 'Rape: the All-American Crime', Oz magazine, issue 41, London, 1971.

Harding, Esther, The Way of All Women, Longman and Green, London, 1939. Hegeler, Inge and Stan, An ABZ of Love, New English Library, London, 1963.

Henslin, James M . and Sagarin, Edward (eds), The Sociology of Sex: An Introductory Reader, Schocken Books, New York, 1978.

Hoagland, Sarah Lucia and Penelope, Julia, For Lesbians Only: A Separatist Anthology, Onlywomen Press, London, 1988.

Hollibaugh, Amber, 'Desire for the Future: Radical Hope in Passion and Pleasure', in Vance, Carole S. (ed), Pleasure and Danger, Routledge and Kegan Paul, London, 1984.

Hutton, Laura, The Single Woman and Her Emotional Problems, Baillière, Tindall and Cox, London, 1937.

Hyde, Montgomery, A History of Pornography, Four Square Books, London, 1966. Isherwood, Christopher, Goodbye to Berlin, Hogarth Press, London, 1960.

Isherwood, Christopher, Christopher and His Kind, Eyre Methuen, London, 1977. J., The Sensuous Woman, Castle Books, Memphis, 1981 (first published 1969).

Jackson, Ed and Persky, Stan (eds), Flaunting It: A decade of journalism from Body Politic, Pink Triangle Press, Toronto, 1982.

Jackson, Margaret, 'Sexology and the universalisation of male sexuality', in Coveney,

L. et al. (eds), The Sexuality Papers, Hutchinson, London, 1984.

Jay, Karla and Young, Allen (eds), Lavender Culture, Harcourt Brace Jovanovich, New York, 1978.

Jeffreys, Sheila, 'The Sexual Abuse of Children in the Home', in Friedman, Scarlet and Sarah, Elizabeth, On the Problem of Men, The Women's Press, London, 1982.

Jeffreys, Sheila, The Spinster and Her Enemies: Feminism and Sexuality 1880-1930, Pandora, London, 1985.

Johnston, Jill, Lesbian Nation: The Feminist Solution, Simon and Schuster, New York, 1973.

Kaplan, Helen Singer, The New Sex Therapy, Baillière, Tindall, London, 1974.

Kappeler, Suzanne, The Pornography of Representation, Polity Press, Cambridge, 1986.

Kern, Louis J., 'Ideology and Reality: Sexuality and Women's Status in the Oneida Community', Radical History Review, no. 20, Spring/Summer 1979.

Kirk, Kris and Heath, Ed, Men in Frocks, Gay Men's Press, London, 1984.

Kitzinger, Celia, The Social Construction of Lesbianism, Sage Publications, London, 1987.

Klaich, Dolores, Woman Plus Woman: Attitudes to Lesbianism, New English Library, London, 1975.

Koedt, Anne, 'The Myth of the Vaginal Orgasm', in The Radical Therapist Collective (ed), The Radical Therapist, Penguin, Harmondsworth, 1974.

Kokken, Sha, The Way to Married Love: A Happier Sex Life, Souvenir Press, London, 1967 (first published Japan 1960).

Kronhausen, Eberhard and Phyllis, Pornography and the Law, The New English Library, London, 1967.

Leeds Revolutionary Feminist Group, 'Political Lesbianism: the case against heterosexuality', in Onlywomen Press (eds), Love your Enemy, Onlywomen Press, London, 1981.

Lloyd, Robin, Playland: A Study of Human Exploitation, Quartet, London, 1979.

London Gay Activists Alliance, 'Child temptress chased man to bed', Submission to the Royal Commission on Criminal Procedure, April 1979.

Lothstein, Leslie Martin, Female-to-male Transsexualism, Routledge and Kegan Paul, Boston and London, 1983.

Lovelace, Linda, Ordeal, W . H . Allen, London, 1981.

Lydon, Susan, 'The Politics of Orgasm', in Morgan, Robin (ed), Sisterhood is Powerful, Vintage Books, New York, 1970.

Mace, David, Marriage Crisis, Delisle, London, 1948.

MacKinnon, Catharine, 'Not a Moral Issue', in Yale Law and Policy Review, vol. II, no. 2, Spring 1984.

Masson, Jeffrey Moussaieff, The Assault on Truth: Freud's suppression of the seduction theory, Farrar, Straus and Giroux, New York, 1984.

Masters, William H. and Johnson, Virginia E., Human Sexual Inadequacy, Bantam Books, Boston, 1981.

Masters, William H. and Johnson, Virginia E., The Pleasure Bond. A New Look at Sexuality and Commitment, Little, Brown, Boston, 1974.

Metcalf, Andy and Humphries, Martin, The Sexuality of Men, Pluto Press, London, 1985.

Middleton, Warren (ed), The Betrayal of Youth, CL Publications, London, 1986. Millett, Kate, Sexual Politics, Virago, London, 1977.

Moody, Roger, Indecent Assault, Word is Out/Peace News, London, 1980.

Moore, Thomas V., 'The pathogenesis and treatment of homosexual disorders: a digest of some pertinent evidence', Journal of Personality, vol. XIV , Sept. 1945.

Mottram, Eric, William Burroughs, Calder and Boyars, London, 1977. Morgan, Robin, Sisterhood is Powerful, Vintage Books, New York, 1970. Morris, Jan, Conundrum, Coronet Books, London, 1975.

Mushroom, Merill, 'Confessions of a Butch Dyke', Common Lives, Lesbian Lives, Iowa, no. 9, Fall 1983.

Nabokov, Vladimir, Lolita, Corgi Books, London, 1961. Nestle, Joan, A Restricted Country, Sheba, London, 1988.

Neville-Rolfe, Sybil (ed), Sex in Social Life, George Allen and Unwin, London, 1949.

Norman, H . E. 'Why Marriages Fail – the social aspect', in Neville-Rolfe, Sybil (ed),

Sex in Social Life, George Allen and Unwin, London, 1949.

O'Carroll, Tom, Paedophilia: The Radical Case, Peter Owen London, 1980. Onlywomen Press (ed), Love your Enemy, Onlywomen Press London, 1981. Phillips, Eileen, The Left and the Erotic, Lawrence and Wishart London, 1983.

Radicalesbians, 'The Woman-Identified Woman,' in Brown, Phil (ed), Radical Psychology, Tavistock Publications, London 1973.

Raymond, Janice G., A Passion for Friends, The Women's Press, 1986.

Raymond, Janice G, The Transsexual Empire, The Women's Press, London, 1982. Raymond, Janice G., 'Transsexualism: The Ultimate Homage to Sex-Role Power' in

Crysalis no. 3.

Rechy, John, The Sexual Outlaw, Futura, London, 1979.

Reich, Wilhelm, The Sexual Struggle of Youth, Socialist Reproduction, London, 1972. Rembar, Charles, The End of Obscenity, Andre Deutsch London, 1969.

Reuben, David, Everything you always wanted to know about sex but were afraid to ask, W. H. Allen, London, 1970.

Rich, Adrienne, 'Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence', in Snitow et al. (eds), Desire: The Politics of Sexuality, Virago, London, 1984.

Riddell, Carol, Divided Sisterhood, News From Nowhere, Liverpool, 1980. Riefenstahl, Leni, People of Kau, Harper and Row, New York, 1976.

Rhodes, Dusty and McNeill, Sandra, Women Against Violence Against Women, Onlywomen Press, London, 1985.

Robinson, Paul, The Sexual Radicals, Paladin, London, 1972.

Rowbotham, Sheila, 'Passion off the Pedestal', in City Limits magazine, no. 126, March 2-8, London, 1984.

Rubin, Gayle et al., 'Talking Sex', Feminist Review, no. 11, Summer, London, 1982.

Rubin, Gayle, 'Thinking Sex: Notes for a Radical Theory of the Politics of Sexuality', in Vance, Carole S. (ed), Pleasure and Danger, Routledge and Kegan Paul, London, 1984.

Rubin, Gayle, 'The Leather Menace', in Samois (ed), Coming to Power, Alyson Publications, Boston, 1982.

Rush, Florence, 'The Sexual Abuse of Children: A Feminist Point of View', in The Radical Therapist Collective (eds), The Radical Therapist, Penguin, Harmondsworth, 1974.

Russell, Diana, Rape in Marriage, Macmillan, New York, 1982. Samois (ed), Coming to Power, Alyson Publications, Boston, 1982.

Sarachild, Kathie, 'Psychological Terrorism', in Redstockings (ed), Feminist Revolution, Random House, New York, 1975.

Sarah, Elizabeth, 'Christabel Pankhurst: Reclaiming Her Power', in Spender, Dale (ed), Feminist Theorists, The Women's Press, London, 1983.

Segal, Lynne, Is the Future Female? Troubled Thoughts on Contemporary Feminism, Virago, London, 1987.

Severson, Anne, 'Don't Get Too Near the Big Chakra', in Rowe, Marsha (ed), The Spare Rib Reader, Penguin, London, 1982.

Sherfey, Mary Jane, 'A Theory on Female Sexuality', in Morgan, Robin (ed), Sisterhood is Powerful, Vintage Books, New York, 1970.

Smith, Blanche Marie, The Single Woman of Today, Greenwood Press, Westport, Ct., 1974.

Snitow, Ann et al. (eds), Desire: the Politics of Sexuality, Virago, London, 1984.

Snitow, Ann, 'Retrenchment versus Transformation: The Politics of the Antipornography Movement', in Burstyn, Varda (ed), Women Against Censorship, Douglas and Mclntyre, Toronto, 1985.

Spada, James, The Spada Report, Signet New American Library, New York, 1979.

Stekel, Wilhelm, Frigidity in Woman in Relation to her Love Life, Vol. 2, Liveright, New York, 1936.

Sutherland, John, Offensive Literature: Decensorship in Britain 1960-1982, Junction Books, London, 1982.

Talese, Gay, Thy Neighbour's Wife, Pan Books, London, 1981. Trainer, Russell, The Lolita Complex, Citadel Press, New York, 1966. Tsang, Daniel (ed), The Age Taboo, Alyson Publications, Boston, 1981. Ullerstam, Lars, The Erotic Minorities, Grove Press, New York, 1964.

Vance, Carole S. (ed), Pleasure and Danger: Exploring Female Sexuality, Routledge and Kegan Paul, London, 1984.

Walker, Kenneth, 'Why Marriages Fail – the personal aspect', in Neville-Rolfe, Sybil (ed), Sex in Social Life, George Allen and Unwin, London, 1949.

Walker, Kenneth, The Psychology of Sex, Penguin, Harmondsworth, 1969.

Walter, Aubrey (ed), Come Together: The Years of Gay Liberation 1970-73, Gay Men's Press, London, 1980.

Ward, Elizabeth, Father-Daughter Rape, The Women's Press, London, 1984.

Watney, Simon, Pornography, Aids and the Media, University of Minnesota Press, Minneapolis, 1987.

Webster, Paula, 'Pornography and Pleasure', in Heresies, Sex Issue, vol. 3, no. 12, New York, 1981.

Weeks, Jeffrey, Coming Out, Quartet, London, 1977.

Weeks, Jeffrey, Sexuality and its Discontents, Routledge and Kegan Paul, London, 1985. Weeks, Jeffrey, Sex, Politics and Society, Longmans, London,1981.

Whiting, Pat, 'Female Sexuality: its political implications', in Wandor, Michelene (ed),

The Body Politic: Women's Liberation in Britain, Stage One, London, 1972.

Williams, Gertrude, Women and Work, Essential Books, New York, 1945; series written for the citizens of Britain.